



Blue Moon
СЕРИЯ - ГОЛУБАЯ ЛУНА

У. ПРЭЖЕМ
КОРДЕЛИЯ

A R T D E S I G N

Annotation

Трогательная история любви девушки, наделенной замечательной красотой и независимым характером, чья способность любить и радоваться жизни осталась не востребованной в Англии Викторианской эпохи.

...Став второй женой Брука Фергюсона из Гроув-холла, Корделия быстро освоилась со своими обязанностями: успешно вести хозяйство, заботиться о муже и слушаться свекра. Этот странный брак мог бы тянуться неопределенное время, если бы в жизнь девушки не вошел Стивен Кроссли. И хотя Корделия признавала строгую мораль своего времени, она нашла в себе мужество ответить на любовь Стивена и бесстрашно встретить последствия...

Написанный в лучших традициях жанра роман увлекателен, остроумен, отличается изяществом стиля и точностью временных и психологических характеристик.

- [Уинстон Грэхем](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [КНИГА I](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [КНИГА II](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)

- [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)
 - [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
 - [КНИГА III](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [КНИГА IV](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
-

Уинстон Грэhem

Корделия

ПРОЛОГ

До сих пор на облицовке камина, примерно в двух футах от основания, можно разглядеть нанесенную острым ножом либо инструментом для резьбы надпись: "КОРДЕЛИЯ, 1869". Незатейливые буквы выведены аккуратным, явно не детским почерком; впрочем, последняя немного отстает от остальных, да цифры нацарапаны с меньшим тщанием, словно рука резчика устала от работы.

Все в старом доме покрылось толстым слоем пыли: очевидно, его давно не использовали по назначению. Но имя и дата в комнате верхнего этажа по-прежнему разборчивы. Две ноты — словно камертон, эхо ушедших лет: "КОРДЕЛИЯ, 1869". Но что послужило причиной их появления на свет? Девичий каприз? Или вызов времени, старческая попытка оставить по себе память, пока вконец не одряхлела рука?

Это просторная квадратная комната с высоким потолком, широкими, выходящими на южную сторону окнами в деревянном переплете и дверью в гардеробную. Жалюзи и поныне в хорошем состоянии, а бронзовые бра накрепко привинчены к облупившимся стенам. Дверь и оконные рамы сделаны из клена. С заплесневелого потолка свисает голая, без абажура, электрическая лампочка.

Нетрудно вообразить эту комнату такой, какой она была в те далекие времена, представить себе людей, которые жили, любили и вели здесь разговоры — соблюдая привычный ритм, послушные своей эпохе и традициям, похожие и непохожие на нас, звенья одной вечной цепи. Мы смотрим на них, как сквозь дымку — не пыли, но разницы мировоззрений.

Итак, перед нами — особняк времен королевы Виктории, в котором давно уже никто не живет; и перед нами — имя, как символ минувших дней, память о женщине, бросившей вызов неумолимому ходу времени. Кто эта женщина? Неужели ее неповторимая индивидуальность, волнующие подробности ее жизни канули в Лету, навсегда погребены под слоем пыли? Не совсем. Потому что в момент появления этой надписи Корделия была молода.

КНИГА I

Глава I

Четырнадцатого марта тысяча восемьсот шестьдесят шестого года скончалась первая жена Брука Фергюсона, а пятого апреля он начал поиски новой.

Если бы это зависело от самого Брука, он предпочел бы повременить: выждать несколько лет, все хорошенько обдумать и взвесить, прикинуть, каковы будут последствия того или иного поступка. Существовали и внешние аргументы в пользу такого образа действий: нахмуренные брови ревнителей традиций; слишком свежие воспоминания; растерянность и, может быть, даже скорбь. Да, скорбь — потому что нельзя прожить с женщиной шесть лет и не почувствовать себя связанным с нею.

Но от него это не зависело.

— Брук, — обратился к нему отец в понедельник после ужина, когда отпустили слуг и тетя Летиция пошла за своим шитьем, а дядя Прайди — кормить своих питомцев, — Брук, я надеюсь, ты не собираешься вечно оплакивать безвременную кончину бедняжки Маргарет?

— Нет, папа, — тонкие, длинные пальцы Брука выбили нервную дробь на ручке кресла.

— После смерти твоей матери, — сказал мистер Фергюсон, — только утешение, которое дарует церковь, спасло меня от отчаяния. Двадцать восемь лет! Если рушится связь, долгое время служившая тебе опорой, это тяжелейшее испытание для мужчины. Тебе тогда было девятнадцать, и вряд ли ты в полной мере осознал...

— Я осознал, папа, — еле слышно выговорил Брук, и его глаза увлажнились. — На свете не было и нет другой такой женщины, как мама. Она меня понимала. Разделяла мои мечты и надежды.

— Со временем, — продолжал мистер Фергюсон, — я понял, благодарение Господу, что скорбеть по усопшим значит проявлять неуважение к Его воле. На нас лежит ответственность перед живыми. В один прекрасный день мы с твоей матерью соединимся навек. А до того назначенного времени я должен влачить свой одинокий жребий.

Брук встал и заложил руки в карманы.

— Свой одинокий жребий, — повторил мистер Фергюсон и слегка наклонил седую голову. Хорошо сказано!.. Он продолжил: — Но у тебя совсем другой случай.

— Да — если говорить о силе горя. Хотя я любил Маргарет. У нее

были свои недостатки, однако...

— Ты еще молод, — мистер Фергюсон надул губы и окинул критическим взором худую фигуру сына с немного сутулыми плечами. — У тебя все впереди. Разумеется, в твоем положении естественно горевать. Однако не в ущерб будущему. Маргарет не потребовала бы этого. И никто не ожидает, что ты похоронишь себя заживо.

— Я и не собираюсь, — защищался Брук. — Разве я не работаю столько же, сколько и при ее жизни? Нет, я не думаю, что даю повод для нареканий. В конце концов, прошло всего две недели, как мы ее похоронили, и, кажется...

Он собирался закончить мысль так: "И, кажется, я держусь молодцом", — но у него, по обыкновению, ускользнул конец фразы.

Фредерик Фергюсон встал.

— Мой мальчик, я ни на минуту не усомнился в твоем мужестве. Оно достойно восхищения, и я глубоко уважаю тебя за это. Но, принимая близко к сердцу твои интересы...

— Да-да, конечно, — поспешил согласиться Брук.

— Принимая близко к сердцу твои интересы и обладая большим жизненным опытом, позволю себе дать совет. У тебя мягкая, чувствительная натура. Поэтому я и взял на себя труд поговорить с тобой.

— Конечно, папа.

Мистер Фергюсон подошел к столику с напитками и наполнил два бокала.

— Я стар, Брук. Надеюсь, ты отдаешь себе в этом отчет?

— О нет.

— Стар для активной жизни, какую привык вести. В шестьдесят четыре года уже не чувствуешь уверенности в завтрашнем дне.

— В любом возрасте трудно быть уверенным в завтрашнем дне, — возразил Брук, думая о покойной Маргарет, которая еще недавно делила с ним ложе. Ее шаги, голос и нервное покашливание до сих пор звучали у него в ушах.

— Я знаю. Но в мои годы — особенно. А когда меня не станет, вся ответственность падет на твои плечи.

Мистер Фергюсон поставил бокал с портвейном на стол и впился взглядом в бархатные, задумчивые, как бы глядящие внутрь себя, карие глаза сына. Тот отвел взгляд.

— Конечно — в какой-то мере.

— В огромной мере, Брук. Управление производством. Процветание наших фабрик и непрерывность производственного процесса.

Поддержание дома в хорошем состоянии. Благополучие твоих тети и дяди, если они меня переживут. И многое, многое другое. Когда-то я надеялся, что Маргарет станет твоей помощницей.

— Как-нибудь справлюсь.

— Я не хочу, чтобы ты "как-нибудь справлялся". Мне нужно быть уверенным в будущем — твоим и всего, что мне дорого. Ты должен твердо стоять на ногах. Не скрою: кое-что в твоём браке с Маргарет принесло мне разочарование.

Портвейн придал Бруку храбрости, сгладил внутренние противоречия, помог забыть о былых поражениях.

— Я знаю. Но не ты один был разочарован. Мы с Маргарет тоже.

Снова взяв бокал, мистер Фергюсон подошел к незанавешенному окну. Отсюда ему было видно, как скользит газовый свет по лужайке, покрытой пожухлой, еще прошлогодней травой, и по мокрой листве лавров и рододендронов.

— Как бы я ни восхищался Маргарет, — снова заговорил мистер Фергюсон и смахнул с жилета крошку-другую. Он принадлежал к тем людям, которые подразумевают больше, чем произносят их уста. — Как бы я ни восхищался Маргарет... Она была настоящая леди и принесла в наш дом дух аристократизма, которого ему недоставало. Зачем скрывать? Мы — умные, образованные люди, но у нас нет корней, нет связей в высшем обществе. Для всего этого нужно время. Конечно, нас принимают везде, где только стоит бывать, — он обернулся и встретил тоскливый взгляд сына. — Но когда я заметил, что ты проявляешь к ней интерес, я подумал, что это превосходная партия. Старинный чеширский род со связями во всем графстве. Я надеялся, что твой сын...

— Вчера ее братец вел себя по-хамски, — пожаловался Брук. — Все время делал гнусные намеки: как будто...

— Пусть у тебя не болит голова из-за Дэна. Пьянство доведет его до рабочего дома. Казалось бы, можно было ожидать некоторой благодарности... Не обращай внимания, Брук. Как только начнутся скачки, он забудет о своем безутешном горе.

— Кажется, даже его мать считает, что Маргарет была здесь несчастна. Я знаю, папа, вы с Маргарет изредка ссорились, но эта женщина утверждает, будто ей всегда было плохо в нашем доме.

— Ну, знаешь, было бы чересчур — требовать, чтобы они признали очевидное, а именно, что Маргарет была крайне болезненной женщиной, которой не следовало выходить замуж. Разве я не прав? Боюсь, что через десять лет Мод станет такой же.

Брук обвел глазами просторную, немного мрачноватую гостиную. Его взгляд упал на собственное отражение в зеркале над камином, потом натолкнулся на любимое кресло Маргарет, и Брук на мгновение представил ее сидящей в этом кресле — с тугим узлом черных волос, черными глазами и нежными, всегда немного влажными руками.

— Я не удивлюсь, если мы больше никогда не увидим никого из Мэссингтонов, — произнес Брук, нервно покусывая заусеницу. — Все это так несправедливо. В душе они снобы — все до единого.

— Ну и пусть катятся. Это даже к лучшему. Когда ты снова женишься, тебе будет неприятно встречаться с ними.

— *Когда яженюсь?* — Брук издал нервный смешок: такая мысль, да еще прямо высказанная, застигла его врасплох. — *Если яженюсь...*

Фредерик Фергюсон повернулся к сыну.

— Я хочу, чтобы ты женился, Брук. И поскорее.

— Но почему? — портвейн снова подвигнул Брука на вызов.

— Я уже говорил.

— Полагаю, на это потребуется время. Не вижу необходимости спешить.

— Тебе должно быть абсолютно ясно: я хочу, чтобы ты вступил в новый брак.

— У меня нет девушки на примете.

— Неважно. Многие почтут за честь выйти за тебя.

— Ты так думаешь? — с невольным интересом спросил Брук.

— Конечно. Кто же откажется от денег, положения в обществе и доброго, покладистого мужа? Даже чересчур покладистого.

В этих словах слышались отголоски давнего спора, но Брук пропустил их мимо ушей.

— Может быть. Я не знаю.

— Никаких "может быть", мой мальчик. Ты можешь сделать блестящий выбор — и сделаешь его.

Больше в этот вечер ничего не было сказано. Однако зерно упало в землю.

* * *

В пасхальное воскресенье мистер Фергюсон оказался не слишком занят (редкое и не особенно приятное явление), и его бьющая ключом

энергия, благодаря которой ему удавалось каждые пять лет удваивать семейный капитал и которая сделала его одним из выдающихся членов либеральной партии, а также потребность извлекать из каждого часа жизни максимальную пользу побудили его вновь коснуться этой темы.

После обеда вся семья собралась в гостиной. Брук исполнял ноктюрны Филда, тетя Летиция клевала носом над тамбурной вышивкой, а дядя Прайди перелистывал ноты сочиненной им утром музыки. Они слишком плотно пообедали, и теперь их разморило — всех, кроме Фредерика Фергюсона, который ел больше остальных. Казалось, у него, как у ребенка, пища немедленно переходит в энергию.

Он несколько минут постоял возле фортепьяно, следя за тем, как пальцы Брука летают по клавишам. Сам мистер Фергюсон не разбирался в музыке, но понимал, что его сын играет так же, как делает все на свете: без особого блеска. Дело не в технике, а в отсутствии темперамента.

По окончании пьесы мистер Фергюсон спросил:

— Ты подумал о том, что я сказал тебе позавчера вечером?

Брук беспокойно оглянулся на тетю с дядей.

— Нет еще.

— А следовало бы. От этого зависит твое собственное благополучие и, косвенным образом, мое.

Брук задумчиво перелистывал ноты.

— Это может подождать.

— Непосредственные действия — да. Но не мысли. Такой шаг требует всестороннего и заблаговременного обдумывания.

— Не понимаю, как можно что-то обдумывать, когда еще никого нет на примете.

— Разве твои друзья не могут с кем-нибудь тебя познакомить?

Его друзья... Считать ли таковыми молодых людей, которые изредка наезжали к ним в гости и чьих сестер он встречал в Атенеуме? Не обращать же, в самом деле, внимание на закутанных в шали дочерей бедняков, работавших на их фабриках!

На выручку пришла тетя Летиция.

— Слушай, Фредерик, дай мальчику поиграть. Не мешай, пожалуйста. Музыка так успокаивает нервы!

Фредерик Фергюсон, как обычно, пропустил реплику сестры мимо ушей. Что с нее взять?

— В среду вечером хор церкви Сент-Джеймса будет исполнять "Мессию". Ты поедешь, Брук?

— Наверное...

Маргарет похоронена в Олдерли. Ничто не мешает ему посетить церковь Сент-Джеймса.

— А мне не хочется, — дядя Прайди потряс бородой. — У их теноров металлические голоса, а вместо контральто коровье мычание. Уж я-то знаю. Эта вещь по зубам только профессиональным исполнителям.

— В последнее время хор стал значительно лучше, — возразил Фредерик, частично обращаясь к Прайди, а частично — к сыну, со значением.

— Я и не знал, Фредерик, — сказал Прайди, — что ты равнодушен к музыке. Приезжай в следующий раз в "Джентльмен Концерт-Холл". Карл Халле покажет тебе, что такое настоящая музыка.

— Проводи меня, Брук.

Молодой человек поднялся с места, и они вышли в перегруженную мебелью прихожую.

— Итак, в среду, — сказал отец. — Присмотрись к первому ряду. С нашего места будет хорошо видно. В той семье две или три взрослые дочери. Конечно, это тебя ни к чему не обязывает.

Брук пристально посмотрел на отца. Все в нем восставало против этого предложения. Дело даже не в недавней утрате. Просто он от рождения боялся решительных действий.

— Я их знаю? — выдавил он из себя.

— Вряд ли ты с ними где-нибудь встречался. Разве что видел в церкви.

— Как их фамилия?

— Кажется, Блейк. Многодетная семья.

— Нет, это мне ничего не говорит, — с облегчением, словно взяв трудный барьер, вымолвил Брук. — Куда ты собрался?

— Просто прогуляться. Тебе тоже не помешало бы заняться физическими упражнениями, вместо того, чтобы горбиться в кресле у камина.

— Сегодня ненастная погода.

— У их отца часовая мастерская на Оксфорд-Роуд.

— Мастерская? — Брук был ошеломлен. — Это что-то новое — после Мэссингтонов из Олдерли-Эджа.

— Мой мальчик, не принимай близко к сердцу. Это всего лишь смутное предположение. А миссис Блейк — образованная женщина. Кажется, она вышла замуж не за ровню.

— И мне предстоит последовать ее примеру?

— Как я уже говорил, знатное происхождение не гарантирует семейное счастье. Тебе самому решать. Если бы можно было воскресить

Маргарет... но это не в человеческих силах. А раз так, нужна ли нам еще одна больная? У нас много денег, это тебе известно. У тебя большой и абсолютно свободный выбор. — Фредерик Фергюсон потрепал сына по плечу. — Это всего лишь предположение. Ты волен пропустить его мимо ушей.

Он открыл дверь и, выйдя из дому, повернул в ту сторону, где жил его приятель, мистер Слейни-Смит, который, не будучи священником, знал, тем не менее, подноготную семейства Блейков.

Глава II

Когда Брук с отцом вошли в приходскую церковь Сент-Джеймса, там уже было полно народу. Они оказались единственными представителями семьи Фергюсонов, Прайди наотрез отказался пойти, а что касалось тети Летиции, то Фредерик Фергюсон лично отговорил ее. Он заботился о сестре, но предпочитал не показываться вместе с ней в общественных местах. Есть же предел человеколюбию.

Они прошли вдоль всего прохода — одетые в черные сюртуки и держа в руках глянцевиые черные шляпы с широкой траурной каймой из крепа. В Бруке было пять футов восемь дюймов роста, Фредерик был повыше — шесть футов один дюйм — и посолиднее. Прихожане шептались им вслед, а один шутник пробормотал: "Можно начинать службу: Фергюсоны на месте!"

Церковь была убрана в честь Пасхи, и, выстроившись в несколько шеренг, хор оказался в обрамлении нарциссов, примул и зеленых пучков мха, принесенного заботливыми прихожанами. Обычно он состоял из одних мужчин, но в особых случаях к ним присоединялись один-два ряда молодых женщин и девушек. С постоянной скамьи Фергюсонов были хорошо видны лица дам — сияющие, ухоженные, в нарядных капорах. Женщины праздно перебирали пальцами ноты и опускали глаза.

Брук и ждал, и боялся этого вечера. Рядом с ним тяжело пыхтел отец, устраиваясь на скамье. Всякий раз, когда мистеру Фергюсону нужно было на людях занять неподвижное положение, ему приходилось делать над собой колоссальное усилие: с таким трудом давалось ему вынужденное безделье. Взгляд Брука блуждал по первым рядам хора. Он женился в двадцать один год и до знакомства с Маргарет ни разу не встречался ни с одной девушкой. Маргарет — совсем другое дело. Со временем она перестала подпадать под общую категорию женщин — загадочных, недостижимых существ; она была его женой, специально созданной для него природой.

Если он снова женится, придется начинать все сначала. На каждом шагу его будут ждать новые сложности и проблемы. Эти мысли, взятые сами по себе, были способны отвратить его от нового брака. Но вообще-то он любил бывать в обществе дам, беседовать с ними и время от времени тешился романтическими мечтами о том, как бы найти во второй жене нежность, доброту, понимание и тонкость чувств — присущие Маргарет,

высоко ценимые им, добродетели.

Началась оратория. В этот день выступали два новых солиста, и Брук подумал, что, услышь их дядя Прайди, ему пришлось бы подавить профессиональное самолюбие и признать несомненную одаренность певцов.

Музыка творила с Бруком чудеса. Им овладели сладкие грезы; в воображении одна за другой возникали яркие и живые картинки недавнего прошлого.

Вспомнилось венчание с Маргарет в этой самой церкви. Невеста была немного бледна в своей фате с флердоранжем. Гости обменивались полупрезрительными улыбками: здесь сошлись две волны, представители двух слоев общества — аристократы и коммерсанты. Вспомнился Дэн — высокий, худощавый циник — и мать Маргарет, со скрипучим голосом и разговорами о старинных кружевах. Медовый месяц в Файли, прогулки меж скалами, а потом — усталость, тревога и разочарование. Но ведь было же, было немного счастья и душевного тепла; они искренне привязались друг к другу.

Мысли плыли на волнах музыки то вверх, то вниз, то снова вверх — в более счастливое будущее, в котором — сейчас в это было легко поверить — рядом с ним появится прелестная молодая девушка, очарованная его внешностью, манерами, разговором...

Фредерик легонько подтолкнул его локтем.

— Вон там три сестры Блейк. В первом ряду. Рядом с долговязой в очках.

Брук залился краской: громкий шепот отца наверняка услышали соседи.

Три юные хорошенькие девушки в соломенных шляпках с широкими полями радостно пели. Брук взглянул на отца, но мистер Фергюсон смотрел на солиста, как человек, всецело поглощенный музыкой. Один Брук знал, что это — обычное выражение его лица: оно никогда не расслаблялось, менялся лишь объект пристального внимания.

Он снова перевел взгляд на девушек. Его внимание привлек профиль средней, с волосами цвета спелой кукурузы. Выражение ее бледного прекрасного лица показалось ему одухотворенным и почти неземным, как у юной мадонны (в действительности она в этот момент думала, хорошо ли сидит на ней новая соломенная шляпка). Некоторое время Брук замороженно смотрел на девушку, щуря глаза, как будто это могло сократить расстояние между ними. Ему показалось, что он даже различает ее голос в хоре.

По окончании оратории прихожане вышли на улицу и, разбившись на группки, разговаривали в наступающих сумерках, а рядом шелестели листвой березы и хранили торжественное молчание могильные плиты.

Пока Фергюсоны ждали Томкинса с коляской, невдалеке послышался спор, в котором было упомянуто имя Брука, и мистер Фергюсон потащил сына по траве поближе к той компании, примерно из пяти человек, что приютилась в тени церкви. Брук вяло упирался.

— А, добрый вечер, миссис Блейк, — поздоровался Фергюсон. — Прекрасное исполнение. Я бы сказал, мы можем гордиться нашей церковью и хором.

Миссис Блейк обернулась.

— О, мистер Фергюсон, как это любезно с вашей стороны! Мы очень старались. А теперь ждем, чтобы Тедди отвез нас домой. Да, кажется, все сошло благополучно.

Миссис Блейк можно было сравнить с большой пчелой-труженицей, устало жужжащей, но с богатым сбором меда. Рядом стояли три ее дочери и пожилая дама; их фигуры белели на фоне церкви; блестели белки глаз и зубы. Последовали представления; отец затащил Брука в центр небольшого кружка. Пожилая дама оказалась теткой девушек, миссис Хиггинботтом. Фергюсоны поздоровались с ней, а затем с молодыми особами. Те выступили из тени.

— Это Эстер, моя старшая. Это Корделия. А это Эмма, новенькая в хоре. Ей только что исполнилось семнадцать лет, — затараторила миссис Блейк, пытаясь объяснить необъяснимое, а именно, что одна болтливая, заурядная женщина с падающими на лицо космами могла произвести на свет три очаровательных, свежих, жизнерадостных существа, таких разных и недоступных.

Быстрый взгляд темных глаз и вздернутый носик — вот чем запомнилась Бруку Эстер в тот теплый вечер. Его рука вспотела, когда он коснулся ее руки, и он только и смог выдавить из себя: "Как поживаете?" Затем его представили Корделии, и это оказалась та самая девушка, которой он любовался в хоре. Круглое личико с немного отрешенным выражением; она была серьезной и одновременно живой, как ртуть, это перевернуло ему сердце. И наконец Эмма, со светлыми косами, падающими на плечи, и тучная миссис Хиггинботтом, от которой на него пахло камфорой. Она пыталась что-то говорить о церкви Сент-Энн, которую часто посещала. Потом к ним присоединился рослый, угловатый молодой человек — он только что вышел из ризницы и был представлен как Тедди.

— Вы поете, мистер Фергюсон?

Брук замялся.

— Нет. Боюсь, что... э... нет. Я всего лишь играю на фортепьяно.

"И чего только отец хочет от меня? — с тоской думал он. — Эстер слишком жизнерадостна, Корделия слишком красива, Эмма слишком молода. Если уж выбирать, я бы выбрал Эмму — за молодость. Но они, кажется, и так довольны жизнью, а если и помышляют о замужестве, то не с таким замкнутым, нервным типом, как я. Это должен быть кто-то молодой, веселый — чтобы делить с ними шутки и смех, общаясь на равных..."

— Почти все мои сестры играют на фортепьяно, — сообщил Тедди, — а я — нет. Я пою: это гораздо легче. А вообще, скажу я вам, их слишком много для одного фортепьяно. У вас есть сестры?

— Нет. Было два брата, но они умерли, когда я был еще маленьким.

— Плохо. Нашей семье тоже довелось через такое пройти. Это ваш экипаж у ворот?

— Да.

— Резвая кобылка. Представляю, как бы она понеслась, если бы не тяжелая коляска.

— О да, это она умеет.

Тедди с любопытством уставился на Брука.

— Вы ездите верхом, мистер Фергюсон?

— У меня есть верховая лошадь. Иногда я пускаю ее в галоп.

(Томкинсу пришлось немало потрудиться, прежде чем Брук перестал бояться!)

Тедди подумал: "Странный субъект. Немного чопорный. Богат и, стало быть, может иметь все, что пожелает. Но почему-то не выглядит счастливым. А мать-то размурлыкалась!.."

— Вы обязательно должны навестить нас, когда потеплеет, — доверительно произнес мистер Фергюсон, сверля ее холодными, как лед, голубыми глазами. — Прихватите с собой этого молодого человека и дочерей, миссис Блейк.

— О, благодарю вас. С удовольствием, не так ли, дети? Мы будем с нетерпением ждать встречи, мистер Фергюсон. Я часто проезжаю мимо ваших ворот по дороге к сестре и весной всегда останавливаюсь полюбоваться сиренью и золотым дождем. Они скоро распустятся, не правда ли?

— Да, скоро. — Он решил, что и так был достаточно любезен. — Ну, полагаю, нам пора двигаться. Надеюсь как-нибудь познакомиться с вашим

супругом, миссис Блейк.

— О да. Он будет очень разочарован, что не присутствовал при нашей встрече. Он много о вас слышал.

Они распрощались. Брук обменялся рукопожатием с молодым человеком, к которому успел проникнуться симпатией, поклонился дамам и последовал за отцом по дорожке из гравия, мимо могильных плит, унося с собой воспоминание о нежных голосах и свежих щечках под защитой невинности. Хочет ли он преодолеть преграду? Грабитель, замышляющий набег на чужой благоухающий сад!

Томкинс ждал, опершись на открытую дверцу кареты. Он пропустил внутрь хозяев, захлопнул дверцу и взобрался на козлы. Лошадь тронулась с места.

— Тетка вульгарна, — заметил мистер Фергюсон. — Это подтверждает мое прежнее впечатление.

Экипаж качнулся и покатил по разбитой проселочной дороге.

— Остается познакомиться с отцом. Говорят, это достойнейший человек. Прекрасный семьянин. Как тебе понравились дочери?

— Я не успел их как следует узнать.

От нетерпения крупная фигура мистера Фергюсона подалась вперед.

— Еще бы — за десять минут! Но все-таки — каково первое впечатление?

— Они очень... славные. Э... Папа, откуда у тебя повышенный интерес к этой семье?

Мистер Фергюсон дал волю раздражению.

— Это у тебя должен быть "повышенный интерес"! По-моему, девушки — как раз то, что нужно: молодые, здоровые и прекрасно воспитанные. У меня самые благоприятные сведения.

— От кого?

Мистер Фергюсон пропустил этот вопрос мимо ушей.

— Вряд ли они будут строить из себя невесть что, как иногда делала Маргарет. Они небогаты и без особых связей, но какая-нибудь из них может составить твоё счастье и стать хорошей матерью для твоих детей, — он немного опустил стекло. — Сегодня в церкви было очень душно... Если, познакомившись поближе, ты решишь, что они тебе не подходят, никто не станет на тебя давить. Можешь одновременно вести поиски в других местах.

Они выехали на главную дорогу, и Томкинс хлестнул кобылу, чтобы прибавила прыти. Темнота стала гуще. Брук глубоко втянул в себя теплый ночной воздух. Это всего лишь идея, одна из идей его отца, находящаяся на

столь ранней стадии развития, что ему незачем беспокоиться.

Брук хорошо знал, что такое стариковские причуды, но как-то выпустил из виду, что причуды мистера Фергюсона имеют обыкновение претворяться в жизнь, так что он вдруг оказался перед свершившимся фактом. Тем не менее он постарался забыть о присутствии отца и вновь настроиться на волшебную музыку "Мессии". По своей всегдашней привычке Брук повернулся спиной к действительности, ища спасения в грезах. В мечтах он сочинял музыку, такую же прекрасную, как у Генделя; слушал, как ее исполняет хор "Джентльмен Концерт-Холла". На протяжении остатка пути его ответы становились все более сбивчивыми.

Глава III

Семейство Блейков обитало в доме на Оксфорд-Роуд, над мастерской. От них так и веяло здоровьем, и хотя в доме вечно не хватало места, Блейки легко мирились с теснотой и прочими неудобствами.

Из четырнадцати детей выжило десять: Эстер, двадцати одного года; Эдвард, двадцати лет; Корделия — девятнадцати; Эмма — семнадцати; Энн — двенадцати; Сара — десяти; Мери — восьми; Пенелопа — шести, и Уинифред — двух лет отроду. И еще через три месяца должна была родиться Вирджиния, хотя все надеялись на маленького Джона Джеймса.

Тедди служил младшим клерком у торговца тканями. Эстер преподавала в младших классах; Корделия поступила ученицей к модистке; Эмма помогала по дому и в мастерской, а остальные учились в школе или играли в куклы.

В один погожий июльский вечер к Блейкам нагрянули важные гости. Вся семья была в сборе, но мастерская еще не закрывалась.

Это было высокое, вытянутое в длину здание, упиравшееся одним торцом в мясную лавку, а другим — в пивную Бейтса. В мастерскую вели три ступеньки; Брук споткнулся, так что следовавший по пятам отец налетел на него. Томкинс остался стоять возле фэзтона; две лошади потряхивали сбруей и тыкались друг в друга мордами.

Маленькое помещение мастерской было доверху набито часами; некоторые из них находились в плачевном состоянии. Здесь были потускневшие от времени дедушки современных часов, с разверстым чревом, откуда выскочила кукушка, да так и замерла, не успев прокуковать до конца; немецкие куранты упирались в пузатенькие, на коротких ножках, французские будильники с корпусом из орехового дерева; мраморные, с восьмидневным заводом часы привалились к позолоченным бронзовым. Весело тикали несколько дюжин уже отремонтированных механизмов.

Мистер Блейк, невысокий, сутуловатый человек с длинной шеей, восседал за прилавком. Он поздоровался, не глядя на посетителей:

— Добрый вечер. Сегодня хорошая погода. Сию минуту я освобожусь.

Брук весь вспотел и поискал глазами стул, но его отец не шелохнулся, и он оставил поиски.

— Добрый вечер, мистер Блейк. Ваша жена дома? Я не заметил другого входа.

Хозяин мастерской поднял на него усталые, чуть навывкате,

проницательные глаза.

— А, мистер Фергюсон и мистер Брук, — он вставил в глаз монокль и снова вернулся к часам.

— Мы пришли, — начал мистер Фергюсон, — по важному делу, касающемуся вас, вашей супруги и одной из ваших дочерей.

— Взгляните, — произнес мистер Блейк, — на этот маятник. Они использовали вместо меди какой-то дрянной сплав. — Он провел рукой по красивой седой шевелюре и вышел из-за прилавка. — Что значит дешево. Никогда не покупайте дешевых часов.

— Мои были подарены мне отцом на совершеннолетие, — сказал мистер Фергюсон, занимавший своим крупным телом треть мастерской. — С тех пор они меня ни разу не подвели. Я сделал точно такой же подарок моему сыну — правда, Брук? Гораздо выгоднее покупать вещи отличного качества. Но сейчас меня интересует другое, а именно...

Мистеру Фергюсону не удалось закончить фразу: даже его зычный голос утонул в бое двадцати семи часов одновременно. Он, еле сдерживая нетерпение, подождал, пока они отыграют. Мистер Блейк внимал бою с заинтересованным, но критическим выражением лица. Под конец он понимающе кивнул.

— Как я уже сказал, — продолжал мистер Фергюсон, но был вынужден снова умолкнуть, так как двое часов на полминуты опоздали и только сейчас затянули свою песню. Энтузиазма мистера Блейка как не бывало. Все время, пока они били, он хмурился и цокал языком. Не успел мистер Фергюсон набрать в легкие побольше воздуха, чтобы продолжить разговор, как хозяин мастерской отошел к провинившимся механизмам.

— Это "Луи-Квинз". И, разумеется, работа Хэндворта. Никуда не годится. Все дело в маятнике... Так вы хотели видеть мою жену?

— И вас, мистер Блейк.

Тот достал из кармана прекрасный хронометр и посмотрел на циферблат.

— Выходит, вы пришли не ради часов?

— Нет.

— Ну что ж... Правда, мне еще рано закрывать мастерскую. Сейчас попрошу Тедди меня заменить.

В цоколе размещалась темноватая кухонька, но в первый же год после свадьбы, до того, как дети один за другим начали сходить с конвейера, Джон Джеймс Блейк пристроил еще одну кухню — на уровне первого этажа. Она стала местом, где происходило все самое важное. Члены семьи постоянно сменяли друг друга: одни приходили, другие уходили, и только

миссис Блейк неизменно пребывала здесь: стряпала, раскладывала по тарелкам еду, мыла посуду, одевала и кормила детей; отсюда она отправляла их в школу и на работу и здесь встречала после трудов праведных.

В этот вечер на кухне вместе с матерью находились только Эмма и трое малышей. Энн с Сарой наверху играли в четыре руки на фортепьяно из розового дерева, а Эстер, Тедди и Корделия, отужинав, отправились на огород копать картофель и собирать горох. Сама миссис Блейк без усталости работала и умела отлично организовать время своих детей так, чтобы они постоянно были заняты. Завидев, что кто-то сидит без дела, она моментально что-нибудь придумывала.

Но сейчас, в теплых наступающих сумерках, работы в саду и огороде было не так уж много, и Эстер, Корделия и Тедди остановились поболтать; постепенно беседа перешла в легкий, оживленный спор. Сестры объединились, и Тедди, оставшись в одиночестве, начал бросать в них горохом, выстреливая горошины щелчком большого и указательного пальцев. Отпора не следовало до тех пор, пока он не перешел на мелкую картошку. Одна такая картофелина, попав Корделии в голову, перепачкала ее землей. Девушка вскрикнула, схватила свою корзинку и выбрала два увесистых клубня, полностью в земле. Один угодил Тедди в плечо, а другой пролетел мимо и покатился по дорожке, чтобы остановиться под ногами у только что подошедшего мистера Блейка.

Авторитет мистера Блейка у детей был непререкаем, но не потому, что у него была тяжелая рука. Он посмотрел на ударившуюся о носок его туфли картофелину, потом перевел взгляд на троих своих отпрысков и добродушно расхохотался.

— Тедди!

— Да, папа?

— Присмотри несколько минут за мастерской. Приехали Фергюсоны и хотят поговорить с мамой и со мной.

— Хорошо, папа.

Мужчины пошли в дом, а обе девушки продолжали собирать горох. Они низко наклонились над землей, и их широкие, раздувающиеся юбки, похожие на шляпки гигантских грибов, подчеркивали осиные талии. Вскоре Эстер не выдержала.

— Интересно, что им нужно?

— Фу, жарко! Слышишь, гремит?

— Должно быть, что-то важное. Мистер Фергюсон очень занятой человек.

— Может, ему понадобился папа?

Эстер буравила взглядом сестру. Она знала: Корделия вовсе не так проста, как притворяется.

— Или ты.

— При чем тут я? На тебя он обращает гораздо больше внимания.

— А тебя оставляет Бруку, — парировала Эстер. — Откровенно говоря, мистер Фергюсон мне нравится больше, чем его сын. У него такие роскошные жилеты. И манеры настоящего джентльмена. Seriously, Делия. Брук тебе что-нибудь говорил?

— Мне? Нет, конечно. Ничего такого.

— В прошлый раз на концерте он с тебя глаз не сводил.

Корделия покраснела.

— Мне жаль его, бедненького, он такой стеснительный. И... артистичный. Должно быть, это музыка настроила его на сентиментальный лад, а не я.

— Интересно, каково жить в огромном доме со слугами, которые так и спешат исполнить любое твое желание? — Эстер сладко потянулась и зевнула. — "Смит, выкопай для меня картошку! Джонс, подмети двор!" Я бы сказала, это очень приятно!

— М-м... Пожалуй, на ужин хватит. В этом году уродился мелкий горох.

— Слишком часто посадили. Это все Тедди... Интересно, нам еще долго здесь торчать? Или уже можно пойти в дом — как будто мы не знаем, что у нас гости?

— Нет, не думаю.

— Но до чего же громко эти несносные девчонки лупят по клавишам! — Эстер посмотрела на открытое окно второго этажа и нахмурилась. — Опять придется настраивать фортепьяно.

— Эсси...

— Что?

— Интересно, зачем они все-таки приехали?

— Иди, послушай.

— Нет. Подожди-ка... — Корделия медленно обвела взглядом дом и остановилась на плоской крыше кухни с открытым слуховым окошком. Туда можно было вскарабкаться по старому, высохшему дереву. Давно уже по нему никто не лазал — с тех самых пор, как Сара свалилась оттуда, точно спелая груша, и сломала руку. Корделия сама лишь года два назад бросила это занятие. Теперь ей мешал кринолин, но она отправилась в знакомый путь и ни разу не оступилась. Туфли она сняла, чтобы не

громыхали по крыше.

Когда Корделия, припав к окну, заглянула внутрь, отец зажигал газовую лампу. Язычок пламени метнулся и перешел в ровное горение.

Фергюсонам не удалось застать мистера и миссис Блейк одних. Хозяйка дома, кажущаяся огромной в широком платье в складку, которое лишь отчасти маскировало ее положение, сидела в кресле-качалке, держа на коленях Уинифред и вытирая ее влажные после купания волосенки. Рядом находилась лохань с мыльной водой. Мери и Пенелопа, обе с круглыми, слегка задумчивыми глазенками, ставили на стол чашки с молоком и тарелки с хлебом. Массивная фигура мистера Фергюсона нависла над краями стула. Брук вертел в руках шляпу и время от времени покусывал заусеницу.

Корделии впервые представилась возможность так близко и без помех рассмотреть обоих Фергюсонов. Сначала она уставилась на отца и отметила его широкие плечи, толстые, крепкие ноги и большие, ухоженные руки. Он был скорее крупен, чем толст; мощь здесь преобладала над весом. Сильный, звучный голос. Фразы вылетают сами собой — четкие, лаконичные. Голубые, как лед, глаза остаются холодными, даже когда он улыбается. Во всем облике мистера Фергюсона было что-то властное, но надежное; он внушал смутную неприязнь и одновременно — большое доверие. Это был прирожденный лидер, деятель, способный повести за собой других, человек, выделяющийся в любой компании.

Корделия перевела взгляд с отца на сына и увидела худощавую фигуру, добрые, слегка испуганные карие глаза, тонкие руки художника, высокий, чистый лоб с зачесанными назад волосами. Интересно, как выглядела его мать — ведь между ним и его отцом нет ни малейшего сходства.

Корделия знала: матери безмерно льстит эта дружба, да ей и самой было приятно. Фергюсоны занимали высокое положение в обществе, водили знакомство с недостижимыми для Блейков особами. Как-то они брали ее с собой в Атенеум и один раз — в Гроув-Холл, их загородный дом. Оба — отец и сын — лезли из кожи вон, чтобы доставить ей удовольствие, и она отвечала им взаимностью. Это получалось само собой. Без мистера Фергюсона не обходится ни одно важное собрание. А вот сын его — совсем другой...

Рука мистера Блейка с зажженной спичкой дрожала, когда он подносил ее ко второй газовой лампе. С шумом вспыхнуло пламя.

— Что ж, мистер Фергюсон, — спокойным, ровным голосом произнес он, явно в продолжение разговора, — признаться, я немало удивлен. Давно уже я так не удивлялся — с тех пор, как мне пришлось чинить часы

Брунсвика с тридцатишестичасовым заводом. Помните, миссис Блейк? Я обещал пустить их к следующему дню, однако...

— Однако на сей раз это приятный сюрприз, — его жена взяла нить разговора в свои руки. — Конечно, мы не ожидали, что дорогая Корделия... — в это время ребенок у нее на коленях захныкал. — Ну-ну, детка... Да. Настоящий сюрприз. То-то она будет поражена, когда узнает.

Прильнувшая к слуховому окну Корделия и впрямь была поражена. На нее словно нашло оцепенение. Она вся похолодела.

— Должен ли я понимать это так, что вы не возражаете? — уточнил мистер Фергюсон.

— Мама, можно еще немного хлеба? — попросила Пенелопа.

— И мне! — подхватила Мери.

— Да-да, но что вы забыли сказать?

— Пожалуйста! — хором, как птички, прощепетали они.

— Извините, — сказала их мать, поднимаясь на ноги и передавая Уинифред мужу. Она подошла к хлебнице и отрезала пару ломтиков. Из гостиной доносились бравурные аккорды "Хора охотников".

— В общем, — произнес мистер Блейк, — все будет зависеть от Корделии. Она хорошая девушка. Я бы сказал, очень хорошая. Ее счастье для нас превыше всего.

— Но, разумеется, вы, как родители, имеете некоторое влияние?

— Конечно, — подтвердила миссис Блейк. — Уверена, мы-то знаем, что нужно для счастья нашей милой дочки. Дорогой Брук! Можно мне вас так называть? Я глубоко убеждена, что вы с Корделией созданы друг для друга. Сердце матери — вот тут, тут — с самого начала это чувствовало!

Откинув с лица волосы, миссис Блейк обошла стол и начала надвигаться на Брука, чтобы прижать его к мощной груди. Корделию, которой с минуту назад было так холодно, как никогда в жизни, теперь бросило в жар. Она вслушивалась в ровный, хорошо поставленный голос мистера Фергюсона и не верила своим ушам.

— Я вдовец и уже старый человек. Хочу, чтобы Брук находился при мне. Поэтому молодые будут жить в Гроув-Холле.

— Разумеется.

— Жене Брука предстоит вести свойственный нам образ жизни. Она не будет испытывать недостатка в средствах.

— Естественно, — снова согласилась миссис Блейк. — Корделия, как уже сказал мистер Блейк, хорошая девушка и большая умница. Самая умная в семье, не правда ли, мистер Блейк? Она трижды получала первые призы за успеваемость. Когда мы с мистером Блейком начинаем путаться в

денежных делах, она в два счета находит ошибку. А уж мастерица! Видели ажурную резьбу над зеркалом в мастерской? Когда ей было двенадцать лет...

"Заткнись, мама, — свирепо подумала Корделия. — Заткнись, заткнись!"

— ... простые люди, да и я всегда буду рядом, чтобы дать полезный совет. Время от времени я буду отлучаться по делам, иногда вместе с Бруком. Но я не думаю, что ваша дочь будет чувствовать себя одинокой.

— Само собой, мистер Фергюсон.

Мистеру Блейку все не удавалось вставить слово. Наконец он вернул жене ребенка и выпалил:

— Мы вам весьма признательны, мистер Фергюсон, однако... — он запнулся, и все уставились на него; миссис Блейк — с удивлением и страхом. Он заложил палец за воротник. — Однако я отец Корделии, и мне кажется... заметьте, я не хочу показаться неблагодарным... я думаю, что девушка имеет право сама решать... за кого выйти замуж... и когда.

Он хотел что-то добавить, но жена перебила его.

— Ну конечно, Джон Джеймс! Никто и не спорит! Но, насколько я знаю свое дорогое дитя, она посчитается с нашим мнением.

— Почему не спросить у самой девушки? — предложил мистер Фергюсон.

— Боюсь, что это будет для нее слишком большой неожиданностью, — запротестовала миссис Блейк, но ее муж уже отворил заднюю дверь.

— Корделия!

Никто не ответил. В саду стемнело.

— Она где-то во дворе, — флегматично произнес мистер Блейк.

— Пойди поищи ее, Брук, — распорядился мистер Фергюсон.

— Ох, нет, — застеснялся тот. — Мне бы не хотелось. Может быть, лучше...

В это время снизу, из мастерской, донесся звон двадцати девяти часовых механизмов, а из каминных часов повыскакивали кукушки и тоже грянули свою песню.

— Знаете, как работают часы с кукушкой? — оживился мистер Блейк.

— Нет, — ответил гость.

— Это удивительный механизм. Напомните мне, я вам как-нибудь покажу. Там есть маленький рычажок, который в нужный момент приводит его в действие...

— Мистер Блейк, — перебила его жена. — Ступайте и приведите вашу

дочь. И пусть Эсси пока останется в саду.

— Ты меня ищешь, папа?

Из темноты выступила стройная девичья фигурка в розовой полосатой юбке с оборками и белом переднике. На шее у Корделии была слегка выгоревшая на солнце голубая ленточка. Никто, кроме матери, не особенно склонной полагаться на простодушие своей второй дочери, не заподозрил какой бы то ни было связи между этой красивой девушкой, державшейся со спокойным достоинством, и непонятым царпаньем на крыше, которое они слышали на протяжении всего разговора.

Глава IV

По прошествии нескольких часов она лежала в постели, наблюдая за тем, как Эстер причесывается перед трюмо. Ее собственные волосы разметались по подушке и казались на белом фоне темнее, чем на самом деле. Глаза были задумчивее обычного. Впрочем, за серьезными мыслями таилась готовность посмеяться, не оставлявшая Корделию даже в те минуты, когда жизнь обходилась с ней сурово.

— И что дальше? — спросила Эстер.

Она не стала понижать голоса, так как по опыту знала, что шепот скорее, чем обычная, непринужденная речь, способна разбудить спавших на второй кровати Сару и Мери.

— Ну вот, — продолжала Корделия свой рассказ, — я спросила — просто чтобы выиграть время: "Какое именно предложение?" Старый мистер Фергюсон как будто опешил, но ничего не сказал. Тогда мама взяла это на себя: "А такое, какое только и может сделать настоящий джентльмен!" Она ужасно волновалась, никогда я не видела ее такой, но изо всех сил старалась не показать виду.

— А что Брук?

— Ничего — по крайней мере тогда. Я на него и не взглянула. Тут как раз Пенни опрокинула кувшин с молоком, и я обрадовалась, что можно чем-то заняться — подтереть пол... Но мама не велела мне этого делать, а мистер Фергюсон заявил, что, по его мнению, я — хорошая партия, и он уверен, что Брук сделал правильный выбор. Папа достал свои карманные часы и стал заводить — ты же помнишь, как мы всегда настораживались в такие минуты, когда были маленькими. Он спросил: "Корделия, ты удивлена?"

— И ты, конечно, подтвердила?

— Еще бы. Ведь я узнала об этом пять минут назад на крыше. Эсси, я чуть не умерла!

— Рассказывай дальше. Значит, ты призналась, что для тебя это тоже сюрприз, а что папа?

— Он все возился со своими часами, а потом вдруг завел речь, да так гладко, так медленно — с чувством, с толком, с расстановкой, как будто думал вслух, — о том, что для него это большая неожиданность и он прекрасно понимает, что они желают мне добра, но ему лично ничего не нужно, кроме одного, самого главного, а именно моего счастья и счастья

Брука, и хотя он счел целесообразным немедленно поставить меня в известность, но настаивает на том, чтобы я не давала окончательного ответа, даже если сейчас не испытываю никаких колебаний. Тут Уинни заверещала так, что все пришлось повторять по два раза, Пенни перевернула миску и принялась барабанить по ней ложкой. А мама так расстроилась из-за папиных слов, что не обратила внимания. Тут как раз пришел Тедди спросить, не пора ли закрывать мастерскую.

Корделия замолчала и посмотрела на сестру. Эсси заплетала косу.

— Как ты считаешь, Делия, они обиделись? Мне показалось, что Брук немного расстроился. Но вообще-то было плохо видно через занавеску.

— Лучше бы он сделал предложение тебе, Эсси, — сказала Корделия.

— Да ну! — Эстер резко повернулась к сестре. — Хорошо, что не сделал. Уж я бы ему сказала! — Тут она осеклась. Отныне Фергюсоны не могли служить мишенью для остроумия. За короткое время все переменилось. — Я ему не подхожу.

— Почему ты так думаешь?

— Ну... Бруку нужна такая, как ты. Практичная. Чтобы могла вести большое хозяйство и не тяготиться этим. Я бы с ума сошла. А ты добрая и покладистая.

Корделия села на кровати и обхватила руками колени.

— Вовсе я не такая покладистая, Эсси: не более чем любая другая девушка. Все это вздор. Я эгоистка и хочу быть счастливой — счастливее всех! Люблю комфорт. Господи, как мне не хочется век проходить в модистках: выкройки да блузки, и так изо дня в день, с восьми утра до восьми вечера. Валиться с ног за гроши... Я хочу иметь хорошие, красивые вещи — все, какие только есть в мире! И путешествовать, и чтобы оставалось время читать и размышлять обо всем, слушать музыку, разговаривать с умными людьми, танцевать, давать балы в своем собственном доме!..

Эстер отбросила косы за спину и забралась на кровать, рядом с Корделией. Она разделяла чувства сестры.

Какое-то время они молчали. Эстер лежала, заложив руки под голову. Корделия продолжала сидеть. Как ни крути, это не просто предложение руки и сердца со стороны доброго, деликатного человека на семь или восемь лет старше нее.

В ней заговорили низменные, эгоистичные инстинкты, о которых лучше не знать. А еще — мечты. Если когда-либо в детстве она спешила схватить самую крупную сливу из тарелки... если давала волю лени, зависти, или заносчивости... если хотела быть любимым ребенком в семье

и предметом зависти и восхищения для всей округи... если грезил о необычайной красоте и непомерном богатстве...

— Ты его любишь, Делия? — полюбопытствовала Эстер.

— О да, он мне симпатичен. И даже очень. Так что, может быть...

— Когда ты обещаешь дать ответ?

— Папа предложил следующий вторник, но у мамы был такой больной вид, что мы договорились встретиться в воскресенье. Они повезут нас домой из церкви.

Эстер приподнялась на локте и прикрутила газовую лампу. Раздалось легкое шипение, затем хлопок — и тишина. Девушка снова залезла под одеяло. Темнота придала ей смелости.

— И что ты решила?

Корделия немного поерзала, устраиваясь поудобнее, и вздохнула.

— Жизнь — сложная штука...

— Что ты имеешь в виду?

— Если бы не нужно было заводить детей... и все такое...

— Ты что, не хочешь иметь семью?

— Хочу — когда-нибудь... Дело не в семье...

В комнате воцарилась тишина. Вдали прогремел гром — лениво, как бы нехотя, прокатился по крышам спящего города. Эстер первая нарушила молчание:

— Я забыла накрахмалить манжеты. Из-за всей этой суматохи...

— У меня есть пара запасных.

— Вот спасибо.

После небольшой паузы:

— Почему ты смеешься, Эсси?

— Я не смеюсь. Я подумала: интересно, каково это — иметь сестру, которая проживает в Гроув-Холле?

Значит, в глубине души Эстер считает свадьбу решенным делом. Тедди тоже. Когда они пили какао, он взял реванш за то, что они вечно его дразнили. Но от Корделии не ускользнуло, что он рассчитывает на ее замужество и ужасно волнуется. Все они на него рассчитывают и строят дальнейшие планы с учетом этого брака. "Моя дочь, миссис Фергюсон..." "Мой деверь, владелец красилена в Анкотсе..."

Только отец, единственный из всех, выступал за то, чтобы не давить на нее, не торопить с принятием решения. Благодаря ему она получила немного времени на размышление. Но может ли она действительно свободно выбирать, зная, что мать не снесет разочарования? Хватит с них прошлого и позапрошлого года, когда они потеряли Клару и маленькую

Элизабет, и мать целыми днями напролет сидела у огня нечесаная и плакала, и все в доме тоже плакали. Может ли она взять на себя ответственность за повторение такой сцены?

А Брук? Сумеет ли она сделать его счастливым и будет ли счастлива сама? Перед уходом он подошел к ней и несмело тронул за локоть.

— Буду с нетерпением ждать воскресенья. Надеюсь, что вы примете правильное решение... в мою пользу.

То был первый раз, когда он заговорил о своих чувствах. При воспоминаниях об этом у Корделии потеплело на душе.

— Эсси, — позвала она.

— Да? — полусонным голосом откликнулась та.

— Нет, ничего.

Она лежала без движения, пока не услышала мерного дыхания сестры, а потом тихонько выскользнула из-под одеяла, подошла к окну и долго стояла возле него в длинной ночной рубашке.

Где-то должна была находиться луна, но небо заволокло тучами. Корделия стояла и думала. Все эгоистичные помыслы — о богатстве, положении в обществе — смешались с более благородными чувствами: симпатией к Бруку, желанием сделать его счастливым... помочь семье...

Да, теперь она сможет помочь семье. Они вечно не вылезали из нужды. Мистер Блейк зарабатывал, главным образом, разъезжая по богатым домам и ремонтируя часы; ему платили раз в три года, да и то не всегда, Некоторые тянули с расчетом. Иметь свою семью, жить обеспеченно — что в этом плохого? Ее дети будут воспитываться не кое-как — их ждут прекрасные школы. Возможно, они научатся чему-то лучшему, чем владеть красильнями. Отказаться от всего этого?..

"Первому мальчику, — думала Корделия, — я дам имя Джон Джеймс, второму — Эдвард Блейк, а третьему, если он будет, — Брук. Да, но что делать с *этим* Бруком? Мне гораздо больше нравится тот парень, который приезжал к Тедди, когда мне было тринадцать лет. Однако я ничего не имею против Брука. Мы непременно поладим. Он умный, играет на фортепьяно так, как мне ни за что не научиться, и пишет стихи. Настоящий джентльмен. Миссис Брук Фергюсон из Гроув-Холла... Сгинь, Сатана!

Господи, как я возбуждена! Никогда не усну!

Поговорю завтра с папой. Он один сохранил ясную голову. Но что я ему скажу? Вправе ли я перекладывать на него ответственность? Нет, нужно рассчитывать только на себя."

Она отвернулась от окна и медленно побрела к кровати. В темноте слышалось ровное дыхание трех сестер. "Хотела бы я быть на месте

Эсси", — подумала Корделия и тут же спросила себя: "Честно?.. Ах, если бы повременить!"

Она залезла под одеяло. Рядом заворочалась Эстер, и кровать скрипнула. В голове у Корделии звучали два слова: "Эстер... Брук... Эстер... Брук..."

По ее телу пробежала легкая дрожь, и она подтянула одеяло к подбородку.

Глава V

Через семь месяцев и три дня после смерти Маргарет Брук Фергюсон во второй раз расписался в книге регистрации браков в церкви Сент-Джеймса.

О процедуре заключения брака шло немало споров, и раз-другой мистер Фергюсон даже засомневался, правильно ли он поступил, избрав в невестки дочь такого несговорчивого отца. Это было не совсем то, чего он ожидал.

Мистер Блейк по всем пунктам настоял на своем, и свадьба чуть не пошла ко дну из-за предложения мистера Фергюсона, чтобы свадебный завтрак состоялся в Гроув-Холле. Миссис Блейк, нянчившей теперь пятнадцатое чадо, пришлось пустить в ход все свои таланты по части истерик, чтобы убедить Джона Джеймса, что вовсе не обязательно устраивать торжество в крохотной гостиной над мастерской. Поладили на отеле "Альбион". Там мистер Блейк с неподражаемым достоинством, лишь самую малость страдавшим из-за его хрупкого сложения и слишком широкого воротничка, ответил на речь мистера Фергюсона монологом такой же длины, в котором уподобил жизнь созданию грандиозных часов, а партнерство в браке — слаженной работе двух шестеренок, благодаря чему достигается точность и гармония.

Корделия, сама себе удивляясь, прошла через все это со спокойной отрешенностью. Еще несколько дней назад ею владело невероятное возбуждение, но в день свадьбы оно отступило.

Какая-то девушка сочеталась браком с Бруком Фергюсоном. "Господи, Ты, кто властью своей создал мир из ничего, по чьей воле женщина произошла из ребра мужчины; Ты, который вновь соединил их в единое целое и учил, что ни один человек не имеет права разлучить соединенных Тобой; Ты, придавший браку форму почти мистического таинства..." Такие фразы и обрывки фраз мелькали у Корделии в голове. Она с необычайной ясностью видела и понимала все, что происходило вокруг: нервный пот, выступивший у Брука в уголках за крыльями носа; его очки без оправы, с толстыми стеклами; черный фрак шафера, Тома Гриффина; другого молодого человека с добродушной улыбкой, совершенно очарованного броской красотой Эстер в роли подружки невесты; кричащие коралловые бусы тети Хиггинботтом, предмет ее особой гордости; нового священника, мистера Шрайка. А над всем этим возвышалась внушительная фигура

мистера Фергюсона в великолепном белом жилете и блестящей шелковой шляпе. Она видела слезы матери: то ли от горечи разлуки с дочерью, то ли от облегчения, что свадьба все-таки состоялась. А вот мистер Слейни-Смит, произнесший сухую, остроумную речь, явно хвативший через край в своем стремлении превознести этот брак до небес. Жалкая старомодная тетушка Брука, обидеть которую казалось невыносимой жестокостью. Роскошное меню, составленное мистером Блейком — начиная с сардин и кончая редчайшим сортом сыра, какого не пробовал никто из собравшихся. Ее беспокойство не имело ничего общего с естественным смущением новобрачной: Корделию мучила мысль о том, сколько папа ухлопал на эту свадьбу и как семья переживет будущую зиму.

Брук волновался гораздо больше нее, хотя уже во второй раз проходил через свадебную церемонию. Любопытно, что Корделия совсем не думала о его покойной жене: она не была знакома с Маргарет, даже не видела фотографии; у нее ни разу не возникло подобия ревности или желания узнать о ней побольше. Маргарет принадлежала к прошлому Брука, и незачем было вызывать ее из небытия.

После завтрака мистер Слейни-Смит тоненьким, чистым тенорком спел "Скажи мне, Мери, как тебя добиться", а вслед за ним мужской квартет с одинаковыми напомаженными коками и сверкающими манишками затянул "Твой зов, Гармония" и "Славный Аполлон" — молодые в это время переодевались наверху.

После прощания со своей семьей Корделия замешкалась у двери и окинула быстрым взглядом гостей — они сгрудились все вместе и ласково улыбались ей; самые молодые готовились бросать рис. Она подумала: "Это на самом деле происходит со мной". Ей бросилось в глаза выражение боли и сомнения на лице отца, когда он захлопнул дверцу кареты, а она откинула вуаль и дотронулась до его руки, словно в последний раз в жизни. Кругом кричали и смеялись. Карета тронулась.

"Я — миссис Брук Фергюсон. Мой дом — Гроув-Холл. Мастерская, кухня, маленькая гостиная, фортепьяно — я буду приезжать к вам в гости, как посторонняя. Прощайте, знакомый распорядок дня, безобидные шутки, домашние запахи и часы — привычные с детства бой и тиканье. Кресло-качалка, чайник со свистком..."

— Уф! — услышала она голос Брука. — Как я рад, что все позади. А ты, дорогая? Я прямо вспотел в церкви, а в столовой было свежо — надеюсь, я не подхватил простуду? Во сколько, папа сказал, мы прибудем в Блэкпул?

— В четверть четвертого, — ответила Корделия. — Как ты считаешь, в

поезде будет много народу?

— Только не в первом классе.

Она стала смотреть в окно. Они проехали мимо массивного черного здания госпиталя. А вот каменный фонтан с питьевой водой — на парапете сидели трое нищих. Ломовые лошади тащили тяжелые груженные подводы. Все чаще попадались носилки, тачки, старушки в черных бархатных салопах и черных капорах, босые сорванцы в лохмотьях. Корделия повернулась к мужу — он сидел в тяжелом плаще и шикарной шелковой шляпе, отбрасывавшей тень на его нервное, тонкое лицо.

"Мы совсем чужие, — думала она. — Несколько вежливых слов, касанье рук, смущенный поцелуй... Тонкие ниточки взаимопонимания.

Сейчас не время сомневаться или питать сентиментальные чувства к оставшемуся позади. Этот человек имеет право на мое внимание и привязанность. Он много сделал для меня — уже одним своим предложением. Как можно требовать искренних чувств, когда кругом родственники? Весь день я ничего не чувствовала, как деревяшка. Теперь все будет иначе."

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— О том, как жалко, что сейчас октябрь и рано темнеет.

— Разве это имеет значение?

— Нет. Наверное, нет.

Одна рука Брука покоилась на колене. Корделия накрыла ее своей ладонью. Бледное лицо мужа озарилось радостью.

— Корделия, — сказал он. — Наконец-то мы отделались от этих несносных людей. Ненавижу, когда все вокруг глазют и пытаются угадать, что вы чувствуете. Такое облегчение — остаться с тобой наедине. Ты мне очень нравишься, Корделия. Надеюсь, у нас все будет хорошо. Я стану делать тебе подарки, чтобы ты была счастлива.

— Мне ничего не нужно, Брук. Я и так счастлива.

Было еще светло, когда они прибыли в Блэкпул и отправились в отель. Дул сильный западный ветер. Курортный сезон закончился, и в отеле было не так уж много отдыхающих. По предложению Корделии они сразу же снова вышли на улицу, чтобы захватить побольше светлого времени, и прошли вдоль набережной, иногда останавливаясь присесть на один из тех огромных валунов, с которых был отличный вид на море. Возвращались они через центр городка, где несколько отдыхающих развлекались возле вульгарных машин для подсматривания.

Кое-какие магазины были еще открыты. Их владельцы зычными голосами зазывали покупателей выложить деньга за дешевые украшения

или средство от несварения желудка. В одной лавчонке Брук купил Корделии шоколадных конфет и новую сумочку. Он собирался купить еще что-нибудь, но она воспротивилась. Тогда он взял себе сигар, и они пошли дальше, пока не увидели вывеску. "Замечательные фотопортреты Смита. Чистые, свежие краски благодаря новейшему методу!" Они договорились заглянуть сюда на следующий день и отправились вдоль рядов маленьких коттеджей в отель.

У входа они еще немного постояли, любуясь закатом. В вестибюле суетились два пожилых джентльмена и несколько пожилых дам в шелках и бархате. Портье как раз зажигал масляные лампы. Брук заказал номер с гостиной, и в этот первый вечер они решили поужинать там — подальше от любопытных глаз.

До сих пор Корделия только раз пробовала шампанское, и оно ей очень понравилось, несмотря на то, что от пузырьков щекотало в носу. "Странно, — сказала она Бруку, — ведь, скажем, пиво, портвейн или бренди оставили меня равнодушной." Шампанское придавало бодрости, как холодная родниковая вода, и имело приятный кисловатый вкус.

Они посмеялись. Потом Брук начал рассказывать о своей поэзии. Корделия догадалась, что это доставляет ему удовольствие, и внимательно слушала. Постепенно речь Брука утратила небольшое заикание. Однажды, в пору хлопкового голода, "Курьер" опубликовал пару его стихотворений, а немного позже в еженедельной газете появился очерк за его подписью. Ему предлагали время от времени выступать с чтением своих стихов в Атенеуме. Если бы это зависело от него, признался Брук, он бы избрал литературную карьеру.

Время за разговором летело быстро. Корделия не уставала подбадривать мужа, чтобы он рассказывал дальше.

Наконец он произнес:

— Я немного устал, а ты, дорогая? Пойду выкурю сигару на сон грядущий. Тебе ничего не нужно?

— Нет, Брук, спасибо. Я всем довольна.

— Вот и отлично, — он позвонил, чтобы пришла горничная, и, надев пальто и шляпу, спустился вниз.

В холле Брук зажег сигару. У него было приподнятое настроение: он казался себе хозяином положения и, хотя не был пьян, все же выпил достаточно, чтобы почувствовать: наконец-то он взял жизнь за грудки — вместо того, чтобы беспомощно барахтаться в водовороте. Его речь лилась плавно, сама собой, и Корделии было интересно. Это сильно отличалось от снисходительной манеры Маргарет. Его вторая жена молода,

непосредственна, не избалована, добра и желанна. А он — признанный поэт, богатый, зрелый мужчина. Его превосходство налицо. Жизнь прекрасна.

Вот только если бы она не была так пугающе хороша собой. В жизни, когда она стала так близка, красота Корделии угнетала Брука — тогда как раньше, в воображении, все казалось гораздо проще.

Из курительной комнаты можно было выйти на галерею, полюбоваться видом на пляж и море. Брук облокотился на перила. Над входом в отель горел одинокий фонарь. В другом конце галереи стоял какой-то мужчина; Брук коротко кивнул ему в знак приветствия.

Он с упоением думал о том, что ему предстоит провести целых две недели вдали от отца. Можно делать все, что угодно, ехать, куда заблагорассудится. Он заранее предвкушал, как покажет жене множество вещей, которых она никогда не видела. Станет учить ее всему, что знает сам. С Маргарет так не получалось. Помимо разницы в возрасте, дело было еще и в том, что она происходила из аристократического рода и успела повидать гораздо больше него. Брук вспомнил, как она держалась в первую брачную ночь: преодолевая внутреннее сопротивление, отчужденно и бестрепетно. Он казался себе недостойным любителем — хотя знал, что она точно так же неискушенна.

— Ни с чем не сообразная погода, сэръ, — послышался голос с другого конца галереи.

— Да, — вежливо согласился Брук.

— Мы до сих пор не видели настоящего октябрьского шторма. Странная осень. Утром я прошелся по Южному Берегу — там уже закрывают окна ставнями и запечатывают глиной — а ведь ярко светит солнце и тепло, словно в августе.

— Мы... только что приехали. Хорошо бы еще несколько дней продержалась ясная погода.

— Э, молодой человек, штормы полезны для здоровья. — Его собеседник вынул изо рта сигару, и ее горящий кончик осветил старческое лицо кирпичного цвета, с бакенбардами и живыми, пронизательными глазами. — Я всегда приезжаю сюда в это время года — вот уже почти сорок лет. Проветриться перед наступлением зимы.

— Да, конечно. — Брук подумал, что должен быть благодарен отцу: без него эта поездка не состоялась бы. Он часто возмущался вмешательством отца в его жизнь, мудрыми, но бестактными советами, навязываемыми ему решениями. И все-таки... Девушка, которая произвела на него сильное впечатление в церкви, стала его женой...

— Нет, один год я пропустил, — разглагольствовал старик. — Когда умерла жена. Она несколько лет страдала из-за диабета, но скончалась от сердечного приступа.

С моря тянуло внятным соленым запахом — свежий воздух заполнил легкие, будоражил кровь. И шампанское...

— Из Манчестера, — ответил Брук на очередную реплику своего нечаянного собеседника, жалея, что выбрал для курения это место.

— Я там был три месяца назад. Мне делали операцию. Удаляли камень. В мое время о таких вещах и не думали. Как по-вашему, сколько мне лет? Без малого семьдесят восемь. Хирурги не поверили своим ушам. "У этого мистера Уэйнрайта могучее сердце", — вот что они сказали.

...В их с Маргарет медовый месяц, в конце второй недели, в Файли неожиданно нагрязнул отец. Маргарет это не понравилось. Это была их первая стычка, за которой последовало множество других. В сущности, за все годы их брака в ее отношениях со свекром не было ни одного дня настоящего мира — только вооруженное перемирие между ссорами.

— Чего только сейчас не делают. Мне предложили делать операцию под наркозом, но я отказался. — Старик подошел к Бруку и заглянул ему в лицо, ожидая встретить участие. — Я всегда имел голову на плечах и не собирался впадать в старческое слабоумие. Понимаете? И вообще, это не операция в полном смысле слова, то есть, меня не резали, а...

— Да, — неожиданно резко уронил Брук. До сих пор он не вникал в откровения старика, и вдруг до него дошел смысл его речей. Бруку сделалось не по себе. — Мне кажется...

— Камень дробят специальным инструментом. Похоже на плоскогубцы, только гораздо меньше.

"Как вам это нравится", — подумал Брук. Главным кошмаром его жизни был страх перед физической болью.

— Я вам говорю! Стоит только решиться. Говорят, будто греки... — и он углубился в дебри.

"Заткнись, ради Бога! Оставь меня в покое! Я хочу чувствовать себя молодым, сильным, хочу радоваться жизни, а не думать о старости и болезнях. Ко мне всю жизнь цепляется всякая гадость — так, пустяки, но они могут обернуться и не пустяками. Неужели в такой день, как этот, я должен помнить о таких вещах?"

— Беда оказалась в том, что они раскололи камень пополам, а раздробили только одну половину. И вот мне говорят: "Мистер Уэйнрайт, согласны вы еще раз пройти через это испытание или с вас достаточно?"

Брук бессильно опустил на скамью и глубоко втянул в себя

приятный морской воздух.

— Если только они мне не льстили, множество молодых людей, не мне чета... — старик снова пыхнул сигарой. — Ну вот... Они просто опешили... Что с вами, молодой человек? Слишком крепкая сигара? — он придвинулся ближе. — Вам плохо? Однажды с моим племянником...

— Со мной все в порядке, — вставая, заверил Брук. Врожденная деликатность заставила его добавить: — Благодарю вас. Кажется, мне пора идти. Доброй ночи.

Он прошел через темную курительную комнату, едва не наткнувшись на стол, и чуть ли не бегом бросился по коридору. Поднявшись на свой этаж, обрадовался, увидев на площадке небольшое плетеное кресло. Рядом стоял такой же плетеный столик с цветком в кадке. Брук сунул туда погашенный окурок и посидел немного, чувствуя себя раздраженным и униженным. Наконец у него отлегло от сердца, и он решил вернуться в свой номер. Там уже убрали со стола. Корделии не было видно. Он походил несколько минут по просторной гостиной, снял с этажерки одну из прихваченных с собой книг, какое-то время тупо смотрел на нее, а затем поставил на место и направился в спальню.

Это была пышно убранная комната, с чуть полинявшим красным ковром, розовыми с позолотой обоями и мебелью из полированного орехового дерева с кружевными чехлами. На стенах висело два изречения: "Память о добродетельных живет вечно" и "Я сплю, но мой дух бодрствует".

Брук никогда еще не видел Корделию с распущенными волосами. Он присел на краешек кровати.

— Корделия... Как ты хороша!

Кровь хлынула к ее щекам.

— Это правда, Брук?

Он накрыл ее руку своей.

— Ты такой холодный, — она вздрогнула. — И бледный. Ты хорошо себя чувствуешь?

Он весь напрягся.

— Конечно. — Брук, резко поднявшись на ноги, подошел к зеркалу над камином. Да, он неважно выглядит, и она это сразу заметила. У самой такой цветущий вид! Должно быть, она его презирает. История повторяется.

— Завтра уедем отсюда, — буркнул он.

— Уедем?

— Переедем в отель "Бейли". Он гораздо современнее, со всеми

удобствами.

Молчание. Потом:

— Как скажешь, Брук. Мне везде хорошо.

— Правда? — он повернулся к жене. — Скажи, Делия! Это все, что я хочу знать.

От удивления у нее широко распахнулись глаза.

— Ну разумеется. Все так ново. И потом, это наш... Какая разница, где остановиться? Брук, я только что думала, когда ты выходил: на Южном Берегу еще водятся цыгане? Одна знакомая девушка была здесь в прошлом году и купила такую хорошенькую шкатулочку с билетиками — предсказывать судьбу. Мне тоже хочется. Правда, интересно? Мы пойдем туда завтра?

Он не ответил, и она встревожилась:

— В чем дело? Я тебя обидела?

— Нет, ерунда. Суцая ерунда. — Он прислонился к камину и, все еще чувствуя себя не лучшим образом, смотрел на жену. — Прямо с утра пораньше и отправимся, — в его голосе зазвучали вызывающие нотки. — Папа заказал номер в этом отеле только потому, что когда-то они с мамой останавливались здесь. Давным-давно.

— А где это — "Бейли"?

— Помнишь, мы проходили мимо большого здания в центре? Там намного веселее. — Брук оживился. — Хочешь, позавтракаем в "Стар-Инн"? Там подают замечательные устрицы. А потом пойдем искать твоих цыган. Я куплю тебе шкатулку, и ты сможешь предсказывать себе судьбу, когда пожелаешь. А вечером переедем.

Он вдруг осекся, сообразив, что подобная словоохотливость не скрывает, а, наоборот, выдает его нервозность.

— Это — начало новой жизни, — задумчиво произнесла Корделия.

— Хочешь еще шампанского? Она покачала головой.

— Не возражаешь, если я сам выпью?

— Нет, конечно.

Брук выпил шампанское и почувствовал, как по всему телу разливается тепло. Он выпил еще один бокал и, сев на кровать, обнял и поцеловал жену.

— Брук, — прошептала она. — Я...

— Что?

— Нет, ничего.

Он попытался заглянуть ей в глаза, но они смотрели куда-то вдаль, словно искали прибежища за пределами этой комнаты. От нее исходил

слабый аромат духов и молодого женского тела. На мгновение его охватила паника, и он решил последовать ее примеру. Отвлечься от своей индивидуальности. Отрешиться от неважного самочувствия. Забыть себя самого. Забыть Брука Фергюсона.

Он стал целовать ее — в шею, щеки, волосы. Корделии хотелось отвернуться, но она превозмогла страх и повернулась к мужу, чтобы принять крещение и разделить с ним опыт супружеской жизни.

Глава VI

С берез и платанов опадала листва. Фарроу с Боллардом целые дни напролет сметали ее с дорожек. Дом был замечательный: огромный, квадратной формы, поросший плющом, богато обставленный — ничего лишнего. Шестеро слуг — всегда готовых помочь. Корделия с удовольствием, хотя и не без волнения, устраивалась на новом месте. Мать с отцом никогда не держали слуг: поступая в колледж или на работу, старшие девочки передавали свои обязанности младшим.

Корделия не ошиблась, сказав Бруку, что для нее началась новая жизнь. Все, решительно все было здесь по-другому — она убедилась в этом, когда поближе познакомилась со свекром.

Дома авторитет родителей носил демократический оттенок. Можно было делать и говорить что угодно, лишь бы вы не выходили за рамки неписанных установлений. Стоило кому-то переступить грань, как на него обрушивалось все семейство. У матери была тяжелая рука, и она не жалела колотушек для маленьких. Зато отец держался, скорее, как старший брат. Не один строгий родитель укоризненно качал головой по поводу странных порядков в доме Блейков.

А в Гроув-Холле всё и все вращались, точно спутники, вокруг одного солнца, светили его отраженным светом.

И не то чтобы мистер Фергюсон был излишне крут. Просто с течением времени вы начинали чувствовать его власть, осуществляемую не кнутом, а с помощью перста указующего. Даже во время отлучек вы постоянно ощущали его незримое присутствие. Все в доме руководствовались одним жизненно важным критерием: одобрит ли это мистер Фергюсон?

Он был слишком умен, слишком расчетлив, обладал слишком широким кругозором, чтобы прямо командовать. И тем не менее рядом с ним никто не мог расслабиться. Читая книгу, вы все время держали ухо востро: не поступит ли от него какое-нибудь указание? Когда же он сам читал, вы старались держаться тише воды, ниже травы, чтобы его не потревожить. Иногда Корделии казалось, будто все дело в его громком, словно пыхтение динамо-машины, дыхании — оно не давало забыть о его присутствии. Только в отличие от динамо-машины, дыхание было не равномерным, а учащалось всякий раз, когда он собирался что-то сказать. И даже если потом он ничего не говорил, этого было достаточно, чтобы привлечь всеобщее внимание. Он носил мягкую, эластичную обувь и отличался

удивительно легкой походкой, так что, когда он передвигался по дому, в первую очередь слышалось именно дыхание. Вы не позволяли себе высказывать свою точку зрения на что бы то ни было, потому что его мнение, когда он удостоивал поделиться им с вами, поражало четкостью и логической обоснованностью. Вы начинали видеть в нем самобытную личность, чьи взгляды и поступки всегда пребудут для вас непостижимыми и, главное, непредсказуемыми.

Согласно заведенному им порядку, жизнь в доме начиналась в половине седьмого, когда мистер Фергюсон принимал холодную ванну в цокольном этаже. После этого он отправлялся на утренний променад — полями до Берча — и возвращался как раз к тому времени, в половине восьмого, когда семья приступала к утренней молитве. Завтракать садились без четверти восемь, а заканчивали в четверть девятого. Потом мистер Фергюсон с полчаса решал в кабинете вопросы, связанные с домашним хозяйством. В это время Корделия и вся прислуга должны были быть готовы по первому зову предстать перед ним. Без пятнадцати девять у парадного подъезда появлялся экипаж, и мистер Фергюсон с Бруком уезжали в город.

Обычно они не возвращались до шести вечера, но иногда, примерно два раза в неделю, отец с сыном — или один мистер Фергюсон — приезжали на взмыленных лошадях в половине первого прямо к обеду. Ожидание этого вечно держало всех в напряжении.

В половине седьмого наступало время короткой вечерней молитвы и ужина. Вечерний досуг целиком определялся желаниями мистера Фергюсона и часто сводился еще к одной молитве и новому, более легкому приему пищи в половине десятого. За исключением особых случаев, свет в нижней части дома гасили в половине одиннадцатого.

Эта рутина повторялась изо дня в день даже тогда, когда мужчины уезжали с ночевкой. У мистера Фергюсона были дела в Олдхэме, и они с Бруком часто навдывались туда, но никогда нельзя было быть уверенным в том, что он не переменит свое решение. Интересы мистера Фергюсона были исключительно разноплановыми.

В первый раз Корделия ощутила на себе его гнет в связи со свадебным подарком отца. То были старинные швейцарские часы, гордость его коллекции. Мистер Блейк приобрел их испорченными и лишь благодаря немалому труду и терпению вернул в строй эту превосходную вещь с большим бронзовым циферблатом в виде улыбающегося старческого лица. Главной изюминкой часов было то, что, когда они начинали бить время, старик открывал рот и высовывал язык. Мистер Фергюсон счел это

вульгарным.

Пока счастливые молодожены совершали свадебное путешествие, подарок мистера Блейка красовался в холле, но по их возвращении мистер Фергюсон высказал предположение, что, возможно, они захотят поставить часы у себя в спальне.

При всей своей покладистости, на этот раз Корделия заупрямилась.

— Дитя мое, — промолвил мистер Фергюсон. — Это, без сомнения, прелестный подарок. Довольно... оригинальный. И, разумеется, здесь замешаны сантименты. Но я считаю своим долгом довести до вашего сведения следующее обстоятельство. Купив дом, я обставил его в одном определенном стиле и возражал бы против того, чтобы ставить сюда предметы, не соответствующие этому стилю — по времени либо манере исполнения. Я сказал бы то же самое, даже если бы речь шла о шератонском кресле.

Корделия бросила взгляд на мужа — тот рассеянно крошил хлеб. Ему было не по себе, но он не был готов выступить на ее стороне.

— Как вы считаете, можно их здесь оставить? — обратилась Корделия к остальным членам семьи.

— Э... да, — ответила тетя Летиция, поднимая глаза от тарелки с супом. — Почему бы и нет, Фредерик? Мне кажется, они вполне подходят.

Впервые за много лет Фредерик снизошел до объяснения с сестрой: она показалась ему удобной мишенью, хотя метил-то он не в нее.

— Оставить их здесь — значит вызвать недоумение тех, кто разбирается в подобных вещах. Во всем должна быть гармония. Это было бы непростительной ошибкой... Оригинальность, Летиция, не всегда может служить компенсацией за отсутствие хорошего вкуса.

Часы отнесли наверх, а там пришлось отключить механизм боя, чтобы не мешал спать.

О тете Летиции говорили, что, когда ей было три года, ее испугали цыгане. Должно быть, это был настоящий шок, потому что за последующие пятьдесят пять лет она так и не оправилась. Она была неряшлива; иногда у нее заводились вши, которых она звала "букашками". Она всю жизнь придерживалась одного стиля в одежде и носила длинную оборчатую юбку с отделанным тесьмой корсажем и засаленную блузу из вышитого муслина — такие блузы вот уже четверть столетия как вышли из моды. В холодную погоду на кончике носа у нее всегда болталась капля. Это была недалекая, добрая женщина. Она блюла свое достоинство перед прислугой и преклонялась перед братом Фредериком.

Дядя Прайди был ее полной противоположностью. Ему было далеко за

шестьдесят; он был долговяз, носил не особенно аккуратно подстриженную эспаньолку, а мохнатые брови напоминали Корделии двух спящих гусениц. Он отличался острым, живым, немного злым умом, проявлявшимся в двух увлечениях — мышах и музыке.

Дядя Прайди прекрасно играл на виолончели и время от времени выступал в "Джентльмен Концерт-Холле". Что же касается грызунов, то он держал их у себя в спальне — кормил, разводил и скрещивал по своему усмотрению. Иногда по субботам он облачался в старую одежду и шел продавать их на Шудхиллском рынке.

Корделии нравилось быть богатой замужней женщиной — не неотесанной девчонкой; принимать знаки внимания от человека с безупречными манерами; быть своей в этом новом, немного странном мире. К обязанностям по ведению домашнего хозяйства Корделия относилась с неменьшим удовольствием, которого не мог умалить даже тот факт, что она, так же, как экономка, должна была записывать расходы до единого пенни и каждую субботу в четверть девятого утра отчитываться перед мистером Фергюсоном.

Временами она начинала сомневаться в любви к Бруку, но чаще всего относила эти сомнения на счет своей молодости. Возможно, она слишком рано вышла замуж, и настоящее счастье ждет впереди.

В их отсутствие мистер Фергюсон заново отделал и обставил спальню, и Корделия преисполнилась благодарности за то, что он стер отпечаток Маргарет и дал им возможность начать жизнь сначала.

Тем не менее не обошлось без сюрпризов.

Однажды, заглянув внутрь небольшого, стоявшего на камине, декоративного кувшинчика с узким горлышком, Корделия обнаружила, что он полон жестких черных волос. Когда Брук приехал с фабрики, она сказала ему об этом. Он весь залился краской.

— Я был уверен, что его убрали.

— Я не стала ничего трогать. Мне подумалось... — она подумала, что на месте Маргарет ей было бы неприятно, если бы ее волос касалась рука другой женщины.

— Она их собирала, — объяснил Брук. — Во время болезни у нее начали выпадать волосы, и она решила сделать из них накладку.

Он вытряхнул волосы на газету, посмотрел на камин, потом оглянулся на жену и, все такой же красный от смущения, вышел из спальни.

Случилось так, что как раз в тот день Корделии довелось взглянуть на миниатюру — единственное в доме изображение Маргарет. Она увидела бледную молодую женщину с густыми бровями и черными локонами. Та

немного враждебно смотрела на нее, словно хотела сказать: "Попробуй понять меня, если сможешь!"

Тонкое, аристократическое лицо...

— Она была намного старше тебя, Брук? — спросила Корделия, когда муж вернулся.

— Кто, Маргарет? Почти на восемь лет.

— А что с ней случилось?

Он замешкался с ответом.

— Злокачественная анемия. Она... перенесла болезнь, да так и не смогла оправиться. Таяла на глазах... Ты еще что-нибудь нашла, дорогая?

— Нет, ничего.

* * *

На Рождество мистер Фергюсон дал несколько званых ужинов. На первый съехались девять его компаньонов — в сюртуках и с бородами, все как один уверенные в себе. Они расселись за столом и повели размеренную беседу о ценах на хлопок и проведении кабеля через Атлантику. Все они были либералы и заядлые оппозиционеры, и тем не менее самым прогрессивным из них казался мистер Фергюсон, правоверный католик.

Корделию представили — и тотчас забыли о ней. Она с интересом вслушивалась в разговор. Некоторые начали кипятиться по поводу избирательного права; большинство не собиралось посылать сыновей в колледж: возможно, там из них и сделают джентльменов, но не научат работать. Их дети с четырнадцати лет работали в конторе. Все эти промышленники усматривали в профсоюзах угрозу стабильности Англии. Только что кончился хлопковый голод, и мистер Фергюсон считал, что пришло время работодателям сделать красивый жест — пойти навстречу некоторым требованиям рабочих и тем самым обезоружить их. Это казалось ему удачным сочетанием мудрой политики и благотворительности.

Коллеги возражали, что аппетит чудовища будет расти пропорционально насыщению. Трубные звуки Французской революции до сих пор отзывались эхом в банках Эруэлла.

Наконец мистер Фергюсон с олимпийским спокойствием произнес:

— Беда в том, джентльмены, что вы видите в рабочих прежде всего многоголовое чудовище, шайку, в которую они сбиваются в минуты

опасности. Тогда как на самом деле они — люди, такие же, как мы с вами. Необходимо строить отношения с ними на основе христианской морали. Нам не нужно бояться их, либо объединяться с целью обороны. Это вполне разумные существа — когда уважают их права. Некоторые из них ближе к Господу и судят обо всем куда более здраво, чем мы.

Наступило неодобрительное молчание. Потом один из гостей по имени Джейкин Робинсон произнес:

— Разве они руководствовались здравым смыслом, когда на прошлой неделе пытались взорвать дом Эштона — и за что? Разве Эштон плохой хозяин? Ничего подобного. Им не понравилось, что он стал использовать машины в производстве кирпича: они хотели по-прежнему работать вручную. И это вы называете "здраво судить"?

— Отнюдь. Но, может быть, им не объяснили толком? В их глазах машины обозначали безработицу и голод. Портвейн, Холлоуз.

— По-вашему, мистер Фергюсон, мы отстали от времени. Но вы не отмените законы экономики тем, что объявите их несуществующими. Оставим, однако, в покое кирпичи и поговорим о нашей собственной отрасли. Сокращение рабочего времени приведет к сокращению объема производства. Увеличивая заработную плату, мы тем самым увеличиваем стоимость продукции. В любом случае тактический выигрыш оборачивается убытками. Фабрики просто закроются — и где будут ваши хваленые проекты? Мы только расплодим голодных — как будто их еще недостаточно!

— Причем по их же собственной вине, — заметил рослый старик на другом конце стола. — Если бы они не поддержали Линкольна и блокаду... Им следовало довериться Гладстону.

Мистер Фергюсон опять взял слово.

— Чтобы пойти на риск оставить свои семьи без куска хлеба, требуется незаурядное мужество. Такое мужество не присуще жалкому сброду. Эти люди думают о своем будущем. Они заслуживают хорошего обращения.

Двое или трое из гостей, которые собаку съели на производственных отношениях и гордились своими прогрессивными взглядами, пробурчали что-то в знак согласия. Но Джейкин Робинсон не унимался:

— Хорошего обращения! Интересно, а кто с ними плохо обращается? На моей фабрике заработная плата и условия не хуже, чем где бы то ни было. И если бы они не устраивали эти чертовы сборища... — Он запнулся. — Прощу прощения, миссис Фергюсон.

— Корделия, — обратился к ней мистер Фергюсон, — вы можете

присоединиться к нам позднее.

— Пожалуйста, мистер Фергюсон, позвольте мне остаться. Все это так ново! И очень интересно!

Но они явно ждали, когда она уйдет. Не женского ума дело. Корделия поняла, что допустила ошибку, не уйдя вместе с тетей Летицией.

Брук придержал для нее дверь, и она вышла, поймав на лету реплику мистера Фергюсона:

— Можете курить, джентльмены.

Стояла холодная погода, и в холле развели большой огонь. Корделия грела руки и думала: что же делать? Она ощущала смутное недовольство и растущую тревогу.

Сзади послышался шорох; она обернулась и увидела пересекавшего холл дядю Прайди в комнатных туфлях. Заметив Корделию, он, подобно судну, застигнутому мощным порывом ветра, изменил курс.

— Ах, это вы, юная леди. Сегодня ожидаются заморозки. Распорядитесь, чтобы в доме всю ночь поддерживали огонь, а то к утру будет холодно, как в морге.

— Хорошо, дядя Прайди. Я позабочусь о том, чтобы вы не замерзли. — Она вдруг отдала себе отчет в том, что ей гораздо легче называть этого безобидного старика дядей, чем мистера Фергюсона — отцом.

— Боятся лишний раз пошевелить пальцем, — проворчал Прайди, энергично потирая перед камином руки. — В наше время все слуги на один манер. Этот лодырь Холлоуз. Они все еще там? — он мотнул головой в сторону гостиной.

— Да. А вы не хотите зайти?

— Когда эти пташки высидят свои грандиозные проекты? Не хочу им мешать, а то еще спугну. Пускай себе сидят, посмотрим, что-то высидят. Угощайтесь.

— Спасибо. — Корделия заглянула в большой бумажный кулек и взяла конфету. На какое-то мгновение их головы оказались на одном уровне. С близкого расстояния лицо старика выглядело чуточку асимметричным.

Их взгляды встретились.

— Что, юная леди, нечем заняться? Вы когда-нибудь видели моих мышей? Это гораздо интереснее, чем выжившие из ума седебородые мужи, двадцать лет назад растерявшие свои естественные инстинкты.

Корделия боялась мышей, но ответила:

— Благодарю вас. Они не кусаются? В таком случае я с удовольствием взгляну на них.

Они поднялись в его апартаменты. Здесь сильно пахло животными.

— Сюда, — пригласил Прайди и ввел ее в комнату, которая замышлялась как гардеробная, но была сплошь заставлена полками и стеклянными аквариумами без воды — там мелькали глазки-бусинки и острые мордочки.

— Это и есть мои маленькие друзья. Более верные, чем двуногие. Идите сюда, милые крошки, — он почмокал губами, издавая звук, похожий на журчание воды. Затем открыл дверцу, и сразу же шесть или восемь мышек вскарабкались ему на руки и побежали вверх, чтобы рассесться на плечах и забраться за шиворот.

— Я как-то показал их Маргарет, — дядя Прайди покачал головой. — Она притворилась, будто они внушают ей омерзение. Что за чушь! Это здоровые, чистые зверушки, гораздо опрятнее многих мужчин и женщин. Взгляните вот на этого: какое у него мягонькое, белоснежное брюшко! А лапки! Смею вас заверить, он не нуждается в том, чтобы каждое утро принимать ванну. Откуда только взялся этот культ ванн, а, юная леди? Брат просто помешан на них. А по мне, так ванна — необходимое зло, не больше и не меньше. Один раз в неделю — или раз в две недели — приходится, так уж и быть, залезать туда, отскребать грязь и выскакивать обратно. Чем скорее, тем лучше. Ах, горячая вода! Мыло! Пар! Полотенце! Можно подумать, что кто-то от этого стал порядочнее. Люди считают приверженность гигиене прогрессом, а я говорю, что это возврат к старому. — Он замолчал, по-видимому, унесшись мыслями куда-то вдаль.

— Они очень миленькие, — храбро заявила Корделия, зорко следя за мышами, чтобы не разбежались, — Эстер любит мышей. Это моя сестра. Ей они нравятся больше, чем мне.

— Вы отважная маленькая женщина. Это видно невооруженным глазом. Ну, довольно, мои крошки. Леди устала. Отправляйтесь-ка по домам. — Он щелчком стряхнул с себя мышей, едва не повредив хрупкие позвончики. Потом вытряхнул парочку из рукавов и запер клетку. Корделия с облегчением вздохнула.

— И почему только дамы боятся мышей? Тайна, покрытая мраком. Я искал разгадку на прозекторском столе, но так и не нашел. Это не поддается логическому объяснению. Хотя сейчас стараются объяснить все на свете. Требуют доказательств существования Бога, а также доказательств того, что Бога нет. Прежде, чем съесть пудинг, людям необходимо знать технику его приготовления. Прямо как дети. Я хохочу! Позвольте представить вам мистера Гладстона.

Он отпер дверцу стоявшей особняком клетки и, не отрывая от молодой

женщины испытующего взгляда, вытащил громадную коричневую крысу. Корделия невольно сделала шаг назад, и дядя Прайди сморщил лицо в улыбке.

— С вами что-то творится, юная леди. Хотел бы я знать, что. Какое-то брожение. Не бойтесь, он совершенно безобиден — гораздо безобиднее, чем его тезка, уверяю вас. *Этот* мистер Гладстон не обязан постоянно забивать себе голову мыслями о том, как потратить семьдесят миллионов и что делать с налогами. Его волнуют куда более важные вещи: вкусная еда, друзья и как бы получше провести свободное время. А вас?

Он посадил крысу себе на плечо, и она уютно устроилась там, свесив длиннющий хвост. Злые, налитые кровью глаза животного буравили молодую женщину подозрительным взглядом.

— А где же мистер Дизраэли? — пошутила Корделия, посчитав его вопрос риторическим.

Дядя Прайди показал в улыбке желтые зубы.

— Отлично. Превосходно. Мужество, как я уже сказал, и чувство юмора. Редкие качества в женщине. Кажется, я начинаю вас любить. Больше, чем Маргарет. На этот раз Брук лучше позаботился о своем благе, какова бы ни была подоплека... Надо бы принять закон против таких вещей. Сколько вам лет — шестнадцать?

Корделия покраснела.

— Двадцать. А почему вы не любили Маргарет?

— Ах, вы хотите знать? Но это вполне естественно. Женское любопытство. Однако кто сказал, что я ее не любил? Разве мы так сказали, а, мистер Гладстон? Отнюдь. Хотите еще конфету?

— Вы напоминаете моего отца, — Корделия улыбнулась. — У него тоже есть хобби, только это часы. Завтра вечером он с нами ужинает. У вас не было возможности как следует познакомиться на свадьбе.

При этом она думала: "Разница в том, что все папины заскоки — на виду, тогда как дядя Прайди — как бы человек с двойным дном; его чувства, мысли и побуждения — глубже, тоньше, острее и, может быть, даже злее. Но злость направлена не против меня..."

— На этот раз мне подсунули не те конфеты, — жуя, сообщил дядя Прайди. — Я буду жаловаться. А что, ваш отец — идеалист, поборник прогресса, радикал или реформатор — как каждый третий в этом городе невежд?

— Папа не интересуется политикой. Понимаете, часы... и дети...

— Я бы посоветовал ему и дальше держаться часов. Это чище и безопаснее. Никакой демагогии. Будь ваш свекор помоложе, вы как пить

дать увидели бы его в парламенте. Взгляните на мои скелеты.

Не успела Корделия удивиться, как дядя Прайди открыл комод и продемонстрировал ей несколько маленьких, искусно выполненных из медной проволоки скелетов: один принадлежал мыши, и еще четыре — землеройкам. Он также показал ей заспиртованный желудок крысы и законсервированный в рассоле мозг землеройки. Живые землеройки содержались в отдельных клетках — иначе они сразу же начинали драться.

— Что значит инстинкт, дорогая леди. Нам бы тоже всем следовало проживать в отдельных домах — тогда мы были бы человечнее. — Он вытащил из клетки одного зверька. — Чувствуете запах? Верный признак, что вы ему не понравились — Дядя Прайди с минуту сверлил Корделию пытливыми маленькими глазками. — Он прогрессивнее любого прогрессиста. Человек в минуты опасности прибегает к агрессии, а этот малыш всего-навсего пускает струю дурно пахнущей жидкости. Лучше бы и человек вонял — вместо того, чтобы нападать на себе подобных.

Он вернул самца в клетку, и Корделия поняла: осмотр окончен и она может удалиться. Что она и сделала — с удовольствием.

К своему удивлению, она застала в спальне Брука, сидевшего за столом с карандашом в руке. Перед ним белел лист бумаги, но он так и не написал ни строчки.

— Я им не нужен, — мрачно проговорил он. — В самом деле — какой из меня политик?

— Зачем ты всегда умаляешь свои достоинства? У тебя столько же мыслей и идей, сколько у любого из них.

— Ты так думаешь? Ну... я не знаю. Когда меня вдруг осеняет какая-нибудь мысль, я ее не очень-то складно формулирую. А если даю себе время подумать, момент проходит, и они разговаривают уже о чем-то другом.

— Потому что ты не привык. Все дело в практике.

— Не надо меня утешать, — огрызнулся Брук. — Я сам знаю, что ни на что не гожусь.

В комнате воцарилось молчание. Взгляд Корделии упал на старинные часы в углу, и она сказала:

— Я ходила смотреть мышей дяди Прайди. Они очень милы: совсем ручные и хорошо воспитаны. И все-таки я еле удержалась, чтобы не закричать... Скажи, Брук, почему мы боимся мышей? Раньше это казалось мне естественным, а послушаешь дядю Прайди, так выходит, что это просто предрассудок.

— Он пишет книгу, — сварливо отозвался муж. — Просто помешался

на крысах.

— Уже половина десятого. Будешь сидеть здесь, пока они не разъедутся?

— Наверное, папа именно этого от меня и ждет.

— Брук, почему сегодня много говорили о хлопке? Я считала, что мы... то есть, твой отец занимается набивкой и крашением тканей.

— Наши собственные фабрики — да. Но пару лет назад папа вложил деньги в текстильные фабрики в Олдхэме. Так что теперь его крайне интересуют оптовая торговля и производство хлопчатобумажных тканей. Он хочет объединить торговцев и промышленников и создать компанию. Вот почему он пригласил всех этих людей.

Корделия зябко повела плечами.

— Пойду распоряжусь, чтобы миссис Мередит не жалела угля. Ужасно холодно.

Он перехватил ее у двери.

— Прости, я... ты же знаешь, я не хотел тебя обидеть.

Она улыбнулась.

— Все в порядке, Брук. Я и не думала обижаться.

И это было правдой. Как всегда, уравновешенная и готовая прощать, Корделия легко сбежала по лестнице, не задумываясь о том, почему она большей частью не сердится на Брука с его капризами и раздражительностью, а также, почему он нередко нападает на нее. Ей не пришло в голову, что она бы гораздо острее переживала эти размолвки, будь затронуты ее чувства.

Глава VII

На другой день нагрянуло семейство Блейков — со старшими детьми и малышами, способными самостоятельно передвигаться. Это был их первый визит после свадьбы.

Корделии показалось, что повеяло свежим воздухом — в царстве роскошной мебели красного дерева и дорогой утвари, тяжелых, узорчатых бархатных портьер и отлично вышколенных слуг. В затхлую атмосферу Гроув-Холла ворвалась нормальная жизнь. Конечно, от Блейков было больше шума, чем от вчерашних гостей мистера Фергюсона, но это ее нисколько не огорчило. Она с радостью и облегчением бросилась в родные объятия.

День обещал быть тем более удачным, что за час до их прибытия приехал Брук и сказал, что отец задерживается на фабрике и вернется довольно поздно. Корделия тотчас обратилась с просьбой:

— Брук, ты не возражаешь? Я хочу попросить Холлоуза снести в холл папины часы — только на сегодняшний вечер?

Брук явился с букетом цветов, но за внешним добродушием крылось раздражение.

— Папе это не понравится. Я знаю его лучше, чем ты, Корделия. В конце концов, это его дом.

— Но они не такие уж большие, — подлизывалась она, — и совсем не повредят старинной мебели, любовь моя.

— Ты не знаешь отца.

— Не могу поверить, что он рассердится. Ага, знаю, что мы сделаем! Они наверняка уедут до одиннадцати часов, и как только за ними закроется дверь, мы отнесем часы назад. Холлоуз не выдаст — я подлизусь к нему, поспрашиваю, как там его ревматизм.

— Он все равно узнает: от тети Тиш или кого-нибудь из слуг.

— Нет — я с ними договорюсь. Ну, пожалуйста, Брук. Эти часы были гордостью папиной коллекции. Я не могу так его обидеть.

— Хорошо, только я умываю руки. На твою ответственность. Мне бы очень не хотелось, чтобы вы с ним грызлись.

Он высморкался и пошел в гостиную играть на фортепьяно. Корделия проводила мужа взглядом. Она чувствовала себя не очень-то уютно, но в конце концов тряхнула головой, словно прогоняя горькие мысли. Когда явились семеро представителей семьи Блейков, пресловутые часы всюю

тикали и отбивали время в углу прихожей. Вообще-то они были чувствительны к перевозке и переноске, но Корделия не хуже отца изучила тонкости их характера.

Брук справился с дурным настроением и в промежутках между сморканием и прокашливанием разыгрывал гостеприимного хозяина. Откровенно говоря, он даже наслаждался такой ролью. Эти люди сильно отличались от его отца и благодарно отзывались на каждый знак внимания! Бруку выложили семейные новости. Эстер без пяти минут помолвлена с долговязым молодым шотландцем по фамилии Скотт, с которым она познакомилась на свадьбе.

Хью Скотт учился вместе с Бруком в школе и до сих пор числился среди его лучших друзей. Он работал журналистом в редакции "Манчестерского курьера". Все пришли к единодушному мнению, что было бы замечательно, если бы сестры оказались замужем за двумя приятелями.

По предложению Корделии дядя Прайди показал мистеру Блейку и Эстер свои сокровища, а после ужина сели играть в карты. Это был самый веселый вечер, какой когда-либо знала эта гостиная. К концу ужина аккуратная прическа миссис Блейк совершенно растрепалась, а к тому времени, как на столе перед ней собралась горка фишек, означавшая пятикратный выигрыш, весь пол был усыпан шпильками.

Вот какую приятную картину застал мистер Фергюсон, появившийся в наглухо застегнутом сюртуке, крупный и величественный. Он постарался придать своему лицу радушно выражение, но игра все равно была испорчена. Они, правда, еще сыграли пару партий под его наблюдением, а затем миссис Блейк пролепетала, что им, пожалуй, пора. Ее муж, ставший с приходом мистера Фергюсона очень молчаливым, вынул большие серебряные часы и поднялся со словами: "Да, а то завтра дети будут как вареные". Все вдруг засуетились.

Корделия помогала отцу одеться в прихожей. На какие-то несколько минут они остались одни, и он улыбнулся ей прежней ласковой улыбкой.

— Все было прекрасно, Делия. Дом изменился к лучшему с тех пор, как я видел его в последний раз. Теперь в нем больше жизни. Должно быть, благодаря тебе. Тебе и дорогому Перси (так они в тесном семейном кругу именовали часы). Он идет точно?

— Превосходно, папа.

— Мне показалось, что бой какой-то вялый. Его не переставляли?

— Может, неровно стоит? Завтра проверю.

— Часы не любят чужие руки. Кто в этом доме ухаживает за ними?

— Не знаю, папа. По-моему, они просто идут себе и идут, пока не

кончится завод.

Мистер Блейк издал звук, выразивший крайнюю досаду.

— Это никуда не годится. Ты счастлива, Делия?

Корделии стало неловко. Меньше всего ей хотелось отвечать на подобные вопросы.

— Да, папа, очень. Разве по мне не видно? Разве я не свечусь от счастья? Послушал бы ты, как я распеваю по утрам.

— Ничего, что я спрашиваю? — мистер Блейк дотронулся до руки дочери. — Понимаешь, когда мне приходится отдавать на сторону часы, я не перестаю беспокоиться о них. Что же говорить, если речь идет о моем собственном ребенке?

— Конечно, — Корделия поцеловала отца в щеку и легким тоном добавила: — Но ты вовсе не отдал меня на сторону. От меня так просто не отделаешься. Ведь я дважды в неделю приезжаю в гости. И уж конечно, ты сразу обратишь внимание, если я начну фальшивить. Наверное, я создана для того, чтобы жить, как леди. Мне так нравится! Раскатывать всюду, отдавать распоряжения слугам...

— Всего этого я не мог дать тебе.

— Не в этом дело, — Корделия смутилась. — Ты дал мне самое главное, то, что действительно важно. Однако эти вещи мне тоже нравятся. Наверное, я обжора. Гурман. Но это делает жизнь такой приятной!

Из галереи донесся глубокий голос мистера Фергюсона — он объяснял миссис Блейк смысл одной из картин, писанных маслом и отличавшихся несколько мрачным колоритом. Мистер Блейк повернул голову в ту сторону.

— Мы что, слишком засиделись? Вроде бы, он должен был вернуться уже после нашего отъезда?

— Не беспокойся. Брук сказал, на фабрике что-то вышло из строя.

Мистер Блейк испытующе посмотрел на дочь.

— Ты, наверное, сочтешь меня старым брюзгой, Делия, но мне не хватает твоих шуток. У других так не получается. Хотел бы я знать: твоя мать уже закончила восторгаться этой дурацкой картиной?

Они распрощались. Мистер Фергюсон предложил было свой экипаж, но когда Блейки запротестовали — мол, не стоит беспокоиться, — не стал настаивать. Вечер был холодный, но ясный и безветренный. "Одно удовольствие прогуляться пешком", — сказал мистер Фергюсон. Холлоуз запер парадную дверь.

Корделия поспешила в гостиную — убрать карты, но Патти с Дорис ее опередили. Теперь они расставляли по местам столы и прочую мебель. Она

подобрала с дивана забытую матерью тамбурную вышивку и пожелала доброй ночи тете Тиш, которая мирно клевала носом и продремала бы еще битый час, не оклики ее мистер Фергюсон.

С приятными мыслями об отце, напевая, Корделия направилась к лестнице и вдруг услышала голос свекра:

— Корделия.

Она обернулась.

— Да, мистер Фергюсон?

— Вы все-таки перенесли часы?

— Ой... да, — она зарделась от смущения. — Я... хотела объяснить, но в последнюю минуту выскочило из головы. Понимаете, это были папины любимые часы. Ему нелегко было с ними расстаться. И если бы сегодня он их не увидел...

И почему только в присутствии этого тучного, могучего старика вы начинали заикаться и терять дар речи?

— Вы знали, что я против.

— О да, но я подумала, что, может быть, вы не станете возражать... только на один вечер. Мои родные уж никак не могли посчитать, что они не гармонируют с обстановкой, а больше мы никого не ждали. Для папы было очень важно увидеть часы. Завтра рано утром я велю их унести.

Он внятно и чуть ли не торжественно произнес:

— И все-таки, Корделия, мне это не нравится.

Она удивленно взглянула на него.

— Мне очень жаль. Я надеялась... Брук сказал, что вы не вернетесь раньше полуночи, и я...

— Вы намеревались скрыть свой поступок от меня?

— Ну да.

— Это обман, моя дорогая. Вы не находите?

Румянец на щеках Корделии стал гуще.

— Я не хотела.

Сморкаясь, в прихожую вышел Брук, и отец немедленно взял его в оборот:

— Ты помогал Корделии переносить часы?

Брук заколебался.

Мистер Фергюсон снова перевел взгляд холодных, как лед, голубых глаз на невестку. Та не отвела своего. Это была их первая настоящая ссора, потому что в Корделии выиграл мятежный дух. Мистер Фергюсон тотчас угадал его. Он положил руку на перила и приготовился произнести речь. В таких случаях его язык почему-то увеличивался в размерах, из-за чего он

начинал пришепetyвать.

— Само собой, дело не в часах, а в принципе. Вы согласны? Вы прожили здесь два с половиной месяца, дорогая, под моей опекой и, можно сказать, покровительством. Приходилось ли вам в течение этого времени сталкиваться с дурным отношением к себе?

— Нет.

— Я наблюдал за вами — с интересом и не без растущей симпатии. Вы теперь не сами по себе, дорогая. На вас смотрят — с пристальным вниманием. Вы занимаете высокое положение в доме. Ощущаете ли вы недостаток доверия? Можете ли пожаловаться на несправедливое или грубое обращение?

— Конечно же, нет. Определенно нет. Без сомнения. Но я...

— И все-таки вы, не спрашивая у меня разрешения, велели снести часы вниз, сговорившись со слугами держать это в секрете. Втянули их в заговор.

— Я не хотела устраивать заговор, — Корделия вконец расстроилась. Как же он не понимает, что с ее точки зрения все выглядит совсем по-другому? Ужасно, когда тебя поджаривают на медленном огне, в присутствии Брука; может быть, слугам тоже слышно. Ужасно — быть раздираемой противоречиями, стремиться все объяснить, загладить вину — и все же чувствовать себя правой. Она никогда еще ни с кем так крупно не ссорилась — причем из-за сущих пустяков! Мистер Фергюсон — ее опекун, ее благодетель...

— Я не хотела никого обидеть. Позвольте мне объяснить, почему я повела себя так. Мне и в голову не пришло, что это можно расценить как...

Он не дал ей закончить фразу.

— Думаю, вам нет необходимости продолжать, Корделия. Разумеется, это пустяк. — Он задумчиво погладил лацкан своего сюртука. — Вам может показаться, что я делаю из мухи слона. Все дело в воспитании, в том, что именно считать важным...

Корделия рассердилась.

— Меня научили уважать своего отца и считаться с его чувствами.

Мистер Фергюсон допустил промах: его последнее замечание не укротило, а лишь ожесточило невестку. Он наклонил голову.

— Должно быть, я слишком много ждал — за столь короткий промежуток времени.

— А я не собираюсь меняться!

Он воззрился на нее — не как благодетель, а как судья.

— Дорогая моя, выходя замуж, вы взяли Брука в мужья, а меня — в

отцы. Бесспорно, у нас есть свои недостатки, но среди них не числится такой, как недостаток доверия между членами семьи. Совершать какие-либо действия за спиной друг у друга? Делать вид, будто вы соглашаетесь, а поступать наоборот?.. Нет, нет, — он сокрушенно покачал головой. — Мне жаль вас расстраивать, но я все же хочу надеяться, что вы задумаетесь над тем, что я сказал. И постараетесь понять.

Она хотела еще что-то сказать, но передумала и, подобрав юбки, ринулась вверх по лестнице.

Через пять минут Брук нашел ее в спальне стоящей возле незанавешенного окна, за которым медленно кружились хлопья снега. Он постоял немного, не зная, что сказать. Корделия заговорила первой:

— Что за поломка случилась на фабрике?

Он вздрогнул от неожиданности.

— Поломка? Ах, да... Кажется, вышел из строя барабан. Или цилиндр от барабана.

— Когда это произошло?

— Кажется, после ужина. Я сам не видел...

— Что сказал отец — эту штуку починили к тому времени, когда он уехал домой?

— Не помню. Какое это имеет значение? Делия, надеюсь, ты не станешь огорчаться из-за часов? Я же говорил тебе, что хорошо знаю отца.

— Он возвел это в ранг... чуть ли не преступления. Сказал что-то о дурном воспитании. Да, меня воспитывали иначе. Учили видеть вещи в истинном свете, а не раздувать до небес. Господи, да разве можно было бы жить в большой семье, если усматривать в каждом мелком поступке чудовищный заговор?

Брук чихнул.

— Говорю тебе, дорогая, не нужно лезть в бутылку. Он вообще-то добрый, Просто для него это дело принципа. И дисциплины. И потом, он всегда побеждает — в любом споре.

Она, точно маленькая девочка, вытерла слезы тыльными сторонами пальцев.

— Но если я права?

— Понимаешь, как-то так оказывается, что правда всегда на его стороне.

— Так не бывает.

Брук с угрюмым выражением лица подошел к столу.

— Я попросил повара принести мне лимон. Хочу выпить на ночь горячего виски с камфорой. — Корделия не прореагировала. — Не стой

там, а то тоже простудишься.

Она вздохнула.

— Ну ладно, как-нибудь переживем. В конце концов, все это время он был добр ко мне. Скажи, Брук, Маргарет ладила с твоим отцом?

— По-моему, он хорошо к ней относился, — сухо ответил ее муж. — И нечего слушать сплетни.

* * *

Накануне Нового Года мистер Фергюсон закатил бал. Это было выдающееся событие, и Корделия все утро украшала гостиную цветами. Как раз в это время вошла горничная и доложила, что ее хочет видеть какой-то джентльмен.

После стычки с мистером Фергюсоном Корделии было тоскливо и одиноко. Более чем чего бы то ни было, ей не доставало боя часов. Он неизменно сопровождал все стадии ее жизни: рождение, младенчество, детство и юность. Вся жизнь в доме проходила под их мелодичный звон. А в Гроув-Холле было так отчаянно тихо, что она почти боялась нормально ходить. В этом доме единственные часы с боем звучали печально и патетично, как орган. Как она сама. Одинокая и потерянная.

Поэтому она обрадовалась чьему-то приходу и только после того, как Патти удалилась, сообразила, что девичья фамилия Маргарет была Мэссингтон.

Когда она вошла в гостиную, какой-то высокий молодой человек отвернулся от окна и взглянул на нее, постукивая по раскрытой ладони небольшой тросточкой с золотым набалдашником. Корделия определила его возраст как что-то около тридцати пяти лет. У него были близко посаженные глаза, немного выступающие зубы и черная, ухоженная шевелюра. Любимец дам, аристократ, хотя и малость угловатый.

— Ах, — удивленно произнес он. — Я просил доложить мисс Фергюсон. Видимо, новая горничная перепутала. Вы — новая миссис Фергюсон?

— Да. Тетя Тиш отдыхает. Мне очень жаль. Должно быть, Патти вас не поняла.

Он сверлил ее взглядом.

— Неважно, дорогая. Я рад этой ошибке. Вы знаете, кто я?

— Какой-нибудь родственник Маргарет?

— Да. Ее брат. А вы, значит, вторая жена Брука?

Корделия покраснела.

— Садитесь, пожалуйста.

— Благодарю. — Он подождал, пока она сядет первой.

Они поговорили о погоде. Дэн Мэссингтон приехал верхом и пожаловался на раскисшую дорогу и на то, что из-за холодов нельзя охотиться. Он был очень вежлив, но как бы оценивал ее, то и дело вздергивая бровь — это придавало его лицу циничное выражение. В его манере держаться Корделии почудилось что-то неискреннее.

— Брук не очень-то тянул со вторым браком, не правда ли? Овдовел в марте, женился в октябре. Но, я полагаю, это была в основном затея старика, как вы думаете?

Щеки Корделии стали пунцовыми.

— Вам что-нибудь нужно?

— Нет. Просто мне интересно. Скажите, дорогая, вам здесь нравится?

— Да, благодарю вас. Очень.

— Вы откуда-то из пригорода? Я никогда раньше вас не видел. Хотя это и не удивительно: вы так молоды. Наверное, жили в бедности? Поманила золотая клетка?

Она не удостоила его ответом.

— Боюсь, что скоро она покажется вам позолоченным склепом. Как было с Маргарет. Если бы не ее чертова набожность — прошу прощения, — она давно бы сбежала и сейчас была бы жива и здорова. Вы набожны? Надеюсь, что нет. Что толку цепляться за мужчину, который сам — причина всех своих бед? Я мог бы порассказать вам... Но вы и сами поймете — со временем, — гость зевнул. — А знаете, вы очень недурны. Надеюсь, что вы упорхнете отсюда прежде, чем вам подрежут крылышки.

— Благодарю вас за высокую оценку моей внешности. А теперь, может быть, вы скажете, что вам угодно?

— Фергюсоны — та еще семейка! Они психически неуравновешенны: то излишества, то недостатки. Странно встретить подобное в среде нуворишей. Скажите, вы когда-нибудь ездите в гости? Если да, вспомните как-нибудь о Мэссингтонах.

Никогда еще Корделия так остро не чувствовала свою неопытность. Надо было бы выставить его, но она здесь новенькая, а он — вроде бы родственник. Она встала.

— Может, вам стоило бы поговорить с дядей Прайди?

— Прайди? Монументальный зануда. Нет ничего скучнее старого оригинала, который на самом деле — воплощенная банальность. Нет уж,

увольте.

Корделия продолжала пребывать в замешательстве. Он взглянул на нее и как будто смягчился.

— Обычно сестра поила меня чаем.

— О?

— Но, может быть, вы не расположены?

Она позвонила в колокольчик и попросила принести чай, в надежде, что кто-нибудь придет и выручит ее. Когда они будут не одни, его наглости поубавится.

Но никто так и не пришел ей на помощь. Выпив первую чашку, Мэссингтон положил ногу на ногу и сказал:

— Так странно снова увидеть эту комнату. И вас, миссис Фергюсон, в кресле Маргарет.

— Странно, что вы приезжаете сюда, мистер Мэссингтон.

Он удивленно поднял брови.

— Уверяю вас, я бы ни за что на свете не приехал просто так. Раньше я навещал сестру, а теперь мог бы навещать вас.

— Сожалею. Я встречаюсь только с теми, кто хочет видеть моего мужа.

— Идет, — легко согласился он. — Я прямо-таки жажду видеть вашего мужа — настолько, что стану приезжать после обеда, когда его, скорее всего, не будет дома.

— Я спрошу у него разрешения.

— Это не самый удачный ход, дорогая. Кажется, Брук не питает ко мне особой симпатии. Мы с самых похорон не разговариваем.

— В таком случае...

— Скажите, — перебил он, — вы давно знакомы с Фергюсонами?

— Порядочно.

— Вы знали мою сестру?

— Н-нет.

— Понятно, — он удовлетворенно взялся за вторую чашку.

— Теперь я хочу вас спросить.

— О чем?

У Корделии гулко заколотилось сердце.

— Зачем вы даете себе труд являться в дом Фергюсонов, чтобы оскорблять их, когда это можно было бы делать и за его пределами?

Он вытаращил глаза, стараясь угадать, что кроется за враждебным выражением ее лица. Потом сказал:

— Ну что ж. Может быть, вы и не из того теста, что Маргарет, и будете

только рады превратиться в предмет обстановки, стать еще одной служанкой в доме старого дьявола, чем-то вроде марионетки, которая станет плясать, когда он дергает за ниточки. Хотя... я не думаю. У прелестной кошечки есть коготки.

Корделия спросила:

— Могу я предложить вам еще чаю, мистер Мэссингтон?

— Спасибо.

Они в молчании пили чай.

— Вообще-то я приехал справиться, не нашелся ли бювар Маргарет, в котором она хранила некоторые семейные документы.

— К сожалению, мне неизвестно. Пойду спрошу тетю Тиш.

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Я заеду в другой раз.

— Как только бювар найдется, вам его сразу вышлют.

— Вижу, у юной леди высоко развито чувство собственного достоинства.

— А вы ожидали другого?

— Постойте. Как долго вы замужем — два месяца? Да, пожалуй, не ожидал. У вас есть братья и сестры?

— Да.

— Вы их любите?

— Конечно.

— Представьте себе, что одна из ваших сестер вышла замуж, была несчастлива, жила не в ладах со свекром и постепенно превратилась в тень мужа, а потом начала чахнуть и умерла, — вам бы это понравилось?

— Разумеется, нет.

— Мир — скверное место, знаете ли.

Корделия подумала и спросила:

— Вы женаты, мистер Мэссингтон?

— Нет.

— Теперь представьте, что женаты и обожаете свою жену, счастливы с ней. И вдруг является некто и говорит то же, что вы мне. Вы бы обиделись?

— Нет — если бы это была правда.

— Откуда мне знать, что вы говорите правду?

— Понимаю, — протянул Мэссингтон. — Но вы сами во всем убедитесь. Леопард не меняет своих пятен. Это относится и к Фредерику, и к бесценному Бруку.

Конец чайной церемонии прошел в молчании. Наконец гость поднялся на ноги.

— Благодарю вас, кузина, за приятно проведенное время. Кажется, мы

что-то вроде родственников?

— Не думаю.

— Оно и к лучшему. — Он улыбнулся и еще раз окинул ее оценивающим взглядом. — Не забудьте, элементарный этикет требует отдавать визиты.

— Благодарю вас. Я редко выезжаю одна.

— Я в этом уверен. С таким-то свекром! Не то чтобы он намеренно лишал вас удовольствия, просто он не выносит ничего такого, в чем сам не принимает участия. Ему не приходит в голову, что обитатели Гроув-Холла могут иметь свою жизнь.

Глава VIII

Вечером мистер Фергюсон был в одном из своих лучезарнейших настроений. Корделия давно заметила, что на нем благотворно сказывается присутствие мистера Слейни-Смита.

Мистер Слейни-Смит был лучшим другом мистера Фергюсона, которого тот выделял из всех знакомых и к которому частенько обращался за советом, тем самым поднимая его на недосягаемую для смертных высоту.

Он был по профессии дегустатором чая, но два раза в неделю читал в Карпентер-Холле, на Брук-стрит лекции по биологии. Труд "Происхождение видов" всего семь лет как появился в печати, и мистер Слейни-Смит находился на передовых рубежах ожесточенной битвы, в основе которой лежал спор о теле и душе человека. Его не устраивал умеренный агностицизм Дарвина: он был воинствующим атеистом, готовым вонзить клинок в любого окопавшегося клерикала, который встанет у него на пути. Его атеистический фанатизм почти граничил с религией. Ни один поп или дьякон так безоговорочно не верил в Священное Писание, как он — в постулаты Гексли. Принцип естественного отбора в его голове трансформировался в самодовлеющий жупел. Борьбу за существование он понимал в буквальном смысле — как кровавую битву не на жизнь, а на смерть. В природе изначально заложено зло — это доказано наукой, логически обосновано и подкреплено неопровержимыми фактами. Надежды нет. Человек одинок в джунглях. Долой Бога и фарисеев!

В пропаганду этих взглядов он вносил так много энтузиазма, как будто считал любое подобие религиозной идеи вызовом себе лично. Старший брат перестал разговаривать с ним после того, как Слейни-Смит встретил свою возвращающуюся из воскресной школы племянницу вопросом: "Ну как, Энни, видела ли ты сегодня Иисуса Христа?"

Это был высокий, тощий человек с квадратными плечами и темно-карими в золотистую крапинку глазами. Свои волосы песочного цвета он зачесывал назад, оставляя пышный кок надо лбом; он также отращивал длинные, свисающие по обеим сторонам рта усы. Тетя Тиш говаривала в тесном семейном кругу "Мистеру Слейни-Смиту следовало бы... э... подстричься и сбрить эту пакость. Так не годится — особенно для дегустатора".

Девять его детей воспитывались в строгости: к примеру, им не

разрешалось, пока папа дома, спускаться вниз; то же правило распространялось на его жену.

То, что мистер Слейни-Смит был с радостью принимаем в Гроув-Холле, выглядело немного нелогично: мистер Фергюсон был ревностным католиком — не пропускал ни одной воскресной службы, финансировал деятельность приходской церкви и подкармливал ректора и членов церковного совета. Однако мистер Фергюсон гордился широтой своих взглядов, и ему было интересно выслушать другую сторону. Он вообще предпочитал подвергать все и вся беспристрастному анализу, поддерживал новые веяния и приглашал к себе их носителей, либо выписывал книги, если носители были далеко или уже умерли.

Таким образом, то, что должно было бы вызвать трения между этими двумя джентльменами, напротив, способствовало их сближению. Оба охотно беседовали на темы религии, пусть даже их мнения были прямо противоположны. В пылу ученого спора они нередко нападали друг на друга, однако не становились врагами. По всем остальным вопросам они являли редкое единодушие — это касалось либерализма, реформ, гигиены, холодных ванн, азартных игр, искусства, русской угрозы, Суинберна и использования водных ресурсов.

Мистер Слейни-Смит был невысокого мнения о женщинах в целом, и чуть только разговор сворачивал на женскую эмансипацию, моментально, подобно улитке, прятал прогрессивные взгляды в раковину и выставлял рожки. Как правило, он игнорировал Корделию, но она и не думала обижаться. Непобедимый интеллект мистера Слейни-Смита внушал ей благоговейный ужас.

Мистера Фергюсона только что избрали в Городской Совет, и в тот вечер у них собрались гости — примерно дюжина человек: члены Совета и Городского Управления, а также домашний врач, он же школьный товарищ Брука, мистер Берч, не так давно получивший здесь частную практику. Это был рослый, сухопарый молодой человек, отличавшийся необычайной сдержанностью.

Предполагалось, что вечер будет музыкальным. Дядя Прайди достал свою старенькую виолончель, и они вместе с Бруком и его приятелем Томом Гриффином сыграли трио Гайдна и еще одно — Боккерини. Потом были исполнены два ноктюрна Шопена; Мери Гриффин спела. После этого некая миссис Торп прочла наизусть небольшую поэму, и, наконец, в качестве завершающего аккорда, мистер Слейни-Смит позволил уговорить себя спеть "О, верните мне моего арабского скакуна!"

Близилась полночь, и самый смуглый из гостей удалился, чтобы

привести "Новый Год".

Прежде Новый Год был для Корделии любимым праздником. Но на этот раз она впала в некоторую меланхолию.

— С Новым Годом, дорогой Брук! — поздравила она мужа. — С Новым Годом, мистер Фергюсон. — Свекор поцеловал ее в щеку, и на нее пахло вином, одеколоном и высококачественной материей его сюртука. — С Новым Годом, мистер Слейни-Смит. Миссис Торп... — Она поздравила всех до одного и ждала, что теперь они возьмутся за руки и споют "Вальс свечей", но вместо этого все склонили головы и внимательно слушали, как мистер Фергюсон читает молитву, — все, кроме мистера Слейни-Смита, которому в виде исключения было позволено сидеть, олицетворяя собой Новое Мышление.

Когда гости разъехались, Корделия снова осталась в холле одна с мистером Фергюсоном, но на этот раз никакие неприличные часы с высунутым языком не оскорбили его взора. Он обнял ее, чего никогда не делал, и собрался вести в гостиную.

— Это ваш первый Новый Год в нашей семье, Корделия. Я убежден, он принесет нам счастье.

— Спасибо, мистер Фергюсон, Надеюсь, так и будет, — она все еще чувствовала себя с ним довольно скованно.

— Уверен: мы станем счастливой, дружной семьей. Если у вас возникнут какие-либо трудности или сомнения, обращайтесь ко мне, мы все дружески обсудим. Разделенное горе...

— Спасибо, — повторила она.

— Я слышал, здесь сегодня был Дэн Мэссингтон. Вы с ним виделись? ("Я сообщила Бруку, а он, значит, передал отцу...")

— Он заезжал спросить о какой-то вещи покойной сестры. Это бювар или что-то в этом роде.

— Должно быть, он скверно о нас отзывался?

— Кажется, он предубежден против нашей семьи.

— Вы абсолютно правы, дорогая. Я все чаще нахожу ваши суждения достойными уважения.

"Это всего лишь лесть, — подумала она. — Но я не должна поддаваться предубеждению, как Дэн Мэссингтон"

— Когда-нибудь я расскажу вам о Мэссингтонах.

Когда они вошли в гостиную, тетя Тиш затараторила:

— Какой чудесный вечер, Фредерик! Правда, я ничего не поняла из того, что декламировала миссис Торп.

— Вы где-нибудь учились петь? — спросил мистер Фергюсон

Корделию.

— Специально — нет. Мама немножко учила. Ну, и школьные уроки пения.

— Должно быть, скучаете без церковного хора? Хотите брать уроки? Гордость не позволила ей выразить слишком большой восторг.

— С удовольствием.

— Брук!

— Да, папа?

— Когда поедешь в город, заверни в пансион мадам Герберт, попроси ее приехать и познакомиться с миссис Фергюсон. Нужно организовать для твоей жены уроки пения. У нее нежный, красивый голос.

— Гораздо приятнее, чем у этой Гриффин, — ввернул дядя Прайди, протирая виолончель. — Та пыхтит, как заезженная кляча.

Тетя Тиш захихикала.

— Так и есть. Пыхтит — и все тут.

— Я лично, — заявил мистер Фергюсон, — прежде, чем критиковать чужие недостатки, вспоминаю о своих собственных.

Корделия перевела взгляд на дядю Прайди, но тот ничего не сказал. Никто в этом доме не смел перечить мистеру Фергюсону.

Несколькими минутами позже она в одиночестве грелась у камина в их с Бруком спальне. У нее было смутное ощущение, будто она потихоньку и сама проникается духом этого дома — смесью страха и дружелюбия. Она даже заподозрила, что шум, поднятый из-за часов, был не столько делом принципа, сколько поводом для мистера Фергюсона напомнить, кто тут хозяин.

И все-таки ей было трудно устоять. Высокое мнение мистера Фергюсона о своей особе безошибочно действовало на всех, кто вступал с ним в контакт. Когда он удостаивал быть простым и сердечным, все чувствовали себя польщенными. Корделия была скромной девушкой. Она прожила слишком много лет в многодетной, бедной семье, чтобы вынашивать мысли о своей исключительности. Сегодняшняя доброта мистера Фергюсона невольно затронула струны ее сердца. Если бы только слова Дэна Мэссингтона не смутили ее душевный покой!

Где искать правду? Если бы она была старше, опытнее и вправе полагаться на собственные суждения! За эти два месяца Корделия не раз думала о себе как о человеке без своего мнения, который руководствуется не умом, а набором банальностей и элементарным стремлением воздать любовью за любовь, обидой за обиду, благодарностью за доброе отношение, верностью за привязанность. Хотела бы она и в самом деле

быть той сильной личностью, какой ее считали дома!

В комнату вошел Брук, но она не сразу повернулась к нему. Брук. Он должен был стать ее опорой, компасом, по которому она сверяла бы свой жизненный путь. Но она уже поняла, что он испытывает на себе воздействие сильнейшего магнита — своего отца — и способен показывать только одно направление.

И все же она очень тепло к нему относилась. У него не было дурных привычек; им бывало хорошо вместе, когда они слушали музыку, читали вслух, гуляли по полям и ездили в церковь.

— Я переел за ужином, — сообщил Брук. — Наверное, опять будет несварение желудка.

Корделия мигом сорвалась с места.

— Принесу тебе чего-нибудь выпить.

Он недовольно высморкался.

— Нет, дорогая, спасибо, я и так много пил. Тут уж ничего не поделаешь. У меня всегда резь в желудке после простуды.

Корделия села с ним рядом. Раздражительность, владевшая ею в последние дни, прошла, и она не находила в его жалобах ничего смешного.

— Я сегодня был не в форме, когда играл "Ноктюрн фа диез".

Знакомое начало. Нет, он не тщеславен — просто в силу неуверенности в себе нуждается в постоянном поощрении.

— Ну что ты. Я и вполтину так не умею.

Его тонкие губы слегка раздвинулись в улыбке.

— Можешь научиться. Почему бы тебе не брать уроки игры на фортепьяно?

— Это было бы чудесно!

— Спрошу папу за завтраком.

Она тихо проговорила:

— А мы не можем обойтись без разрешения твоего отца? Или ты боишься, что он рассердится?

На лицо Брука набежала тень, и он нервно зевнул.

— Ну... не то что рассердится... Просто...

Корделия не собиралась сдавать позиции.

— Мы ведь можем себе это позволить, верно? Из твоих собственных заработков?

— Да, разумеется.

— Мне очень не хотелось бы ссориться с ним, Брук. Но... Ты же понимаешь, не правда ли, что мы должны обладать некоторой независимостью?

— Д-да... Конечно, ты права. Просто я прожил с ним всю жизнь... но я тебя понимаю.

Она поколебалась, говорить или нет.

— Дэн Мэссингтон сказал, что его сестра и твой отец не ладили между собой, и дал понять, будто это твой отец виноват в ее несчастье и смерти.

— Ух! Ты же ему не веришь, правда?

Она дотронулась до руки мужа.

— Нет — если ты скажешь, что это не так. В любом случае это меня не касается. Я имею дело с настоящим, а не с прошедшим. Это моя жизнь, а не ее. Неважно, была она счастлива или нет...

Наступило молчание. Корделия видела, что не вполне убедила мужа относительно уроков игры на фортепьяно. Она хотела закончить фразу так: "Неважно, была она счастлива или нет, а я лично собираюсь быть счастливой". Но в таком случае, откуда же этот скрытый дух сопротивления? Она боролась с собой, словно изгоняла дьявола, — и победила.

— Наверное, ты прав, Брук. Спроси отца, посмотрим, что он скажет.

— Думаю, так будет лучше, Делия. Иначе мы рискуем нанести ему обиду. Потом это обязательно выйдет нам боком.

Она вдруг выпалила:

— Маргарет все-таки не ладит с твоим отцом, да?

— Ну... Нет, не совсем. Всякое бывало.

— А я намерена поладить! Я вышла за тебя замуж. Нам приходится жить в его доме. Он человек со странностями, но у кого их нет? Я буду стараться угодить ему. Почему бы и нет? Это не так уж и много. Это — мой новогодний обет. Я приложу все усилия, чтобы он был доволен. Как по-твоему, это хорошая идея?

— Я думаю, что ты прелесть. А идея просто замечательная.

— Значит, решено.

— Ты такая красивая в этом платье!

— Правда? Но ведь это ты мне его подарил.

Он положил жене руки на плечи и поцеловал ее. Она ответила на поцелуй. В эту минуту Корделия любила мужа. Она погладила его по волосам. Нежность за нежность. Благодарность за доброту. Верность за нежную привязанность.

На следующий день в Манчестере появился Стивен Кроссли.

КНИГА II

Глава I

Но прошел целый год, прежде чем он услышал о Фергюсонах или они о нем. Как ни странно, знакомство состоялось благодаря мистеру Слейни-Смиту.

Досуг дегустатора чая обычно проходил по заведенной программе. Вечерами по средам и пятницам он читал серьезным, анемичным молодым людям лекции по биологии и эволюции, по вторникам и четвергам ужинал у мистера Фергюсона, а по понедельникам и субботам посещал мюзик-холл.

Что касается воскресных дней, то их он проводил с женой и детьми, читая им вслух главы из Милля, Дарвина или Чарльза Брэдлоу.

Мюзик-холл таил для него неизъяснимое очарование. Ничто, как он убедился на собственном опыте, так не освобождало дух, как стояние перед сверкающей стойкой бара, когда можно было одновременно потягивать "скотч" и слушать, как исполняют "Вилликинс и его Дина", или обсуждать с приятелем достоинства Тома Маклагана и Гарри Листона. Будучи не в силах совладать с этим увлечением, мистер Слейни-Смит пошел по другому пути, а именно, включил его в сферу своих научных изысканий и тем самым поставил на одну доску со всеми остальными занятиями. Никто не умел так, как он, с умным видом разглагольствовать о певческих ансамблях и "ночных погребках" восемнадцатого столетия. Он неоднократно пытался заинтересовать мистера Фергюсона, но убедился, что того не прошибешь.

Излюбленным местом мистера Слейни-Смита было старое "Варьете" на углу Йорк-стрит и Спринг-гарденс. Там недавно сменился управляющий. В театре сделали ремонт, обновили декорации, поставили более удобную, современную мебель, возвели опоры для покосившихся стен и придали помещению более элегантный вид, благодаря чему туда хлынула элита этой профессии: персонал и артисты.

Вскоре мистер Слейни-Смит свел знакомство с обоими Кроссли, отцом и сыном. Старший из них, полный, вспыльчивый маленький ирландец (хотя и уроженец Лондона), распространил свой бизнес на все провинции и постоянно жил в столице, а управлять филиалами доверил сыну. Стивену Кроссли исполнилось двадцать шесть лет.

Невозможно было долго находиться в обществе мистера Слейни-Смита без того, чтобы не взвился "Веселый Роджер" атеистической

пропаганды. Стивен был слишком молод и доволен жизнью, чтобы встать на ту или другую сторону, однако ему доставляло удовольствие внимать витиеватым речам старого джентльмена, который, казалось, вот-вот отправится в крестовый поход по всем церквям Англии, проповедуя чистый разум и изгоняя окопавшихся там жирных священников.

Однажды в разговоре всплыло имя Фредерика Фергюсона.

— Вот вам, мой мальчик, — начал Слейни-Смит, приглаживая через желтый носовой платок длинные, свисающие по обеим сторонам рта усы, — пример умнейшего человека, пострадавшего от христианского учения. Сей вековой предрассудок, чудовищный пережиток идолопоклонничества, настолько завладел им, что приходится сомневаться в его мотивах. Да, он просвещенный предприниматель, который занимается благотворительностью, — но помогает ли он ближнему, потому что так диктуют совесть и разум, или руководствуется страхом перед адским огнем, боится лишиться права на загробную жизнь в райских кущах, среди ангелов?

Стивен рассмеялся.

— Какая разница — коль скоро он творит добро?

Его собеседник был шокирован. Для него побуждения были важнее самих поступков.

— Кроме того, — продолжал он, — вся жизнь мистера Фергюсона сводится главным образом к молитвам, отправлениям культа, святым дням и тому подобным вещам, а это вредно для здоровья. Он не свободный человек, а раб предрассудков. Я всегда говорю ему это прямо в лицо. Суеверия и страх перед Божьим наказанием управляют им точно так же, как каким-нибудь африканским готтентотом. — Мистер Слейни-Смит отпил вина и, повозившись с носовым платком, изрек: — Весьма прискорбно.

— Привозите его как-нибудь сюда, — весело предложил Стивен. — Мы, без сомнения, прочистим ему мозги.

— Увы, это совершенно исключено. Он ни за что в жизни не переступит порог мюзик-холла. Я уже пытался.

— Тогда скажите, чтобы приехал через недельку, здесь будет выступать Великий Клодиус. Я попрошу его предсказать мистеру Фергюсону судьбу. Ручаюсь за неизгладимое впечатление, Правда, Чар?

— Пожалуй, — согласилась барменша.

— Ах, если бы это было возможно, — вздохнул Слейни-Смит.

— опишите вашего друга, — попросила Чар, протирая стаканы.

— Он владеет красильнями и живет в роскошном особняке за городом.

Я регулярно там бываю и даю советы, на основе которых он принимает важные решения.

— И вы не можете избавить его от предрассудков?

— Вынужден констатировать — полное фиаско. Кажется, это звонок?

— Не беспокойтесь, Моррис предупредит нас о начале представления.

— Вы обязательно должны побывать на одной из моих лекций в Карпентер-Холле, — строго произнес мистер Слейни-Смит. — Лыщу себя надеждой, что в этот переломный момент в истории человечества и я вношу скромную лепту в дело борьбы против невежества и предрассудков. Перед человечеством открываются новые, необычайно широкие горизонты на путях образования и прогресса. Даже если путь его по-прежнему лежит во мгле, это так вдохновляет — гораздо больше, чем рабское следование средневековым догмам.

В дверь просунул голову Моррис — двоюродный брат и помощник Стивена Кроссли.

— Все готово, Стивен. Держать твое кресло занятым?

— Посади на него мистера Слейни-Смита. Я не пойду в зал.

Через неделю с небольшим Стивен отправился со своим новым другом ужинать к Фергюсонам. Ему был безразличен мистер Слейни-Смит, и он не особенно интересовался владельцем Гроув-Холла, но понимал, как важно водить знакомство с влиятельнейшими людьми в городе. Поэтому он поехал произвести хорошее впечатление и угодил в собственные сети.

Дом во многом оказался таким, как он и ожидал, но обитатели несколько удивили Стивена.

Мистер Слейни-Смит не подготовил его к габаритам и силе личности мистера Фергюсона, и на первых порах это сбило Стивена с толку, Он даже забыл напустить на себя холодный, рассеянный вид, который принимал, имея дело с теми, кто уступал ему по части космополитизма. Брат и сестра мистера Фергюсона показались ему полными ничтожествами, а сын — бледной тенью отца. Зато невестка!..

Она появилась в гостиной перед самым ужином, поздоровалась приятным, нежным голоском, однако за столом говорила мало, больше отдавала распоряжения слугам.

Беседуя с мистером Фергюсоном и мистером Слейни-Смитом, Стивен то и дело бросал на нее восхищенные взгляды. Он забыл свое прошлое и думал лишь о том, что еще не встречал такой красавицы. Она словно озарила бледно-золотым сиянием всю его жизнь, вошла в нее так неожиданно и волнующе, что он чувствовал ком в горле и слышал биение своего сердца. Речь Стивена сделалась более гладкой, вдохновенной, с

присущим его ирландским предкам остроумием.

Впоследствии он никак не мог восстановить в памяти ход этого вечера; даже мистер Слейни-Смит признал, что никогда еще время не летело так быстро.

Когда миссис Фергюсон их оставила, все кругом потускнело. Стивен с тревогой спрашивал себя: увидит ли он ее еще раз? Во время разговора за столом он иногда ловил на себе ее внимательный взгляд, особенно когда речь заходила о будущем театра.

Ему, однако, скоро пришлось сменить тему из-за явного неодобрения мистера Фергюсона. Если он хочет и дальше быть принятым в этом доме, нельзя ссориться с хозяином.

К его огромной радости, немного погодя, миссис Фергюсон вновь присоединилась к их кружку, и он смог лучше разглядеть ее, пока она устраивалась в кресле у камина.

Стивен не мог взять в толк, откуда она взялась и что здесь делает. Его попытки вовлечь ее в разговор бесцеремонно пресекались кем-нибудь из присутствующих. Старики не желали, чтобы она царила на их званом ужине. А Стивен умирал от желания услышать ее милый голосок, понять, что она из себя представляет.

Частью из любопытства, он свернул разговор на тему религии, втайне гадая: вцепятся ли старые приятели друг другу в глотку? Однако этого не случилось. Спор был похож на фехтование двух опытных бойцов, которые успели досконально изучить повадку противника и с невероятной ловкостью отражали каждый выпад, без труда угадывая направление следующего удара. Кося одним глазом в сторону молодой женщины, Стивен подбрасывал спорщикам провокационные вопросы, но получалось, что не они, а он начал терять выдержку — так на него подействовала та напыщенность, с какой они провозглашали свои взгляды.

Наконец мистер Слейни-Смит завел разговор о даме, которая с месяца назад давала в "Варьете" сеансы чтения мыслей и телепатии. Стивен почувствовал себя на родной почве и с жаром заговорил. Но ему быстро заткнули рот более словоохотливые джентльмены.

— Вчера в Атенеуме было исключительно интересно, — заметил Брук. — Жалко, что вас не было.

— А, новоявленный спиритизм...

— Да, новоявленный спиритизм, — строго произнес мистер Фергюсон и объяснил Стивену — Речь шла о том, чтобы — как это они выражаются? — "прийти к общему знаменателю относительно природы столоверчения". Дискуссия велась на высочайшем интеллектуальном

уровне и сопровождалась демонстрацией опытов.

— Успешных? — осведомился Слейни-Смит.

— В какой-то мере. Не настолько, чтобы убедить меня в правоте приверженцев этого учения, но до некоторой степени...

— О чем это вы? — спросила Корделия. — Брук ничего мне не рассказывал.

— Да, — растерялся тот. — Признаюсь... Стол действительно раскачивался, и довольно сильно. Это вполне согласуется с теорией доктора Карпентера. А именно: если несколько человек сядут вокруг стола, положат на него ладони и как следует сосредоточатся, сила мысли оказывается достаточной, чтобы двигать легкий столик по комнате.

— "Сила мысли"! — уронил в усы мистер Слейни-Смит. — Это антинаучно!

— Как же вы это объясняете?

— Чистейшей воды шарлатанство! Вам морочат голову. Знаю я публику Атенеума! Сборище молокососов, падких на всякие фокусы.

— О нет, — возразил Брук. — Вы несправедливы, мистер Слейни-Смит. Все было в высшей степени серьезно. Председательствовал сам доктор Пауэлл, а уж о нем никак не скажешь, что он склонен к мистификациям.

— Вы хотите сказать, — удивилась Корделия, — что столик действительно сам по себе двигался? И это может случиться с любым столиком?

— Почти, — ответил Стивен. — Но круглый удобнее всего, особенно если его поверхность не слишком отполирована. Бесспорно, столоверчение — простейшее из явлений такого рода. Если среди собравшихся отыщется медиум, чудеса обеспечены.

— У вас, должно быть, большой опыт? — она впервые обратилась прямо к нему.

— Ну... есть кое-какой (однажды в Ноттингеме он предпринял попытку такого рода с "Сестрами Бейли" и комиком Максом).

— Это имело отношение к мюзик-холлу? — любопытно спросил Брук.

— Не совсем. — Стивен начал испытывать раздражение: разговор пошел не туда. — Нас интересовал спиритизм сам по себе. В Америке, например, подобные опыты в порядке вещей. У меня там есть знакомые.

— Об этом часто приходится читать, — сухо добавил мистер Фергюсон.

— Надеюсь, вы сами не медиум? — с досадой проговорил мистер Слейни-Смит.

— О нет. Я просто любознателен. Много путешествую. Стараюсь расширять кругозор.

Вот теперь он на правильном пути. Беда лишь в том, что, пытаясь заинтересовать миссис Фергюсон, он привлек к себе внимание остальных. Завязалась оживленная беседа. Стивен все больше углублялся в дебри и вдохновенно прикидывался знатоком в таких вещах, в которых его собеседники смыслили еще меньше.

Часы пробили половину десятого — время вечерней молитвы и легкого ужина.

— В случае, если в наших краях объявится один из ваших знакомых медиумов, — сказал мистер Фергюсон, — дайте мне знать, я приглашу его в Гроув-Холл. Мне хотелось бы узнать об этом побольше.

— Да, хорошо бы устроить сеанс, — мистер Слейни-Смит улыбнулся, показывая искусственные зубы. — Посмотрим, что нам поведают души усопших.

— Это будет нечестно по отношению к мистеру Кроссли, — вмешалась Корделия. — Пригласить человека в гости, чтобы потом выставить на посмешище.

— Ни в коем случае, — заверил хозяин дома. — Мне и в голову не приходило ничего подобного. Я буду рад отнестись к этому человеку и эксперименту в целом безо всякого предубеждения.

— В любое удобное для вас время, — легкомысленно заявил Стивен, поглядывая на Корделию.

— У вас уже есть кто-нибудь на примете? — осведомился мистер Фергюсон.

Отступить или и дальше лезть на рожон? Капитулировать в ее присутствии? Ни за что!

— Не то чтобы я мог сию минуту обещать что-то конкретное. Но я сразу же дам вам знать.

— Это меня вполне устроит.

— Могу я навестить вас, если что-нибудь подвернется?

— Само собой. Мы будем очень рады.

В конечном итоге его экспромт дал неплохие результаты. Ему-таки удалось привлечь ее внимание. И теперь у него есть предлог для будущего визита.

И только утром следующего дня Стивен поразился: как можно было выставить себя таким идиотом из-за хорошенькой женщины? Ведь он не имел ни малейшего представления, где искать медиума.

Глава II

Встретив его в театре, Чар принялась расспрашивать о визите, но Стивен не был расположен к праздной болтовне. Он удалился в свой кабинет и стал мерить его шагами, припоминая события вчерашнего вечера. У нее светлые волосы, но не тривиального безжизненного оттенка, а цвета спелой кукурузы. В серо-голубых глазах то и дело вспыхивают искры. Темные девичьи ресницы. Она больше похожа на юную девушку, чем на замужнюю женщину, и в то же время в ней подчас проскальзывает что-то очень взрослое. Интересно, каковы ее отношения с мужем? Они ведут себя непринужденно, но это скорее дружба, чем страсть — в этом он мог поклясться. Ясно, что она никогда не любила мужа.

Появился Моррис — за инструкциями относительно сегодняшнего шоу. После разговора о делах он спросил:

— Что с тобой, Стивен? Ты как будто не в себе.

— Что за чушь. Тебе показалось.

— Слушай, у меня идея. Что, если пригласить в "Помону" Джонсона и еще нескольких популярных артистов? Это будет неплохой рекламой.

— Хорошо. Обсудим это завтра, сейчас мне нужно кое-что уладить.

Моррис с любопытством посмотрел на двоюродного брата.

— Ну что ж. Пойду встречать Клодиуса.

После ухода Морриса и нескольких безуспешных попыток взяться за чтение Стивен возобновил вышагивание из конца в конец комнаты. Может, все дело в том, что он никак не ожидал встретить ее в этом доме? Поместите камелию среди бирючины — и она привлечет ваше внимание скорее, чем на выставке цветов. Хорошо бы увидеть ее еще раз.

Конечно, разумнее было бы устоять перед искушением. Импульс всегда играл определяющую роль в его жизни, что было частью его обаяния. Доводы рассудка обычно запаздывали. А впрочем, лучше не думать обо всем этом, иначе ему не знать ни минуты покоя. Стивен заглянул в бар и был приятно удивлен: Чар уже ушла в зал. Она слишком хорошо его знала — или думала, что знает. Временами это казалось обременительным.

Он пожонглировал в уме кое-какими усовершенствованиями программы, но так и не смог сосредоточиться. Вернулся Моррис.

— Я вот что думаю. Не изменить ли слова песенки Морли?

Стивен резко крутанулся на каблуках.

— Слушай, Чарльз... Клодиус уже приехал?

— Только что. Жалуются на слишком яркие огни рампы.

— Я бы хотел с ним кое-что обсудить.

Моррис вытаращил глаза.

— Освещение?

— Нет. Просто передай, что я его жду.

И Моррис отправился за Великим Клодиусом. На сцене, в свете прожекторов, фигура знаменитого фокусника казалась весьма внушительной, тогда как днем он производил впечатление жалкого старика, лысого и неряшливого. Его можно было принять за потрепанного жизнью итальянского официанта — хотя на самом деле он был родом из Гаскони.

— Входите, входите, мистер Клодиус, — радушно приветствовал его Стивен. — Позвольте предложить вам выпить. Портвейн? Бренди? Прекрасно, я возьму то же самое. Присаживайтесь, пожалуйста. Вот здесь, удобнее всего. Это кресло как раз для вас.

— Благодарю вас, мистер Кроссли. Превосходный бренди. Я сделал правильный выбор.

— Я вижу, вы знаток. Этого следовало ожидать. Настоящего художника отличает вкус во всем. Как вам нравится наш город?

— Очень нравится. Я не жалею, что приехал. Вот только освещение...

Они немного потолковали о делах. Потом Стивен закинул удочку.

— Да, кстати. Я уверен, что вы разбираетесь в потусторонних явлениях. К примеру, известно ли вам что-нибудь о модном сейчас течении — спиритизме?

— Естественно, — с достоинством ответил Клодиус. — Обыкновенное надувательство. В свое время у меня был пес, способный проделывать кое-какие трюки... Маленький Того...

Стивен не дал себя сбить.

— Это поветрие пришло к нам из Америки — столоверчение и вызов душ усопших... Все как будто сошли с ума. Мы имеем дело с настоящим ажиотажем. Не далее как вчера я участвовал в одной такой дискуссии и подумал: если кто-то и смыслит в таких вещах, так это мистер Клодиус.

— Вам не кажется, мистер Кроссли, что я ежевечерне творю куда более удивительные чудеса?

— Ну разумеется. Ваши выступления — настоящая сенсация, я так и написал отцу. А это увлечение спиритизмом — не более чем дань моде, не правда ли? Очередное повальное помешательство. Конечно, с вашей точки зрения здесь нет ничего чудесного... Еще бренди?

— Благодарю вас.

Стивен взял оба стакана и подошел к бару.

— Маленький Того, — гнул свое мистер Клодиус, — обладал поистине уникальными способностями.

Стивен вернул разговор в нужное русло:

— Вы когда-нибудь присутствовали на одном из таких — как они это именуют — спиритических сеансов?

— Что-что? Ах да, сеансы. Нет. Лично — нет. Но один из моих приятелей подробно описывал подобное действо. Не могу сказать, что оно произвело на меня сильное впечатление. Бледновато для мюзик-холла. Вам нужно что-нибудь посвежее, пооригинальнее.

— М-да, — нехотя согласился Стивен. — Конечно, в многолюдном помещении подобные трюки вряд ли могут иметь успех. Зато в маленьких гостиных у этих шарлатанов все преимущества. Должно быть, это неглупый народ, как вы думаете?

— Вы считаете их умниками? Идиотское постукивание по столу, общение с так называемыми духами...

— При чем без всяких приспособлений, — подхватил Стивен. — В незнакомом помещении...

— Пара пустяков. Но зачем вам нужно это мошенничество? Мои выступления в десятки раз эффектнее.

— И тоньше. И виртуознее. И все-таки, мистер Клодиус, в силу особых причин меня интересует это явление. Мне бы хотелось услышать ваш совет.

— Все, что в моих силах.

— Понимаете... Откровенно говоря, я в затруднительном положении. Случилось так, что... мы с приятелем были в гостях у одного джентльмена, и разговор коснулся всеобщего увлечения спиритизмом. И вот, под воздействием момента — чистый импульс, знаете ли, — я заявил, будто знаком с одним медиумом, который мог бы продемонстрировать перед ними свой необыкновенный дар. На самом деле я никого не знаю, но раз обещал... Мне бы очень не хотелось ударить в грязь лицом. И у меня решительно никого нет на примете.

Густав Клодиус допил второй стакан бренди, но отказался от следующего. Вместо этого он отошел к окну и, собираясь с мыслями, уставился на улицу. Потом подергал концы своего переливающегося всеми цветами радуги шейного платка.

— Итак, мсье?

— Что?

— Вы сказали, у вас никого нет на примете?

— Абсолютно никого.

— Верно ли я понял, что вы предлагаете мне выступить в этой роли?

— Ну... Я не смею предлагать, но, разумеется, был бы весьма признателен... Естественно, я готов платить — скажем, вдвое против того, что вы получаете здесь за выступление. Вы бы меня очень выручили.

— Мне бы хотелось расставить точки над "i", если не возражаете. Вы, значит, везете меня в дом вашего знакомого и говорите: "Вот великий медиум Клодиус, который покажет вам, как выглядит общение с духами". Клодиус садится за стол и начинает вызывать духов. Я прав?

— Это было бы замечательно. Если потребуется, я готов ассистировать.

Гасконец внимательно посмотрел на свои ногти и начал полировать их носовым платком.

— Прошу прощения, друг мой, но вы забегаєте вперед. Нет. Нет. Позвольте сказать вам вот что. Я — Клодиус, Великий Клодиус. Я приехал в ваш город с выступлениями — точно так же, как выступал в Лондоне, Париже, Вене. Моя специальность — фокусы. Я честно говорю людям: "Все мои чудеса основаны на ловкости рук. Когда я заставляю леди исчезать, это всего лишь обман зрения, но попробуйте вывести меня на чистую воду. Я закалываю ребенка в ящике, оттуда вытекает кровь, а потом мальчик оказывается жив и здоров. Попробуйте угадать, как я это делаю!" Здесь нет никакого обмана. Я честный человек. Вы же предлагаете мне отправиться вместе с вами в дом ваших друзей и заявить следующее: "Истинная правда. Я общаюсь с духами. Вы не можете разоблачить меня, потому что это существует на самом деле". Я нахожу это бесчестным. А вы предлагаете двойную цену за мой позор!

— Что касается платы, то я назвал ее наобум и готов еще раз удвоить, — быстро сказал Стивен. — Но вы ничем не рискуете. Вы же сами говорите, что эти люди — мошенники. Ваша совесть не пострадает.

— Если я считаю кого-то мошенником, мне не делает чести уподобляться этому человеку.

Стивен вздохнул.

— Ну что ж. У меня еще есть в запасе одна-две недели.

Клодиус заколебался. Он знал, что отец и сын Кроссли контролируют мюзик-холлы в разных графствах, а старший входит в долю "Аламбры". Клодиусу доводилось выступать в Лондоне, но далеко не в лучших мюзик-холлах. К тому же он понятия не имел, присуще ли Кроссли-младшему такое качество, как мстительность. Как бы не ошибиться.

— А что, если объявить спиритизм мошенничеством и в

доказательство продемонстрировать, как это делается? Вот это я бы с удовольствием исполнил. Вы будете поражены.

— Боюсь, что это не годится. Я должен привезти настоящего медиума. Иначе нас сразу выгонят.

— Ваши друзья действительно верят в спиритизм?

— Тут главное — любопытство. Вы не злоупотребите их доверием. Это не более, чем шутка, если посмотреть на вещи в истинном свете. Поверьте, я ни в коем случае не хочу выставить этих людей на посмешище. А если что-то пойдет не так, валите все на меня, не стесняйтесь. Через пару недель вы уже будете в Ливерпуле, а мне и дальше здесь жить. Поверьте, я делаю это с единственной целью укрепить дружеские связи с этой семьей, а не разрушить их.

Глава III

"Сеанс" состоялся в Гроув-Холле в первый понедельник февраля.

Стивена немного беспокоило, как бы Клодиуса не узнал мистер Слейни-Смит. К счастью, тот не присутствовал на открытии гастролей в прошлый понедельник, а в субботу Стивен пригласил его в "Сад Помоны". Риск в любом случае был не особенно велик, потому что на сцене Клодиус выглядел совсем другим человеком.

Вечером в понедельник Стивен заехал за Слейни-Смитом и нашел дегустатора чая далеко не столь самоуверенным в родных стенах, нежели за их пределами. В опрятной, искусно декорированной маленькой гостиной с мебелью, занавесочками и прочими атрибутами домашней жизни острота передового мышления несколько сглаживалась, а логика переставала быть железной. Несмотря на сопротивление Слейни-Смита, здесь он был не чужд некоторой толики тех самых простодушия и наивности, которые так сильно презирал.

— А где же мсье Густав? — выпалил он, идя вместе со Стивеном к карете. Из-за кружевных занавесок в комнатах верхнего этажа за ними следили десять пар любопытных глаз.

— Маэстро прибудет позднее, — ответил Стивен и пояснил: — Он никогда не принимает пищу перед сеансом.

— Ха! — отреагировал мистер Слейни-Смит.

Пока они тряслись на ухабах Гайд-Роуд, Стивен мучился дурными предчувствиями. Все эти хлопоты, расходы... К тому же, когда он во вторник заехал к Фергюсонам, чтобы договориться насчет визита "мсье Клодиуса", Корделии не оказалось дома. Поэтому, только ради того, чтобы еще раз ее увидеть, он пошел на небольшой скандал с отцом. Но что ему до недовольства старшего Кроссли? Вот уже десять дней, как Корделия безраздельно владеет его мыслями. К счастью, ему не приходилось ждать подвоха со стороны Клодиуса. Коль скоро Стивену удалось сломить его сопротивление, маленький француз полностью отдался замыслу — ради собственной репутации.

Наконец они прибыли в Гроув-Холл. Холлоуз помог им раздеться. Стивен принес извинения за временное отсутствие мсье Густава. Тот обещал приехать не позднее девяти часов.

По такому случаю к Фергюсонам съехались гости: брат и сестра Гриффин — милые, ничем не примечательные люди; некая миссис Торп,

дама с монументальной фигурой, задрапированная ниспадающим каскадом кружевной материи; молодой врач по фамилии Берч, долговязый и не особенно привлекательный.

За ужином Стивен сидел на другом конце стола и, таким образом, не имел возможности перемолвиться одним-двумя словечками с миссис Фергюсон. После ужина мужчины бесконечно долго сидели в столовой, пока наконец Стивен не прервал затянувшуюся беседу возгласом, что он, как будто, слышит скрип кареты: должно быть, это прибыл мсье Густав.

Тревога оказалась ложной; после этого мужчины отправились к дамам в гостиную, а Стивен, подметив мелькание краешка белого платья, задержался в столовой, якобы для того, чтобы рассмотреть понравившуюся ему картину. И разумеется, вскоре появилась Корделия — отдать миссис Мередит распоряжения по перемене блюд. Заслышав ее шаги, Стивен обернулся и заговорил с ней. Она выразила сожаление, что не очень хорошо разбирается в живописи, знает только, что эта картина принадлежит кисти Ричардсона; а насчет всего остального ему следует обратиться к ее свекру.

Она уже собралась уходить, когда он быстро проговорил.

— Я был бы чрезвычайно признателен, если бы вы могли задержаться. Мне важно не чье-нибудь, а именно ваше мнение относительно картины.

Она внимательно посмотрела на него в неярком свете столовой, и он в то же мгновение понял, что влюблен — как никогда в жизни. Она так близко...

Корделия сказала:

— На этом пейзаже изображено озеро Бриенц в Швейцарии. Мне трудно судить о мастерстве художника.

— По-моему, это прекрасно. Ему удалось выявить глубину озера.

— Это окрестности Маттерхорна? — в свою очередь поинтересовалась она.

— Не думаю. Больше похоже на Юнгфрау.

— Этот пейзаж нравится мне больше всех, — призналась Корделия. — Наверное, потому, что акварель. Большинство картин, написанных маслом, кажутся мне слишком мрачными.

— Вам случалось бывать в Швейцарии, миссис Фергюсон?

— Нет — как вы и сами могли догадаться.

— А я однажды был. Только не в этих местах. Но, может быть, вы бывали в Париже, любовались картинами в Лувре?

— Нет.

Он смутился.

— У меня... были основания спрашивать.

— О?

— Да. Вы, без сомнения, считаете меня назойливым, — к своей досаде следующую фразу он, чуть ли не заикаясь, выдал из себя: — Всеми виной вашей белое платье. Оно напомнило мне одну виденную там картину. Если вас заключить в раму, я мог бы поклясться, что вы похищены из Лувра.

Корделия пришла в замешательство. Она привыкла к восхищенным взглядам незнакомых мужчин, но подобные комплименты были для нее новы. С минутой она не знала, что ответить.

— Ваш друг еще не приехал? Как вы думаете, он не опоздает?

— Уверен в этом. Я настоятельно просил его не задерживаться позднее девяти часов.

— Мой свекор с нетерпением ждал сегодняшнего вечера.

— Я, должно быть, — быстро проговорил Стивен, — позволил себе неслыханную дерзость. Вас, несомненно, оскорбило такое сравнение. Живая красота, подобная вашей... э... перед ней меркнет любое, даже совершенное, произведение искусства. Умоляю, скажите, что вы меня прощаете!

Она медленным шагом направилась к открытой двери в гостиную, за которой маячила огромная тень Фредерика Фергюсона. В этот момент у парадной двери раздался звонок.

— Наверное, это ваш знакомый.

Им оставалось побыть наедине не более одной-двух секунд. Стивен твердо вознамерился заставить ее дать ответ. Он догнал Корделию и двумя пальцами робко дотронулся до ее руки.

— Надеюсь, вы будете так великодушны простить меня?

Она посмотрела ему прямо в лицо.

— Разумеется, мистер Кроссли. Мне нечего прощать. Спасибо за вашу доброту.

Мимо них к парадному входу протопал Холлоуз.

Глава IV

— Прошу всех соблюдать тишину и спокойствие, — обратился к присутствующим Густав Клодиус. — Вам совершенно не о чем волноваться. Здесь нет ничего из ряда вон выходящего, хотя я и не могу сказать, будто это уж совсем пустячное дело. Будьте добры сесть поудобнее и ждать.

Собравшиеся — все двенадцать человек — окружили резной столик в гостиной. Самого Клодиуса, в своем фальшивом пенсне похожего на бедного профессора из Сорбонны, привязали к креслу кожаными ремнями с пряжками. Он на этом настоял, зная, что хозяева дома — большие скептики. После нескольких вежливых протестов они уступили, и Стивен с доктором Берчем исполнили его просьбу.

Стивену повезло. Корделия должна была сидеть между мужем и мистером Слейни-Смитом, но последнему очень хотелось быть поближе к медиуму, и он попросил молодого человека поменяться местами. Это наполнило Стивена ликованием, а тут еще "мсье Густав", словно по наитию, велел всем крепко взяться за руки. Когда прохладная левая ладошка Корделии скользнула в его правую руку, Стивен понял, что ради одного этого стоило ввязываться в авантюру.

Два отъявленных скептика — Фредерик Фергюсон и Слейни-Смит — расположились по обе стороны от Клодиуса, но это его нисколько не обескуражило. Кипучая натура гасконца приняла вызов. Он ни за что не стал бы надувать вдов и сирот, но это был совсем другой случай. Сейчас он имел дело с двумя малосимпатичными ему английскими типами. Один — Фредерик Фергюсон — удачливый бизнесмен, толстокожий денежный мешок, презирающий мюзик-холл, Вагнера, любовь и иностранцев. Другому, мистеру Слейни-Смиту, жилистому интеллектуалу, впору было бы поучить бедного француза, но он производил впечатление человека, которому самому еще учиться и учиться.

После того как прикрутили газовые лампы, в гостиной остались гореть лишь четыре свечи, прихваченные Клодиусом.

— Постарайтесь понять одну вещь, — предупредил он. — Я ничего не могу гарантировать. Когда в атмосфере сталкиваются несколько недружественных волей, результат, как правило, непредсказуем.

— Не считайте их недружественными, — запротестовал мистер Фергюсон, смахивая с сюртука пылинку.

— С вами-то все в порядке, — возразил Клодиус. — И все же я явственно ощущаю чье-то противодействие. Больше сказать не могу.

Слейни-Смит сухо кашлянул.

— Что касается меня, то я обещаю непредвзято отнестись к любому духу, которого вам будет угодно вызвать. Я был бы только рад встретиться с кем-либо из дорогих усопших и узнать, что из себя представляет рай. Мне весьма любопытно, что случилось с двумя моими тетушками — играют ли они на арфе или на трубе. Вечно они отмачивали что-нибудь этакое.

Мистер Фергюсон нахмурился, и в комнате стало тихо. Кольцо, однако, оказалось прерванным: не хватало рук самого медиума. Он заявил, что это в порядке вещей, и, попросив всех сосредоточиться, склонил лысую голову, как для молитвы. В тишине слышалось только пыхтение мистера Фергюсона.

Ждать пришлось недолго. Тетя Тиш начала было клевать носом, но у нее вдруг заняла любимая мозоль и задергалась нога.

"Старик Фергюсон, — подумал Клодиус, — настоящий лев: с великолепной седой шевелюрой, крупными чертами бледного лица и отчетливой складкой на переносице. За пределами своего дома он слывет богатым, набожным человеком с незапятнанной репутацией. Прекрасная ширма для фарисея!

Зато невестка! Настоящая роза, погребенная в этом угрюмом доме, среди мрачных людей без воображения... Берегись, Клодиус!"

Наконец в напряженной тишине явственно послышался слабый звук. Сначала все подумали, что им показалось, но звук повторился — на этот раз гораздо отчетливее, так что от него стало трудно отмахнуться. Словно маленький звоночек, похожий на волшебный колокольчик — настойчивый, отдаленный и в то же время как будто находящийся здесь, в комнате. Стивен взглянул на Клодиуса — тот не шевелился. Хорошее начало! Не знай он правду, мог бы и сам поддаться суеверию.

Колокольчик все звонил. Слейни-Смит отчаянно вертел головой, пытаясь установить направление звука. Но источник оставался скрытым.

Клодиус поднял голову и приоткрыл глаза, так что сверкнули белки.

— Здесь есть кто-нибудь?

Звон прекратился. Воцарилась мертвая тишина.

— Есть здесь кто-нибудь? — повторил медиум.

Раздался быстрый, легкий стук по столу. Стивен заметил, как молодая женщина рядом с ним вздрогнула.

Мистер Слейни-Смит пристально посмотрел на тщедушного иностранца, а затем перевел взгляд под стол, откуда, как ему показалось,

шел незнакомый стук.

— Кто-то морочит нам голову, — заявил он.

Все дружно запротестовали.

— Ш-ш-ш! — произнес Клодиус. — Один раз — да, и два — нет. Вы настроены дружелюбно?

Один стук.

— Вы существуете в природе?

Один стук.

— Что все это значит? — запротестовал мистер Фергюсон.

Медиум не удостоил его ответом. Снова зазвонил невидимый колокольчик.

— Будете ли вы так добры отвечать на наши вопросы? — громко осведомился Клодиус.

Два стука.

— Что-нибудь не так?

Один.

— Слишком много народу?

Два стука.

— Может быть, слишком светло?

Один стук.

— Ну, в таком случае...

Сидевший напротив Стивена доктор Берч потянулся рукой к одной свече, но Клодиус остановил его возгласом:

— Осторожно, вы нарушите магический круг!

Кто-то ахнул. Одна свеча сама собой задымилась и погасла. Все с благоговейным вниманием смотрели на нее.

Через несколько секунд то же произошло со второй свечой. В наступившем полумраке все уставились на оставшиеся две свечи. Одна вдруг ярко вспыхнула и тотчас погасла.

— Оставьте нам хоть немного света! — попросил Клодиус.

Четвертая, последняя свеча как раз начала гаснуть, но неожиданно снова разгорелась. Она была похожа на крошечный глазок во тьме, которая обступила круглый стол, нависла над присутствующими.

Стивен почувствовал, как в его руке слабо зашевелилась, точно пытаясь ослабить пожатие, рука Корделии. Он выпустил ее, но через несколько секунд вновь завладел нежной ручкой. При этом он устремил на прекрасную соседку взор, но она, не отрываясь, смотрела на последнюю свечу, чье отражение зажгло в ее глазах золотые искры.

Когда Стивен пришел в себя, чудесный колокольчик уже умолк. Он

услышал, как Клодиус задает духу вопрос:

— Кого вы имеете в виду — вот этого джентльмена слева от меня, мистера Фергюсона?

Один стук.

— Минуточку! Думаю, я мог бы описать вас, хотя и вижу очень смутно. Вы — высокий пожилой джентльмен в очках с золотой оправой и окладистой белой бородой. У вас в бутоньерке роза, а вместо воротничка шелковый шейный платок. Верно?

Один стук.

"Еще бы, — подумал Стивен, — не зря же я откопал фотографию в книге о торговле тканями."

— Мистер Фергюсон, вам знаком этот человек? — спросил Клодиус.

— Возможно, — процедил тот.

— Ой, да это же папочка! — раздался тонкий взволнованный голосок с другого конца стола. — Папочка, как ты? Я — твоя маленькая Летиция!

— Тихо! — рявкнул Прайди. — Веди себя прилично, Тиш! Никому не интересен твой детский лепет.

— Но это же папочка, Том! Милый папочка! Он так давно ушел от нас!

— У вас есть для них какое-нибудь сообщение? — спросил Клодиус, вновь обращаясь к духу.

Один стук.

Внезапно Клодиус задержался на своем сиденье.

— Держите меня! — заверещал он. — Держите кресло, иначе я вознесусь!

И они, эти скептики, схватились за ручки кресла, а он яростно извивался, словно борясь с неведомой силой, насколько позволяли кожаные ремни. Впоследствии мистер Фергюсон признался, что кто-то невидимый вырывал из рук кресло. Потом все стихло.

— Отлично, — сказал Клодиус. — Значит, я так и передам. Так вот, этот старый джентльмен говорит своим детям: "Честность — залог процветания". И еще он велит позаботиться о цветах на берегу реки, там, где теперь построены красильни, — не погубить их все.

Собравшиеся застыли от изумления.

— Ой, — пискнула тетя Тиш. — Он всегда это говорил! Ах, он снова покинул нас, я чувствую! Папочка, милый папочка!

Дядя Прайди что-то буркнул. Фредерик Фергюсон не издал ни звука, словно показывая, что его голыми руками не возьмешь.

Однако Клодиус еще не закончил. Он был артистом до мозга костей, то есть обладал безошибочным чувством меры и не собирался ни

переигрывать, ни оставлять неиспользованные возможности. Слейни-Смит несколько раз втянул в себя воздух. Вскоре и другие почувствовали слабый запах ладана. Внезапно погасла единственная свеча. Воцарился кромешный мрак.

— Прошу прощения, — сказал Клодиус. — Они не любят света... Да... Хорошо. Как скажете... Здесь еще двое. Один — молодой человек, он держит в руках деревянную фигурку... да, это распятие. И свеча. Он весь мокрый и дрожит от холода. Кто-нибудь знает этого человека?

Ответа не последовало.

— Боюсь, что мне нечем дополнить описание. Молодому человеку лет двадцать пять, на нем черный плащ. Он промок и продрог... Кто-нибудь узнал его?

Снова молчание.

— Он просит передать следующее: "Прочитайте Евангелие, глава девять, четвертый стих". Все.

— Ой, — запищала тетя Тиш. — Кажется, это...

— Нельзя ли зажечь свет? — дрожащим голосом попросила миссис Торп. — До меня кто-то дотронулся.

— Со мной было то же самое — с минуту назад, — подтвердила мисс Гриффин. — Вот опять...

— Рядом с ним, — как ни в чем не бывало продолжал Клодиус, — молодая женщина. Я смутно различаю ее черты. У нее черные волосы, расчесанные на прямой пробор, и тонкий прямой нос. Она долго была больна...

— Пожалуй, на сегодня достаточно, — перебил мистер Фергюсон. — В общем, мсье Густав...

— Молчите, умоляю вас! — задыхаясь, проговорил тот. — Вы спугнете молодую женщину. Она силится сказать что-то важное. Прошу соблюдать тишину!

Это просто поразительно, как на всех подействовал его приказ. Собравшимися овладела паника — безо всякой причины.

— До сих пор все шло как по маслу, — констатировал Клодиус. — Единственное, что пока не удалось, это материализация. Но при таком большом собрании ее очень трудно осуществить, потому что вы то и дело нарушаете тишину.

— Нельзя слишком многого требовать от новичков, — сказал Слейни-Смит.

Брук поддержал отца:

— Я полагаю, на сегодня достаточно. Все это очень похоже на

розыгрыш. Пойду, скажу, чтобы принесли следующую перемену блюд.

Однако строгому блюстителю этикета, каковым являлся мистер Фергюсон, вмешательство сына пришлось не по душе.

— Боюсь, мистер Густав составит о нас неверное впечатление. И мистер Кроссли.

Брук угрюмо опустил в кресло. У него бешено колотилось сердце. Впрочем, он надеялся, что отец не позволит этой шутке зайти слишком далеко.

— Позднее, мсье Густав, вы нам все объясните, — обратился к Клодиусу хозяин дома.

Тот выдержал довольно долгую паузу и снова заговорил:

— Разница в восемь лет, но это бы еще ничего, если бы он был таким, как я думала. Но у него не было возможности повзростеть. Жить своим умом...

По мере того как Клодиус говорил, его голос постепенно слабел и под конец перешел в невнятный шепот, однако затем снова начал крепнуть.

— Все с самого начала пошло вкривь и вкось. Мы ежедневно ссорились.

— Онвиноват, он! — все услышали, как Клодиус снова с кем-то борется. — Тихо! — произнес он уже своим обычным голосом. — Сейчас что-то будет.

Одна из женщин ахнула. В темноте, в двух-трех футах от того места, где сидел Клодиус, появилось слабое сияние. Постепенно оно обрело круглую форму, качнулось и сдвинулось на один-два дюйма в сторону. Потом вдруг послышался резкий звук, как будто кто-то ударил по клавишам. Брук отшвырнул свое кресло и вскочил на ноги. Было слышно, что он направляется к камину. Светящийся круг исчез. Клодиус хватал ртом воздух.

— Не надо было этого делать, — захныкала тетя Тиш. — Это глупая, очень глупая игра.

Брук зажег лампу и опустил в одно из набитых конским волосом кресел. Стало светлее. Все заворочались, начали оглядываться и щурить глаза. Им было страшно. Клодиус опустил голову на грудь и, казалось, находился в трансе. Стивен неохотно отпустил влажную ладонь Корделии, встал, подошел к Клодиусу и расстегнул ремни. Понемногу француз пришел в чувство и встряхнул головой, словно отгонял от себя непрошенные образы.

Все ноты с фортепьяно были сброшены на пол.

Люди избегали смотреть друг другу в глаза. Мисс Гриффин была очень

бледна и как будто на грани обморока. Сохранивший самообладание доктор Берч дал ей нюхательную соль.

Едва Стивен отпустил руку Корделии, она встала и подошла к мужу.

— С тобой все в порядке, Брук?

— Да, конечно. Зажги остальные лампы, хорошо, дорогая?

Она сделала движение, но Стивен ее опередил.

Корделия поблагодарила. Клодиусу помогли подняться.

— Ничего не понимаю, — бормотал он. — Просто ума не приложу. Связь вдруг оборвалась — ни с того, ни с сего. С вами ничего не случилось?

Присутствующие стали наперебой уверять, что нет. Тем временем мистер Фергюсон велел принести еду. Все прекрасно поняли, что означало последнее видение Клодиуса, и преисполнились сочувствия к Бруку. Лучше всего замять это дело. Все, что сейчас требуется, — легкая застольная беседа об ирландских бунтах, "Дамском литературном обществе" или о плохой погоде. Что же касается спиритизма, то он хорош, пока ограничивается безобидным постукиванием...

Подкрепившись, все почувствовали себя лучше. Хотя после ужина прошло всего два часа, они охотно пили портвейн и крепкий портер, ели сэндвичи с яйцами и пирожки с куриной начинкой. За этими блюдами последовали булочки с джемом, пирожные и сливовый пирог.

Клодиус ощущал себя триумфатором, хотя и не без доли раскаяния. Он зашел чуточку дальше, чем предполагал, но горячительный напиток вернул ему душевное равновесие. Он украдкой рассматривал своих зрителей. Лицо худощавого молодого человека покрыла мертвенная бледность; под глазами образовались темные круги. Его красавица жена притворяется, будто очень беспокоится за него (конечно, притворяется, ибо что еще могло заставить младшего Кроссли пойти на такую авантюру, если не сильное увлечение, а кто, кроме прекрасной, молодой, замужней женщины может воспламенить мужчину?). А этот филистер с напомаженными волосами песочного цвета, жующий такие же песочные, напомаженные усы!.. Зато тучный хозяин дома с честью выдержал испытание — да и то лишь благодаря своим стальным нервам.

По мере того как Клодиус расходился, Стивен все больше нервничал. Казалось, еще чуть-чуть — и "мсье Густав" выдаст свою принадлежность к артистической среде. Он разглагольствовал о Франции, Второй империи и о своей собачке Того, и все не могли надивиться, какой это милый и безобидный человек — после столь зловещего начала. Стивен несколько раз бросал на него красноречивые взгляды, но ничто не могло остановить

Клодиуса, пока все, что могло быть выпито и съедено, не оказалось у него в желудке. А поскольку других оснований для его пребывания в этом доме не было, мистер Фергюсон вернулся к вопросу о том, как и почему тот пришел к спиритизму. Маэстро чувствовал себя слишком уютно, чтобы отказать хозяину. Пока Стивен исходил холодным потом и незаметно для окружающих скрежетал зубами, маленький гасконец поведал высосанную из пальца историю своего детства — на это ушло не менее четверти часа.

Когда он наконец откланялся, воцарилось неловкое молчание. Стивену было ясно, что его присутствие мешает искреннему обмену мнениями, однако он не спешил с уходом.

— Любопытный субъект, — с присущим ему либерализмом изрек мистер Фергюсон. — Разумеется, не следует спешить с выводами. Жаль, что Брук перебил его на самом интересном месте.

— А фортепьяно? — при одном воспоминании миссис Торп вздрогнула. — Вы слышали фортепьяно?

— Во всяком случае, — хозяин дома обратился к Стивену, — мы у вас в долгу за интересно проведенный вечер.

— Не стоит благодарности, — ответил Стивен. — Это я должен выразить вам свою признательность за проявленное терпение. Мсье Густав — большой оригинал.

— Не то слово, — сухо заметил Слейни-Смит.

Стивен бросил на него быстрый взгляд, но успокоился, когда Слейни-Смит добавил:

— Разумеется, существует научное объяснение этого феномена. Например, телепатия. Телепатия плюс мелкая подтасовка.

К разговору подключился Прайди:

— Надеюсь, вы удовлетворены? Странно, что вы не стали колоть его булавками, чтобы убедиться, не колдун ли он.

Остальные трое или четверо мужчин не удостоили его ответом, но оживленно заспорили между собой, как это все-таки могло произойти.

— Благодарю вас, миссис Фергюсон, — тихо промолвил Стивен, — за то, что пригласили меня к себе домой. Это большая честь. До сих пор я чувствовал себя в Манчестере очень одиноко.

— Вы здесь постоянно живете?

— Не совсем. Мне приходится много ездить. Отец купил дом в Моссаиде. Но вообще-то большую часть дня я провожу в городе.

Наступила пауза. Корделия собралась уходить, но Стивен удержал ее.

— Хотя я все время на людях, однако не так-то легко завожу друзей. Предчувствие говорит мне, что в вашем лице я смогу приобрести друга.

— Да, конечно, — согласилась Корделия. Ее немного беспокоили искры восхищения в глазах Стивена. Такой человек наверняка чувствует себя как рыба в воде в любой компании. Трудно поверить, что ему действительно нелегко сходить с людьми.

Тем временем Фредерик пробормотал себе под нос:

— Интересно, обратил ли кого-нибудь этот эксперимент в новую веру?

Его брат услышал и проворчал в ответ:

— Нельзя обратить того, кто уже верует.

— Ты веришь в спиритизм? Мне показалось, ты даже не проявил интереса.

— Я не верю в спиритизм, но верю в загробную жизнь и духов. Ты бы тоже поверил, если бы знал Библию так же хорошо, как хвастаешь.

Корделия в тревоге нахмурила брови. Не часто случалось, чтобы Прайди бросал вызов брату — да еще при посторонних. Стивен поспешил снова переключить ее внимание на свою особу:

— Я был бы счастлив, если бы вы с мужем как-нибудь посетили "Варьете". Мы стремимся поднять художественный уровень и превратить наш театр в респектабельное заведение.

— Благодарю вас.

— Вы куда-нибудь выезжаете по вечерам?

— Нет. Только изредка в филармонию.

— Вот как? Я сам регулярно посещаю концерты. Пойдите... Когда у нас следующий концерт?

— Кажется, в будущий понедельник.

— Ну конечно. Я же заказал билеты. Может быть, вы с мужем составите мне компанию?

— Спасибо. Но с нами, как правило, ездит отец мужа.

— Само собой, я приглашаю и его. Могу я заехать за вами?

Это "за вами" прозвучало так, словно относилось к ней одной.

— Прошу вас, мистер Кроссли, не считайте это решенным делом. Я не могу отвечать за Брука и мистера Фергюсона.

Мисс Гриффин встала — отчасти затем, чтобы не дать разразиться грозе, — и это послужило сигналом для остальных. Стивену так и не удалось уговорить Фергюсонов принять его приглашение посетить "Варьете", но он был бесконечно счастлив, что они будут вместе на концерте. Он снова увидит Корделию!

Всю обратную дорогу Слейни-Смит молчал, и Стивен почти физически ощущал, как его привыкший логически мыслить мозг бьется над загадками этого вечера. Прежде чем расстаться, Стивен пригласил

старика еще раз посетить вместе с ним в субботу "Сад Помоны". Это исключило последнюю возможность для Слейни-Смита столкнуться с Великим Клодиусом, прежде чем тот увезет в Ливерпуль "Исчезающую леди".

Глава V

В следующий раз он навестил Фергюсонов в пятницу. Не очень-то осторожный шаг с его стороны, но он не мог выбросить Корделию из головы.

Дверь открыла горничная, а не дворецкий с бакенбардами, и сразу пошла посмотреть, дома ли миссис Фергюсон, а он остался в холле, смущенно теребя шляпу. В гостиной послышались голоса; Стивен через весь холл бросился туда и чуть не налетел на горничную, которая, стоя к нему спиной, докладывала хозяйке о его приезде.

— Прошу прощения, — пробормотал он, глядя поверх ее головы на Корделию. — Виноват, миссис Фергюсон, но мне послышалось, будто ваша горничная предложила мне следовать за ней.

— Ах вот что, — щеки молодой женщины покрылись легким румянцем. — Ничего, мистер Кроссли. Патти, можете идти.

Девушка подавила в себе раздражение и вышла. Стивен тотчас заговорил:

— Клянусь, я не собирался быть назойливым, но мне подумалось: ваш муж плохо себя почувствовал после сеанса, вот я и решил заехать, справиться, все ли в порядке.

В глубине души он злился, что непосредственность влюбленного делает его грубияном в ее глазах. Так ему никогда не завоевать ее дружбу.

Стивен обратил внимание на то, что на столе поверх бархатной скатерти постелена клеенка, а на ней рассыпаны какие-то медные и бронзовые колесики, шестеренки и перевернутый вверх дном деревянный футляр. Сама Корделия надела поверх кашемирового платья черный шелковый фартук с оборками.

— Спасибо, не беспокойтесь, — она хотела сказать, что у Брука болит горло, но ее что-то удержало. — Садитесь, пожалуйста, мистер Кроссли.

— Мне очень неловко: я помешал...

— Это всего лишь часы.

— Да, вижу. Что вы с ними делаете?

— Чищу.

— Странное занятие. Я бы сказал, оригинальное.

— Ну что вы... Кажется, пошел дождь?

— Так, слегка покапало. Должен признаться, я не разбираюсь в механике.

— Дядя Прайди пошел без пальто, — задумчиво произнесла Корделия и подошла к окну. В глазах сверкали затаенные огоньки.

— Боюсь, миссис Фергюсон, что, если вы не продолжите свою работу, мне придется откланяться, чтобы не мешать.

Она взяла в руки одно зубчатое колесико, радуясь предлогу не смотреть на гостя. Ей было ясно — с того самого вечера, — что этот красивый, много повидавший и на редкость энергичный молодой человек влюбился в нее — или вбил себе в голову, что влюбился. Надо быть слепой, чтобы не заметить. Корделия была в одно и то же время польщена, взволнована и не слишком уверена в себе.

— Я искала поломку, — объяснила она, — а когда нашла, то решила заодно и почистить. Нельзя держать хорошие старинные часы в таком состоянии.

— И в чем же оказалось дело? — он наклонился над столом и принялся рассматривать корпус из дуба и то, что казалось ему нагромождением колесиков, винтиков и шестеренок.

— В анкере. Он сильно изношен; от зубчиков образовались вмятины на кулачках, и он стал неправильно регулировать ход.

— Да? — удивился Стивен. — Ну, знаете, для меня это — китайская грамота. Покажите, пожалуйста, где это.

Корделия показала. Гость нагнулся над столом; их головы почти соприкоснулись. Он глубоко вздохнул.

— Надо же, какие крохотные зубчики! И вы утверждаете, будто от них-то и зависит ход часов?

— Да. Нужно завести.

— Какая малюсенькая!

— И тем не менее от нее зависит амплитуда маятника.

— А эти маленькие штучки?

Корделия начала объяснять, но вдруг заподозрила, что он не слушает, и смолкла. Их взгляды встретились.

— Миссис Фергюсон... Откуда вы все это знаете?

— От отца. Он охотно мастерит и ремонтирует часы.

— Это его хобби?

— А также источник средств к существованию.

— Должно быть, он удивительный человек.

— Вы правы.

— Он живет далеко?

— Нет, всего в миле отсюда.

— Вы его часто навещаете?

— Довольно часто, а что?

— Мне бы хотелось с ним познакомиться. Может, возьмете меня как-нибудь с собой?

— С удовольствием, — и это было правдой. Корделия еще не встречала никого, похожего на Стивена Кроссли. А он все с тем же неотразимым обаянием продолжал атаку.

— Ваш муж дома?

— Нет, он редко возвращается раньше шести.

— Извините. Я не знал, что он каждый день ездит на работу. Надеюсь, мы увидимся в понедельник, — Стивен медленно отошел к окну. — Как, должно быть, хорош этот сад летом. Правда, миссис Фергюсон?

— Могу я предложить вам чаю, мистер Кроссли?

Ему не хотелось тратить время на чай.

— Нет, благодарю вас. Может быть, как-нибудь потом, когда вы не будете заняты и я смогу быть уверенным, что не оторвал вас от работы... Как вам понравился мсье Густав?

— Он произвел на меня сильное впечатление.

("Это был не его голос, — твердил Брук. — И слова не ее. Даже если бы она могла воскреснуть, она не говорила бы так. Клянусь тебе, Делия!")

— Хотите еще раз побывать на спиритическом сеансе?

— Нет, не думаю.

— Мсье Густав покинул наши края. Но, может быть, ваши родные захотят устроить такой сеанс без его участия?

— Поговорите с Бруком. Я сильно нервничала. Такие вещи не для меня.

Стивен кивнул.

— Со мной вначале было же самое. Мсье Густав от вас в восторге.

— От меня? Но я с ним и двух слов не сказала.

— Дело не в словах. Просто он хорошо разбирается в людях. У него сложилось мнение, будто вас здесь недооценивают. Вы созданы для чего-то большего. Он ничего не имеет против вашей семьи, но утверждает, что ваши исключительные способности требуют, чтобы их развивали.

— Он действительно так сказал?

— Конечно — и не только это. Он превознес до небес вашу красоту — что не удивительно...

— Я вполне довольна своей жизнью, мистер Кроссли.

— Не сомневаюсь в этом. Действительно — почему бы и нет?

— И потом, — добавила Корделия, — у меня нет никаких выдающихся способностей.

— Вы их просто не осознали.

— Даже если бы они и были, я бы ни за что не захотела развивать их за счет... других людей. — Она улыбнулась. — Спасибо за ваш интерес ко мне. Увидимся в понедельник, да?

— Конечно, — серьезно сказал Стивен и взял ее руку. — Спасибо, что не прогнали меня, миссис Фергюсон. До свидания. Буду с нетерпением ждать понедельника.

И ушел, чуточку обиженный, прежде чем она успела вызвать горничную.

* * *

"Целых полтора года я прилагала усилия, чтобы стать одной из Фергюсонов. Верной женой. Почтительной невесткой. Старалась быть доброй и уравновешенной. Обуздывать свой нрав. Беспрекословно слушаться. Я приспособилась ко вкусам и привычкам мистера Фергюсона. Поездки в церковь — трижды по субботам и один раз в среду. Молитва в кругу семьи и моя собственная тайная молитва... Но до чего же странное чувство — когда на тебя вот так смотрят! Он ушел — осталась сухость во рту и слабость в коленях. Если существует спиритизм, то и магнетизм тоже. Пока я объясняла ему устройство часов, в меня словно проникла некая инфекция. А, чепуха, должно быть, заразилась от Брука... Сегодня утром холодная ванна мистера Фергюсона не была готова к сроку, и все чувствовали себя преступниками. Можно подумать, что мы только ради него живем и дышим! Ну почему он требует готовить ее в столь раннее время, в подвале, причиняя всем неудобства? Но ведь я давно, по собственной воле, смирилась со всеми его чудачествами — откуда же это возмущение? Нужно ли рассказывать о посещении мистера Кроссли — его никто не видел, кроме Патти? Нет, разумеется, нужно сказать, иначе возникнут подозрения..."

— Дорогой, — сказала она Бруку, — раз у тебя так сильно болит горло, тебе следовало бы съездить в Полигон. — В Гроув-Холле было не принято вызывать врача на дом: обычно больного везли на двуколке в Полигон, резиденцию доктора Берча. — Роберт пропишет тебе полоскание и микстуру.

— Само пройдет, — еле слышно возразил Брук. Несмотря на постоянные недомогания, он испытывал суеверный страх перед медиками,

даже если врач был его школьным товарищем.

— Тогда ложись. Утром тебе станет легче. — И она вернулась к своим мыслям.

"Я не плохая дочь. Мама получила уйму красивых вещей для детворы. Тедди больше не работает помощником торговца тканями, а служит в страховой компании. Эстер помолвлена с Хью Скоттом. Папа... Пускай он не любит здесь бывать, зато я сама их часто навещаю и забочусь о них с мамой. Что же касается меня... Я сказала Стивену, будто довольна жизнью. Так оно и есть. Может быть, несчастлива, но довольна. Пусть даже я не испытываю радостного волнения... как сейчас... Может быть, это и есть счастье?"

— Мистер Фергюсон, — обратилась она к свекру, — я убедил Брука лечь в постель. После ужина отнесу ему немного овсянки.

— Вы правильно поступили, дорогая. "Отче наш..."

"Кажется, под конец я чем-то обидела Стивена. Он ушел такой грустный. Вдруг я его больше не увижу — после понедельника? Стану ли я жалеть об этом?"

— Аминь, — произнесла тетя Тиш. — Ах, Фредерик, тебе следовало бы меньше нагружать мальчика работой. Я знаю его лучше, чем ты.

— Он просто неженка, вот и все. Мне неприятно говорить такое о собственном сыне, но если бы он занимался физическими упражнениями, как я, это пошло бы ему на пользу.

В последнее время старик говорил о Бруке с неизменным кисловатым выражением. Похоже, он стал относиться к невестке лучше, чем к своей крови и плоти.

Тетя Летиция не отличалась особым тактом.

— Мальчику хуже с понедельника, с тех самых пор, когда затеяли эту дурацкую игру. Не надо было этого делать. Он такой впечатлительный! Помни об этом, Фредерик.

— На месте Маргарет, — вступил в разговор дядя Прайди, дожевывая пищу, — если бы мне удалось на минуту-другую вернуться с того света, я не стал бы даром терять время, сообщая то, что и так всем известно. Но она всегда отличалась своеволием. Опять же, равнодушие к музыке... — Он помахал в воздухе ножом и повернулся к Корделии. — Верный признак ущербности. Атрофия чего-то очень важного. Существенный изъян — как глазок в деревянной доске, только что не бросается в глаза. А посему...

— Я считаю, Том, — перебил его мистер Фергюсон, — что Корделии это нисколько не интересно.

— Совсем забыла, — сказала Корделия. — Здесь был мистер Кроссли.

— Вы с ним разговаривали?

— Несколько минут. Он заезжал узнать, как мы себя чувствуем после понедельника.

— Очень любезно с его стороны, — с какой-то двусмысленной интонацией произнес мистер Фергюсон.

— Он настаивает, чтобы мы ехали на концерт в его экипаже. Помоему, это ни к чему.

— Некоторые обожают носиться со своей услужливостью. Жалко, что я не могу поехать с вами. С утра придется отправиться в Олдхэм, а возможно, и заночевать там. Брук говорил?

— Нет. У него сильно болит горло. — Корделия посмотрела на свекра, пытаясь определить, не есть ли это одна из его дипломатических отлучек.

— Я полагаю, дядя Прайди будет рад меня заменить. Да, Том?

— Уже бегу, — откликнулся тот. — Тиш, передай мне кусок пирога.

Мистер Фергюсон никогда раньше не ездил на концерты и начал только когда понадобилось сопровождать Корделию с Бруком.

"Вот и хорошо, — подумала она. — Дядя Прайди непредсказуем, зато способен существовать сам по себе. Мы сможем забыть о его присутствии и наслаждаться музыкой. Неужели мистер Фергюсон невзлюбил Стивена? Такое уже бывало — когда кто-либо из его знакомых становился и нашим другом..." Чтобы проверить свои подозрения, после ужина она спросила:

— Мистер Фергюсон, это что — неожиданный вызов в Олдхэм?

Он отложил газету и посмотрел на нее поверх очков.

— Какие-то неприятности с профсоюзами. Работодатели угрожают уволить зачинщиков, если они будут и дальше мутить воду. Съезжу, посмотрю, нельзя ли найти выход из тупика.

— Что вы думаете делать?

— Может, удастся убедить нанимателей. Возможно, когда-нибудь нам придется стоять насмерть, но мы, как добрые христиане, должны быть уверены в своей правоте. Не думаю, что это время уже пришло.

— Вы надеетесь, что другие станут думать, как вы?

Он снисходительно улыбнулся, с полным сознанием своего могущества и морального превосходства. Советник Фергюсон!

Корделия собралась было уходить, но свекор остановил ее:

— А почему вы спрашиваете?

— Мне просто интересно.

— Верю. — Мистер Фергюсон снял очки и стал протирать их. — Какая чудовищная несправедливость — до такой степени ограничивать женщин в правах! В какой школе вы учились?

— У мисс Гриффит.
— Не самая лучшая школа.
— Лучшая из тех, какие папа мог себе позволить.
— Разумеется. Но все дело во врожденных способностях. Никакой педагог не научит рачительно вести хозяйство.
Корделия улыбнулась.
— Это нетрудно. Просто я делаю то, что мне нравится.
Фредерик кивнул. Корделия смутилась: ее и радовала похвала свекра, и тяготило его присутствие.
— Вы видели наши красильни?
— Нет.
— А хотели бы?
— Да, конечно.
— Надо будет как-нибудь взять вас с собой. Скажите, Корделия, как вы находите молодого Кроссли?
— Он... довольно приятный молодой человек.
— Даже очень. Лично мне он нравится. По-моему, у него только один недостаток — принадлежность к миру искусства.
— Да...
— Такие люди не особенно надежны — при всей пылкости. Дружба для них не имеет такой цены, как для нас. Как вы считаете?
— Я никогда не имела дела с людьми театра.
— Вот именно. Уверен, наши отношения будут и дальше оставаться дружескими. Просто мы существуем в разных мирах. Наш мир — реальный, прочный, хотя, может быть, несколько приземленный. Его мир — ярче, привлекательнее, однако фальшивее. Понимаете, что я хочу сказать?

Глава VI

Бруку стало хуже, и пришлось все-таки послать за доктором Берчем. Тот сказал, что у Брука ангина и ему следует пару дней оставаться в постели. Корделия с растущими возбуждением и тревогой ждала понедельника. С утра Бруку полегчало, и, так как в этот вечер должны были исполнять прелюдии Шопена, он страстно хотел поехать.

Мистер Фергюсон отбыл в Олдхэм. Зато нагрянул Берч и решительно воспротивился планам своего пациента.

Весь день Корделия была сверхвнимательна к Бруку. Ею владело беспричинное чувство вины, и она пыталась утопить в заботах о нем безотчетную тревогу.

После обеда она читала ему вслух. Брук был послушен и полон признательности. Когда она закончила последнюю главу "Стража", он изъявил желание послушать "Башни Барчестера" — эту книгу ему много лет назад подарили на день рождения, и он так до сих пор и не прочел ее. Должно быть, валяется в чулане вместе с игрушками и школьными учебниками. Корделия мигом вскочила и, не слушая его протестов, бросилась на поиски.

Чуланом служил чердак — тесное помещение с покатой крышей и маленькими слепыми окошками. Корделия, подобрав юбки, с кошачьей грацией пробиралась между грудями сваленных на пол книг.

Наконец она нашла то, что искала. *"Дорогому Бруку на восемнадцатилетие — от мамы, с любовью"*. Книга так и осталась неразрезанной. Почему? Может быть, мистер Фергюсон позволил себе пренебрежительное замечание? Иногда Корделия пыталась представить себе мать Брука — была ли она рабой мужа-деспота или ей удалось сохранить индивидуальность? Судя по однажды допущенной дядей Прайди оговорке, эта женщина не жаловалась на свою судьбу...

Неожиданно Корделии попался на глаза небольшой кожаный бювар. Она расстегнула его. Оттуда выпали несколько писем, какие-то счета и толстая тетрадь с надписью: *"Дневник 1865 года"*. Она увидела нанесенные аккуратным, мелким почерком колонки цифр и несколько страниц текста. Имена большей частью были заменены инициалами.

Сначала Корделия листала тетрадь равнодушно, но потом некоторые фразы привлекли ее внимание, и она подумала: "Уж не за этим ли приезжал Дэн Мэссингтон?" Месяц спустя он повторил визит, но ее, по совету

мистера Фергюсона, "не оказалось дома". И больше она о нем не слышала. В их доме не поощрялись разговоры о Мэссингтонах. Постепенно ее любопытство сошло на нет.

"Четвертое января.

Если бы это не был великий грех, я просила бы Господа покарать этого человека за его наглое притворство. Он делает вид, будто глубоко религиозен, но абсолютно ничего не смыслит в истинной вере. Считает себя просвещенным деятелем лишь на том основании, что может обсуждать главы из Библии с этим прожженным циником С.-С., которому доставляет удовольствие богохульствовать в моем присутствии. Они способны неделями толковать о Платоне и метемпсихозе и выяснять, правда ли то, что после смерти наши души вселяются в животных. Какая безнравственность! Скорее лечь в постель и ждать Б., который вечно боится открыть рот! А что сказала быя на его месте?"

Корделия виновато закрыла дневник, но тотчас снова раскрыла его.

"Двенадцатое февраля.

Я третий день лежу и не испытываю ни малейшего желания встать. Наверное, все-таки нужно сделать над собой усилие. Мистер Ф. притворяется добрым и участливым, а я делаю вид, что тронута — ради Б. А может быть, ради себя самой. Мы с мистером Ф. в течение пяти недель не сказали друг другу резкого слова — такого еще не было. Он часто навещает меня и приносит виноград. Я, конечно, выражаю признательность. Однако за этим кроется все та же затаенная враждебность. Мы ни минуты не бываем искренни друг с другом. Я желаю ему смерти. Господи, прости меня, грешную, но порой мне кажется, будто этот человек высасывает из меня кровь. Нам тесно вдвоем на земле. Или я, или он."

Закрывать дневник! У Корделии было такое чувство, словно она совершила что-то запретное, постыдное. Первая жена обращалась ко второй — и безо всяких медиумов.

Ей было нетрудно представить себе те далекие дни. Вопиющее безбожие Слейни-Смита. И как тяжело было женщине не с таким легким характером, как у нее самой, выносить мистера Фергюсона. Только в дневнике Маргарет могла излить душу. Корделия подхватила "Башни Барчестера" и опрометью кинулась прочь.

Когда она вошла в спальню, Брук был слишком озабочен своим состоянием, чтобы заметить перемену в настроении жены. Она снова принялась читать вслух, и это принесло ей некоторое успокоение. У Маргарет была неуравновешенная психика. А вот она — здоровая молодая

женщина, — хотя и разделяет некоторые оценки и чувства Маргарет, но не до такой же степени.

Вечером Корделия особенно тщательно выбирала, что надеть, и трижды сменила прическу. Наконец она остановила свой выбор на бледно-розовом бархатном платье.

Хорошо, что у нее есть своя гардеробная, где можно укрыться от глаз мужа. Когда она вернулась в спальню, Брук что-то писал. Корделия села рядом на кровать и поцеловала его в лоб.

— Жалко, что ты не можешь поехать на концерт. — Она наклонилась и прочла написанное:

*Уныние сказало: "Стань
Невестою моей!"
Но я ответила: "Отстань
И повторять не смей!"*

*Любовь Уныния темна,
Как смертный мой конец.
И дик, и страшен для меня
Терновый твой венец!"*

— Мне нравится, — похвалила она.

— Правда? Мне, как будто, тоже. Как ты думаешь, Делия, здесь нужно что-нибудь добавить?

— Нет. По-моему, это вполне законченное произведение.

— Как правило, стихотворение состоит из трех строф.

— Почему бы не сделать исключение?

Он погрыз карандаш.

— Пожалуй, ты права. Передай Кроссли — мне очень жаль, что я не могу поехать с вами. Объясни ему как следует, чтобы не думал, будто это из-за спиритического сеанса.

— Конечно, Брук. Я уверена, он поймет.

Как и следовало ожидать, дядя Прайди и не подумал переодеться — в отличие от брата, он не заводил целого гардероба. В первых рядах партера его повседневный, нечищенный сюртук привлечет всеобщее внимание.

Едва Корделия спустилась вниз, как раздался звонок и доложили о Стивене Кроссли.

Он вошел, пряча бьющую через край энергию, стараясь не делать

резких движений головой или плечами, хоть в какой-то степени приноровиться к тягучему ритму этого дома и его обитателей. Но при виде Корделии его живые карие глаза радостно вспыхнули, а когда она извинилась за недомогание Брука и вынужденный отъезд мистера Фергюсона, он не поверил своим ушам.

— С нами поедет дядя Прайди, — поспешила добавить Корделия.

Старик уже спускался по лестнице.

— Благодарю вас, — Стивен отвесил в сторону Прайди небольшой поклон. — Благодарю вас обоих.

По дороге старик завел разговор о своей книге, которую собирался назвать "Наследственные и благоприобретенные навыки поведения у мышей". Корделия ни разу не слышала, чтобы дядя Прайди о ней рассказывал, даже не была уверена, что такая книга существует в природе. Стивен, охотно поддерживая разговор, в то же время не отрывал глаз от Корделии.

У парадного подъезда "Джентльмен Концерт-Холла" сгрудились экипажи. Воодушевленный горячим приемом в Америке, Блаватский должен был исполнить двадцать четыре прелюдии и девять скерцо. Чтобы за столь короткий срок достать билеты на этот концерт, Стивену пришлось нажать на все рычаги, пустить в ход все мыслимые связи.

Когда они уселись и дядя Прайди начал с кислым видом листать программку с приложенными нотами, Стивен наклонился к Корделии.

— Я весь уик-энд не находил себе места.

— О?

— Знакомо ли вам это чувство вины и стыда, когда вы понимаете, что обидели того, чье доброе отношение для вас дороже всего на свете?

— О!

— По-видимому, мой визит в пятницу был истолкован превратно. Или я чем-то задел ваши чувства. Когда я уходил, мне хотелось плакать.

— О! — как ни странно, Корделия была счастлива. — Нет, уверяю вас... ничего такого...

— Вы не представляете, как я рад это слышать! Весь вечер в пятницу я ломал себе голову, метался, точно зверь в клетке. Все пытался понять причину. Неужели вас обидели слова Густава?

— Забудьте об этом.

— Вы так добры! Но все-таки... что-то было?

— Нет. Я рада, мистер Кроссли, что мы приехали на этот концерт. Покажите мне, где сидят музыкальные критики. Вы с ними знакомы?

— Окажите мне честь называть меня Стивеном.

— Но мы только трижды встречались!

— Трижды? А я думал, всего один раз.

— Как это?

— С тех пор, как мы впервые посмотрели друг другу в глаза, для меня остановилось время.

— Но прошло уже две недели.

— У вас хорошая память на цифры. Нет, правда, вы не могли бы звать меня Стивеном — просто чтобы привыкнуть к звукам этого имени? Некоторые считают, что его трудно выговорить.

— Ни за что бы не подумала.

Дядя Прайди положил ей на колени программку.

— Я бы лучше написал аннотацию. Смесь воды с молоком. Вяло. Способно отвратить от всякой музыки.

Корделия улыбнулась: жизнь больше не казалась ей невероятно сложной, как в последние несколько месяцев. Стивен заговорил с дядей Прайди.

— Вы часто ездите на концерты?

— За четырнадцать лет пропустил только два. Недурно для старика. Возьмите конфетку, — он протянул Корделии кулек.

— Вы ездите один? — не унимался Стивен.

— Естественно. Чтобы слушать музыку, вовсе не обязательно обладать четырьмя ушами.

— А почему я вас ни разу не видел?

— Обычно я сажусь подальше. Мне не по карману бархатное кресло. Да и публика в партере слишком фривольная.

Корделия оглядела несколько рядов партера. Солидные торговцы с женами. Чугунноголовые банкиры. Богатые евреи и немцы. Бородатые врачи. Городские советники и священнослужители. Сливки общества. Воплощение респектабельности и здравомыслия. Она украдкой бросила взгляд на Стивена Кроссли и в первый раз отметила красивую форму его головы, длинные, сильные руки.

Публика встретила Блаватского громом аплодисментов. Великий музыкант поклонился и сел за рояль. Пока он устраивался поудобнее, Корделия обратилась к молодому человеку.

— А вы не хотите посмотреть программку... Стивен?

* * *

На дядю Прайди нельзя положиться — Брук всегда это говорил. Обычно он вел себя вполне благовоспитанно, но время от времени все, что было в нем эксцентричного, вырывалось наружу.

Под конец его поведение стало просто невыносимым. Выходя из зала, он выхватил взглядом в толпе старого приятеля по фамилии Корнелиус — тот играл в их оркестре на гобое — и, пробормотав несколько невнятных слов извинения, рванул к нему. Потом узрел еще кучку самодовольных старцев и пустился с ними в обсуждение достоинств Верди и Мейербера. Стивен с Корделией несколько минут ждали его в карете. Наконец он просунул голову в окошко и заявил, что договорился пойти с Корнелиусом в клуб, а поэтому не мог бы Стивен отвезти домой его племянницу?

Стивен прочистил горло.

— Ну конечно же, отвезу. А потом? Прислать за вами карету в клуб?

— Не стоит. Я прекрасно доберусь на своих двоих. Здесь всего-то пара миль. Я всегда возвращаюсь с концертов пешком.

Прежде чем отъехать, Стивен вышел из кареты и что-то шепнул кучеру. Затем проводил взглядом тысячу раз благословенного дядю Прайди. И только после этого вновь занял свое место в экипаже.

Сидя в полутьме кареты, Корделия думала о том, что могло заставить дядю Прайди пренебречь элементарными приличиями. Стивен сел рядом с ней. Карета плавно тронулась с места, Мимо проплывали огни Питер-стрит.

С минуту Корделия смотрела в окно — на струящуюся толпу, омнибусы, старую, закутанную в шаль торговку горячим картофелем на углу...

— Может, сначала поужинаете со мной? — предложил Стивен.

— Ох, нет... Какой замечательный пианист! Я вся полна музыкой.

— Я заказал столик у "Коттема". Без этого вечер будет незавершенным.

— Я получила огромное удовольствие. Большое спасибо.

— Это очень тихое место.

— ...Лучше не стоит, мистер Кроссли.

— Стивен, — поправил он.

— Лучше не надо... Стивен.

Он выглянул в окно и что-то сказал кучеру. Они завернули за угол и некоторое время ехали молча. Из трактира с песнями и криками вывалилось несколько пьяных.

— Вы, должно быть, думаете, что нам не следует бывать наедине? — произнес Стивен. — Но раз уж так случилось, я благодарен судьбе. Завтра я

уезжаю и, может быть, вернусь только через несколько месяцев.

— Мне очень жаль.

— Хочу надеяться, что вы говорите это не только из вежливости.

Она смешалась.

— Корделия, — проникновенно заговорил он. — Вы позволите звать вас Корделией?

— Да... если вам так хочется.

— Корделия... Корделия... Корделия...

С каждым повторением ее имени близость между ними становилась все более тесной.

— Корделия...

— Да?

— Вам известно, как я к вам отношусь?

— Ну... Наверное, я вам нравлюсь.

— Не то! Это звучит так невыразительно, так банально! Жизнью клянусь!

— Мне очень жаль...

— Я люблю вас! — выпалил он. — И вы это знаете.

У нее бешено забилося сердце.

— Нет. Откуда? Что могло навести меня на такую мысль?

— Божья милость и все, что я сказал и сделал, каждый мой взгляд! Ах, я не должен был спешить с признанием!

— Но почему вы так уверены? Это... просто невозможно. Прошло так мало времени...

— Невозможно! — с досадой воскликнул он. — При чем тут время? Бывает, проходит один только час — и нет человека! Мне, чтобы разобраться в своих чувствах, потребовалось полтора часа. Нет. Я полюбил вас с первого взгляда и не смел мечтать о взаимности. Господи, терзался, думая о том, что, встретить я эту женщину раньше, она могла бы стать не чьей-то, а моей женой. Ведь правда?

— Я не могу отвечать вам. Не спрашивайте.

— Такой ответ выдает вас с головой. Ведь если бы вы считали это невозможным, вы бы сразу так и сказали.

Они выехали за черту города. Миновали костер, возле которого грелся часовой.

Короткая передышка помогла Корделии собраться с мыслями.

— Спасибо за комплименты. Но я вовсе не имела в виду...

— Комплименты? Я и не думал говорить вам комплименты! Это вы оказали мне честь, потому что вы... просто святая!

— Ох нет, Стивен, только не святая!
— И слава Богу.
— У меня кольцо на пальце, а не венчик вокруг головы.
— Я предпочел бы, чтобы было наоборот... хотя это тоже плохо. Вы счастливы с Бруком?
— ...Конечно.
— Вы его любите? Прошу вас, ответьте честно!
— Я не обязана давать вам отчет.
— Вы давно замужем?
— Почти полтора года.
— Ваши чувства послушны долгу, не правда ли? Точно взвод солдат. Хотел бы я, чтобы со мной было то же самое!

Некоторое время оба молчали. Стивен первым нарушил молчание.

— Ну хорошо. Вы несвободны. Признаю. Но означает ли это, что между нами невозможна дружба?.. Господи, я и сам в это не верю! Какая там дружба, когда я завтра уезжаю из Манчестера — может быть, навсегда! Но вы не можете запретить мне любить вас — ваш голос, ваши волосы, блеск ваших глаз, вашу душу — все то, что зовется Корделией! Даже будь я пятьдесят раз женат, а вы сто раз замужем, мне суждено до конца моих дней любить вас. Клянусь так же нерушимо, как если бы это было сказано в церкви! Будьте моей свидетельницей. Эта клятва не написана чернилами и поэтому не поблекнет с годами.

— Прошу вас, молчите!

— Простите. Я испортил вам настроение?

— В какой-то мере.

— Но почему — если вы не испытываете ко мне никаких чувств?

— Я сама не знаю, что говорю.

Стивен опомнился.

— Пожалуйста, простите меня. Всею виной моя импульсивность и привычка выкладывать все, что на душе. Мне не следовало это говорить. Скажите, что вы меня прощаете!

— Да.

— И забудете все, что я сказал?

— ...Постараюсь.

— Мне было бы невыносимо, находясь в разлуке, знать, что двери вашего дома для меня закрыты.

Они были уже недалеко от Гроув-Холла.

— Поговорим о чем-нибудь другом, — предложил Стивен. — Сегодня был замечательный концерт. Просто необыкновенный! Я ничего не

слышал.

— Но аплодировали вместе со всеми.

— Я аплодировал не этому волосатому старику, а вам.

— Мы собирались говорить о посторонних вещах.

— Становится свежо. Наверное, ночью будет туман. Корделия, вы будете хоть немного думать обо мне?

— Да.

— Моего кучера зовут Маркус Хедер. Он родился в Ньюкасле, и у него дюжина братьев и сестер. А где родились вы, Корделия? Я ничего о вас не знаю.

— Недалеко отсюда.

— У вас есть братья и сестры?

— Один брат и восемь сестер.

— Как вы думаете: если я пойду к вашему отцу и скажу: "Мистер..." — как его зовут?

— Блейк.

— Блейк. Корделия Блейк. Мне нравится. Даже очень. Если я пойду к вашему отцу и скажу: "Мистер Блейк, я люблю Корделию, но она не разделяет мои чувства — так вот, нет ли у вас хотя бы одной дочери из восьми, у которой была бы четвертая доля ее красоты и десятая доля очарования и которая умеет похоже улыбаться, и закусывать губку от смущения, и хмурить одну бровь, и могла бы благосклонно отнестись ко мне..." — Как вы думаете, это поможет?

— Наверное, он порекомендует Вирджинию.

— Гм... Красивое имя.

— Она изумительно хороша собой.

— Моложе вас?

— Да. На девятнадцать лет.

Он в первый раз дотронулся до нее, положив свою ладонь на ее руку в перчатке.

— Я не могу ждать девятнадцать лет, пока она станет такой, как вы.

Карета подъехала к воротам Гроув-Холла. Стивен наклонился и, отогнув край перчатки, поцеловал ее запястье.

— Я вам не нравлюсь, да? Нет-нет, и не думайте отрицать. Вы считаете меня излишне театральным и напористым, а также думаете, что я унаследовал ирландское непостоянство. Ну, так вы правы. Все плохое, что вы можете сказать обо мне, будет справедливо. Я не стою вашей доброты. Но поверьте одному: я люблю вас. Забудьте, если хотите, все остальное, но только не это. Доброй ночи, моя радость, и до свидания.

Глава VII

Фортуна щедро одарила Стивена Кроссли богатством, приятной внешностью и необычайной непосредственностью. С тех пор, как ему исполнилось шестнадцать лет, он много раз влюблялся, так что это увлечение поначалу походило на все остальные. Но потом все изменилось.

Его поездка планировалась на неделю, но и вернувшись в город, он постарался не привлекать к себе внимания — избегал появления в клубе и держался подальше от "Варьете", где мог столкнуться с мистером Слейни-Смитом.

Правильнее всего было бы два-три месяца не показываться в Гроув-Холле, но это было чересчур для его огненного темперамента — знать, что она живет в какой-нибудь паре миль отсюда, и проводить вечера в одиночестве — только из-за собственноручно наложенной на себя епитимьи.

Временами он впадал в меланхолию, а то вдруг начинал рвать и метать, превращая жизнь — свою и окружающих — в настоящий ад. Он потерял интерес к обычным занятиям и по нескольку дней не показывался в мюзик-холле и парке отдыха, подолгу сидел дома, читал, пил и никак не мог на чем-либо толком сосредоточиться. В конце концов он заставил себя отправиться в Лондон, где обошел все второразрядные мюзик-холлы в поисках неизвестных талантов — но это делалось без души.

Для Корделии первая неделя прошла, словно в тумане. Она не знала, любит ли Стивена Кроссли, знала только, что никогда еще ей не было так тяжело. Впервые в жизни ей не удавалось найти утешение в мелких радостях бытия, и она против воли смотрела на окружающее строгим, критичным оком.

Мистер Фергюсон вернулся из Олдхэма с изрядной царапиной на щеке, о происхождении которой никто не смел спрашивать, но похоже было, что это след булыжника. Он, в свою очередь, не задавал вопросов о концерте и всю неделю пребывал в непривычно размягченном состоянии, а во время субботнего отчета, после досконального изучения представленных Корделией счетов, похвалил ее работу. Чем дальше, тем выше он ценил ее деловые качества.

К несчастью, неотвязный образ Стивена помешал Корделии в полной мере прочувствовать свой успех и проникнуться благодарностью.

В последнюю субботу марта Брук сказал за ужином:

— Кстати, сегодня я видел Стивена Кроссли. Он снова в городе и спрашивал, как мы поживаем.

Сердце Корделии совершило в груди акробатический трюк.

— Я не знал о его отъезде, — откликнулся мистер Фергюсон.

— Да, он был в Лондоне. Обычно он останавливается в отеле "Верни". Пожалуй, я последую его примеру, когда поеду туда в октябре.

— Что хорошо для Кроссли, то не обязательно хорошо для тебя, Брук.

— Можно заранее навести справки. К тому же Кроссли нетипичный представитель богемы — он больше похож на джентльмена.

— Да, мне многие говорили об этом еще до знакомства с ним. И все-таки, если человек имеет дело с мюзик-холлами... Я бы с известной осторожностью относился к его рекомендациям — особенно по части отелей.

— Он много рассказывал мне о своих мюзик-холлах. Хочет поднять уровень, чтобы их могли посещать дамы. И вообще, чтобы они больше походили на обычные театры и дарили утонченное наслаждение.

— Рад это слышать.

— В сущности, он столько раз повторял, что я просто обязан посетить "Варьете", что я не выдержал и дал обещание. Вряд ли это причинит мне вред.

— Мой мальчик, от первого визита куда бы то ни было обычно не бывает вреда, однако за первой попыткой неизбежно следует множество других. Стоит только начать. Я не хочу указывать тебе, куда ходить или не ходить, смотри сам. Я лично не собираюсь — и на месте Корделии запретил бы тебе тоже бывать в таких местах, где можно встретить женщин определенного пошиба.

— С мистером Слейни-Смитом, однако, ничего не случилось, — угрюмо заметил Брук. В присутствии Корделии нотации отца особенно действовали ему на нервы.

— Мистер Слейни-Смит, — парировал тот, — прирожденный исследователь. Уж не знаю, что привлекает его в мюзик-холле, — скорее всего, такой вид развлечений помогает ему расслабиться и отдохнуть от серьезных занятий. И вообще, это не наше дело, где он предпочитает проводить свободное время.

Корделия предприняла попытку повернуть разговор в другое русло.

— Он совсем забыл о нас.

— Вероятно, готовит новый курс лекций.

Позднее, когда они остались одни, Брук сказал:

— По-моему, Кроссли вполне порядочный молодой человек. Я обещал

посетить его мюзик-холл в среду. Хотел сказать отцу, но в последний момент передумал.

— Что же ты будешь делать?

— А, что-нибудь придумаю. Скажу, что мне зачем-либо понадобилось съездить к твоим — помочь Тедди или еще что-нибудь.

— Почему не сказать правду? Не съест же он тебя!

— Нет, разумеется. Но обязательно сделает так, что я стану чувствовать себя червяком. И потом целую неделю в воздухе будет витать недовольство, что я пошел против его воли.

— Да... — она вдруг приняла отчаянное решение. — Брук, на твоём месте я не стала бы пока приглашать к нам мистера Кроссли.

— Как? Но я уже пригласил его. Ты против него что-нибудь имеешь?

— Нет... видишь ли... он мне симпатичен, но твой отец может возражать против этой дружбы.

— Не думаю. Я предложил ему навестить нас в следующую пятницу. Папа договорился с той женщиной — ну, ты знаешь, она читает лекции по восточной теософии или что-то в таком же духе. Кроссли проявил интерес.

* * *

До пятницы оставалось еще много времени: если считать с воскресеньем, целых тринадцать дней. И все же этого оказалось недостаточно, чтобы выработать правильную стратегию, в особенности если неизвестно, как поведет себя противная сторона.

Миссис Дж, Спенсер Крабб, разъезжавшая по всей Англии с лекциями о восточной теософии, оказалась малосимпатичной дамой с огромным бюстом и крупными жемчужными сережками в ушах — это все, что Корделия успела разглядеть, прежде чем ее взгляд сквозь раскрытую дверь упал на Стивена Кроссли, который только что отдал пальто Холлоузу и теперь беседовал с Бруком. Через несколько минут он вошел в гостиную и поздоровался с ней.

Все шло довольно гладко. Он не позволил себе ни единого двусмысленного жеста, даже такого, который был бы незаметен для окружающих. А чего она ожидала? За ужином Корделия поймала себя на том, что то и дело поглядывала в его сторону. Он держался тише воды, ниже травы; казалось, его гложет тайная печаль. Мистер Слейни-Смит, блестя носом и напомаженным коком, вел галантный спор с миссис

Спенсер Крабб, а мистер Фергюсон время от времени издавал звуки, похожие на отдаленные раскаты грома, готовые в любой момент обернуться грозой.

После ужина кто-то упомянул о спиритических сеансах. Выяснилось, что миссис Крабб никогда не слышала о мсье Густаве. Стивена спросили, не мог бы он организовать встречу этих двух замечательных людей, но он с самым серьезным видом поведал о том, что мсье Густав вернулся домой, во Францию.

В этой компании он казался не только самым молодым и привлекательным, но и — на взгляд Корделии — самым нормальным из всех. "Мы принадлежим к разным мирам", — сказал как-то мистер Фергюсон. Правда ли, что их мир реальнее и надежнее, или он просто более помпезен и способен лишь наводить тоску?

С теософии разговор перекинулся на смежные темы. Стивен поднялся, чтобы уйти. Он склонил голову перед миссис Спенсер Крабб, которая в ответ энергично потрясла внушительными жемчужными серьгами и улыбнулась.

Почтительно и в высшей степени корректно простился с остальными дамами, включая Корделию.

— Благодарю вас, миссис Фергюсон, за гостеприимство. Это был чудесный вечер. Спокойной ночи.

Во время рукопожатия в ее ладошку скользнул какой-то маленький предмет: она чуть не выронила его от неожиданности. Это оказался крошечный комочек бумаги. К лицу Корделии хлынула кровь, но она тотчас взяла себя в руки. К счастью, на них никто не смотрел.

— Какой обходительный молодой человек, — сказала миссис Спенсер Крабб. — Но меня поразили поверхностные знания молодежи на сегодняшней лекции. Это один из ваших соседей, мистер Фергюсон?

— Нет, просто хороший знакомый. Его отец владеет мюзик-холлами, а молодой Кроссли работает у него управляющим.

— Да что вы говорите! Я могу представить его в любой другой сфере, только не в этой. У него очень приятные манеры.

— Я сам приятно удивлен его сегодняшним поведением.

— Этому есть объяснение, — вступил в разговор Брук. — По слухам, он влюблен без взаимности.

— В самом деле? Как интересно! Расскажите поподробнее! — попросила миссис Спенсер Крабб, чисто по-женски оставляя в стороне высокие материи.

— Э... — начал Брук, болезненно переживая всеобщее внимание. —

Он говорит, что влюблен в красивую девушку, которой нет до него никакого дела. Очевидно, это любовь с первого взгляда. Он в отчаянии. Они встречались каких-нибудь пять-шесть раз, а теперь она не желает с ним знаться.

— Это свидетельствует о ее дурном вкусе, — авторитетно заявила гостья. — Как вы считаете, миссис Фергюсон?

— Да... Вы правы.

— Когда он тебе об этом сказал? — подозрительно спросил мистер Фергюсон?

— Э... пару дней тому назад.

— У современных девушек куриные мозги, — все тем же категорическим тоном разглагольствовала миссис Спенсер Крабб. — Они сами не знают, чего хотят, вот и разбивают сердца прекрасным молодым людям.

Корделия не менее часа продержала записку в кулачке, прежде чем смогла прочесть ее. Этот слипшийся комочек, точно улика, жег ей ладонь. У нее было сильное желание освободиться от него, но, куда бы она его ни выбросила, существовал риск, что кто-то заметит и прочитает. Ужин подошел к концу, и Корделия, опередив Брука, поспешила в их спальню. Там она зажгла газовую лампу и торопливо развернула записку.

Должно быть, Стивен нацарапал эти несколько строк прямо за ужином, на обрывке использованного конверта.

"Вы не можете себе представить, какая пытка — сидеть с вами за одним столом, обожать вас — и знать, что я для вас ничего не значу. Возможно, я никогда больше не приеду в этот дом."

В душе Корделии смешались боль и сочувствие. Ей было нестерпимо думать, что она невольно явилась источником страданий для того, кому ей ни за что на свете не хотелось причинить зло.

— Что это ты жжешь? — спросил Брук, входя в комнату.

— А... просто зажигаю газ.

— Какой смысл использовать для этого бумагу?

— Ну... я боялась обжечься. Спички слишком короткие.

Брук пересек спальню.

— Сегодня сначала было очень интересно, зато под конец я чуть не умер от скуки. Что толку от всех этих словопрений? Я едва не проговорился о мюзик-холле, ты заметила?

— По-моему, никто не обратил внимания.

"Брук — Стивен, Стивен — Брук. Но это нечестно — сравнивать их между собой! Брук — ее муж, а Стивен — захватчик, вторгшийся на чужую

территорию. Какое он имел право тайно передавать ей записки — на основании всего лишь нескольких встреч?"

— Брук, — проговорила она. — Ты меня любишь?

Он не сразу понял, в чем дело.

— Что-что? Ах... ну конечно. — Он снял с полки книгу и стал листать ее, чтобы скрыть смущение. Станный вопрос. Их отношения давно приняли обыденный характер.

Корделия положила руки ему на плечи и заглянула в глаза.

— Я хорошая жена?

— Конечно, дорогая. Ты сомневаешься?

— Не знаю. Наверное, нет. Но мне нравится, когда меня хвалят. Я такая же хорошая жена, как Маргарет?

Он покраснел.

— Разве я когда-нибудь давал понять обратное?

— Нет. Но ты не должен отвечать вопросом на вопрос. Скажи просто — да или нет.

— В таком случае, да. Такая же. Даже лучше.

— Лучше, — Корделия поцеловала мужа. — Я очень рада. А чем я лучше?

— Послушай, что это тебе вздумалось вспоминать Маргарет? Ты уже много месяцев не проявляла к ней интереса. Пусть покоится с миром.

— Странно, что ее бювар до сих пор не найден.

— Какой бювар?

— За которым приезжал Дэн Мэссингтон. Ты что, забыл?

— Его наверняка выбросили. Там не было ничего интересного. Так, несколько счетов...

— Знаешь, — задумчиво произнесла Корделия, — я как-то не могу думать о тебе как о человеке, который уже был женат.

— Вот и хорошо. С какой стати? — он потрепал Корделию по щеке. — Ты даже не была с ней знакома.

— Да, но... Брук, наверное, это очень странно — любить двоих?

Он исподтишка наблюдал за женой, словно пытаясь прочесть ее мысли.

— Ничего странного. Многие женятся во второй раз.

— Ты когда-нибудь вспоминаешь о ней — как вам хорошо было вместе? Обнимая меня, ты никогда не думаешь, что это — она?

— Силы небесные, разумеется, нет! Как тебе только в голову пришло? Слушай, давай ложиться спать. Уже очень поздно, а завтра рано вставать.

— Но если человек полюбил во второй раз, разве он не сравнивает? Я

не хочу ловить тебя на слове, но, по-моему, это естественно. Вот ты берешь меня за руку и думаешь: "У Маргарет рука была тоньше... или более пухлой... мягче, тверже..."

Брук молчал, с нетерпением ожидая конца этого монолога.

— Наверное, на твоём месте я бы сравнивала, — смущенно призналась она.

— Знаешь, по крайней мере, чем ты выгодно отличаешься от Маргарет? Когда она плохо себя чувствовала, то несла какую-то жалкую чушь. Не думаю, что тебе следует подражать ей в этом. И вообще, все это глупости. Ты как хочешь, а я ложусь спать.

Наступило продолжительное молчание. Корделия думала: "Тот дневник все еще валяется на чердаке. Может, Брук прав — я действительно становлюсь мнительной и придираюсь к нему? Но ведь это только сегодня — потому что очень красивый, блестящий мужчина... Да и что мне за дело до Маргарет? Пожалуй, Брук прав: нужно выбросить это из головы".

— Брук?

— Да?

— Я напрасно к тебе пристаю?

— Не знаю. Может быть, это естественное любопытство.

— Скажи — после смерти твоей матери отец больше не помышлял о женитьбе?

Он беспокойно заворочался под одеялом.

— Откуда мне знать? Я к нему в душу не заглядывал. Нет, он как будто никем не интересовался. Что ты хочешь — ему было пятьдесят шесть лет.

Корделия еще долго лежала, не в силах уснуть. Она помолилась, испрашивая у Господа здравого смысла и душевного покоя. Помолилась за Стивена — чтобы Бог даровал ему силы справиться с пагубным увлечением, оставить ее в покое и жениться на хорошей девушке. И пусть они будут счастливы.

Мать научила ее заканчивать каждую молитву так: "И да пребудет надо мной Твоя воля!" Обычно эти слова давались Корделии тяжелее всего, но сегодня она нашла в них утешение, и это был тревожный признак.

Глава VIII

Несмотря на молчаливое неодобрение мистера Фергюсона, Корделия продолжала регулярно — примерно три раза в неделю — навещать свою родню. Если срезать угол и идти полями, получалось недалеко, и она часто ходила пешком — еще один повод для недовольства мистера Фергюсона. Но являться в родительский дом в карете казалось ей неприличным.

Стоял погожий апрельский день, и Корделия с нетерпением высматривала кругом первые признаки весны. Не успела она далеко отойти от Гроув-Холла, как увидела впереди Стивена Кроссли.

Корделия вздрогнула и стала лихорадочно соображать, как бы уклониться от встречи. Но он подошел и снял шляпу, и она тотчас поняла, что это не простая случайность.

Стивен похудел и утратил часть своей живости. Корделии стало ясно: он не притворяется. Это в какой-то мере даже шло ему. У него была красивая лепка лица, а полнота ее скрадывала.

— Можно мне пройти с вами?

— Если хотите.

Они молча шли по тропе. Напряженная тишина грозила в любой момент взорваться. Наконец он спросил:

— Вы возненавидели меня за то, что я вас люблю?

— Нет.

— Значит, мне можно любить вас?

Корделия облизнула пересохшие губы.

— Разве я могу этому помешать?

— А вам бы хотелось?

— Так было бы лучше для всех.

— Почему? Я не понимаю.

— Потому что это делает вас несчастным. И меня. И Брука — если он узнает.

— Все зависит от того, какой образ жизни кажется вам предпочтительнее. Что для вас важнее — тишина и покой или полнота чувств, азарт, желание плыть против течения? Да, я несчастлив, но не хотел бы ничего менять. Предпочитаю жить полной жизнью — даже если моим надеждам не суждено сбыться. Все равно с тех пор, как я узнал вас, я стал богаче.

— Зачем вы так говорите?

— Потому что это правда.

— Стивен, ведь вы меня не знаете. Да если бы и знали... это не поможет.

— Вы только что сказали, что несчастны из-за меня. Значит, я вам безразличен. Ведь правда?

— Я замужем за Бруком. Больше мне нечего сказать.

— Несмотря на мои чувства? И... ваши?

— Да. Я вам уже говорила.

— Если бы вы любили меня... все равно остались бы с Бруком?

— Да.

Он глубоко вздохнул.

— Я вам не верю.

— Вы должны.

Он немного помолчал.

— Ну хорошо.

Некоторые молодые деревца уже стояли окутанные зеленоватой дымкой. Щебетали птицы. Корделия ничего не замечала.

Он вдруг спросил:

— Вам меня жалко, да?

— Мне жаль, но не вас, а что так случилось.

— И все?

— Мне бы не хотелось жалеть кого бы то ни было. Вас — в последнюю очередь.

— Благодарю вас. Но вы все-таки страдаете?

— Да.

— Хотите мне помочь?

— Если это что-нибудь... благоразумное.

— Позвольте мне время от времени сопровождать вас к родителям.

(Сейчас же скажи: "Нет!")

— От этого будет только хуже...

— Кому?

— Вам.

— Я готов рискнуть. Мне ничего не нужно — только видеть вас.

— Нет. Если мы будем встречаться и вы станете говорить такие вещи, это будет нечестно.

— Если вы позволите провожать вас, обещаю воздерживаться от... "таких вещей".

— Вы уверены, что исполните обещание?

Он слабо улыбнулся.

— Да.

— Вам хочется, чтобы я стала обманщицей? Бог знает, куда это может завести.

— Почему это должно куда-то вести? Вы просто навещаете родных. У меня есть дела в этом районе, мы случайно встретились, и я прошел несколько ярдов рядом с вами. Что в этом плохого? Если хотите, расскажите о нашей встрече Бруку.

Корделия попыталась судить объективно. У нее было стойкое ощущение, что необходимо отказаться.

— Господи! — взмолился он. — Ведь это такой пустяк! Будь я нищим, неужели вы пожалели бы для меня крошку хлеба? День состоит из двадцати четырех часов, неделя — из семи дней. Если я не внушаю вам отвращения и вы мне сочувствуете, как говорите, неужели вам кажется слишком великодушным — подарить мне двадцать минут в неделю — или даже в две недели?

— Вы выставляете меня жадной и бессердечной.

Он дотронулся до ее руки.

— Я хочу, чтобы вы поняли. Может, это неслыханная дерзость с моей стороны, но я все равно прошу вас.

"Еще немного — и покажется папина мастерская."

— Нет, я не хочу, чтобы вы считали меня скупердяйкой, находящейся в плену условностей.

— Я так не считаю, Корделия. Разве я смею? Как бы я мог любить вас, если бы думал так?

— Все, Стивен, я уже пришла. До свидания.

Он пристально посмотрел ей в глаза.

— В самом деле до свидания?

— Обычно я... навещаю моих родных по понедельникам и через четверг. В хорошую погоду хожу пешком. Если вы действительно... любите меня, как говорите, не приходите слишком часто.

Стивен приподнял шляпу.

— Спасибо. До свидания.

* * *

В конце недели в город нагрянул старший Кроссли. И ему не понравилось, как идут дела у его сына. Зная незаурядные деловые качества

Стивена, он был сильно огорчен и разочарован.

— Силы небесные, Стивен, я ничего не понимаю! Неужели ты недостаточно имел дел с женщинами, чтобы не понять, что все они одинаковые? Одна отвергла — тем хуже для нее, найдем другую. Ты рос избалованным ребенком, это моя вина, но, кажется, в двадцать шесть лет можно перестать выть на луну и спуститься на землю.

Стивен зажег сигару и спокойно посмотрел на отца.

— Она не такая, как все.

— Ты и раньше так говорил. Луиза была не такая, как все. И Каролина. А как насчет Вирджинии? Она разве не была "не такой, как все"?

— Да, я так думал. А теперь знаю.

— Очень хорошо. Эта... — мистер Кроссли сердито поскреб жирный затылок. — Забыл, как ее зовут.

— Корделия.

— Она, значит, не такая, как все, но, к несчастью, замужем и порядочная женщина. Ты проиграл. Имей мужество признаться.

— Ничего подобного.

— Ну, так еще проиграешь. Я знаю этот тип. Ты будешь лезть из кожи вон — полгода, год, и, в конце концов, как раз тогда, когда ты будешь считать, что близок к цели, она сорвется с крючка и оставит тебя сидеть на берегу, проклиная тот день, когда она родилась на свет.

Красивые карие глаза Стивена были непроницаемы.

— Я люблю ее, папа. Почему бы тебе не называть вещи своими именами?

— Ну ладно, предположим...

— Никаких "предположим". Я все равно не разлюблю ее.

— И куда это приведет?

— Не знаю.

— Вот! Весь год ты будешь суетиться и хандрить, при этом будут страдать интересы дела, то есть мои, а кончится тем, что ты с головой увязнешь в скандальном деле о разводе — с оглаской и, я бы сказал, с душком. Уважаемая публика станет крутить носом, и семейный бизнес окажется там же, откуда мы его еле вытащили.

Стивен угрюмо смотрел на пляшущие в камине языки пламени. Этим утром у него было паршивое настроение. Доводы отца не казались пустячными — они апеллировали к здравому смыслу, который выработался у него за годы проведенные в шоу-бизнесе. Но встреча с Корделией пробудила в его душе другие струны — в отличие от прежних влюбленностей. Доводы рассудка оказались бессильными.

— Послушай, мой мальчик. Почему бы тебе не остановиться на этой стадии? Нам подвернулась возможность купить театр в Бирмингеме, у него отличная репутация; с твоими талантами из него можно сделать конфетку. Я давно положил на него глаз. Что, если я куплю театр и оформлю на тебя дарственную?

Стивен покачал головой.

— Прости, папа, я не в силах сейчас уехать. Спасибо за предложение.

У Патрика Кроссли побагровела шея.

— А если я не оставлю тебе выбора?

— Это ничего не изменит. Ты давно разрешил мне идти по жизни своим путем, и теперь поздно что-либо менять. Если ты меня уволишь, я всегда найду другую работу в этом городе.

Старший из мужчин откусил кончик сигары и швырнул в огонь.

— Не знаю, что с тобой творится. Я лично никогда не терял головы из-за женщины... ну, может быть, один раз... Ладно. Постарайся хотя бы поскорей разделаться с этой историей. И если ты хоть чуточку дорожишь моим добрым именем, не доводи дело до скандала. Обещаешь?

— Приложу все усилия.

— И еще я прошу тебя выкраивать хоть немного времени для работы. Считай это сыновним долгом.

— Хорошо, — сказал Стивен. — Сделаю все, что в моих силах, чтобы дела не пострадали.

* * *

И еще один отец разочаровался в сыне, но проявления этого разочарования оказались более завуалированными. Фредерик Фергюсон не привык действовать столь прямолинейно. Его досада выразилась, например, в том, что он раскритиковал бархатное пальто Брука, заявив, что пора покупать новое: мастера на фабрике — и те лучше одеваются. Когда Брук упомянул о написанном весной стихотворении, мистер Фергюсон выразил пожелание, чтобы в следующий раз он посвятил стихи красильням. Стоило Бруку вспомнить о поездке в Блэкпул, как мистер Фергюсон в резкой, обидной форме стал поправлять в деталях.

Обычно заступавшаяся за мужа Корделия в это время находилась в спальне и вышла к столу, когда ссора была уже в полном разгаре.

Бледный, как смерть, Брук стоял перед отцом и отважно отражал

нападение.

— Каковы бы ни были твои намерения, папа, все равно ты не имел права так говорить. Мне осточертело постоянное вмешательство в наши дела. Обойдемся без твоих советов. Я не намерен и дальше терпеть издевательства!

— Мой мальчик, тебе нет необходимости повышать голос. А если ты усматриваешь издевательство в любом, отпущенном твоей жене, комплименте... Даже Корделия согласится, что это просто смешно.

— Прошу прощения, — пролепетала она, — я не слышала, о чем идет речь.

— Я сказал, что высоко ценю ваши административные таланты, дорогая. Что это, если не обыкновенная похвала, пусть даже и с долей шутки?

— Ты сказал не только это! — Брук повернулся и выбежал из столовой, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Фредерик Фергюсон высоко вздернул брови.

— Молокосос. Невоспитанный мальчишка. Я считал, что мой сын выше таких вещей.

— Э... Фредерик, — отважилась подать голос тетя Тиш, откладывая вышивку. — Мальчик очень чувствителен, вот и все. У него нежное сердце.

— Корделия, я сказал Бруку, что хочу взять вас с собой на фабрику. Вы не пожалеете.

— Спасибо, с удовольствием поеду.

Она почувствовала на себе один из тех долгих взглядов, какими мистер Фергюсон, впав в задумчивость, нередко пугал знакомых — не отдавая себе в этом отчета.

Наконец он снова заговорил:

— Для человека с практической жилкой такая поездка должна послужить стимулом. Жаль, что вы родились женщиной и в силу этого были лишены возможности развить в себе деловые качества.

Позже, оставшись наедине со старой дамой, Корделия спросила:

— Тетя Тиш, что такого мистер Фергюсон сказал Бруку?

— Ничего особенного. Просто похвалил вас и высказал предположение, что от вас на фабрике было бы больше толку. А Брук пусть сидит дома и присматривает за кухарками.

— О... Не слишком тактично с его стороны.

— В последнее время Брук пытается давать отпор — как Маргарет. Он еще поплатится за это. Брат отыграется на нем.

Бледное, одутловатое лицо тети Летиции выражало крайнюю тревогу.

Всем была известна ее преданность племяннику.

— Тетя Тиш, расскажите мне побольше о том времени, когда Маргарет была жива. Я уже полтора года живу в вашей семье, но как будто еще не знаю вас как следует — разумеется, за исключением Брука. Возможно, будь вы откровеннее, от меня было бы больше проку.

Тетя Тиш тербила белый муслин давно вышедшей из моды кофты, прилагая усилия, чтобы сосредоточиться и ответить по существу. Внезапно ее лицо озарилось улыбкой, расслабилось, стало таким, как всегда.

— Фредерик не велел, — вымолвила она.

— Чего?

— Говорить в вашем присутствии о Маргарет. Он считает, что вам это может быть неприятно.

— Но ведь вам нечего скрывать? И почему мне должно быть неприятно?

— Откровенно говоря, я и сама ничего толком не знаю. Кроме того, что под конец Маргарет с ним поругалась. — Она уставилась на Корделию своими круглыми голубыми глазками, а затем перевела их на более привычные и безобидные предметы: камин, рукоделие, кресло, подставку для ног. — Но я не слышала, кто что говорил. Я была занята — вышивала и не слышала. Не говорите Фредерику: он может рассердиться.

Корделия нашла мужа в спальне, лежащим на кровати и царапающим на обрывке старого конверта стихотворные строфы. Когда открылась дверь, он вздрогнул, видимо, ожидая увидеть отца.

— Здесь прохладно, — сказала Корделия. — Лучше бы тебе спуститься в гостиную.

Он буркнул что-то неразборчивое.

Корделия притворилась, будто что-то ищет, и несколько минут слонялась по комнате, а когда взялась за дверную ручку, чтобы уйти, Брук скомкал конверт и швырнул в угол.

— Господи, как я хочу умереть!

Корделия помедлила у двери и подошла к кровати.

— В чем дело, Брук?

Он повернул к ней несчастное лицо.

— Ты, верно, думаешь, что я боготворю отца?

— Ну... ты его любишь...

— Думаешь, я в восторге от того, что со мной не церемонятся и постоянно тычут носом, указывают, что мне делать, что есть, что говорить?

Корделия молча слушала.

— Так вот — я не в восторге! Просто терплю иногда, потому что сам

знаю, что слаб и безынициативен. Уговариваю себя, что он хочет мне добра. Но временами это действует на нервы. Ах, если бы я мог зарабатывать пером — например, работать в редакции, как Хью Скотт! Я бы давно сбежал отсюда. Нам тесно вдвоем.

Корделия села на кровать и погладила мужа по голове. На лбу у Брука выступил пот. Ее переполняла жалость, но она и не подумала отнестись к его словам серьезно. Она слишком хорошо его знала. Утром он опять станет почтительным сыном.

Глава IX

Стивен начал встречать ее попеременно по понедельникам и четвергам. Он предпочел бы делать это хотя бы раз в неделю, но Корделии интервал в десять дней почему-то казался менее вопиющим нарушением приличий.

Стивен честно соблюдал свою часть договора: не донимал ее признаниями, уважал ее волю. В то время в моду вошли вуалетки, и Корделия обрадовалась, что можно прятать лицо. В ее душе поселилось чувство вины, камнем легло на совесть.

И все равно она с нетерпением ждала встреч — ей становилось все труднее скрывать это от себя самой. Теперь, когда он не был напрочь исключен из ее жизни, к Стивену вернулись былые живость и энергия. Рядом с ним Корделия также оживала. Они смеялись, перебрасывались шутками и поддразнивали друг друга. Смех был одной из тех вещей, которых ей так недоставало в Гроув-Холле! Вскоре они со Стивеном стали неплохо понимать друг друга.

Хотя он точно следовал ее указаниям, Корделия подчас и сама затруднялась провести грань между безобидным и недозволенным. Невинная шутка могла быть воспринята как кокетство. При виде ее возбужденного, сияющего лица мать уже пару раз спрашивала, что случилось.

Стивен горел желанием познакомиться с ее родными, но Корделия противилась этому, пока в один прекрасный день в нескольких ярдах от дома они не столкнулись с Тедди. Заметив ее колебания, Стивен немедленно представился как знакомый Фергюсонов, случайно повстречавший миссис Фергюсон по дороге к мистеру Блейку, которого ему рекомендовали как непревзойденного знатока часов.

Знакомство состоялось, и не успела Корделия глазом моргнуть, как Стивена пригласили на кухню — выпить чаю и высказать свое мнение о только что испеченных миссис Блейк эклерах, — как будто они были давно знакомы. Благодаря удачно найденному объяснению и тому, что Стивен явился в дом в обществе не только Корделии, но и Тедди, он вскоре был принят как друг семьи.

После его ухода Корделию забросали вопросами — впрочем, совершенно безобидными, — и она поняла, что никто ни о чем не догадался.

В конце мая Философское Общество устраивало прием во "Фри Трейд-Холле". Стивен был одним из распорядителей и в числе прочих пригласил мистера Фергюсона, Брука и Корделию.

Примерно раз в две недели Корделия оставалась у Блейков ужинать, а потом Тедди провожал ее домой. Однажды в середине мая, придя, как обычно, около четырех, она узнала, что к ужину приглашен Стивен Кроссли. Ужин удался на славу. Присутствовавший здесь же Хью Скотт, жених Эсси, и Стивен весь вечер развлекали публику. Хью с ярко выраженным ирландским акцентом рассказывал шотландские анекдоты, а Стивен — ирландские.

Когда все часы в доме грянули девять, Корделия не поверила своим ушам. Она вскочила из-за стола. Стивен тоже.

— Давай, Тедди, я сэкономлю тебе немного времени и сам провожу миссис Фергюсон.

— О, не беспокойтесь, — смутилась Корделия. — Вам нет нужды так рано уходить.

— Напротив — я обещал к десяти быть в городе. Кажется, Маркус уже подъехал, а Тедди пригрелся тут в своих шлепанцах. Вы, разумеется, доверите мне дочь, миссис Блейк?

— Ну да, конечно, — миссис Блейк почему-то сделалось неловко. — Если мистер Кроссли так добр... Корделия...

Со всех сторон на них посыпались доброжелательные улыбки и прощальные напутствия. Когда коляска отъехала, воцарилось молчание.

Корделия первая нарушила его.

— Стивен, это был неосмотрительный поступок. Хью Скотт знает Брука и...

— Я не мог удержаться. Мы так мало видимся, это меня угнетает. Вы не слушаете?

— Мистер Фергюсон услышит скрип коляски и спросит, кто меня подвез.

— Можно остановиться на безопасном расстоянии. Сегодня удивительный вечер. — Он нагнулся вперед и попросил кучера остановиться. — Маркус, мы с леди немного прогуляемся. Через полчаса ждите меня при въезде в Гроув.

Корделия нерешительно вышла из коляски. В небе догорали последние солнечные лучи; сквозь прозрачную дымку теплого летнего воздуха уже мерцали звезды. К северу от них, над центром города, светилось зарево. Многоэтажные здания на Оксфорд-Роуд казались темно-серыми, так же, как деревья. Поскрипывая и потрескивая, двухместная "виктория" покатила

дальше и скоро скрылась из виду.

— Маркус — преданный слуга, — заверил Стивен. — Он никому не скажет.

Они медленно пошли по улице. "Ну и что тут такого, — думала Корделия. — Возможно, риск — неотъемлемая часть наслаждения жизнью. А вечер, и правда, удивительный."

— Стивен, вы — непревзойденный мим, — похвалила она.

— Это моя вторая натура.

— Вы росли в театре?

— Мое первое воспоминание детства — гримерная за кулисами. Вы знаете, моя мать была актрисой.

— Нет, я не знала. Вы не рассказывали.

— Да, собственно, и нечего. Она была талантливой актрисой и никудышной женой и матерью.

— Расскажите мне о ней.

— Неужели вам интересно?

— Да.

Он посмотрел на нее.

— Поднимите вуаль. Это великий грех — прятать ваше лицо.

— Хотите, чтобы меня узнали?

— Здесь почти нет фонарей.

— Хорошо. Рассказывайте, пожалуйста.

Он несколько мгновений вглядывался в ее лицо. Корделия почти физически ощущала на себе этот взгляд. Ее охватило приятное волнение.

— Рассказывайте, прошу вас.

— Она была красивой женщиной. Не такой красавицей, как вы, но...

— О?

— Я серьезно. Но у нее были задатки первоклассной актрисы — во всяком случае, я слышал об этом. Она вышла замуж за отца, когда он был режиссером сцены в небольшом театрике в Бристолле. Через несколько месяцев после свадьбы он рискнул перебраться в Лондон. Там им сначала не везло, они голодали. Потом мать получила роль без слов в "Лицее", а отец устроился на работу в "Гроздь", это один из его первых мюзик-холлов. Благодаря поддержке отца и его наставничеству мать начала подниматься вверх по лестнице и наконец получила первую большую роль. И тут вдруг на свет появляюсь я — писк, визг и прочие прелести. Ей не потребовалось много времени, чтобы решить, что отец уже научил ее всему, что знал, и теперь я буду камнем висеть у нее на шее. Поэтому она бросила нас и начала думать только о собственных интересах. Она имела

бешеный успех в трех хитах, а потом уехала в Нью-Йорк и навсегда осталась там.

— Сколько вам тогда было?

— Около трех лет.

— И с тех пор вы ее не видели?

— Нет. Она умерла десять лет назад.

— Простите.

Стивен немного помолчал, а затем произнес:

— Не знаю... Может, оно и к лучшему. Вы считаете, она могла исправиться?

— Трудно жить без матери. Возможно, будь она с вами, вы бы иначе смотрели на жизнь.

— Пожалуй, мне было бы легче, если бы она оставила нас ради другого мужчины.

Корделия молча размышляла над его рассказом, пытаясь представить, как бы она сама росла без матери. Теперь она лучше понимала Стивена — ей открылись мотивы некоторых его поступков. Иногда ее ранила небрежность его тона. А временами вдруг охватывало тепло его искреннего восхищения — оно растекалось по всему телу — сладкое, пульсирующее, опьяняющее...

Он продолжал:

— Разве это не естественнее и человечнее? И разве мы не смогли бы понять женщину, сделавшую неправильный выбор и вдруг полюбившую другого? Это был бы простительный грех, слабость, вызывающая к снисхождению. Но оттолкнуть мужа и ребенка только потому, что они отбрасывают тень на ее карьеру... Я называю это подлостью. Скатертью дорога!

— Бывает, карьера значит для человека больше всего на свете.

— Так не должно быть — вот все, что я могу сказать.

— Вы имеете в виду женщин?

— Признаю — в женщине это еще отвратительнее.

Они помолчали. Стало уже совсем темно; птиц не было слышно.

— Мне нравятся ваши родные, — неожиданно сказал он. — Все до одного. Замечательные люди. Мне нравится смотреть на вас в их окружении, это вам гораздо больше к лицу, чем Гроув-Холл.

Ей стало любопытно.

— Почему же?

— Блейки — живые, подвижные, энергичные люди, отчасти похожие на меня. Вы тоже от природы такая, как я. Я мог бы часами сидеть у вас

дома и наблюдать за вашим веселым, оживленным лицом. Корделия, что, если я приглашу ваших отца и мать на ужин во "Фри Трейд-Холл"? И Эстер с Тедди, и Хью Скотта?

— Спасибо, Стивен, — от души поблагодарила она. — Но из этого вряд ли что-нибудь получится. Мистер Фергюсон смотрит на моих родных сверху вниз. Наверное, считает их неподходящей компанией.

— Как? Почему?

— В общем, я думаю, папа не пойдет. Он уже девять месяцев не переступал порог Гроув-Холла. Может, вы пригласите только Эстер, Тедди и Хью? Мне жалко лишать маму удовольствия, но...

— Как скажете.

— Большое спасибо за заботу. Может быть, вы будете так добры пригласить их в другой раз, когда не будет Фергюсонов? Думаю, я найду какой-нибудь предлог присоединиться к вам.

Она наслаждалась прогулкой, тем более что разговор шел серьезный, без тени флирта, и была явно раздосадована, когда показались ворота Гроув-Холла.

— Мы еще увидимся до званого ужина? — спросил Стивен.

— Боюсь, что нет.

— Корделия.

— Да?

— Нет, ничего.

Они посмотрели на Гроув-Холл. В доме светились три окна на первом и два — на втором этаже.

— Дядя Прайди работает над своей книгой.

Они пошли по посыпанной гравием дорожке. Было очень темно, если не считать квадратиков света от окон на кустах и лужайках. Пахло сиренью и золотым дождем.

Стивен остановился.

— Корделия.

— Да?

— Я по вас с ума схожу.

— Стивен, вы не должны так говорить.

— Больше не буду. Во всяком случае, не слишком часто. Но иногда это... просто необходимо.

— Понимаю.

— Правда?

— Конечно.

— Вряд ли вы можете понять — вы такая холодная и всегда держите

себя в руках.

— Не всегда, — вырвалось у нее.

Он положил руку ей на плечо. Почувствовав опасность, Корделия сделала шаг назад и наткнулась на ствол дерева. Стивен поцеловал ее. Поцелуй получился неуклюжим — из-за темноты. Во второй раз его губы нашли ее теплый рот. Они некоторое время стояли без движения. Потом она отпрянула и отвернулась.

— Вот я и не сдержал слова, — сказал Стивен. — И ничуть не жалею. Мне просто нет до этого дела.

— Уходите, пожалуйста.

— Вы обиделись?

Обиделась? Нет, это что-то другое.

— Корделия, я не могу так уйти. Скажите, все останется по-прежнему? Ведь правда?

— Стивен, — выдохнула она. — Пожалуйста... Пожалуйста, уходите!

Глава X

"Нельзя ехать на прием. Так скоро. Словно ничего не произошло. Попробовать сказать себя больной? С тех пор, как я вышла замуж, я ни разу не болела. Теперь моя очередь схватить простуду. У меня болит голова, как у Брука. Внешне ничего не заметно, зато имеешь право остаться дома и все хорошенько взвесить. Нельзя плыть по течению, особенно сейчас. Мне следовало предвидеть... А я закрывала глаза... делала вид..."

— Корделия, — обратился к ней мистер Фергюсон. — Сегодня как раз подходящий день для вашего знакомства с фабрикой. У меня выпала пара свободных часов, такое редко случается. Я давно вам обещал. Брук вернется из Олдхэма самое раннее после обеда, но мы и без него сумеем о вас позаботиться.

— Я бы с удовольствием, но у меня разболелась голова. Может быть, в другой раз?

— Прогулка в открытой коляске пойдет вам на пользу. Уверен, от вашей головной боли не останется и следа. В другой раз я наверняка буду занят.

— Мне нужно кое-что сделать по дому. Миссис Мередит сказала...

— Вот пусть миссис Мередит сама и справляется. За одно утро с домом ничего не случится.

"Что толку спорить. Наверное, у меня слишком уступчивый характер — не такой, как у Маргарет. Или в том и состоит мой долг? Что это, слабость или сила — не лезть в бутылку по всякому мелкому поводу?"

Чудесное майское утро. Ни ветерка. И только на севере застыла гряда белых облаков.

Запрягли фаэтон; лошади плавно двинулись с места и на хорошей скорости понеслись в город, обгоняя громоздкие омнибусы, груженные подводы, мальчишек с ручными тележками и нищих, мимо массивных старинных зданий на Ардвик-Грин и дальше по Лондонской дороге.

Здесь они сделали крутой поворот и, оставив позади фешенебельный торговый центр, въехали напрямиком в трущобы.

Лошади уже не бежали, а еле плелись, с трудом пробираясь по узким улочкам, где играли ребятишки в лохмотьях; голые малыши ползали прямо по проезжей части. Обветшалые четырехэтажные здания загораживали дневной свет; в воздухе носились частицы копоти и дыма. Худые, неопрятные женщины, закутанные в шали и в башмаках на деревянной

подошве, сидели на крылечках или в дверных проемах, баюкая грудных младенцев и переругиваясь с соседками через дорогу. Боковые улочки и вовсе представляли из себя канавы для сточных вод, с выложенными булыжником склонами. Все чаще попадались фабрики, тесня друг друга; высокие, закопченные трубы тонули в клубах дыма. Корделии и прежде приходилось сталкиваться с нищетой: недалеко от того места, где жили Блейки, были бедные кварталы, но ей никогда не доводилось наблюдать подобное убожество.

— Подъедем к каналу, вид будет попримечнее, — пообещал, заметив ее отвращение, мистер Фергюсон.

Перед ужасающей нищетой обитателей этого района ее собственные проблемы показались сущими пустяками. Людям было не до флирта: они работали ради выживания своих семей, а теряя работу, оставались без куска хлеба. С недавних пор здесь участились случаи смерти от тифа и холеры: они беспрепятственно косили истощенных людей. У Корделии не укладывалось в голове, как может остальное население продолжать жить как ни в чем не бывало, когда в самом сердце города вымирает целая община. Да, во время недавнего хлопкового голода фабрики сотрясали бунты — Корделия много слышала об этом еще в школе, — но они не шли ни в какое сравнение с теперешними бедствиями, когда у людей даже не осталось сил бунтовать.

Она почувствовала себя непростительно счастливой, потому что жила в комфорте и роскоши, и безнадежно испорченной — потому что ей было этого мало. Уж не за счет ли этих несчастных достигнуто ее собственное благополучие?

— Никогда здесь не были? — поинтересовался мистер Фергюсон.

— Нет.

— Любому пошло бы на пользу — раз-другой в год наведаться в это забытое Богом место.

Корделия удивленно взглянула на свекра.

— Я тоже об этом подумала.

Они проехали под заклеенной объявлениями аркой железнодорожного моста, миновали пустырь и зацементированную площадку для игр, где копошилась мелюзга.

— Вплоть до прошлого года здесь было старое кладбище, — объяснил мистер Фергюсон. — По моей инициативе на этом месте оборудовали игровую площадку. Хоть какая-то забота о живых важнее чрезмерного внимания к мертвым.

— Да, — через силу согласилась она.

Мистер Фергюсон помолчал и вдруг ошарашил ее вопросом:

— Корделия, вы счастливы в Гроув-Холле?

— Да.

— Брук — человек со странностями. Но у него немало ценных качеств.

— О да. У него доброе сердце. Я к нему очень привязана.

Привязана... А можно ли считать привязанностью то чувство, которое заставляет бешено биться ее сердце и от которого кровь закипает в жилах?..

— Ну, вот мы и приехали. — Мистер Фергюсон помог ей спуститься на землю. Сегодня он был как никогда доброжелателен, и Корделия чувствовала себя не в своей тарелке. Что это — угрызения совести?

Они прошли через широкие чугунные ворота, и на них тотчас пахнуло едкими химикалиями. Они миновали несколько крытых, похожих на бараки, цехов и пошли по мощеной булыжником дорожке в контору. Бывшие там несколько мужчин поднялись им навстречу и почтительно поздоровались. Мистер Фергюсон милостиво кивнул в ответ и прошествовал дальше. Корделия чувствовала, как ее провожают взглядами.

Они вышли в большой, огороженный двор, где вовсю грохотали машины; с них на землю стекала вода.

— Здесь мы красим ситец, — пояснил мистер Фергюсон. — Впечатляет, не правда ли?

Машины, точно гигантские крабы, при помощи сотен щупалец ворочали огромные тюки материи. Рядом с ними люди казались карликами. Было очень шумно, но это был не приятный гул или ровное гудение, а пронзительный металлический лязг, прерывистый и какой-то вымученный.

— Здесь производится предварительная обработка ткани закрепителем, — прокричал мистер Фергюсон на ухо своей спутнице, — для более прочного впитывания красителя. Вот, смотрите, — он отогнул уголок лежащего неподалеку рулона ситца. — Это — необработанная материя. Мы красим ткань в шесть различных цветов. Машины снабжены шестью валиками для нанесения определенного цвета. Вы, без сомнения, оцените сложность этого устройства: ведь каждая краска должна лечь в строго определенное место, обусловленное рисунком.

Их провожатым был один из служащих — высокий анемичного вида человек с выдающимся кадыком; мистер Фергюсон представил его как Симнела, главного инженера.

Они вышли из цеха, мистер Фергюсон остановил мальчика с тележкой, на которой высились тюки материи. Он и здесь отогнул краешек, чтобы продемонстрировать ткань невестке.

— Это тот же ситец, только уже окрашенный и очищенный от остатков уксусной кислоты; заметьте — ее почти не видно.

Ситец, на взгляд Корделии, ничуть не отличался от того, который ей только что показали, если не считать еле различимых контуров рисунка.

— Не спешите с выводами. Пройдем немного дальше. — Они вошли в следующий цех, где запахи химикалий были гораздо крепче. Корделия увидела громадные металлические емкости, заполненные коричневатожелтой жидкостью. Следуя за мальчиком с тележкой, они подошли к одному из чанов — двое рабочих как раз опускали туда рулон ситца.

— Это раствор ализарина, — пояснил мистер Фергюсон. — Смотрите! Рабочие полностью погрузили тюк в гигантскую ванну, и у Корделии захватило дух: словно по мановению волшебной палочки, на материи начали проявляться яркие цветы, красные, желтые, розовые, сиреневые и голубые.

— Настоящее чудо, не правда ли? — с улыбкой спросил мистер Фергюсон, чрезвычайно довольный произведенным эффектом.

— Да, чудо!

— Это все химия. Но здесь нет ничего нового. Я не имею в виду машины: они-то новые, а вот технология была известна уже древним египтянам.

Они миновали крахмальный цех и пошли дальше — в лабораторию, где разрабатывались рисунки. В соседнем помещении длинные ряды женщин в коленкорových фартуках вручную нарезали ворс для бархата — они резали ткань большими острыми ножами вдоль утка, при этом получалась на удивление ровная линия. Вжик, вжик, взад-вперед — и так тысячи раз подряд. Эта работа требовала нешуточного терпения. Мистер Фергюсон сказал, что за час можно нарезать кусок материи длиной в два ярда.

Дальше находились открытые цехи с сырым полом из каменных плит, где рабочие вручную заряжали валики краской. Это были коренастые, изможденные мужчины с серыми лицами. Они даже не оглянулись, когда мистер Фергюсон с Корделией проходили мимо.

В самом конце путешествия по территории фабрики они очутились на берегу небольшой речки. Над их головами ярко светило солнце, но его лучи с трудом пробивались сквозь завесу дыма.

— Я показал бы вам еще кое-что, но вы, кажется, устали?

— Нет, спасибо. Просто хочется подышать свежим воздухом.

На нее плохо действовали запах краски и грохот машин, но все равно производство не оставило ее равнодушной.

Вода в реке была мутного, ржавого цвета и отдавала зловонием.

— Неужели вы спускаете в реку отходы? — спросила Корделия.

— Да, но мы с вами находимся выше этого места. Эта муть — от фабрики "Хеншоу" — видели две трубы возле железнодорожного моста?

— Да, я обратила на них внимание.

Мистер Фергюсон задумался, глядя на загрязненный берег и забетонированное русло.

— Эту фабрику строил мой отец. В то время на берегу росли примулы. Странно, что медиум упомянул об этом. Помните — в феврале?

— Да, помню.

— Тогда я поверил в некую сверхъестественную силу. Однако сейчас испытываю сомнения. Должно быть, отец где-то писал об этом — в какой-нибудь брошюре. Правда, мне не удалось разыскать это место. Очень, очень странно. Даже мистер Слейни-Смит был потрясен.

Они не спеша пошли дальше.

— А где офис Брука?

— Мы прошли его в самом начале. Там нет ничего интересного.

От Корделии не ускользнула интонация, с какой он это сказал.

— Должно быть, Брук замещает вас, когда вы в отъезде?

— Формально — да. К сожалению, у него небольшие способности к управлению, либо надзору за ходом работ.

Корделия немного помолчала. Затем сказала:

— Бруку не хватает уверенности в себе. Если бы он мог от этого избавиться...

— Должен признаться, — не слушая ее, проговорил Фергюсон-старший, — Брук меня сильно разочаровал. Я всю жизнь мечтал о наследнике с такой же, как у меня, практической жилкой. Брук, несомненно, умный, одаренный молодой человек, но его интересы лежат в плоскости литературы и искусства, он ни в коей мере не практик. Хотел бы я, чтобы у него была хоть какая-то часть ваших способностей!

— Моих? — удивилась Корделия. — Вести домашнее хозяйство — совсем не то, что руководить производством.

— Разница есть, но только в масштабе. В сущности, и для того, и для другого требуются одинаковые качества. Однажды я уже упоминал об этом. С тех пор, как вы поселились в Гроув-Холле, у нас гораздо меньше проблем со слугами. И никогда еще мы не жили так экономно — хотя качество жизни отнюдь не пострадало.

— Возможно, дело в том, что я росла в бедной семье.

— Я тоже рос в бедности и так же, как вы, знаю цену деньгам. Я не

против того, чтобы тратить их, — только с умом.

— Я рада, что вы мной довольны.

— В последнее время я часто задаюсь вопросом: справедливо ли, что сфера вашей деятельности ограничена Гроув-Холлом?

Корделия вопросительно посмотрела на свекра. Он ответил ей пристальным взглядом сверху вниз, и она в который раз почувствовала силу, исходящую от этого человека Прямо Отец Небесный — властный и всевидящий.

— Всю жизнь я знал за собой один крупный недостаток: нежелание передавать полномочия. Я люблю держать бразды правления в своих руках. Тогда я могу быть уверенным, что поеду туда, куда хочу. Но такая тактика имеет свои издержки. Люди, которые от меня зависят, лишены возможности развить в себе чувство ответственности. В результате они оказываются неспособными нести ее. Мне не хватает сыновей и дочерей, на которых я бы мог положиться — благодаря общим интересам. Вот уже несколько лет я лишен возможности заниматься многими интересными вещами — например, более активно участвовать в общественной жизни города.

— Но Брук...

Он не дал ей договорить.

— Вы жена Брука, а не моя, и сами себе хозяйка. И тем не менее эти слова — не ради сотрясения воздуха.

— Правильно ли я поняла, что вы имеете в виду что-нибудь серьезное?

— Если вы готовы посмотреть на вещи серьезно.

— На какие именно?

Мистер Фергюсон насупился.

— Когда я вынужден на несколько дней отлучаться, мне было бы легче, если бы я знал, что делом руководит человек с такой же деловой хваткой, как у меня, мой заместитель, способный не только в точности исполнить мои указания, но и сам проявлять инициативу. Хотя бы по несколько часов в день. Не в качестве управляющего или наемного служащего, а как заинтересованное лицо. Конечно, ему потребуется несколько месяцев, чтобы как следует освоиться. И, разумеется, упорный труд и добросовестная учеба. Поэтому я прошу вас: подумайте. На сегодня это все.

Они молча дошли до ворот. Мимо сновали запряженные лошадьми, покрытые брезентом подводы.

Корделия разволновалась; ее обуревали противоречивые мысли и чувства. Разволнуешься тут, если тебя выделяет человек, которого ты

привыкла недолго любить.

— Не знаю, как к этому отнесется Брук.

— Больше ни слова, прошу вас. И так сказано достаточно. Нам обоим нужно подумать недельку-другую. А теперь посмотрите сюда. Я люблю экспериментировать.

За воротами шла узенькая улочка, неровно выложенная булыжником. Они дошли по ней до пустыря и очутились на краю невысокого обрыва. Внизу бежала речка, а на другом берегу высилось новое трехэтажное здание из кирпича со множеством балконов и окон.

— Жилой дом для моих рабочих, — самодовольно произнес мистер Фергюсон. — Только в прошлом году закончили строительство. Не дворец, но что-то вроде этого — если сравнить с теми халупами, в которых они ютились раньше. Некоторые жили целыми семьями в одной-единственной подвальной комнатухе. Здесь им есть, чем дышать. Это не приносит прибыли, но я рад внести посильный вклад в дело социального обеспечения. Вы что-нибудь слышали о Роберте Оуэне?

— Нет.

— Великий новатор в этой области. Но он слишком далеко зашел. Главный смысл любого эксперимента — в успехе.

* * *

Час спустя Корделия одна вернулась домой. И в тот же вечер впервые поссорилась с Бруком.

Ему хватило бы и самого факта посещения красильни — в его отсутствие и без его ведома. Но это были цветочки. Настоящий взрыв последовал, когда она рассказала ему о неслыханном предложении отца: Брук усмотрел в этом преднамеренный выпад против себя лично и дал понять, что считает, будто она сама потворствовала тем намерениям — может быть, даже спровоцировала их.

Когда же она предложила пойти к отцу и вместе во всем разобраться, он бросил ей в лицо: "Вот еще!" — и вышел из спальни, хлопнув дверью.

Все это было так нелепо, что Корделии стало не по себе, тем более что она и так чувствовала себя виноватой за то, что невольно очутилась в стане противника. Ей льстила перемена в отношении к ней мистера Фергюсона и его высокое доверие. Но эта ссора свела радость на нет. Больше года назад она пообещала Бруку и себе, что найдет подход к его отцу, сделает так,

чтобы он был доволен. Она старалась ради мужа; подчас это бывало тяжело, унижительно, против шерсти — и вот теперь, когда она преуспела, успех выглядит как предательство. Удары и контрудары семейной жизни привели к изменениям отношений внутри треугольника.

Корделии было ясно: чтобы поддерживать хрупкое равновесие и относительный мир в семье, она должна всегда быть заодно с мужем — против его отца. Пока Брук отсутствовал, она постаралась снова встать на его точку зрения. Больше всего ее расстроило то, что он приписал ей низменные мотивы, которых не было.

Но хуже всего было то, что в душе, помимо своей воли, она была на стороне мистера Фергюсона.

Глава XI

Корделия поехала на прием. Попытка сказать себя больной не имела успеха. Навестив в понедельник родных, она, с целью подготовить почву, начала было жаловаться на недомогание, но мать проявила такой интерес к симптомам болезни, что ей сразу же "стало лучше", и она уехала домой совсем здоровой. Корделия поняла: проваляйся она пару дней в постели с очевиднейшей ангиной, и все женщины в округе поставят один и тот же — абсолютно неверный — диагноз.

На приеме должен был председательствовать мэр Манчестера. Ожидалось, что с приветственной речью под названием "Научный прогресс — знамение времени" к гостям обратится один из современно мыслящих церковников, Его Преподобие Клод Боксли, доктор богословия (по такому случаю мистер Слейни-Смит направил в оргкомитет ноту протеста, не признавая ни за одним представителем этого вырождающегося племени какого бы то ни было отношения к делу научного прогресса).

Прием был замечательный — с танцами, закусками и выступлением Кафедрального хора. Благодаря стараниям Стивена вечер стал событием в городе.

На Корделии было новое платье из тафты в черную и зеленую клетку, с подкладкой из бледно-зеленого шелка. Она убедила себя в том, что недавний инцидент вовсе не имеет того значения, как ей показалось. Увидев издали Стивена, она без особого волнения отметила, что он очень красив, но это не так уж и важно.

Хор исполнил "В беседке Селии" и "Когда повеет ветерок". Не успели отшуметь аплодисменты, как Стивен обратился к ней с просьбой:

— Могу я пригласить вас на следующий танец, миссис Фергюсон?

Брук в это время внимательно слушал капитана Ланкаширских гусар. Их со всех сторон окружали люди, и Корделия не нашла предлога отказать одному из устроителей вечера.

— Разве они не собираются петь еще?

— Не сейчас.

Оркестр грянул вальс. Она позволила отвести себя в центр зала. Стивен тихо сказал:

— Я с нетерпением ждал этого вечера — целых шесть дней... Добрый вечер, мистер Трейси, добрый вечер, мадам... До смерти боялся, что вы не приедете.

— Я бы и не приехала, если бы нашла подходящий предлог.

— Хвала всем святым, что вы его не нашли.

— Не говорите так.

— Когда я добрался домой... Признаюсь, я нарушил обещание...

— Это я нарушила.

— Камень с моей души! Вы так добры и умеете прощать!

Неужели она приехала, чтобы выслушивать подобные комплименты?

— Я не то хотела сказать...

Он обвил рукой ее талию и увлек в танце.

— Послушайте, — задыхаясь, проговорила она. — Дело не в том, что я вас прощаю, просто я с себя не снимаю вины. Мне не следовало встречаться с вами. Это не должно повториться.

— Сжальтесь надо мной! — взмолился Стивен. — Нам посчастливилось танцевать вместе — пусть даже в первый и в последний раз, — так насладимся же этим и отложим прощальные слова на потом. Хорошо?

— Да, — выдохнула она.

Оба были прекрасными танцорами. Минуту-другую они казались себе всего лишь одной из пар и старались приспособиться к залу и партнеру, оба в расстроенных чувствах, в предвидении скорой разлуки. Мало-помалу их душами и телами завладел ритм вальса; они выписывали медленные, грациозные круги, все увереннее сохраняя равновесие, все лучше чувствуя себя и друг друга. У них больше не было своей воли — они плыли на волнах музыки, и путь их стал одной бесконечной спиралью. Ее напряженное тело расслабилось; она слегка прилегла к нему на плечо; в мыслях тоже наступил покой; Корделия чувствовала легкое, очень приятное опьянение и не замечала ничего, кроме его взгляда. Они больше не были двумя разными людьми, а слились в единое целое.

"Боже, — подумала она, — я люблю его! Господи, что со мной будет? Я люблю Стивена! Только его. Больше никто и ничто не имеет значения. Существует только один этот вальс — пусть он никогда не кончается! Отдаться музыке, закрыть глаза, кружиться, кружиться!.."

К счастью, конец танца застал их в середине зала. Корделия была так бледна, что Стивен взял ее за руку и спросил, хорошо ли она себя чувствует. "Да, конечно, очень хорошо." Когда оркестр снова заиграл, Стивен выразил сомнение — может быть, ей следует отдохнуть? Нет, она хочет танцевать!

И все повторилось — прекрасное, чувственное наслаждение, которое хочется испытать еще раз, словно не веря в то, что оно было, страстно

желая убедиться в этом.

По окончании танца она, словно в тумане, позволила ему отвести себя туда, где собралась их компания. К счастью, родные были заняты беседой и заметили ее только тогда, когда она уже сидела рядом с ними.

Их собеседником оказался Дэн Мэссингтон. Корделия смотрела на него — и почти не видела.

— А, миссис Фергюсон! Миссис Брук Фергюсон. Вы, как всегда, очаровательны. И мистер Кроссли. Добрый вечер, Кроссли.

— Добрый вечер, Мэссингтон.

Дэн был пьян. Корделия поняла: здесь произошло что-то из ряда вон выходящее. Фредерик Фергюсон, необычайно импозантный в своем сером вечернем смокинге, стоял, опершись на спинку кресла, и хмуро взирал на Мэссингтона. Брук побледнел от гнева.

А она ничего не замечала, просто сидела, ошеломленная и испуганная, стараясь удержать разбегающиеся мысли, понять, что с ней творится.

Мэссингтон заявил капитану гусар:

— Просто уму непостижимо, Фрит, кого только в наши дни не встретишь в обществе. А, Фрит? Полное падение нравов. Вчера вечером я возмечтал отдохнуть у себя в клубе, и кто, ты думаешь, сидел там, задрав ногу на ногу? Наш бывший повар. Это говорит само за себя, не правда ли, Фрит? Моя мечта разлетелась вдребезги. Теперь просто страшно куда-то идти.

Капитан Фрит был весьма сконфужен.

— Конечно, старина, Ну, а теперь, может быть, ты присядешь? Сейчас начнут читать приветственный адрес.

— "Научный прогресс — знамение времени", — передразнил Мэссингтон. — "Лженаучный", — так было бы вернее! Крах цивилизации Севера!

— Если бы от этого мог быть какой-нибудь толк, — заявил мистер Фергюсон, — я попросил бы вас следить за вашими манерами. Но алкоголь — плохое подспорье для логического мышления. Не будете ли вы так добры последовать совету капитана Фрита?

— Алкоголь? — продолжал ерничать Мэссингтон. — Вы что, хватили лишку? Тут нечего удивляться. Те, кто поднялся из низов, часто не знают меры. Выскочки — вот подходящее слово. Корчат из себя джентльменов, но если это не заложено от рождения, ничего не поделаешь. А уж пьянство и давно превращает их в низких...

Со всех сторон послышалось шиканье. Мэссингтон наконец-то почувствовал всеобщее осуждение, повернулся и побрел к незанятому

креслу. Раздались аплодисменты: на возвышение поднялся мэр в сопровождении Его Преподобия Клода Боксли.

О его приветственной речи можно сказать лишь то, что она продолжалась вечно. Корделии было все равно. По окончании она не взглянула в сторону Стивена, а подошла к Бруку. Впервые за последние четыре часа Брук и его отец объединились перед лицом общего врага. Считая это ниже своего достоинства, мистер Фергюсон не стал публично обсуждать выпады Мэссингтона, но Корделия понимала, что творится у него на душе. Слушала желчные комментарии Брука — и не слышала их.

Ей хотелось сказать: "Случилось кое-что поважнее твоего оскорбленного достоинства". Но было ли это и впрямь важным для них обоих — отца и сына — она не знала. Вообще ничего не знала — в этот удивительный вечер.

Тедди пригласил ее на следующий танец. Она обрадовалась. С братом можно расслабиться — не думать, не разговаривать. Однако у Тедди были свои намерения.

— Кто этот наглец?

— Дэн Мэссингтон, — с отсутствующим видом ответила она.

— Кто он такой?

— Его сестра была первой женой Брука.

— А... Должно быть, он о ней и говорил. Но нет, не может быть.

— Говорил о Маргарет?

— Да, он упоминал это имя. Он пьян, да? Но эта парочка совсем не умеет танцевать — смотри, как подпрыгивают. Да, он рассказывал о ком-то по имени Маргарет — о ее смерти. Но, судя по тому, как он говорил, у меня сложилось мнение, что это случилось недавно.

— Скоро будет два года, как она умерла. — Ему наконец-то удалось расшевелить ее. Тоненькая ниточка в бурном потоке, соломинка, за которую можно ухватиться... — И что он сказал?

— Как будто эту историю всячески пытались замять. И, значит, было что скрывать. Будь его воля, он настоял бы на расследовании.

Корделия не ответила. В ее теперешнем смятении... Она не могла облечь это в слова, даже додумать до конца, но интуиция подсказывала: в этом что-то есть. Что-то безобразное. А ведь именно сейчас ей, как никогда, необходимо было чем-то подкрепить свою верность Бруку — верность, которую, несмотря на чувство к Стивену, невозможно нарушить. У нее было такое ощущение, словно ей причинили боль, но она была слишком удручена, чтобы определить ее источник. Стивен, Маргарет, Брук, Дэн, Тедди, снова Стивен — все они мелькали перед ней в сумасшедшем

калейдоскопе сомнений, любви и тревоги.

— Так как ты думаешь, — настаивал Тедди, — в этом есть хоть доля правды?

— Нет, разумеется. Он слишком много выпил, только и всего.

— Делия, а от чего она умерла? Ты знаешь?

— Все очень просто. Ничего подозрительного.

На лице Тедди отразилось легкое разочарование.

— Этот Мэссингтон — аристократ?

— Джентльмен — во всяком случае, предполагается, что это так.

Мэссингтоны — очень старинный род.

— Честно говоря, мне было очень смешно.

— Смешно?

— Да. Ты, кажется, пропустила самое интересное. Брук и его отец...

Должен признаться, я чуть не лопнул со смеху — как они оскорбились! Еще бы — кто-то посмел посмотреть сверху вниз на *них*!

— А мне показалось, что сегодня они настроены благодушно.

— Вообще-то да... Слушай, что за красотка — вон там, в голубом?..

Делия, ты на меня не сердись?

— Нет, что ты.

— Забыл сказать — мама передавала тебе привет и просила не переутомляться. Надеюсь, ты лучше себя чувствуешь?

— Да-да, спасибо.

— Прекрасно выглядишь. Ты что, нарумянила щеки?

— Господи, конечно же, нет!

— Хью с Эсси веселятся вовсю. Стивен молодец, что пригласил нас.

По-моему, он парень что надо, а ты как считаешь?

— Так же, — ответила она.

* * *

Вечер продолжался. Сменяли друг друга закуски и разговоры. Хор исполнил еще одну песню, затем возобновились танцы. Взволнованный не меньше Корделии, Стивен оставил ее в покое. Ему не хотелось афишировать свое внимание в присутствии Брука и мистера Фергюсона. И потом, ему было трудно разобраться в своих и ее чувствах. Насколько серьезно ее решение не видеться с ним? Он смертельно боялся спугнуть ее.

Тем не менее в конце приема он, точно мотылек, летящий на огонь,

почувствовал, что не в силах больше сдерживаться, и при первых же тактах вальса подскочил к Корделии. К его удивлению, на этот раз она не стала отнекиваться, а поднялась и пошла с ним в центр зала.

— Простите, — начал он. — Я не забыл: мы договорились, что тот вальс — последний...

— Да, — уронила Корделия, позволяя ему коснуться своей талии.

— Вечно я нарушаю свои обещания, хотя прилагаю невероятные усилия, чтобы их исполнить.

— Да, — повторила она.

Они немного помолчали.

— Вам не хочется говорить? — догадался Стивен. — Пусть будет по-вашему.

Вальс продолжался, и очень скоро Стивен почувствовал перемену в настроении своей дамы. Они снова кружились в вихре танца, словно единое существо; ее тело больше не было напряженным, а казалось размягченным, податливым, готовым уступить. Они плыли на волнах гармонии, ни о чем не думая, целиком во власти ритма и мелодии, проникших в кровь, ставших биением их пульса. И вдруг Стивена озарило — словно молния сверкнула во мгле: "Моя взяла!"

Глава XII

Корделия распланировала свои домашние дела таким образом, чтобы видеться с родными в разные дни, отправлялась туда в карете и уезжала на час раньше, чем обычно. Это помогало ей избегать встреч со Стивенем. Она пыталась и не могла найти интерес в чем-то другом — чтении Бруком своих стихов, ведении домашнего хозяйства, мышах дяди Прайди, красильнях мистера Фергюсона, посетив их еще раз, в книгах по красильному делу, которые ей дал свекор.

В конце концов она вновь обратилась к дневнику Маргарет — сей запретный плод постоянно манил ее к себе.

Это было тяжелое чтение, во время которого Корделию не покидало ощущение, будто она роется не только в мыслях покойницы, но и в прошлом своего мужа.

"Двадцатое февраля.

Приезжал Дэн. Он единственный, с кем я могу свободно и откровенно беседовать. Милый Дэн, как я его люблю! Хотя, конечно, не могу не осуждать его образ жизни. Если бы только он отказался от привычки к лени и праздности, он мог бы многого добиться. Дэн разделяет мою точку зрения на Фергюсонов. Сегодня он приехал, чтобы сообщить мне о своем новом открытии. Его знакомый адвокат, мистер Фрай, информировал его, что, когда умер дед Брука, старый Фергюсон, он завещал все свое состояние — фабрики и все прочее — поровну всем своим детям. А мой свекор, мистер Ф., обвел тех двоих вокруг пальца и завладел их частью наследства. Нечего сказать, красивая история, и я в это верю — да простит меня Господь за неблагочестивые мысли! Просто это вяжется с его характером. А они-то, простофили, считают, что он их облагодетельствовал, — держит у себя из милости и уделяет им ничтожную долю того, что на самом деле принадлежит им по праву!"

Какое-то время Корделия не могла читать дальше. Она сидела, машинально переворачивая страницы, словно ища опровержение.

"Двадцать седьмое февраля.

Такая жуткая бессонница, что мне пришлось обратиться к доктору Берчу. Он поинтересовался, не беспокоит ли меня что-нибудь. Я сказала "нет", потому что какой смысл жаловаться? В глазах окружающих все это — мелочи, тогда как меня они просто убивают. Единственное мое утешение — Библия. А вот у них там, в гостиной, молитва ничего не

стоит — фарс чистойшей воды, в лучшем случае пустая формальность."

"Двадцать второе марта.

Приезжали мама и Мод. Их очень беспокоит Дэн — он тратит больше, чем может себе позволить. Они почти все время трещали о каких-то пустяках, как будто у меня нет своих проблем. Только перед уходом мама обратила внимание на то, что я похудела, а это довольно странно — в доме, где столько тратят на еду!"

"Шестое апреля.

Сколько шума по поводу чтения Бруком своих стихов! К несчастью, я о них невысокого мнения. Многим кажется чудом уже сама способность человека срифмовать несколько слов, но только не мне, воспитанной на Мильтоне и Вордсворте..."

"Двенадцатое апреля.

Приезжал ненавистный С.-С., честил на чем свет стоит существующие порядки и выдвигал бредовые идеи. Просто уму непостижимо, как может существовать подобный снобизм, такая злобная интеллектуальная гордыня. А ведь они-то и правят бал в этом доме. Вчера вечером дядя Брука чуть не полез в драку из-за того, что С.-С. пренебрежительно отозвался о какой-то дохлой мыши, из которой он сделал чучело. Они точно дети, играющие в "науку". Нахватались кое-каких познаний, но бесконечно далеки от Истины. Христианский долг повелевает мне молиться за них, но — должна признать свое поражение — не могу."

Корделия почувствовала, что на сегодня хватит. Ей казалось, будто она начинает понимать Маргарет — как если бы они познакомились и та исповедовалась перед ней. Впрочем, вряд ли живая Маргарет вызвала бы у нее симпатию. Дневник выставлял ее не в очень-то красивом свете, однако следует признать, что обрисованные ее пером Фергюсоны выглядели еще менее привлекательными.

Это было не очень-то удобно — сидеть на чердаке среди всякой рухляди и покрытых пылью книг, но Корделия не могла заставить себя отнести дневник вниз.

На следующий день шел дождь, и света, проникавшего сюда через слуховое окно, было явно недостаточно.

"Девятнадцатое апреля.

Сегодня я впервые за два месяца увидела Дэна. Между нами произошла ссора, о которой я очень сожалею. Я упрекнула его в том, что, по словам мистера Ф., он тратит все свои деньги на эту Портенс. Он все отрицал, и теперь я не знаю, кому верить. Хорошенькое дело — я не знаю,

кому верить — моему родному брату или человеку, который разбил мне жизнь! Перед отъездом Дэна мы помирились, и, чтобышний раз не вставать, я попросила его принести мое лекарство — пилюли, содержащие железо, они обычно хранятся в угловом комодe. Он назвал меня "старой галкой", и эта детская кличка оживила дорогие моему сердцу воспоминания. Счастливое, навсегда ушедшее время!.."

"Двенадцатое мая.

Прописанное доктором Б. недожаренное мясо внушает мне отвращение. Пожалуй, следовало бы вытребовать сюда моего личного врача. Доктор Вернон сильно отличается от доктора Б."

"Двадцатое мая.

Брук уехал. Я сделала над собой усилие и сошла вниз. Кажется, это прошло лучше, чем в прошлый раз. Вот только под конец..."

Корделия перевернула страницу и вдруг услышала чьи-то легкие шаги. Не успела она пошевелиться, как рядом раздался голос:

— Прекрасное времяпрепровождение для юных леди! Она резко повернулась и встретилась взглядом с дядей Прайди.

У нее бешено заколотилось сердце. В горле застрял комок; Корделия проглотила его, но дар речи так и не вернулся. Она пошарила по полу в поисках дневника, который выронила из рук.

Он ухмыльнулся.

— Это что, один из тех духов, которых мы вызывали на спиритическом сеансе?

Лучшая защита...

— Что вы здесь делаете, дядя Прайди? Разве можно так подкрадываться?

Он присел рядом на корточки.

— Неужели я действительно напугал вас? Простите. Просто решил подшутить, когда увидел, как вы карабкаетесь по лестнице.

Корделия подобрала пару книг, стараясь спрятать между ними предательскую тетрадь. Получилось несколько топорно, но с дядей Прайди может сойти.

— Я завершил свой труд, — гордо оповестил он, — и как раз шел поделиться с вами радостью. Хотите взглянуть?

— С удовольствием.

И этот седовласый большой ребенок, страшно смущаясь, предъявил любимую игрушку, достав из-под мышки манускрипт — довольно объемистый и аккуратный, хотя и неумело переплетенный. На обложке каллиграфическим почерком было выведено: "Наследственные и

благоприобретенные навыки поведения у мышей, а также наблюдения за анатомией и поведением грызунов вообще. Томас Прайди Фергюсон".

— Можно посмотреть?

— Да-да, конечно. Обязательно!

Корделия наугад открыла рукопись и прочла первый параграф; потом полистала, выхватывая глазами абзац за абзацем. Прекрасный почерк. Четкая диаграмма. Сейчас, когда она оправилась от первоначального испуга, ей стало жалко этого чудаковатого старика, лишенного подобающего положения в обществе и потому вынужденного посвящать все свое время, внимание, интеллект изучению грызунов. Может, и он в дни юности был утопистом, как его брат, и мечтал о реформах, но у него не было кипучей энергии Фредерика Фергюсона. Поэтому он позволил отодвинуть себя на задний план, а его идеализм обернулся эксцентричностью. И вот перед ней — результат многолетних дерзаний ума, его вызов человечеству. Корделия с сожалением подумала: "Лучше бы он так и не заканчивал его, не расставался с любимой игрушкой". Больше всего ей не хотелось, чтобы дядя Прайди подвергся осмеянию.

— Кто-нибудь это уже читал?

— Силы небесные, разумеется, нет!

— Я тронута, дядя Прайди.

— Не удивляйтесь. Разве вы на моем месте показали бы рукопись тете Тиш?

— Ну... вряд ли.

— Вот именно — может быть, если бы в ней шла речь о мозолях. Или Бруку — труд, в котором нет ни словечка о Шелли и Шопене?

— Мне кажется, ему было бы интересно...

— ...Или Фредерику — книгу, не содержащую дорогих его сердцу описаний религиозных обрядов племен Израиля?

— Что же вы собираетесь делать?

Он потрещал костяшками пальцев.

— Биология, благодаря Гексли, сейчас в большой моде. Можно попытаться опубликовать рукопись и немного заработать. Вряд ли книга станет сенсацией, но все-таки я не зря столько лет наблюдал за этой маленькой шпаной. Ох, совсем забыл, надеюсь, я не раздавил их? — дядя Прайди порылся в кармане и вытащил на свет Божий трех крошечных, извивающихся зверьков. Он пустил их на пол и извлек еще горсть. Корделия ахнула и подобрала юбки.

— Не бойтесь, они новорожденные, еще совсем слепые. Не стоит хвататься за нож для разрезания книг: они не причинят вам вреда. — Он

пошарил в другом кармане и вытащил еще нескольких землероек. — Скоро они начнут кусаться, но пока еще совершенно безобидны. Вы ничего не заметили? Нет? Вот, посмотрите: у пятерых зверюшек только по четыре пальчика на каждой лапке! Интересно, не правда ли? У их родителей тоже было по четыре — это большая редкость. Все они появились на свет — благодаря тщательной, произведенной мной селекцией — от одного уродца. И вот что странно: мне ни разу не удалось добиться того, чтобы весь помет оказался четырехпалым. Результаты обнадеживающие, но все-таки нормальный тип не дает полностью себя вытеснить. Паршивая "норма"! Что толку быть нормальным — особенно если речь идет о человеке! Кругом сплошная норма, вовек от нее не избавиться.

— Я думаю, им бы не помешали пальтишки.

— У вас на лице написано отвращение — это относится к самим зверькам или к моей теории? Разве вы не верите в отбор? Что в нем плохого — если он способствует улучшению породы? Возьмите нашу семью: двое умных и одна безмозглая особь — это же лучше, чем три ничтожества? Возьмите конфетку. Нет, лучше не берите: кажется, там покуролесил мистер Гладстон.

— Вашу семью? — запоздало откликнулась Корделия.

— Ну конечно — в какой-то мере. Наши отец и мать были двоюродными — вы знали об этом? И тот, и другая — Фергюсоны. Я обеими руками "за"! Если бы я решил жениться, обязательно поискал бы какую-нибудь кузину. Это усиливает родовые признаки: и с положительным, и с отрицательным знаком. Посмотрите на Фредерика: стоило рискнуть в случае с Тиш ради такого великолепного экземпляра!

— Мистер Фергюсон тоже женился на кузине?

— Фредерик? Нет, конечно же, нет! Он взял в жены некую мисс Поттер из Стретфорда. Нудная особа, но ему она подходила. — Дядя Прайди принялся собирать свой зверинец. — Не бойтесь, среди ваших детей не будет уродцев с четырьмя пальцами.

Корделия отошла к окну. Дядя Прайди любовно пошелестел страницами рукописи и захлопнул ее. Двое умных и одна безмозглая... Интересно, есть ли связь между интеллектом и характером человека?

— Дядя Прайди, давно вы занимаетесь мышами?

— С самого детства. Мальчишкой я не ставил никаких опытов, просто держал их для своего удовольствия. Когда-то я мечтал стать врачом, но из этого ничего не вышло. Тогда я увлекся вивисекцией.

— Пойду-ка я вниз.

— Из меня мог бы выйти отличный хирург. Но, поскольку это не

удалось — начал резать мышей. Разумеется, дохлых... Что вы сказали? Я иду с вами.

— Спасибо, что познакомили меня с вашей книгой, дядя Прайди.

— А, ерунда. Я подарю вам экземпляр, когда она будет опубликована. А Слейни-Смиту — дудки. Фредерику — может быть, если он откажется от своих ересей.

Глава XIII

Бруку понадобилось на неделю уехать в Олдхэм. Корделия просилась с ним, но мистер Фергюсон воспротивился, сказав, что она нужна ему дома.

С отъездом Брука у нее и впрямь прибавилось забот. Однажды мистер Фергюсон взял ее на фабрику и более подробно познакомил с производством. Вопреки желаниям Брука, и не особенно интересуясь ее собственными, он неукоснительно претворял в жизнь свои далеко идущие замыслы.

В этом прекрасном, теплом июне сад стал бальзамом для ее измученной души. Там росли розы и персики, а в оранжерее — малина и ежевика. После вечной и неизбежной грязи на улице перед мастерской отца Корделия от души наслаждалась маленьким раем и все свободное время проводила там, особенно после ужина, когда у Фарроу с Боллардом кончался рабочий день и ей никто не мог помешать. Там она находила отраду в уединении.

В восемь часов, когда солнце почти село, Корделия срезала несколько роз "Слава Дижона" и, вдохнув их аромат, пожалела, что цветы недолговечны. Вдруг неподалеку хрустнула ветка, и она увидела человека, который только что вошел через калитку в дальнем конце сада и направлялся к ней. Стивен!

Корделия замерла с букетом роз в руках. Она не смела дышать и только наблюдала, как он приближается. На лице Стивена были написаны обида и отчаяние.

— Почему вы меня избегаете?

Корделия промолчала.

— Неужели нельзя хотя бы изредка встречаться?

— Кто-нибудь знает, что вы здесь?

— Нет. Я перелез через наружный забор.

Корделия оглянулась.

— Пойдемте.

Она увлекла его в укромный уголок между оградой и оранжереей. Сад не просматривался из дома, но здесь их не увидел бы даже вошедший в него через калитку.

Стивен впился жадным взглядом в лицо Корделии, а когда она опустила голову, стал любоваться ее чудесными, густыми волосами и фигурой в платье из белого муслина. За темными, пушистыми ресницами

вспыхнули огоньки.

— Почему вы меня избегаете?

— Неужели не понятно?

— Понятно — что у вас нет сердца.

— Есть...

— Неужели между нами все кончено?

— ...Да.

— Потому что я вам безразличен?

— Вы так думаете?

— Неужели вы чувствуете к Бруку то же, что ко мне?

— Ох, Стивен, не спрашивайте.

— Корделия.

— Да?

— Я с ума по вас схожу. Если бы вы знали, как я измучен... и голоден.

Она подняла глаза и ничего не ответила. Он нежно обнял ее, привлек к себе и посмотрел ей в глаза.

— Корделия.

— Да?

— Вы меня любите, правда?

— Я...

— Отвечайте!

Он поцеловал ее — сначала робко, а затем более уверенно. Чайные розы в ее руках смялись и упали на землю, прямо в струйку воды из оранжереи. Корделия сделала шаг назад и наступила на одну розу — прекрасные лепестки смешались с грязью. Стивен бережно взял в ладони ее лицо и стал покрывать поцелуями глаза, щеки, губы...

Вначале она пассивно принимала его ласки, но вскоре обвила его шею руками и всем телом прижалась к нему.

Стивен отворил дверь оранжереи, и они вошли внутрь. Там он усадил ее на деревянную скамью, опустился перед ней на колени и отер ей слезы.

— Не плачь. Ни о чем не беспокойся, моя любимая.

— Я не плачу. Отпустите, пожалуйста, мне нужно прийти в себя.

— Не могу — теперь, когда я только-только обрел тебя.

Они долго сидели, не шевелясь. Кругом пахло виноградом, гелиотропами и сырой землей.

Корделия блестящими глазами посмотрела на Стивена и засмеялась.

— Простите. Вам не следовало заставить меня врасплох.

— Неужели вы думали навсегда от меня отделаться?

— Я так далеко не загадывала.

— Вы сюда частенько наведываетесь?
— Почти каждый вечер — в хорошую погоду.
— Каким же я был болваном! Караулил за воротами... Корделия, мы могли бы встречаться здесь!
— О нет.
— Почему?
— Прежде всего, нас могут увидеть.
— Только не в темноте. Вы можете незаметно убежать сюда?
— Когда Брука нет дома.
— Пусть будет так... Но мы можем встречаться и в других местах — если вы обещаете больше не избегать меня. Что-нибудь придумаем.
— Имейте мужество оставить меня в покое!
— Если в этом и состоит мужество, предпочитаю обходиться без него. Ну почему вы все время сердитесь? Скажите: вот прямо сейчас — разве вы не чувствуете себя счастливой? Ответьте честно!
Счастливой? Этого она не знала. Корделия была совершенно выбита из колеи; сердце, как барабан, бухало в груди.
— Ну, так я скажу о себе. Я счастлив. На всех Британских островах нет никого счастливее меня, потому что вы признались, что любите и уже не сможете от этого отречься. Воздвигайте любые преграды, возводите заборы — от этого вам никуда не деться!
— Я не возводила заборы, — возразила она. — Они уже существовали, когда мы познакомились.
— Значит, я сокрошу их. Клянусь всеми святыми! Он вновь прильнул к ее губам.
Наконец Корделии удалось высвободиться и, с трудом нащупывая путь в темноте, двинуться в сторону дома. Стивен догнал ее, схватил за руку и попросил прощения. Оно было получено. Они сели на выступ в каменной стене, посреди виноградных лоз, и завели тихий разговор. Корделия была рада возможности поговорить, хотя в глубине души и чувствовала, что навлекает на себя огромные неприятности. Опасно слишком долго оставаться здесь; к тому же на белом платье остаются следы. И она потеряла свой розовый букет.
Он отпустил ее не раньше, чем она назначила время и место следующего свидания.
Корделия на цыпочках подкралась по траве к той части дома, где была библиотека, и проникла внутрь через французское окно. Едва не налетев на стул, пробралась к выходу в освещенный холл. Там она подобрала юбки и направилась к лестнице, но услышала, как из своего кабинета вышел мистер

Фергюсон. Она затаила дыхание.

Наконец шаги стихли: он прошел в гостиную. Корделия осмелела и, тщетно пытаясь унять дрожь в руках, без приключений добралась до своей спальни.

* * *

Это было сумасшествием с ее стороны — пообещать ему встретиться еще раз. Но Корделия не могла ничего с собой поделать: она впервые в жизни любила! Все прошлые тревоги, угрызения совести и доводы рассудка набатом звучали в ее душе, но доносились словно издали, заглушенные новыми, мятежными мыслями. "Брук, Маргарет, Дэн, дневник, врачи, скандальные слухи..."

На другой вечер, сидя у себя в спальне при одной горячей свече и следя за тем, как часовая стрелка неумолимо подбирается к одиннадцати, она отдавала себе отчет в том, что это свидание станет переломным в их отношениях. Сама она, не считала их безнравственными, однако — пробираться к чужому мужчине, тайком, ночью, в сад... Окружающие явно были бы на этот счет другого мнения.

Старинные часы — подарок ее отца — попытались боем возвестить урочное время, но все, на что они оказались способны, это высывание языка да жалкое потрескивание.

Корделия встала, набросила поверх темного платья бархатный доломан и задула свечу. Потом открыла дверь — та еле скрипнула — и выглянула наружу. Дом был погружен во тьму, только под дверью спальни мистера Фергюсона светилась желтая полоска: очевидно, он читал в постели.

Корделия бесшумно спустилась в холл и прошла в библиотеку. Французское окно оказалось на запоре. Она встала на стул, чтобы отпереть — с легким скрежетом — верхнюю задвижку. Затем с минуту посидела на стуле, вслушиваясь в тишину. Ни звука.

Она закрыла за собой окно и вышла в сад. Стояла кромешная тьма. Теплый ночной ветерок ласково касался щек. Над самым домом нависли облака. Было слышно, как мошकारа шелестит в листве. Корделия сделала несколько шагов по коротко подстриженному газону. Из-за кустов появилась мужская фигура. Стивен! Через секунду он уже держал ее в объятиях.

— Ты вся дрожишь, — прошептал он ей на ухо. — Тебе холодно, милая? Сейчас мы это исправим.

— Нет-нет, мне уже хорошо. Давай скорее отойдем подальше.

Они оцупью двинулись вдоль ограды. Сегодня не было нужды прятаться в оранжерее: влюбленные едва различали друг друга.

Они уселись на скамью под грушей.

Но в этот вечер что-то сдерживало Стивена, довлело над ним. За пять месяцев он научился понимать и Корделию, и самого себя. Плавание, в которое он пустился с легким сердцем, весело и беззаботно, неожиданно привело на мель. Только вчера он был вне себя от счастья и готов сокрушить любые преграды, а сегодня внутренние противоречия мешали ему в полной мере насладиться своей победой.

Они разговаривали шепотом; Корделия получала от этого разговора огромное удовольствие. Он поведал ей многое о себе, и она не замедлила последовать его примеру. Впервые за полтора года ей было кому доверить все, что переполняло ее сердце. Гордость не позволяла Корделии жаловаться — даже родным. Зато Стивену она рассказала все: о смерти Маргарет и связанной с этим тайне, о Фредерике Фергюсоне и особенностях жизни в Гроув-Холле. Иметь возможность выговориться — какое счастье!

Стивен заботливо поддерживал доломан у нее на плечах. Но ей и без того больше не было холодно. Они говорили, говорили без конца, делясь переживаниями, не замечая времени, не в силах остановиться.

Понемногу ночь сделалась светлей. Корделия спросила, который час, и Стивен с удивлением обнаружил, что уже около часу. Он без зазрения совести солгал, что еще только несколько минут первого — но и это было достаточно поздно, и Корделия вскочила, чтобы уйти — пообещав встретиться с ним на следующий вечер.

Она вернулась в библиотеку. Последнее касание пальцев — и Стивен скрылся из виду; ей показалось — без возврата. Она снова осталась одна. Слегка скрипнула верхняя задвижка французского окна. Стараясь не дышать, Корделия вышла в холл и подкралась к лестнице. Света под дверью мистера Фергюсона уже не было — очевидно, он уснул, так же, как тетя Тиш, дядя Прайди и все одиннадцать слуг. Только она одна бодрствовала — да Стивен, пробиравшийся к себе домой.

Глава XIV

Утром пришло письмо от Брука, одно из самых теплых, какие он когда-либо писал ей. Оно было на удивление нежным, Даже страстным. Брук большей частью жил за счет воображения; разлука дала толчок фантазии, и он был рад запечатлеть игру воображения на бумаге. Корделия почувствовала себя воровкой.

Вечером ей предстояло навестить родных, но она понадобилась мистеру Фергюсону. В половине первого он приехал домой обедать, а потом прихватил ее с собой на фабрику. Там она впервые присутствовала на совещании руководителей всех подразделений. Мистер Фергюсон представил ей тех, с кем она еще не была знакома, и Корделия заняла свое место за столом между ним и Симнелом, приготовившись внимательно слушать. Этих скучных мужчин в потертых бархатных сюртуках явно смущало ее присутствие; сама Корделия также изрядно стеснялась, но мистер Фергюсон и не подумал обратить на это внимание. В конце своей вступительной речи он открыл присутствующим причину приглашения невестки. Возможно, в недалеком будущем, когда им с Бруком придется ехать в Лондон, она возьмет бразды правления в свои руки. Он чрезвычайно высоко отозвался о ее деловых качествах, чем еще более смутил молодую женщину. «А что, — подумала Корделия, — если встать и сказать: "Вы считаете, что у меня светлая голова, тогда как я давно потеряла ее из-за Стивена Кроссли, влюбилась, как последняя дурочка. Вы ошибаетесь, мистер Фергюсон, а все остальные правы: женщинам и впрямь нельзя доверять серьезные дела. Вот так-то!"»

И надо же было им обоим — ему и Бруку — выбрать именно этот день для проявления добрых чувств и высокого доверия!

Вечером мистер Фергюсон, не предупредив заранее, уехал на лекцию и вернулся только в половине одиннадцатого. Его, как обычно, ждали; прислуга сновала по всему дому до половины двенадцатого; до без четверти двенадцать парадная дверь оставалась открытой. В полночь Корделия уже была в саду — и надеясь, и боясь того, что Стивен не дождался и ушел.

Он возник перед ней, как тень, из кустов лавра.

— Делия.

— Ох... Я уж думала...

Они поспешили укрыться в глубине сада.

— Я не могла раньше прийти.

— Что-нибудь случилось? Я догадался по тому, что в доме долго не гасили свет.

Она объяснила. Шел дождь; с пальто и шляпы Стивена стекали водяные струи. Он боялся далеко отойти от окна, чтобы не разминуться. Полтора часа показались ему вечностью, но он не придавал этому значения, как обязательно сделал бы Брук. Корделии нравилось его жизнелюбие, пленяла его непосредственность. Препятствия не пугали Стивена: он смотрел на них как на неизбежное зло; преодоление увеличивало торжество.

Они укрылись в оранжерее. Это маленькое приключение их сблизило. Они вместе посмеялись над неудобствами, а потом Стивен заглушил смех Корделии поцелуем. Он прижал ее к своей груди так крепко, что мог слышать биение ее сердца, и поведал о том, как нынче разыскал в клубе Дэна Мэссингтона (на самом деле это случилось несколькими днями раньше) и забросал его вопросами. В разговоре всплыла такая деталь, как смертельная доза снотворного. Потом, мол, врач интересовался, сколько Маргарет приняла таблеток. Этого Дэн не знал и, как понял Стивен, так и не удосужился выяснить.

— Доктор Берч — близкий друг семьи Фергюсонов, — задумчиво произнесла Корделия. — Вряд ли он поднял бы этот вопрос без особых на то оснований.

— Стоит ли ломать себе голову, любимая? И зачем нам тратить время, толкуя о других?

— Мне трудно объяснить, почему, — ответила Корделия, — но поверь, для меня это очень важно.

— Ну хорошо. Хочешь, я сам спрошу старика?

— Господи, нет! Ни в коем случае!

— Ну и слава Богу. Мне было бы не очень-то приятно выполнять такое поручение.

Привыкнув беспокоиться за Брука, Корделия боялась, как бы Стивен не простудился, но он поднял ее опасения на смех. Брук должен вернуться в субботу, стало быть, в их распоряжении один лишь завтрашний вечер, потом придется пускаться на всевозможные ухищрения.

Когда Корделия собралась уходить, он взял с нее слово увидаться завтра в одиннадцать, здесь, в саду. Корделия сказала, что будет молить Бога о ясной погоде. Стивен погладил ее руку и возразил: его больше волнует, будет ли вечер достаточно темным. Это кажется ему куда более важным условием.

Они дошли до французского окна и поцеловались на прощанье, но когда Корделия попробовала открыть окно, оно не поддавалось. Она толкнула сильнее — тщетно. Ее охватила паника.

Сзади подошел Стивен.

— Что-нибудь случилось?

— Окно... на запоре.

Тогда он сам осторожно налег на деревянную раму. Корделия стояла чуть живая, на лбу выступил холодный пот. Окно и не думало поддаваться. У нее все поплыло перед глазами, и она была вынуждена опуститься на каменные ступени. Стивен сел рядом.

— Не вешай носа, это пустяки. Что-нибудь придумаем.

Она схоронила лицо в ладонях.

— Меня кто-то видел.

— Вовсе не обязательно. Просто кто-нибудь делал вечерний обход и обнаружил незапертое окно. Нельзя ли попасть в дом каким-нибудь иным способом?

— Нет.

— Как насчет простых окон?

— Холлоуз тщательно проверяет все окна первого этажа.

Стивен поднялся на ноги и, подбоченясь, задумчиво поглядел на особняк.

— Дом слишком велик, чтобы в нем все предусмотреть. Бьюсь об заклад, нам не составит труда проникнуть внутрь. У вас есть какие-нибудь кладовки?

— Кажется, там на всех окнах решетки. Корделия прилагала бешеные усилия, чтобы взять себя в руки, но ей не удавалось прогнать страшные видения: каменное лицо мистера Фергюсона, обида и подозрение в глазах Брука, перешептывания прислуги, отец, мать, Тедди, все ее новые знакомые... Любовь к Стивену внезапно пошатнулась под ударами судьбы.

Она сказала ему о черном ходе, предупредив о том, что прямо над ним спят слуги; упомянула о лошадях и спальне Боба и миссис Томкинс над самой конюшней. Стивен уговаривал ее вернуться в оранжерею, пока он будет искать выход, но она не послушалась.

Стивен исчез. Корделия стащила с головы шаль и подставила лицо и волосы дождю. Это немного остудило овладевшее ею лихорадочное возбуждение. К ней вернулась способность размышлять. Если ее видели, все и так уже потеряно — разве что она станет громоздить одну ложь на другую. Вряд ли кто-либо видел Стивена. Она скажет, что ей нездоровилось и она вышла в сад... А может быть, провести ночь в

оранжерее, а утром попытаться незамеченной проскользнуть в дом?

Вернулся Стивен, и она выложила свой план. Пусть он возвращается домой, а она...

Он покачал головой.

— Это — в крайнем случае. Давай лучше пойдем ко мне, а утром гордо встретим последствия!

Корделия поспешила отвергнуть это предложение, сделанное под давлением момента. Стивен почувствовал тайное облегчение. Сейчас ему меньше всего улыбался грандиозный скандал. Это было бы страшным ударом для его отца.

Проблема оставалась, но он и не думал признавать себя побежденным.

— Где твоя комната?

— На втором этаже, за углом.

— Окна открыты?

— Да. Но туда не добраться.

— Посмотрим.

Они завернули за угол. Спальня Корделии была расположена прямо над столовой.

— Ура! — воскликнул Стивен. — Здесь растет плющ, и есть водосточная труба. В школе мне доводилось карабкаться по ним каждую субботу. Все три окна — твои?

— Да. Но вот то, подальше, — окно гардеробной. — Она схватила его за руку. — Не хочу, чтобы ты рисковал!

— А, брось. Это сущие пустяки. Какое легче открыть?

— Наверное, то, что в гардеробной.

Он заставил ее подробно описать расположение комнат и приступил к выполнению своего замысла. Прежде всего снял ботинки и накрыл их плащом и шляпой. Подергал, проверяя, водосточную трубу и начал взбираться по ней наверх.

Стивен не сомневался, что французское окно только по чистой случайности оказалось на запоре. Корделия, лучше знавшая порядки в доме и его обитателей, придерживалась другого мнения.

Глава XV

Это действительно оказалось нетрудным делом для молодого, ловкого человека. Плющ выдержал, и через минуту-другую Стивен был уже напротив окна гардеробной. Он подтянулся и перемахнул через подоконник.

Теперь ему предстояло самое трудное. Глаза привыкли к темноте, но не настолько, чтобы полностью исключить возможность налететь на стол или смахнуть что-нибудь со стула. Корделия могла не говорить, чья это комната: он узнал слабый запах ее духов.

Он открыл дверь в спальню — она еле слышно скрипнула. Он выглянул наружу и увидел прямо у себя под ногами темный предмет. Это оказался упавший с крючка капот Корделии. Стивен любовно разгладил его руками и повесил на спинку стула.

Однако здесь ощущалось и еще чье-то присутствие. Некоторые вещи явно принадлежали мужчине. Стивен расстроился: он как-то никогда не принимал Брука всерьез.

Из-за этих мыслей он открыл наружную дверь спальни не так осторожно, как хотелось бы; что-то громко щелкнуло, и он замер на пороге, вглядываясь в темноту и ожидая, что под какой-нибудь дверью вот-вот вспыхнет полоска света. Но дом оставался погруженным в сон. Стивен ощупью добрался до лестницы.

Неподалеку раздавался чей-то храп. Ему было трудно определить пол храпящего, но этот до боли реальный звук вернул его к действительности, заставил посмотреть на ситуацию с другой стороны. Вон он, крупнейший английский коммерсант, безмятежно поживает в своем загородном доме, всецело положившись на запоры и засовы. А тем временем дерзкий грабитель, червь в яблоке — он вполне отдавал себе отчет, как можно расценить его действия, — крадется в самом сердце его нерушимой твердыни.

Наконец он спустился на первый этаж и почувствовал себя увереннее. Здесь, по крайней мере, никто не спал; к тому же, эта часть дома была ему более или менее знакома. Было условлено, что он откроет французское окно, но в это мгновение, слишком уверовав в свой успех, он допустил ошибку и перепутал двери.

Это была комната меньших размеров, чем библиотека. Стивен сообразил, что его занесло в кабинет мистера Фергюсона. Он уже

собирался вернуться обратно в холл, но вдруг почувствовал чье-то пыхтение.

Стивен застыл на месте, ожидая услышать голос или почувствовать на своем плече руку хозяина дома. Однако человек продолжал мирно сопеть во сне. Мистер Фергюсон спал. Насколько крепко?

Стивену удалось без малейшего шума открыть дверь и выскользнуть в холл. На этот раз он действовал спокойно и без малейшей спешки.

Побоявшись снова перепутать комнаты, он не пошел в библиотеку, а двинулся в столовую. Там, по его воспоминаниям, было низкое окно, выходящее в сад. Он без труда отпер задвижку, открыл его и выпрыгнул наружу. Обежал вокруг дома.

Корделия ждала там, где он ее оставил.

— Ну, слава Богу! — выдохнула она, вставая с каменных ступеней. — Но как тебе удалось...

— Это несложно. Однако не обошлось без маленькой накладки, — он рассказал, что произошло.

Корделия успокоилась. Пока его не было, она успела подготовиться к худшему. Они подошли слишком близко к краю бездны. Должно быть, мистер Фергюсон слышал ее шаги и последовал за ней вниз.

— Нет-нет, кто говорит, что тебя выследили? Во всяком случае сейчас он спит, как новорожденный. Ты сможешь залезть в окно столовой?

— Да.

Они подошли к окну. Стивен первым забрался внутрь. Корделия последовала за ним. Все было бы хорошо, если бы их не мучил страх перед малейшим шумом.

Она прыгнула прямо в его объятия.

— Слушай, милая, — прошептал Стивен. — Положись на меня. Ничего не бойся. Ложись спать, а завтра вставай, как будто ничего не произошло. Я приду в сад до наступления темноты. Давай придумаем сигнал.

— Хорошо.

— Если все будет идти по плану, не нужно никакого сигнала. Запомнила?

— Да.

— Если все хорошо, но ты почему-либо не можешь выйти, — что ты сделаешь?

— Вывешу платок в окне гардеробной.

— Отлично. А если нас разоблачили и ты не можешь выйти, — два платка?

— Да.

Они повторили, чтобы ничего не перепутать. Стивен поцеловал Корделию и выпрыгнул в сад. Его последними словами были:

— Ни о чем не беспокойся. На клумбе не останется следов: у меня впереди целая ночь, чтобы их уничтожить. Сними мокрую одежду и ложись в постель. Спокойной ночи.

И он исчез в темноте. Корделия повернулась и, дрожа, как в кошмарном сне, стала подниматься по лестнице. Наконец она добралась до своей спальни, притворила дверь и в изнеможении прислонилась к ней спиной. До рассвета оставалось четыре часа.

Она спала совсем недолго и все время металась, словно судно в океане, застигнутое штормом. Отовсюду на нее пялились какие-то рожи; шипели злобные голоса; ее выводили на чистую воду; она убегала, пытаясь найти за двойными запорами спасение от тянущихся к ней рук; падала с высоты и то и дело просыпалась, чтобы услышать, как дождь барабанит по крыше.

Ночь показалась Корделии вечностью; когда наступил рассвет, она встала, умылась и снова прилегла, прислушиваясь к шорохам в пробуждающемся доме. Что-то ждет этот дом и эту семью — обычный день или разоблачение и скандал?

Мистер Фергюсон не одобрял чаепитие до утренней молитвы, но пока он принимал ванну, Корделия скользнула в кухню и попросила кухарку приготовить чай. Она чуть ли не залпом опорожнила чашку.

В семь двадцать пять слуги собрались в холле, а ровно в двадцать девять минут восьмого явился мистер Фергюсон собственной персоной. Он с обычным выражением лица пожелал брату, сестре и Корделии доброго утра и приступил к молитве. Потом сели завтракать.

Все было, как всегда. Дядя Прайди пожаловался, что дождь помял розовые кусты. Тетя Тиш напомнила: она предупреждала, что пойдет дождь — недаром у нее вчера весь день ныли мозоли. Корделия давилась, но принуждала себя глотать пищу.

Когда слуги вышли, мистер Фергюсон ровным голосом спросил брата:

— Том, ты что-нибудь слышал ночью?

— Только дождь, — буркнул тот. — Мистер Гладстон не находил себе места. Может, у него тоже мозоли?

— Здесь кто-то был.

— Ты хочешь сказать — воры?

— Ой, Фредерик, — пискнула тетя Летиция, — только не говори, что это были воры, а то я больше не усну.

— После полуночи я пошел за книгой и увидел, что французское окно в библиотеке не только не заперто, но и распахнуто настежь.

— В столь позднее время? О чем только думает Холлоуз?

— Это и предстоит выяснить. Я лично запер окно и обошел весь дом, хотя и упрекал себя в паникерстве. Все же нужно было убедиться: вдруг у грабителя сообщник в доме. Поэтому я до двух с хвостиком — и весьма приличным — прождал в кабинете. Обычно верхняя задвижка французского окна издает громкий скрежет, и я рассчитал, что услышу, если его попытаются снова открыть. Этого не случилось. Однако утром я хорошенько осмотрел клумбы и увидел под окном столовой две сломанные герани.

— Окно было открыто?

— Нет, заперто. Вы что-нибудь слышали, Корделия?

Она пролепетала:

— Боюсь, что нет: я рано легла спать.

— Сразу же после завтрака поговорю с Холлоузом — что-то он скажет? В любом случае нужно заявить в полицию. А до тех пор ничего не говорите слугам. Я докопаюсь до истины!

* * *

"Мы в безопасности. Пока. Холлоуза ждет взбучка. И мистер Фергюсон собирается сообщить в полицию. Нужно предупредить Стивена, иначе он угодит в ловушку. Письмо! Кто передаст его?"

У себя наверху она написала на листке бумаги:

"Все в порядке, но ты не должен приходить. Опасность. К."

Она запечатала конверт и надписала адрес Стивена. В течение дня он обязательно туда наведается.

Около одиннадцати Корделия оделась и пошла по дороге в город. Было жарко, даже душно; ночной дождь промыл водосточные трубы и прибил пыль. Пройдя с полмили, она увидела старика с плетеной корзиной, полной искусственных цветов. У него была катаракта на одном глазу, и он вечно сидел при дороге. Она спросила, знает ли он, где Моссайд. Он утвердительно кивнул. Тогда она пообещала ему шиллинг, если он доставит письмо, и еще один — если она убедится, что оно дошло по назначению. Старик охотно согласился, и она, немного успокоенная, вернулась в Гроув-Холл.

В самый разгар вечернего чаепития, к которому были приглашены гости, доктора Берча вызвали к больному. Корделия огорчилась: ей нравилась его живая, четкая, немного категоричная манера разговаривать.

За ужином мистер Фергюсон сообщил, что Холлоуз поклялся, будто собственноручно запер окно в библиотеке. В полиции ему пообещали организовать наблюдение за домом.

Корделия ненадолго вышла в сад. Перед этим она привязала к раме своего окна носовой платок — на случай, если Стивен не получил ее послание.

Сгустились сумерки. В доме зажгли газовые лампы. Корделия сидела с книгой и украдкой поглядывала на спящую в кресле тетю Тиш. Жаль, что она так не умеет.

В четверть одиннадцатого из своего кабинета показался мистер Фергюсон — это послужило всем сигналом расходиться и гасить свет. К половине одиннадцатого дом погрузился во тьму.

Корделия перестала тревожиться. Они чуть не попались, но спаслись благодаря случаю и предприимчивости Стивена. Помехи никуда не делись, но, по крайней мере, можно не бояться немедленного разоблачения. Она отвязала платок и начала раздеваться. Из-за ужасной паники они не договорились о новой встрече. Но это не так уж важно. Главное, опасность миновала. "Господи, если мне суждено порвать с моей теперешней жизнью, сделай так, чтобы это произошло честно и открыто, а не тайком; чтобы мне не изведать позора быть застигнутой на месте преступления!"

Корделия сложила одежду и опустилась на колени, не зная, о чем еще молить Бога. В гардеробной послышались шаги.

Она вскочила, обернулась и отступила назад, к изголовью кровати, не спуская глаз с медленно открывающейся двери.

Это был Стивен.

Без шляпы, в старом твидовом сюртуке, серых панталонах и мягких башмаках на каучуковой подошве. Он щурился от света. Они воззрились друг на друга.

— Стивен! Разве ты не получил мое письмо?

— Получил, — хмуро ответил он. — Что произошло?

— Они решили, что это воры, и обратились в полицию. Дом охраняется.

— Полиция? Это меня не волнует. Тебя не заподозрили?

— Нет. Как ты сюда попал?

— Как вчера — через окно. Практика — великое дело. Корделия схватила свой капот и запуталась в нем.

— Когда я услышала шаги, то чуть не умерла от страха.

— Ты меня боишься?

— Нет. Но вдруг кто-нибудь заметил?..

— Не может быть. На улице темно, как в угольном погребу.

— Я же просила тебя не приходить.

— Знаю. — Он пристально смотрел на нее; в глазах читалась мрачная решимость. — Делия, ты можешь говорить что угодно — все это без толку. Завтра вернется Брук. Я должен был увидеться с тобою сегодня.

— Ты сошел с ума!

— Нас здесь могут услышать?

— Нет — если будем разговаривать тихо.

— Твоя дверь заперта?

— Нет.

Он пересек комнату и осторожно повернул ключ в замке. Корделия стояла возле кровати в белом капоте и белой ночной рубашке, заложив руки за спину и следя за ним лихорадочно блестящими глазами.

Какой-нибудь пустяк способен в корне изменить тональность свидания. Казалось, поворот ключа начисто вывел из их памяти все, сказанное до сих пор, а также события прошлой ночи, мысли о полиции, страх разоблачения — все на свете. Они были одни в запертой комнате, надежно укрытые от посторонних глаз, наедине со своей великой тайной. Стивен обернулся и вперил жгучий взгляд в Корделию. Она не отвела глаз.

Он приблизился. Она была так молода и незащищена. Он не сомневался в своей любви. Она положила руки ему на плечи, отчасти для того, чтобы удержать его на расстоянии, и, как могла, сопротивлялась его объятиям, но в самом этом сопротивлении сквозила любовь.

— Не волнуйся, любимая, прошу тебя. Тебе нечего бояться. Ведь мы любим друг друга, правда? Это единственное, что имеет значение. Нельзя всю жизнь прожить несчастной и одинокой. Какой смысл бороться с собой?

Он продолжал говорить, а она вслушивалась — не в слова, а в интонацию. На нее нахлынула теплая волна и смыла остатки сопротивления. Корделия стояла на краю пропасти, не чувствуя времени, и наконец настал момент, когда вся прошедшая жизнь перестала существовать, и она позволила себе сойти с ума и ринуться в бездну.

Глава XVI

Брук был в приподнятом настроении. Он получил письмо из Атенеума, с приглашением в следующем месяце выступить у них с чтением своих стихов. Он годами мечтал о подобной чести, и она свалилась на него как раз вовремя: когда его самоуважение достигло низшей точки.

К тому же Брук неплохо себя чувствовал, что случалось крайне редко. Забыв печали, он с воодушевлением беседовал с женой и даже не огорчился из-за того, что она в его отсутствие трижды побывала в красильне. Будь Корделия в настроении, она оценила бы это по достоинству, поняла бы, что он жил с постоянным ощущением своей неполноценности и только во имя самозащиты сопротивлялся переменам.

Они обсудили предстоящий летний отдых.

Наконец Брук что-то заметил и встревожился.

— Что с тобой, дорогая? Только не говори, что ты неважно себя чувствуешь.

— Я прекрасно себя чувствую, — ответила она. — Просто сегодня очень душно.

— Ты по мне скучала?

— Конечно.

— Тебя кто-нибудь навещал?

Она поведала ему о гостях в пятницу.

— В пятницу? — удивился Брук. — Ты имеешь в виду — вчера?

— О... Неужели это было только вчера? А мне показалось — сто лет назад.

— Все-таки что-то случилось, — настаивал он. — Отец?..

— Нет-нет. Никто и ничего, я же сказала. Просто на меня давит зной. Пойду прилягу.

— Как хочешь, родная.

Прилечь — но не спать. Разве пятница была вчера? Нет, это было давным-давно — в какой-то другой жизни. За несколько часов можно прожить целую жизнь. Вначале, при первых поползновениях Брука доказать ей свою любовь, Корделия почувствовала дурноту, гнев, унижение и дикий страх перед неизбежным разоблачением. Он не мог выбрать худшего момента — когда еще были свежи воспоминания о прошлой ночи. Корделия принимала ласки мужа с таким же отвращением, как если бы знала, что в гардеробной прячется мистер Фергюсон.

Брук больше не допрашивал ее расспросами, но время от времени бросал в ее сторону удивленный взгляд. Как большинство болезненных людей, он был вечно погружен в собственные ощущения, однако его нельзя было обвинить в нечуткости; он угадал перемену в отношении Корделии, хотя и был далек от понимания истинной причины.

* * *

Корделия давно не видела Стивена. Она не покидала Гроув-Холла, даже написала матери, что помогает мистеру Фергюсону и поэтому не сможет какое-то время бывать у них — примерно с месяц. Потом она нажала на Брука, и он в конце концов согласился уехать, так что оставшуюся часть июля они провели в Саутпорте. Корделия прилагала бешеные усилия, чтобы воскресить в своем сердце любовь к мужу, но эти попытки были обречены на неудачу, потому что нельзя воскресить то, чего никогда не существовало в природе. Даже если она вдруг разлюбит Стивена, это ничего не изменит.

Брук совсем потерялся в догадках, пытаясь объяснить кое-какие признаки, которые ей не удалось скрыть. Его собственная страсть к Корделии, разбуженная этой неожиданной переменой, обрела второе дыхание. В результате они стали добрее и терпимее друг к другу.

Она не знала, что предпринимает Стивен для того, чтобы увидеться с ней, знала лишь, что он потерпел поражение.

На самом деле таких попыток было одна или две, да и те предприняты без особого рвения. Почти все то время, что супруги отдыхали в Саутпорте, Стивен провел в Лондоне.

Однажды в конце июля, вечерней порой, он шел по фешенебельной улице в районе Мейда-Вейл. Дойдя до небольшого коттеджа, он остановился и постучал. Дверь открыла горничная. Он осведомился, дома ли миссис Кроссли. Девушка получила это место совсем недавно, и ему пришлось назвать свое имя. После продолжительного ожидания она провела его в белую гостиную. Там никого не оказалось, однако на столе лежало явно только что оставленное рукоделие.

Стивен огляделся, выглянул в окно и понаблюдал за наемным экипажем, в который как раз садился пассажир. Потом взял книгу и прочел название.

Вошла молодая женщина.

— Как ты, дорогая? — спросил он. — Не знала, что я в Лондоне? Вот, решил устроить тебе сюрприз. Ты прекрасно выглядишь.

Это была женщина лет двадцати пяти, со стройной, соблазнительной фигурой. При виде Стивена в ее красивых черных глазах вспыхнули огоньки, но что-то в интонации его голоса заставило их погаснуть.

— Вот уж точно сюрприз, — произнесла она. — Хочешь чаю?

— Я уже пил, но — спасибо, не откажусь.

Они немного поболтали о том, о сем, пока горничная накрывала на стол. Стивен был разговорчивее, нежели обычно, а она, напротив, больше слушала. Понемногу его непринужденное оживление помогло ей оттаять.

— Как тебе нравится в Манчестере?

— Превосходно. Я уже освоился.

— Охотно верю. Иногда я представляю себе этот город — унылые, грязные улицы, дым из фабричных труб, булыжные мостовые... Похоже?

— Нет. Впрочем, да. Все дело в обществе. Там довольно интересный народ. Ко мне хорошо относятся. "Варьете" процветает.

— Когда ты возвращаешься?

— Завтра или в среду.

— Это что, дружеский визит?

Стивен смутился.

— Что же еще?

— Разве я не имею права знать?

Он встал с чашкой в руке и, помешивая чай, отошел к окну.

— Я был уверен, что тебе все равно.

Она передернула плечами.

— Сама не знаю, — но он почуял фальшь, и от этого его миссия показалась еще труднее.

— Просто ты ко мне привыкла. Вот и все.

— Больше тебе ничего не приходит в голову?

— Нет. Послушай... нам было хорошо вместе — пару лет. Очень хорошо. А потом... что-то случилось. Поэтому мы поступили так, как представлялось единственно правильным.

Взгляд молодой женщины жег ему спину.

— Конечно. Единственно правильным. Ты хотел мне что-то сказать?

— Мы разошлись. Наш брак провалился. Но, слава Богу, мы не питаем горьких чувств друг к другу. Все к лучшему.

К лучшему!.. Женщина продолжала хранить молчание. В окно, противно жужжа, билась муха.

— Но так не может длиться вечно, — гнул свою линию Стивен. —

Быть одновременно свободным и связанным по рукам и по ногам, точно стреноженная лошадь... Неужели тебе никогда не хотелось стать по-настоящему свободной? Закрывать эту главу? Мы могли бы по-прежнему оставаться друзьями, даже большими, чем сейчас. Должно быть, тебе самой надоело...

— Должна ли я понимать это так, что тебе надоело? — осведомилась она.

— В последнее время я много думал...

Женщина добавила в свою чашку молока, но не стала пить.

— Стивен, кто она?

Он обернулся. Их взгляды встретились. В его глазах отразилось крайнее замешательство.

— Ты ее не знаешь.

— Кто-то, с кем ты познакомился в Манчестере?

— Да.

— Почему ты считаешь, что это надолго?

— Я чувствую.

— Разве ты не чувствовал то же самое, когда женился на мне?

— Я был слишком молод. Мне очень жаль, Вирджиния.

— Мне тоже очень жаль.

— В любом случае, лучше довести дело до конца. Покончить с тем двусмысленным положением, в котором мы оказались.

— Она обо мне знает?

— Нет еще.

— Думаешь, она решится выйти замуж за разведенного?

— Да.

— Это несмываемое пятно — и на твоей репутации, и на моей. "Ах, она разведена!" — и все отворачиваются. Никому нет дела до того, кто прав, а кто виноват.

Он начал мерить шагами комнату.

— Нет смысла притворяться перед тобой. Ты знаешь, я не ангел. Но со мной никогда не было ничего подобного. Я знал только два серьезных увлечения — тобой и вот сейчас.

— Благодарю, — сухо произнесла она. — Я счастлива, что ты включил меня в почетный список.

Он закусил губу.

— Надеюсь, ты сможешь мне. От этого слишком многое зависит. В сущности, все на свете.

— Я не уверена. Мне нужно хорошенько подумать.

Он начал с жаром объяснять ей ситуацию, но она вскоре перебила его.

— Я должна с ней познакомиться. Как ее зовут?

— Это невозможно.

— Почему? Ты что, меня стыдишься?

— Нет. Неужели ты не понимаешь — для нее это не имеет значения!

— Имеет, и очень большое!

Стивен встревожился.

— Разве я не имею права начать...

— Пожалуй, мне понадобится несколько месяцев, чтобы принять решение. Ничего ей не сделается, если придется повременить.

— Мне очень не хочется этого говорить, — произнес Стивен, — но я все-таки скажу: наши отношения не зависят от каких бы то ни было юридических зававок.

В ее глазах мелькнуло любопытство.

— Ты всегда был уверен в своих женщинах, не так ли?

— Особенно в тех, которые для меня ничего не значили.

Она состроила гримасу.

— Спасибо.

— Я не имел в виду тебя, Вирджиния. Только всех прочих.

— Вот не думала, что вхожу в их число.

— Ты и не входишь. Я сто раз говорил...

— А эта? Она тоже не такая, как все? Ты уверен, что сможешь удовлетвориться ею одной?

— Я это знаю.

— Она сильно влюблена в тебя?

Он усмехнулся.

— Как прикажешь отвечать на такой вопрос?

— Если да, то мне ее жаль. Бедняжка, ее ждет тяжкое разочарование.

Вирджиния встала. Стивен подошел и обнял ее за плечи.

— Ты так много выстрадала из-за меня?

Она передернула плечами, чтобы высвободиться, и отошла в сторону.

— Оставь меня в покое.

— Вирджиния, ты несправедлива. Зачем ты нарочно все усложняешь? Я никогда не был с тобой жесток. Мы всегда играли на равных. Что толку притворяться?

— Говорю тебе, мне ее жаль. Она в худшем положении, чем я, потому что не может рассчитывать даже на сохранение своего доброго имени.

— То есть, ты отказываешься предоставить мне свободу?

— Что я от этого буду иметь?

— Может быть, ты захочешь снова выйти замуж.

— Не захочу.

Он уставился на нее — с растущим разочарованием и злостью. Но все-таки сделал еще одну попытку.

— К сожалению, я не могу рассказать тебе всего — возможно, тогда ты поняла бы... Нет, не могу. Знаю, я давно задолжал тебе этот визит. Мне хочется поступить по справедливости с вами обеими...

Она взглянула ему прямо в лицо.

— Она очень красива?

— Ох! — с отчаянием в голосе воскликнул он. — Какое это имеет значение? Я был круглым идиотом, рассчитывая добиться толку от женщины! Я ухожу.

Она не стала звать горничную, а сама проводила его до двери.

— Приеду через неделю, — сказал он. — Может быть, тогда мы сумеем договориться. У тебя будет время подумать.

— Нет! — вырвалось у нее. — Не приезжай, пожалуйста!

— Почему?

Она избегала встретиться с ним взглядом.

— Просто не хочу. Но обещаю подумать. Я... напишу тебе. У тебя тот же адрес?

— Да.

— Вот и отлично. До свидания, Стивен.

Он пожал ей руку.

— До свидания, Вирджиния. Я очень надеюсь, что ты передумаешь.

Он вышел на улицу; за ним громко захлопнулась дверь. Стивеном овладело желание вернуться и попробовать переубедить ее. Но он знал — из этого ничего не получится. Во всяком случае, сегодня.

Глава XVII

Лето подходило к концу. Знойное, засушливое — оно вполне устраивало обитателей укрывшегося в тени деревьев особняка на Гроув. Зато жара была немилосердна к тысячам остальных смертных, особенно работавших на берегах Эруэлла и Эрка — эти речки служили населению естественной канализацией, источая смрад до небес, покрываясь зеленоватой слизью и бурой пеной.

Кроме жары, просвещенные умы интересовались разрешением и других проблем; в частности, их интересовал ирландский вопрос, бунты финиев, раскол в парламенте и кто из двоих — мистер Дизраэли, прославившийся в связи с войной в Абиссинии, или мистер Гладстон, проявивший желание найти общий язык с ирландской церковью, — займет почетное место на скамье министров.

Тем летом был заложен первый камень в основание фундамента нового Таун-Холла, призванного превзойти роскошью все остальные концертные залы, а женщины из уст в уста передавали друг другу новость: шляпки станут меньше, а кринолины выйдут из моды. Прогромыхал скандал, связанный с новым, завезенным из Парижа, танцем под названием "канкан" — о нем говорили, что это верх непристойности. Владелец Ланкаширского "Стинго" рискнул его поставить — на премьеру явилась толпа бездельников из числа золотой молодежи, тех, что вечно толкуются группами на Роуд-Стейшн с единственной целью поглазеть на щиколотки дам, спускающихся по лестнице. Но об этом пронюхали — не без помощи добрых людей — в Городском Совете, и представление было запрещено сразу же после премьеры.

Дядя Прайди послал свой труд в лондонское издательство, а через семь недель получил ответ: его благодарили за любезно предложенную их вниманию рукопись, но, к сожалению, ведущие специалисты в этой области не поддерживают его теорию.

Два письма от Стивена. Одно ждало возвращения Корделии из Саутпорта, а другое пришло еще через неделю.

После множества неудачных попыток и кипы изорванных листов бумаги она в конце концов отправила ответ, который сама нашла совершенно неудовлетворительным.

"Стивен! Дорогой мой Стивен!

Прошу тебя больше не писать: это очень рискованно, потому что

письмо может попасть не в те руки. Умоляю тебя больше этого не делать. Большое спасибо за все теплые слова. Думаю о тебе — и чувствую себя такой беспомощной и в то же время такой сильной! Я черпаю силу в твоей и моей любви и не могу думать ни о чем другом, кроме часов, проведенных с тобой.

Вчера вечером мистер Слейни-Смит предложил устроить своими силами спиритический сеанс — посмотреть, что из этого получится. Разумеется, его не поддержали, зато это напомнило мне наши первые встречи. Они предстали передо мной так ярко, что я весь вечер не находила себе места.

И все-таки будет лучше, если мы какое-то время не будем видеться. Давай немного подождем — ради нас самих и всех, кого это касается. Я две недели провела в Саутпорте и снова собираюсь туда: чем больше расстояние между нами и чем меньше вокруг напоминающих о тебе предметов, тем легче перенести разлуку.

Свадьба Эсси назначена на двадцать четвертое число следующего месяца. Я подумала, может быть, тебе интересно.

Твоя Делия."

На открытии нового сезона в Атенеуме Брук читал свои стихи. "Сити Ньюз" отозвалась о них как о проникнутых духом романтизма и отмеченных подлинным лиризмом, напоминающим Херрика. Одно стихотворение называлось "К Терпению", а остальные — "Твоя серебряная туфелька", "Пой только для меня" и "Елена". Слушая, как он читает их, дивясь его уверенности, в немалой степени подогретой бокалом виски, Корделия испытывала легкую растерянность. В этих стихах проявились кое-какие противоречия в натуре Брука. Она не могла это как следует определить, но у нее было стойкое ощущение, будто, сколько бы она ни старалась, ей никогда не добиться того, чтобы этот брак полностью отвечал его потребностям и помогал Бруку избавиться от комплекса неполноценности. Да и сам Брук не очень-то проявлял по отношению к ней романтические порывы, очевидно, приберегая их для поэзии. Стивен — вот настоящий романтик! Ей просто не повезло.

— Делия, — обратилась к сестре Эстер. — Мы не знаем, как быть с приглашением мистера Фергюсона на свадьбу. С одной стороны, он дольше

меня знает Хью, и, вроде бы, этого требует элементарная вежливость; а с другой — ни для кого не секрет, что он не очень-то любит общаться с членами нашей семьи, за исключением тебя — по общему мнению, ты давно уже стала его любимицей. Но ты — жена Брука, а мы — так, бедные родственники. Как ты считаешь?

— Никакая я не любимица, — возразила Корделия. — Почему бы тебе не поговорить с ним самим?

— Я так и сделаю. А как насчет дяди Прайди? Он как будто безобидный старик.

— Конечно, его следует позвать, а там уж — как сам решит.

Дядя Прайди сказал:

— Бекон сегодня лучше, чем вчера: вкусный, слоистый, в меру жирный. Я получил приглашение, юная леди. Означает ли это, что я должен переменить костюм — вы ведь знаете, у меня нет другого?..

— Нет, дядя Прайди. Это не имеет значения. Они будут рады видеть вас в чем есть.

— Там дадут поесть?

— Обязательно.

— Тогда я согласен. Принесите мне пригласительный билет, когда пойдете к своим: вдруг они станут соблюдать формальности. А что, почек больше нет?

— Я тоже получил приглашение, — сказал мистер Фергюсон, — и с удовольствием пошел бы, Корделия, ведь Эстер — ваша сестра. Но вы знаете, как мне трудно выкроить время...

Говоря это, он не спускал с невестки пристального взгляда, давая понять, что ему небезразлично ее мнение.

— А пока, — добавил он, — передайте им это с моими наилучшими пожеланиями.

Распечатав конверт, Эстер обнаружила в нем чек на сто гиней. От радости она закружилась по комнате, а потом, напевая, обежала весь дом и помахала чеком у каждого перед носом.

* * *

Мистер Скотт-старший, долговязый мужчина с седой бородой и сильным акцентом уроженца Глазго, вел дела с Чеширской железной дорогой. Его жена была гораздо моложе него — пухлая дама из Обана.

Стивен явился в церковь с небольшим опозданием, и Корделия увидела его только после службы. За завтраком он сидел через два человека от нее — их разделяли Тедди и девушка по имени Юнис. Мистер Блейк настоял на том, чтобы его старшая дочь также выходила замуж по всем правилам, поэтому свадебный завтрак состоялся в "Альбионе". Дядя Прайди усиленно налегал на салат и холодный отварной язык.

Корделия и Стивен держались на расстоянии, как случайные знакомые, несколько перебарщивая в своих усилиях вести себя естественным образом. После того, как он десять минут просидел вблизи нее, решимость Корделии начала ослабевать. Одно его присутствие... Она старалась держать себя в руках, но это оказалось нелегким делом.

"Что с нами будет?" — думала она. Стивен предлагал бежать в Лондон, чтобы затеряться там. Наверное, можно затеряться — но насколько надежно? Если бы можно было стереть свой след из памяти других людей — вот это была бы настоящая свобода. Она и так чувствовала себя мошенницей, изо всех сил старалась быть верной Бруку. Нет, бежать нельзя. Порядочная женщина с ужасом отвернулась бы от одной только мысли. Она станет отверженной. Грязь, грязь! Сейчас родные гордятся ею. Для них это будет ударом, от которого они не смогут оправиться. Возможно, глупо придавать значение людской молве. Какое они имеют право судить и выносить приговоры? Но если она убежит, ей уже никогда не жить в ладу с собой.

Торжество было несколько более скромным, чем ее собственная свадьба. К удивлению Корделии, в числе приглашенных оказался и мистер Слейни-Смит — не такой напыщенный, как тогда, однако так же преисполненный чувства своей значительности. Она впервые увидела миссис Слейни-Смит, щуплую, веснушчатую женщину в платье цвета лаванды, с шепелявым голосом и привычкой нервно поглядывать через плечо. Очевидно, она всегда существовала в тени своего мужа, его властной, скептической и всегда правой личности.

Наконец нарезали свадебный пирог, и началось всеобщее веселье. Хорошо подготовившийся мистер Скотт встал и произнес речь, начав с комплиментов своей новоявленной дочери и почему-то закончив похвалой Роберту Брюсу. Мистер Блейк, которого вся семья уговаривала не касаться темы часов, долго гудел и хохотал, прежде чем приступить к ответному слову. На этот раз он сравнил супружество с солнечными часами, которые обязаны в любую погоду показывать точное время.

Хью Скотт — к этому времени он стал соредактором своей газеты — поблагодарил обоих отцов за добрые пожелания, а гостей — за подарки.

Пока он говорил, Корделия обратила внимание на ерзавшую на своем стуле Юнис Трент. Внезапно девушка вскочила и заверещала:

— Ой! Там что-то... Ой! — и она, подобрав юбки, метнулась прочь, едва не сбив с ног ошеломленного официанта.

— Что это с ней? — поинтересовалась миссис Блейк. — Она подвержена припадкам?

Двое или трое гостей подбежали к бьющейся в истерике девушке; официант тоже бросился на помощь. И тут, на глазах у дюжины человек, на пол откуда-то спрыгнула мышь и тотчас улепетнула под буфет.

Началась паника. Дамы с криками пытались залезть на стулья; две из них упали в обморок. Официанты принялись отодвигать буфет. Хью Скотт вооружился ножом, а остальные — железными прутьями, какими помешивают золу в камине.

— Она убежала!

— Нет, она еще где-то здесь.

— Не двигайтесь!

— Откройте дверь!

— Ага, вот она где. Дайте палку!

Мышь удалось выгнать из-под буфета, но она улизнула и нашла убежище под низеньким столиком — подставкой для кадки с папоротником. Кадку сняли и передвинули столик.

— Ловите! — заходила от возбуждения маленькая Энн. — Только не сделайте ей больно, она такая хорошенькая!

— Ну-ка!

— Осторожно — это мои пальцы!

— Вот она! Ах! Ах!

В последний момент загнанная в угол мышь сделала последний, отчаянный рывок к свободе: молнией пересекла ковер, обежала сверкающие ботинки мистера Слейни-Смита и выскочила в вестибюль отеля.

Постепенно восстанавливался порядок. Некоторые дамы имели жалкий вид — им помогли слезть со стульев, а двух упавших в обморок привели в чувство при помощи бренди. Юнис рыдала. Ее гладили по голове и уговаривали: ну-ну, все уже кончено. Потом ей дали глотнуть шампанского. Рядом суетился управляющий отелем, рассыпаясь в извинениях и отчаянно жестикулируя.

Мистер Блейк и мистер Скотт пришли в негодование. "Просто неслыханно, — заявили они, — чтобы в наше время в роскошном отеле водились вредители, появляясь на свадьбах и пугая благородных дам."

Много чего еще было сказано; впрочем, под конец счастливый мистер Скотт испортил торжественность обвинения тем, что навел палец на бутоньерку управляющего и несколько раз воскликнул: "Дорогой друг, почему бы вам не обзавестись кошкой?"

Управляющий продолжал подчеркнуто вежливо извиняться, однако в глубине его души засели гнев и подозрение. Он водворил гостей на их места и отправился учинить допрос с пристрастием портье, коридорному и метрдотелю. Тем временем Хью Скотт, явно получавший удовольствие от этого происшествия, приготовился произнести речь.

Однако его опередили. Из-за стола поднялся другой человек и, привлекая всеобщее внимание, постучал костяшками пальцев по столу. Это был дядя Брука, с клочковатой бородой и выступающей челюстью. Завидев у него в руках коробку из-под сигар, Хью моментально закрыл рот и приготовился слушать.

— Конечно, — начал Прайди, — мне бы следовало вручить вам подарок еще до того, как мы сели за стол, но часом раньше, часом позже... Должно быть, крышка соскочила у меня в кармане. Но это ж надо — столько шума из-за обыкновенных мышей. Просто в голове не укладывается. Маленькие, чистенькие, здоровые мышки...

— Как? — воскликнул Хью. — Это была ваша мышь?

— Правильнее сказать, ваша, — уточнил дядя Прайди. — Однажды Эстер сказала, что любит мышей, а я как раз не знал, что подарить вам на свадьбу, вот и подумал, что это будет оригинальный подарок. Они совсем ручные и обучены разным трюкам. Но вы устроили такой переполох, что бедняжки до смерти перепугались. Им не втолкуешь. Они не привыкли к шуму.

— Ну, Прайди, и дурак же ты, — молвил Брук. — Неужели не хватило ума сообразить, что не все разделяют твои вкусы?

Корделия первой обратила внимание на одну деталь.

— Дядя Прайди, там что, были и другие мыши? Где они — остались у вас в коробке?

Он открыл крышку.

— Нет. Все разбежались.

— Сколько же их было?

— Всего четыре.

Разразилась буря, по сравнению с которой недавнее волнение показалось полным штилем. Те, кто убеждали Юнис, что все уже позади, сами впали в истерику. Вокруг не осталось ни одного свободного стула: пожилые матроны вспрыгивали на них с резвостью молоденьких. При этом

они оглашали обеденный зал криками и отчаянно пищали — все, кроме тех, кто еще не совсем пришел в чувство после обморока, и одной новенькой, последовавшей их примеру. Мужчины тоже забеспокоились; одни требовали открыть, другие — закрыть дверь. Кто-то просил воды, а мистер Скотт прыгал с бокалом шампанского в руке и вопил: "Почему вы не держите кошку?" Хью Скотт держал за руку новобрачную и один за другим скармливал ей кусочки свадебного пирога. Пока Брук увещевал дядю Прайди, Стивен подошел к Корделии и прошептал:

— Так не может продолжаться. Я должен тебя видеть. Где?

В это время из складок тяжелой портьеры выскочила вторая мышь и устроила бег с препятствиями, ловко увертываясь от тяжелых подошв и железных прутьев. Наконец ей удалось спрятаться между ногами управляющего. Тот, побагровев от злости, бранился с метрдотелем.

Перекрикивая весь этот шум и гам, мистер Скотт пытался объяснить, в чем дело; управляющий кивал с таким видом, словно хотел сказать: "Я так и думал!"

Прайди сунул руку в карман и вдруг просиял.

— Ага, эта малышка еще здесь, — и вытащил третью мышь; она отчаянно извивалась между его указательным и большим пальцами.

Он рассчитывал успокоить собравшихся, однако его слова возымели обратное действие: дамы принялись визжать от одного только вида мыши — коричневой, дергающей носиком и выставляющей острые коготки.

Прайди посадил мышь в коробку и щелкнул крышкой. Стивен прошептал:

— Нам необходимо встретиться. Кажется, Брук снова уезжает на следующей неделе?

— Это еще не решено.

— Решено, — мрачно возразил он. — Он сам сказал сегодня. Обещай, что ты меня не прогонишь.

— Я тебе напишу, — в отчаянии сказала Корделия.

Четвертую мышь так и не нашли. Ее искали под столами и стульями, вновь и вновь пытали Прайди и тыкали во все углы железными прутьями. В конце концов пришли к выводу, что эксцентричный старик, которого по недосмотру пригласили на свадьбу, ошибся в счете, либо потерял одну мышь по дороге в церковь. Это отчасти успокоило дам. Официант обнес всех шампанским.

— Обещаешь? — повторил Стивен, следя глазами за приближающимся Бруком.

Тот подошел к ним с вымученной улыбкой, но побагровевшее лицо

выдавало душивший его гнев.

— Ну, видели вы когда-нибудь такого старого олуха? Иногда он кажется мне не от мира сего. Интересно, что сказал бы отец, если бы присутствовал при этом?

— Прайди обладает мужеством отстаивать свои убеждения, — возразил Стивен. — Чего нам всем не хватает. Я приглашаю вас обоих в "Варьете". Уверен — миссис Фергюсон найдет представление вполне пристойным.

— Спасибо, — поблагодарил Брук. — Что скажешь, Корделия?

— С удовольствием Мы дадим вам знать, мистер Кроссли.

Все снова расселись за столом. Мало-помалу возоблагодало желание обратить недавний инцидент в шутку. Даже на лицо управляющего вернулась добродушная улыбка. Он принес известие, что мыши улизнули на улицу.

— Тебе не по душе Стивен? — понизив голос, спросил Брук. — Ты с ним всегда какая-то скованная.

— Нет... По-моему, он очень хороший.

В это время четвертая мышь, притаившаяся под скатертью в непосредственной близости от свадебного пирога, решила, что самое время предстать перед всем миром, и прыгнула на колени к Энн, а оттуда по складкам юбки спустилась вниз и устремилась к двери, за которой уже обрели свободу две ее подруги.

Глава XVIII

— Брук, дорогой, до свидания, — проговорила Корделия, всем сердцем ощущая себя преступницей и лицемеркой, терзаясь страхом и виной и пребывая в крайнем волнении.

— Возьми меня с собой — хотя бы на одни сутки, — умоляла она мужа, но он не соглашался. И тогда в ней свершился перелом, и она решила остаться.

У Брука была тайная причина отказать жене. Он вез в Лондон рукописный сборник стихов, намереваясь издать его за свой счет.

Перед самым отъездом к нему подошел дядя Прайди и всучил "Наследственные и благоприобретенные навыки поведения у мышей".

— Посмотри там, что можно сделать. В Лондоне полно издателей. Авось кто-нибудь и согласится. Хотя бы ради престижа, если не ради денег.

Итак, Брук уехал, весь во власти нервного возбуждения. Ему было невдомек, что он оставляет и с чем вернется. После ужина мистер Фергюсон сказал:

— Корделия, завтра после обеда я еду в Олдхэм. Я возражал против вашей поездки с Бруком, потому что решил, что это будет ваше боевое крещение. Вам предстоит хотя бы по разу в день наведываться на фабрику, а за домом приглядит миссис Мередит. Вручаю вам бразды правления. Посмотрим, как-то вы справитесь.

— Я постараюсь, мистер Фергюсон.

— Я знаю. Если что-нибудь будет не так, не расстраивайтесь. Это серьезное испытание. К концу недели я вернусь и все исправлю. Поедьте туда сегодня, чтобы прямо на месте обговорить подробности.

Они поехали на фабрику и все обсудили, после чего мистер Фергюсон отбыл, а Корделия осталась побеседовать с Джоном Симнелом и мастерами. Она стояла посреди конторы, вдыхая запах химикалий, высокая и стройная в своем коричневом шерстяном платье и бархатной коричневой накидке. В последнее время она приезжала сюда так часто, что стала чуть ли не необходимой деталью пейзажа. И все-таки интересно, что они говорят между собой: "Еще одно новшество старика Фергюсона"? Или: "Можно себе представить, во что она превратит фабрику"?

Секреты красивого дела, в первый приезд показавшиеся ей весьма сложными, перестали быть таковыми. За лето Корделия одолела гору специальных книг и хотя не разбиралась досконально, как мистер

Фергюсон в том, почему одна краска проявляется бледнее, а другая ярче, она быстро запомнила последовательность операций и овладела основами коммерции.

Ей никак не верилось, что вся ответственность действительно ложится на ее плечи. В глубине души Корделия надеялась, что мистер Фергюсон никуда не уехал, а крутится где-нибудь поблизости и, если ее занесет, моментально перехватит вожжи. Или вообще передумает и скажет: "Дорогая, вы всего только женщина, и ваше место — дома. Неужели вы поверили, что я говорил серьезно?"

Однако разум твердил, что все происходит всерьез и человек, к которому она испытывала антипатию, которого склонна была подозревать в неблагоприятных поступках, дал ей убедительнейшее доказательство своего доверия.

А она отплатила черной неблагодарностью, обманула всякое доверие. И сейчас, когда интересы дела требовали от нее душевного покоя, предельной собранности и уверенности в себе, ее раздирали жесточайший внутренний конфликт.

После фабрики Корделия велела Томкинсу отвезти себя на Элбертсквер. Там она попросила его подождать и, спросив у нищего дорогу, пошла по боковой улочке до Спринг-гарденс, где быстро отыскала "Варьете". В тусклом свете октябрьского дня здание показалось ей не особенно презентабельным.

"Синьор Палермо,

всемирно известный иллюзионист, имитация птичьего пения.

Игра на скрипке без струн и на пяти инструментах сразу.

Лотти Фримен,

леди-комик, только что из триумфального турне по ведущим мюзикл

— холлам страны.

Братья Раузы, фокусы, танец на проволоке и китайские фигуры.

Бостонские менестрели.

Вэл Джонсон, штатный комик..."

Должно быть, в этот самый момент за стенами окруженного афишными тумбами здания работает Стивен. Войти и спросить его? Удивится ли он? До сих пор инициатива неизменно исходила от него. Возможно, Стивен считает ее неспособной самой сделать шаг навстречу.

— Что, миссис Фергюсон, ждете открытия?

Дэн Мэссингтон! Опасность! Ни на секунду не потерять бдительность!

— Остановилась почитать афиши. Они действительно исполняют все

эти вещи?

— Разумеется. Но это не совсем подходящее зрелище для жены Брука Фергюсона из Гроув-Холла. Тю-тю!

У него был нездоровый цвет лица. Денди, вышедший в тираж.

— Как поживает Брук? — спросил он, идя с ней рядом и стараясь попасть в такт.

— Спасибо, очень хорошо.

— Должно быть, благодаря вашим заботам, дорогая.

Корделия не ответила.

— В газетах пишут, что в прошлом месяце он читал свои стихи в Атенеуме. Жаль, меня там не было. Как, бишь, его величают — вторым Шекспиром?

— Мне неинтересна эта тема.

— Знаю. Но вы чертовски хорошенькая женщина. Я вам это уже говорил?

— Да, благодарю вас.

— Слишком хорошенькая для Брука. Не представляю, как вы его перевариваете. Честное слово. Неужели вы никогда не испытываете потребности в перемене?

— Чего — компании? Да. В этот самый момент. — Она немного ускорила шаг. Казалось, Мэссингтон не расслышал ее ответа.

— В таком случае вспомните обо мне. Я доставлю вам море удовольствия. Вы обиделись?

— Да, очень.

— Так я и думал. Ладно, сменим тему. Что, если нам зайти куда-нибудь выпить? Здесь за углом есть весьма приличное заведение.

— Нет, спасибо.

— Вы, значит, поддались им, — уже другим тоном произнес Дэн. — Крючок, леска, поплавок... Смирились с их непроходимым ханжеством, продали тело и душу. Когда я впервые познакомился с вами, вы были прелестной девочкой, перед которой открывались все дороги. А теперь вы — жалкий инвалид.

— За что вы их так ненавидите?

— Это не ненависть, а презрение. О да, я много дал бы за возможность сбить с них спесь!

— Потому что ваша сестра была несчастлива с Бруком?

— Потому что они ее угробили.

Корделия сказала:

— Вот уже два года вы на них нападаете при каждой нашей встрече.

Почему бы вам не обвинить их публично — и покончить с этим?

— Доказательства, — ответил Дэн, и на какое-то мгновение его выступающие зубы скрылись за поджатыми губами. — У меня нет доказательств. Иначе они бы тут не расхаживали с высоко поднятыми головами, как сущие праведники. И все же — куда девались оставшиеся пилюли? Маргарет либо довели до того, что она сама приняла их все, либо кто-нибудь из них сознательно дал ей смертельную дозу снотворного. Иначе этого не объяснишь. В любом случае, они несут ответственность за ее смерть.

— Если бы у доктора Берча возникли малейшие подозрения, он обратился бы в полицию.

— Берч — закадычный приятель Брука, они вместе учились в школе. А старикан помог ему получить практику.

— Вы считаете его способным поставить на карту всю свою карьеру, чтобы угодить Фергюсонам?

— Ну... — Мэссингтон смерил ее пристальным взглядом. — Он задолжал им кучу денег. Вам это известно?..

На протяжении двух лет ее замужества эти гнусные наветы — в форме намеков — носились в воздухе, не подтвержденные и не опровергнутые.

Корделия провела вечер за чтением дневника Маргарет. В ее последних заметках трудно было отыскать нечто такое, что подтверждало бы инсинуации Дэна Мэссингтона. Хотя общий тон записей свидетельствовал о прогрессирующей деградации. То были излияния больной, неврастеничной и очень несчастной женщины. Сегодня она с головой уходила в религию, а завтра сетовала, что прислуга охотится за ее любимыми конфетами и прячет их от нее. То верила сама и бросала в лицо Бруку, что ей незачем жить, то вдруг писала:

"У меня такое чувство, будто мир ускользает от меня. Хочется выть и цепляться за кровать и все прочие, нужные и дорогие мне предметы".

Окончив чтение, Корделия отнесла дневник обратно на чердак и спрятала на прежнее место между книгами. Вернувшись к себе, она обвела спальню глазами, как бы вызывая в воображении картины минувших дней. Она представила себе лицо с миниатюры лежащим на подушке: черные лоснящиеся волосы разделены на прямой пробор; тонкие, аристократические черты искажены болезнью; тумбочка возле кровати заставлена лекарствами; в воздухе носится приторный запах больничной палаты. Здесь она угасала на глазах. И если подозрения Дэна Мэссингтона несправедливы в буквальном смысле, то разве нельзя сказать, что в переносном — они вполне оправданны?

Перед тем, как лечь спать, Корделия дважды бралась за перо, чтобы написать Стивену, и дважды откладывала. Ей было необходимо поделиться с ним своими сомнениями. Она испытывала острую потребность в его любви. Чтобы он ободрил ее и заглушил угрызения совести.

За ночь нервное возбуждение схлынуло, и утром Корделия в третий раз взяла в руки перо.

"Миссис Фергюсон благодарит мистера Кроссли за любезное приглашение посетить в среду "Варьете" и готова встретиться с ним в Таун-Холле в семь часов вечера."

В среду она пораньше отправилась в красильни и провела там все утро, а за обедом предупредила дядю Прайди и тетю Тиш, что обещала вечером навестить родных, так что пусть они ее не дожидаются. Тетя Тиш заметила, что это не очень-то удобно — разъезжать по ночным улицам, даже в собственном экипаже.

Перед тем, как переодеться, Корделия снова сходила на чердак и, взяв дневник, спрятала его в сумочку. Она посоветуется со Стивеном.

Вечер был теплый, но довольно-таки ветреный. Взятый ею кэб тащился, как черепаха, но Корделия не спешила. Она с интересом разглядывала встречные экипажи и колеблющиеся на ветру газовые фонари. В конце Кинг-стрит она попросила остановиться. Здесь было не такое интенсивное движение. Ученая собака переводила через дорогу слепого старика в шелковой шляпе и живописных лохмотьях. В отдалении играла шарманка.

Завидев "викторию" Стивена, она вышла из кэба и подождала, пока он подъедет ближе и прыгнет на мостовую.

— Делия! Что случилось?

Она протянула ему руку.

— Ты не хотел видеть меня сегодня?

— Как не хотел! — он заплатил ее кэбмену. — А где старик Фергюсон?

— Отлучился на пару дней.

— Милая! — они переходили через дорогу, но он все равно продолжал говорить. — Давай немного пройдемся пешком, здесь каких-то несколько ярдов. Еще успеем перекусить. — Он взял ее руку в свою. — Из твоей записки я ничего не понял. Целый день места себе не находил.

— Я решила для разнообразия придать ей официальный вид.

— Чудовищно! У тебя нет сердца!

— Есть, — возразила она. — Иначе я не была бы здесь.

Стивен взгляделся в нее.

— Ты какая-то другая. Подними вуаль и дай мне заглянуть в твои глаза.

— Ты удивлен, что я явилась без приглашения? Расстроила твои планы? Пришлось отделаться от какой-нибудь другой дамы?

Он вскинул голову и захохотал.

— Ну, знаешь, я понятия не имею в чем дело, но ты нравишься мне такая!

Они подошли к театру. Люди толпились у парадного входа. Под ногами у них вертелась мелюзга в лохмотьях, горластая и полуголодная.

Вечером, в блеске огней, здание театра показалось ей более нарядным и торжественным. Над входом струили свет два громадных декоративных фонаря — заливая подъезжающих зрителей ярко-оранжевым светом, заранее настраивая их на праздничный лад. Из открытых дверей также лились потоки света. Корделия была ослеплена. Несколько щеголей — высоких, с одинаковыми усиками и в белых перчатках — так и усталились на нее, когда Стивен пропускал ее вперед. Хорошо, что ее лицо под вуалью нельзя разглядеть. Откуда-то сбоку доносилось: "Леди и джентльмены, покупайте билеты! Шесть пенсов за место в зале и девять — на балконе, с комфортом. Вход только по билетам!"

Они поднялись по лестнице, мимо светящихся изнутри хрустальных колонн. Время от времени взгляд Корделии выхватывал в толпе женщин, и даже вполне прилично одетых. Наверху служитель в униформе со множеством позолоченных пуговиц в знак приветствия приложил два пальца ко лбу и с любопытством взглянул на Корделию. Стивен провел ее мимо стойки, за которой выпивали несколько посетителей, и далее — в свой личный кабинет. Здесь их встретил еще один служитель — мальчик лет тринадцати или четырнадцати.

— Морис, скажи, чтобы нам принесли ужин прямо сюда. И чтобы больше не беспокоили. Понял? Меня ни для кого нет.

— Да, сэр.

Из кабинета они вышли в маленькую гостиную с небольшим столиком на двоих. Стивен закрыл дверь.

— Это так чудесно, что я не верю своим глазам. Расскажи мне, как это получилось. Времени достаточно. Я распорядился не начинать представление без моего сигнала.

Корделия огляделась.

— Надо же, какая ты важная персона. Иметь право отложить представление...

— Это ты — важная персона. Позволь мне... — он потянулся к вуали.

Корделия сама подняла ее, и он впился жадным взглядом в ее лицо.

— Ты постоянно меняешься. Я даже не начал по-настоящему узнавать тебя. — Он коснулся ее щеки. — Господи, мне всякий раз приходится знакомиться с тобою заново!

Глава XIX

Они поужинали — смеясь и болтая. Корделия пребывала все в том же приподнятом настроении, словно все напасти канули в Лету.

Стивен и сам оттаял рядом с ней. После ужина он провел ее по узкому проходу в ближайшую к сцене ложу, отгороженную от нее ажурной решеткой. Здесь были позолоченные кресла и тяжелые бархатные портьеры.

— Когда-то дамам не разрешалось посещать мюзик-холлы, поэтому для знатных особ придумали такие ложи, чтобы они могли любоваться зрелищем, не рискуя быть узванными.

Корделия глянула вниз. Только что начался первый номер. Актер, одетый как рабочий, с глиняной трубкой во рту и шляпе без полей, исполнил шуточную песенку. Но Корделию больше интересовал сам театр. Перед сценой, параллельно ей, стоял длинный стол — за ним сидела и курила веселая мужская компания. Остальные столики были разбросаны по всему залу, как в школьной столовой; все места были заняты. Девять десятых аудитории составляли мужчины. Над дальним концом зала навис балкон, где также стояли столы и стулья. На заднем фоне виднелся бар.

Корделия делила внимание между сценой и своим кавалером, а он с нее глаз не сводил, отмечая ее реакцию на каждый номер, испытывая волнение от ее близости — он мог в любое мгновение заключить ее в объятия. Она то и дело с улыбкой поворачивалась к нему; их лица почти соприкасались. Они разговаривали шепотом: Корделия задавала вопросы либо делала замечания, а Стивен отвечал ей.

После каждого номера из-за ближайшего к сцене столика вставал импозантный мужчина с военной выправкой и восковыми усами и начинал хлопать, а зрители охотно следовали его примеру. Когда же аплодисменты стихали и вновь поднимался занавес, он зычным, хорошо поставленным голосом объявлял следующий номер.

По голубому потолку были рассыпаны золотые, неизвестные науке созвездия. Арку над авансценой украшали белые гипсовые завитушки и золотые и синие цветы. Над полукругом сцены виднелись розовые бутоны из ситца. Корделия догадывалась, что сказал бы по этому поводу мистер Фергюсон, но ее впечатление не пострадало.

Возможно, на нее действовало присутствие Стивена. Ей понравились "Братья Раузы" — два маленьких, очень серьезных человечка с абсолютно

бесстрастными лицами, в черном трико и с черными усиками. Они кувыркались и соединялись в немыслимые акробатические фигуры; жарили яичницу, стоя на проволоке — причем выражение их лиц оставалось прежним.

Мисс Лотти Фримен понравилась ей несколько меньше. Артистка вышла в слишком обтянутом, телесного цвета трико с блестками и дешевой бижутерией; на голове у нее красовался котелок с загнутыми полями. Этот костюм показался Корделии вызывающим, а сопрано мисс Фримен — чересчур писклявым. Зато мужчины пришли от нее в восторг и без конца вызывали. У Корделии возникло ощущение, будто ей открылась доселе неведомая сторона жизни.

Общая атмосфера зала, теплая и дружелюбная, оказалась лучше, чем она ожидала. Ей импонировал маленький оркестр, аккомпанировавший выступающим, веселые, зажигательные мелодии и весьма непосредственное поведение музыкантов, которые в паузах курили и переговаривались. Иногда в зале звякали ножи и вилки: какой-нибудь проголодавшийся зритель терял интерес к происходящему на сцене и уделял больше внимания еде. Но большинство довольствовались пивом и легкими закусками. Человек с военной выправкой обращался ко всем — и зрителям, и артистам — по имени и запросто обменивался с ними шуточками. Под конец дальний угол зала утонул в голубоватых клубах дыма.

Синьор Палермо был неподражаем, однако несколько затянул свой номер; зрители заерзали. Кто-то прочел трогательный отрывок о замерзшей собаке. Потом снова вышла мисс Лотти Фримен, в пальто и кепи путевого обходчика; на этот раз Корделия отнеслась к ней с большей симпатией. Девушка затянула песенку "Обходчик", при этом она попросила зрителей подпевать. Все хором грянули:

*Напрасно стараюсь смотреть веселей —
Душа веселиться не хочет.
Любовь изменила — отныне милей
Ей стал путевого обходчик.*

Незамысловато и трогательно. Стивен с Корделией присоединились к общему хору и, когда песня кончилась, радостно улыбнулись друг другу. Они забыли свою горькую разлуку и в этой уютной атмосфере, вдали от темных, сырых улиц, среди беззаботных гуляк, попеременно становились

то водопроводчиком Хербом и его калекой женой, то Джеком и Тедди после удачного дня на бирже, то учителем Артуром и студентом-медиком Джо, то армянским евреем Майклом и Фредом, водителем омнибуса.

Гвоздем программы стали "Бостонские менестрели" — четверка мужчин, загримированных под негров: с курчавыми париками, лоснящимися черными лицами и широко раздвинутыми в улыбке губами. Они играли на аккордеоне, банджо, тамбурине и прищелкивали кастаньетами.

Начали с песенки "Если уж быть цветком, то маргариткой". За ней последовала "Суэйни-ривер", а затем "Хозяин лежит в земле сырой". На глазах у Корделии выступили слезы.

Они досмотрели представление до конца, и только тогда Корделия опомнилась и поняла, что уже десять часов. Ей давно пора домой!

— Куда ты спешишь? — увещевал Стивен. — И кого ты боишься? Двух жалких стариков, которые даже не заметят, в котором часу ты вернулась? Останься еще ненадолго! Хочешь есть? Могу предложить сэндвичи и богатый выбор напитков.

Но она ни за что не соглашалась остаться, и Стивен поручил слуге приготовить его коляску. Пока они ждали, вошла барменша — женщина лет пятидесяти, с добродушным лицом и обесцвеченными волосами. Стивен представил их друг другу:

— Это Чар, старый друг нашей семьи. А это мой друг, Корделия.

— Добрый вечер, Корделия, — сказала барменша. — Рада познакомиться.

Она окинула Корделию оценивающим взглядом, отчего той стало не по себе.

В коляске она вспомнила о дневнике Маргарет. Она думала показать его Стивену и спросить совета, но теперь это казалось мелким и несущественным, хотя по-прежнему волновало ее, так же, как слова Дэна.

— Волшебный вечер, — сказал Стивен. — Побольше бы таких!

— Да, Стивен. Спасибо тебе за все.

— Эти две недели должны стать апогеем нашего счастья. Что бы ни случилось потом, как бы мы ни распорядились своей жизнью, постараемся взять от этих дней как можно больше.

— Почему вдруг такой серьезный тон?

— Не вдруг. Между нами все очень серьезно — с самого начала. Но ведь еще ничего не решено, правда? Значит, нужно жить сегодняшним днем. Завтрашним, послезавтрашним...

Корделия устремила взор на его красивый, мужественный профиль.

Стивен повернулся к ней, и в его глазах вспыхнули огни. Его присутствие и утешало, и будоражило.

— Мы не могли бы побыть вместе, как в июле? — шепнул он. — Поедем ко мне, это в паре миль отсюда. Сейчас там никого нет, кроме спящих слуг. Это слишком чудесно, чтобы упустить такую возможность. Один шанс из тысячи! Прошу тебя! — он с мольбой накрыл руку молодой женщины своей ладонью и впился взглядом в ее лицо, пытаясь во тьме угадать его выражение.

— У нас только один выход, — сказала Корделия, — хотя он и внушает мне ужас. Ты говорил, что, скорее всего, через год-другой уедешь из Манчестера. Я последую за тобой.

— Корделия, нельзя ждать годы. Мы же любим друг друга, только это и имеет значение. Если бы мы встретились несколькими годами раньше, мир благословил бы нашу любовь. Твой брак — печальная ошибка... — у него на языке вертелось: "И мой", — но он был не настолько уверен в Корделии, чтобы решиться на такое признание.

— Да, я знаю. Я ничем не обязана Фергюсонам — если принять во внимание... — ей хотелось сказать: "их возможную вину в смерти Маргарет". — Зато мои родные... Ох, дорогой, прости, я совсем запуталась.

Он продолжал настаивать, и Корделия начала потихонечку уступать.

— В тот раз, когда окно оказалось закрытым, я чуть не умерла от страха...

— Прошу тебя! Твой плюц выдержит...

— Ох, нет!

— Почему? Это удобнее всего.

"В той комнате, — подумалось ей. — Комнате Брука. Но и Маргарет тоже..."

— Хорошо, — прошептала она.

Стивен был счастлив.

— Я надеялся — с самого начала, когда ты так неожиданно приехала. У тебя что-то такое мелькнуло в глазах. Но я не смел верить...

* * *

А потом уже было проще. Вчерашняя бездна не так страшна, коль скоро через нее удалось перепрыгнуть. Сегодняшний успех помогает легко отнестись к завтрашнему риску. Двадцать два года затворничества — и

вдруг кокон лопается, и мотылек расправляет крылья!

Полновластная хозяйка в красильнях и Гроув-Холле. Женщина — любящая и любимая. Не это ли и есть рай земной? "Берегись!" — подсказывает унаследованный от предков здравый смысл. "Да, мистер Симнел, я понимаю, что вы имеете в виду, говоря о лицензии Нортон на лак. Да, миссис Мередит, мистер Фергюсон говорил мне, когда уезжал: он предпочитает уголь из Уэльса, закажите две тонны, места в подвале хватит. Мне очень жаль, миссис Герберт, я не могу сегодня играть — нельзя ли вместо этого провести урок пения?" Изредка совесть поднимала голову. Корделия смотрела на себя сегодняшнюю — и не верила. Ее захлестывали волны страха — казалось, будто все вокруг показывают пальцем: "Ты! Ты! Безумная! Тебя покарают боги!" А потом все опять исчезало, и оставалось только радостное понимание того, что она скоро увидит Стивена, услышит его голос... Тетя Тиш ворчала по поводу ее отлучек, зато дядя Прайди ничего не замечал. Он приобрел еще трех землероек и устроил для них отдельную клетку.

В субботу вечером приехал мистер Фергюсон, и воскресенье прошло в соответствии с давно заведенным порядком. Холодная ванна на рассвете. Прогулка. Молитва. Присмирившие слуги. Посещение матери с отцом. Тедди, Эмма, Сара и Пенелопа. Спазм в груди при виде родных лиц. Эсси в Ньютонхите — вот уже два птенца вылетели из гнезда. Папа переживает, хотя не показывает виду.

На следующей неделе Энн стукнет четырнадцать; она готовит пищу, хотя и недолюбливает это занятие. И еще присматривает за Уинифред, Вирджинией и недавно появившейся на свет Эвелин Клариссой.

Отец похудел, в волосах прибавилось седины. Воротнички становятся все просторнее: от вида этой худой цыплячьей шеи болит сердце. Если бы он знал!

Возвращение домой. Плотный обед Мистер Фергюсон нарезает мясо. Какое-то медицинское светило прописало ему, чтобы согнать лишний вес, ежедневно съедать фунт нежирной говядины. "Всегда бы так лечили", — шутит он, и ждет, чтобы все улыбнулись. После обеда — тихий час, даже шить запрещается. Потом чай и молитва. Вечером, когда они собрались ехать в церковь, пошел дождь. Поздний ужин. Тетя Тиш размышляет вслух: что-то Брук поделявает в Лондоне? Мистер Фергюсон устал и не расположен болтать. Ранний отход ко сну. Оазис добропорядочности.

В понедельник утром, когда они вместе ехали в город, мистер Фергюсон велел Томкинсу остановиться возле подслеповатого старика — того самого, который относил письмо Стивену. Корделию охватила паника.

Он подошел к коляске — в своем потрепанном пальто, с искусственными цветами в плетеной корзинке, — немного испуганно поклонился и сказал: "Хорошая погода. Я надеюсь, что мистер Фергюсон находится в добром здравии. Благодарю вас, на этой неделе Бетти меньше мучает ревматизм. Вот только руки крутит..." Мистер Фергюсон дал ему пять шиллингов; старик так и вцепился в серебро дрожащими руками — только бы не уронить, а то еще закатятся — не вернешь. Он перевел хитрый голубой глаз — единственный живой — на Корделию. Не будет ли миссис Фергюсон так добра принять от него цветок "в знак почтения"?

Он узнал ее! Монстр разоблачения на миг показал свой злобный оскал. Что, если этот человек скажет: помнится, я относил ваше письмо одному джентльмену?.. Корделия одарила его пленительной улыбкой.

— Благодарю вас.

— Да принесет он вам счастье, мэ. И всей вашей семье.

Они снова тронулись в путь.

— Хочется что-нибудь сделать для этих людей, — поделился мистер Фергюсон, — Но много ли мы можем?

— Вы его знаете?

— Я каждый понедельник даю ему пять шиллингов. Это помогает им с женой сводить концы с концами.

На каком же тоненьком волоске висело ее благополучие!

— Он часто здесь сидит, — заметила Корделия.

— Да. Они живут тут неподалеку, в каморке под землей. Это обходится им в четыре шиллинга в неделю. Его жена трудится по шестнадцать часов в день, мастера искусственные цветы для швейного ателье. Ей платят девять шиллингов в неделю. Шесть пенсов за цветок герани и два с половиной пенса за лютик. Естественно, розы идут дороже. Она не может выходить на улицу чаще двух раз в неделю.

"Розы идут дороже..." Корделия опустила взгляд на одинокий алый цветок в своей руке, затянутой в перчатку.

— Знай я раньше, ни за что бы не взяла.

— Это от чистого сердца. Образованные люди не верят в приметы, А он верит.

— Вы давно даете ему деньги?

— Несколько лет.

После посещения фабрики мистер Фергюсон ничего не сказал, но Корделия видела, что он доволен, и сама была рада. Хоть в чем-то оправдала его доверие!

Вечером он уехал в Лондон.

* * *

В среду было непривычно тепло для этого времени года. Над городом навис тяжелый смог.

Впервые за все время Корделия очутилась перед необходимостью принять решение. Едва она приехала на фабрику, пришел Симнел и сказал: "От мастера парильного цеха поступило сообщение, что нанесенная вчера краска оказалась непрочной. После обработки — в целях закрепления — паром она продолжает пачкать". Обычно перед тем, как скатывать в рулоны, ткань просушивают на свежем воздухе, но в последние годы мистер Фергюсон отказался от этой процедуры, как требующей непомерных затрат труда, и наполовину снизил мощности по выработке пара.

Корделия попросила привести мастера парильного цеха и главного специалиста по красильным машинам. Она еще не пришла к определенному мнению, действительно ли Симнел не способен самостоятельно справиться с этой проблемой или устроил ей проверку.

Она выслушала мастера парильного цеха и спросила:

— Может быть, пар чересчур насыщен? Ткань долго остается сырой.

— Да, мэм. Тут уж ничего не поделаешь, если работаешь с кармином и ализарином. Приходится поддерживать высокий уровень влажности и подвергать ткань длительной обработке при низком давлении.

— Насколько длительной?

— Самое меньшее два часа.

Корделия повернулась к другому мастеру.

— Мистер Фергюсон вместе с вами разрабатывал эту расцветку. Он не предвидел осложнений?

— Нет, мэм. В прошлом месяце мы делали точно то же самое.

По выражению лица Симнела Корделия убедилась, что он и не думает ее испытывать. Но где же решение? Как бы поступил мистер Фергюсон? Может быть, сделать более глубокую печать? Ей врезалось в память вычитанное в одной книге, что в таких случаях можно применять при тех же красителях более сухой пар...

С минуту все ждали ее решения. Корделия встала и подошла к окну, ощущая на себе взгляды мужчин. Каждый из них обладал куда большим, чем у нее, опытом, но их познания не простирались дальше сферы собственной деятельности. Если бы мистер Фергюсон оставил на них фабрику, они бы не знали, что делать, — даже Симнел. Насыщенный пар,

кислота, щавелевая кислота...

— Окрашенная ткань сразу поступает в парильню или через некоторый промежуток времени?

— Почти что сразу, мэм.

— Сегодня хорошая погода. Попробуйте подержать ее пару часов на улице, чтобы подсохла. Может, это позволит нам снизить процент воды в паре, посмотрим, что это даст. Как вы думаете, мистер Трант?

— Да, мэм. Можно попробовать.

Она бросила взгляд на Симнела — тот кривил губы.

— Это не решит всех проблем, но... попытка не пытка. Я вот думаю, мистер Фрай, — продолжала Корделия, — это тот же краситель, что и в прошлом месяце?

— Да, мэм. Правда, кармин — из новых поступлений. Но та же самая пропорция.

— Вы не могли бы приостановить печать и проверить карминную краску? Вдруг в ней обнаружится повышенное содержание кислоты или солей?

— Хорошо, — угрюмо процедил мистер Фрай. — Я сам этим займусь.

— Вместе с мистером Форрестом, — уточнила Корделия.

Они ушли — не то чтобы довольные, но готовые выполнить поручение. Теперь они уважали ее гораздо больше.

Утро тянулось медленно. Корделия отлично представляла себе, с какими бесстрастными лицами они сообщат о ее ошибке, как постараются не показать малейшее злорадство...

Спустя час явился мистер Форрест — без мистера Фрая, и это показалось ей хорошим признаком.

— В кармине оказалось большое содержание масел, мэм. Слишком большое. Не знаю, как это случилось. Должно быть, по чьей-то небрежности. Или из-за некачественных примесей.

У Корделии подпрыгнуло сердце.

— Это может объяснить?..

— Без сомнения, мэм.

— Большое спасибо. Будьте добры передать мистеру Фраю, чтобы приготовил свежий краситель, а старый не выбрасывал — пусть мистер Фергюсон решит, как с ним поступить.

— Хорошо, мэм.

Внутренне ликуя, Корделия занялась какими-то счетами. Вернулся Симнел с куском материи.

— Прошу прощения, миссис Фергюсон, сушка не сработала. Ткань

пачкает меньше, но все-таки...

Корделия поделилась с ним новостью мистера Форреста. Он слушал, не меняя выражения лица. Потом сказал:

— Ну, вот и хорошо. Необходимо выяснить, чья это халатность. Теперь нам придется изменить ритм и порядок работ.

Корделия устремила на него пристальный взгляд, всеми силами стараясь не показать своего торжества.

— Вы правы. И я надеюсь, что вы мне в этом поможете.

* * *

После обеда она встретила со Стивеном недалеко от Гроув, и они поехали в Бернедж. Деревья из желтых стали золотыми и цвета меди. Толстый ковер из опавших листьев приятно шуршал под колесами. Сквозь кроны деревьев проникали неяркие солнечные лучи. Коттеджи казались свежеиспеченными булками с коричневатой корочкой. Они доехали до Нортендена и напились чаю в маленькой гостинице у реки. В воде отражались деревья. Корделия со Стивеном мало разговаривали: им было и так хорошо вместе. Сегодняшнее утро с производственными хлопотами отодвинулось на задний план, осталось приятным воспоминанием об одержанной победе. Сейчас для Корделии имели значение лишь ее отношения со Стивеном. Она хотела — и стеснялась сказать ему об этом.

Его мучила мысль: "Она все еще не знает правды. Обязательно нужно сказать — и как можно скорей! Но как решиться нарушить гладкое течение этого дня? Поставить любимую женщину перед фактом: "Делия, я женат. Это была ошибка, но жена не дает мне развода"? Но какая разница? Мы все равно не можем пожениться, пока Брук... Одним препятствием больше..."

— Сегодня совсем не чувствуется осени, — вымолвила она. — Точь-в-точь весна. Тепло и пахнет сливочным маслом. Это напомнило мне поездки всей семьей на пикник — когда мне было пять лет.

— Хочешь, возьмем лодку?

— Нет, спасибо. Но, может быть, ты сам...

Он покачал головой. Они еще немного помолчали. Корделия начала тихонько напевать:

*Напрасно стараюсь смотреть веселей —
Душа веселиться не хочет.*

*Любовь изменила — отныне милей
Ей стал путевой обходчик.*

— Тебе хорошо, Корделия, — прямо сейчас? По крайней мере, мне удалось хоть это.

Она просияла.

— Сейчас мне море по колено. А вот вчера... я проснулась среди ночи и подумала: неужели все это происходит со мной? И до утра стонала и металась от ужаса. Зато сейчас... Ты, должно быть, колдун. Умеешь подчинять своей воле.

— Здесь нет никакой загадки. Просто все мои усилия направлены на то, чтобы помочь тебе познать себя, превратиться из скованной, сухой — в нежную и любящую. И еще я помог тебе забыть, что ты замужем за Бруком. Ведь правда?

— Да, — согласилась Корделия. — Во всяком случае...

— Единственное, о чем я жалею, — продолжал Стивен, — это то, что мои чары бессильны защитить тебя от ночных тревог. Каждое утро я просыпаюсь счастливый оттого, что снова увижу тебя. Тебя все еще мучают угрызения совести?

— Время от времени.

— Стоит ли терзаться из-за Брука? Ты никогда его не любила. Ему и так хорошо в Лондоне. С глаз долой — из сердца вон.

Эти слова помимо его воли слетели с губ. Корделия мигом отреагировала;

— Скажи, Стивен, почему в тебе словно уживаются два человека?

— Правда? Не знаю, — он отхлебнул из чашки. — Может быть, ты и права. Но разве мы не все такие? В тебе так не менее шести человек — ты каждый день другая.

— И все симпатичные?

— Просто обворожительные! Но ты еще что-то хотела сказать обо мне?

— Не помню.

— И что, один из двоих нравится тебе меньше другого?

Она метнула в него лукавый взгляд из-под ресниц.

— Вопрос так не стоит — "нравится — не нравится". Но иногда мне кажется, что я тебя понимаю и у нас все хорошо, а иногда ты вдруг говоришь такие вещи... словно чужой. И я чувствую себя одинокой.

Он накрыл ее руки своими.

— Какие именно вещи?

— А, пустяки. Говорят, красота — во взгляде влюбленного. Может, все дело в моих собственных противоречиях?

— Ты — само совершенство, — серьезно сказал Стивен. — Вот в этот самый момент ты похожа на серафима знаешь, которые поют у Небесных Врат. Молоденький серафим, этак лет семнадцати. В то же время в твоей головке постоянно крутятся мысли — как белка в колесе. В чем же все-таки дело?

— Стивен, когда мы уедем отсюда?

Он удивленно взглянул на нее.

— Вот, значит, что тебя мучает!

— Да. Если уж суждено грешить, то хотя бы открыто. Иначе все опошляется.

— Думаешь, мне приятно делить тебя с другим мужчиной — даже с Бруком?

— Но в таком случае...

Стивен перевернул ее руку ладонкой вверх и погладил; на его лице отразилось мучительное напряжение.

— Я не могу в один день уладить дела в Манчестере. Их нужно кому-то передать. Обсудить с отцом. Приглашу-ка я его на выходные. Да. Завтра же и сделаю. На все это уйдет около двух недель. Потерпишь?

— Конечно. — Она была и удовлетворена, и не очень; и верила в его искренность, и в то же время нуждалась в чем-то таком, чего он еще не дал ей. — Ты уверен?

Лицо Стивена озарила улыбка.

— Да, любимая. Уверен, уверен, уверен!

Корделию захлестнула теплая волна.

— Не пожалеешь?

— Нет, никогда. А ты?

— Я тоже.

Коляска тронулась в обратный путь. Солнце село. Стивен высадил Корделию в том же месте, откуда они начали прогулку.

В четверг, за обедом в клубе, он столкнулся лицом к лицу с Дэном Мэссингтоном. Хотел поздороваться и пройти мимо, но тот преградил ему дорогу.

— Привет, старина! Что-то тебя давно не видно.

— Разве? Я очень занят. То одно, то другое...

Мэссингтон вздернул бровь.

— Рыбалка, например.

Стивен нетерпеливо взглянул на него.

— Да нет. Вот уже много лет этим не занимаюсь.

— Значит, я ошибся. Мне показалось, будто вчера я видел тебя в Нортендене.

Под его циничным взглядом Стивен почувствовал, как в нем закипает гнев. В голове лихорадочно мелькали мысли.

— В Нортендене? Не представляю, к чему ты клонишь.

— В тихом омуте, дружище... Можешь мне поверить. Нет, я не осуждаю тебя за браконьерство. Сам поступил бы точно так же, если бы представилась возможность.

— Да уж, ты браконьер почище "Любопытного Тома".

Стивен тотчас понял, что ему не следовало этого говорить. Нужно было отплатить Мэссингтону его же монетой — свести все в шутку.

— Для Дон-Жуана, Кроссли, ты слишком неосмотрителен. Держаться за руки при свете дня... Не дай Бог, заметят.

— Ты получил бы удовольствие.

— Я и получил. Больше, чем ты можешь себе представить. Не забывай: я в некотором роде родственник Фергюсонов.

— Я помню.

— Рано или поздно это должно было случиться. Когда такая девушка выходит замуж за бесхребетное ничтожество... Я буду дико хохотать, когда Брук узнает...

— Зачем ему об этом знать?

— В противном случае шутка теряет смысл.

— Ты, конечно, вывернешься наизнанку, чтобы довести это до его сведения!

— Силы небесные, конечно же, я ему не скажу. Но иногда бывает достаточно и намека...

— Странно, что ты еще не бросился в Гроув-Холл. Не на что нанять кэб? Хочешь, заплачу за тебя?

На щеках у Мэссингтона выступили маленькие багровые пятнышки. Он осклабился.

— Да, ты заплатишь. Только не сейчас.

И ушел. Стивеном овладело желание вернуть его — угрожать, молить о пощаде!.. Но что это даст? Злясь на себя за недостаток выдержки, он направился в обеденный зал.

Дальше откладывать нельзя. Кризис наступил скорее, чем он ожидал, и требовал решительных действий.

Остаток дня Стивен угрюмо просидел в своем кабинете, обдумывая

ситуацию. Он не был человеком жестких решений, но поворотный пункт в судьбе не оставлял ему выбора.

Сегодня они с Корделией не договаривались встретиться, но он все-таки решил предупредить ее.

При виде возлюбленного Корделия отодвинула ноты и встала из-за фортепьяно.

— Дорогой! — прошептала она, когда Холлоуз скрылся за дверью.

— В последний раз я был здесь открыто полтора месяца назад — когда приезжал к Бруку.

— Что-нибудь случилось?

— Нам здесь могут помешать?

— В любую минуту.

— Видишь ли, Мэссингтон... — и он рассказал ей, что произошло.

— Ты считаешь, он может выдать? — спросила Корделия.

— Не знаю. Нам нельзя рисковать. Я все обдумал. Попрошу отца приехать на выходные. Откровенно говоря, он вполне способен явиться сюда и все выложить Фергюсонам. А этого нельзя допустить — пока ты здесь. Тебе необходимо покинуть этот дом прежде, чем я все ему расскажу.

— Когда?

Стивен оглянулся на дверь.

— Я предпочел бы, чтобы ты уехала до их возвращения.

— Значит, до субботы?

— Да, — он не сводил с нее глаз. — Или в субботу утром. Поедешь в Лондон. Я сниму для тебя номер в какой-нибудь тихой гостинице, чтобы ты пожила пару недель, прежде чем я смогу присоединиться к тебе. У нас нет другого выхода.

Это был настоящий шок — узнать, что опасность уже за углом и гром может грянуть завтра, послезавтра — и тогда... Но это — как операция, которой все равно не избежать, потому что от ее исхода зависят здоровье и счастье человека.

Если Дэн Мэссингтон знает, ситуация вышла из-под контроля.

— Я могу сам отвезти тебя в Лондон, а затем отправиться к отцу. Но потом мне все равно придется вернуться сюда — пока он не подыщет кого-нибудь на мое место. У тебя много вещей?

— Нет. Возьму только самое необходимое.

— Ты согласна с моим планом?

— Да.

Он взял ее за руку.

— Это большая жертва. Я полдня ломал себе голову. И решил взвалить

эту ночь на тебя, Делия.

Она тихо произнесла:

— Ничего ты на меня не взваливаешь.

Они быстро обсудили подробности. Наконец Стивен поднялся.

— Итак, решено. Завтра приедешь, как условились?

— Лучше не надо.

— Прошу тебя, приезжай! Это будет наш последний совместный вечер в "Варьете", мне ни за что не хотелось бы от него отказаться. Пожалуйста, не омрачай мою радость.

Корделия лучезарно улыбнулась.

— Хорошо, Стивен.

После того, как он ушел, Корделия с минуту стояла возле фортепьяно, машинально перелистывая ноты. Только вчера она считала, что у них еще есть время все хорошенько взвесить. Они медленно тронулись с ледяной горы — и вот уже кубарем катятся вниз, в полынью.

К ужину дядя Прайди пригласил Роберта Берча. Мистер Слейни-Смит, который в последнее время заметно похудел и как бы усох, поддразнивал Прайди, развивая тему спиритизма, и Корделия с Берчем прилагали бешеные усилия, чтобы предотвратить серьезную стычку. Оседлав любимого конька, мистер Слейни-Смит приставал к Берчу с эвтаназией, а получив компетентное объяснение, повернулся к Корделии и начал рассказывать о своих детях: как он их воспитывает и как у одного из них недавно были неприятности в школе, когда он отказался стоя произносить вместе со всеми слова благодарственной молитвы.

Что подумают все эти люди, когда узнают? Ясно, они проклянут ее — несмотря на всю свою широту взглядов. Даже мистер Слейни-Смит с его передовыми теориями. Горько, но мать с отцом тоже будут шокированы сверх всякой меры. Никакая антипатия к Фергюсонам не помешает мистеру Блейку обвинить дочь в безнравственности. Она напишет им из Лондона, когда устроится и станет ждать Стивена. Все подробно объяснит и растолкует. Но как облечь в слова...

К ней приблизился Холлоуз.

— Прошу прощения, мэм, там мистер Мэссингтон.

Прямо сейчас?! Необходимо отложить разоблачение — хотя бы на пару дней!

— Что ему нужно?

— Он хотел видеть мистера Фергюсона. Я объяснил, что они оба в отъезде. Тогда он попросил доложить вам.

— Скажите ему... пусть приезжает в субботу, когда вернется мистер

Фергюсон.

— Кто там? — Прайди оторвался от своего пирога. — Кто-нибудь приехал?

— Дэн Мэссингтон.

Прайди поморщился.

— Никчемный молодой человек. Сеет кругом несчастье. Держитесь от него подальше, юная леди.

— Холлоуз, передайте ему, чтобы приезжал в субботу.

Лакей удалился, и Корделия погрузилась в угрюмое ожидание. Захочет ли Мэссингтон смириться с отказом? За столом стало очень тихо.

Первым открыл рот мистер Слейни-Смит.

— Я не видел Мэссингтона много месяцев. Интересно, что ему нужно? Должно быть, проигрался на скачках. Помните, Берч?.. Нет, вас тогда еще здесь не было. Он посмел заявиться в Гроув-Холл в сопровождении судебного исполнителя.

— Этакий наглец! — поддакнул дядя Прайди. — К счастью, у Фредерика много друзей...

— Я его плохо знаю, — сказал Роберт Берч. — Надеюсь, миссис Фергюсон, Брук хорошо проводит время в Лондоне? В конце недели я получил от него письмо.

Она выдержала его взгляд.

— Да, он доволен. Накупил уйму книг. Я с нетерпением жду его возвращения.

Ждала.

— Сегодня здесь был мистер Кроссли, — внесла свою лепту тетя Тиш. — Он не знал, что Брук уехал. Бруку следовало предупредить своих знакомых.

Вернулся Холлоуз и, не говоря ни слова, приступил к выполнению своих обязанностей. Корделия не смела спрашивать его. Наконец это сделал Прайди:

— Ну что, он ушел?

— Да, сэр. После небольшого спора.

Перед сном Корделия перечитала последнее письмо Брука.

"...В субботу шел дождь, я промочил ноги и, кажется, простудился. Национальная галерея изумительна, перед ее сокровищами наши местные имеют бледный вид. Зато вчера я ходил на концерт и убедился, что их оркестр в подметки не годится нашему. Сегодня я познакомился с одним издателем. Узнав, что я поэт, он попросил дать ему почитать мои стихи. Конечно, я показал кое-что из того, что у меня было с собой.

Папа всю неделю очень занят, поэтому у нас было мало времени на осмотр достопримечательностей. Как бы мне хотелось в следующий раз приехать сюда с тобой!"

В следующий раз... В ту ночь Корделия никак не могла уснуть.

В пятницу третьего ноября город и пригороды окутал густой туман. Он проникал даже в закрытую карету и вконец испортил Корделии настроение. Улицы казались уже: в замкнутом пространстве отдавались эхом хриплые голоса женщин. Один раз Томкинсу пришлось резко остановиться: какой-то мальчуган в лохмотьях чуть не угодил под колеса. То там, то здесь вспыхивали огни маленьких магазинчиков. Фабрика была залита светом. У Симнела, как обычно в пору первых зимних туманов, обострился хронический бронхит, и его хриплый кашель время от времени взрывал утреннюю тишь.

У Корделии не было никаких особых дел, но она оставалась на фабрике до двенадцати часов, памятуя о том, что сегодня — последний день ее деловой карьеры. Ни одна разлука не обходится без ностальгических ноток.

После обеда она заехала в отцовскую мастерскую. Внешне это был рядовой визит, но Корделия мысленно обращалась к родным: "Прощайте, папа и мама! Прощай, малышка Энн с рано проявившимися материнскими инстинктами. И ты, мечтающая стать певицей, Сара. И пускающая пузыри Эвелин Кларисса... Жалко, Тедди нет дома... И ты прощай, мастерская, заставленная часами, и сад со старой грушей, и гостиная, и фортепьяно из розового дерева, и кухня, и все-все-все!"

Нельзя поддаваться сантиментам. "Нет-нет, ничего не случилось, я просто проезжала мимо. Разве? Нет, мне вовсе не грустно. К сожалению, пора ехать. Да, Брук должен вернуться завтра после обеда. Наверное, в следующий раз он возьмет меня с собой, а сейчас ему было удобнее одному..."

Они со Стивеном договорились встретиться в шесть часов — поужинать в "Варьете" и посмотреть представление. В пятницу в мюзик-холле обычно негде яблоку упасть; вот и на этот раз туман никого не удержал дома. Снаружи тонут в тумане желтые огни, зато внутри тепло, светло и очень уютно.

Чар принесла ужин. От нее пахло выдохшимся портвейном, и она напустила на себя покровительственный вид. Корделию стесняло ее присутствие. Барменша подавляла ее неумеренной веселостью и внушала смутную тревогу.

Потом явился Вэл Джонсон — крупный мужчина с монгольским

типом лица и густым, жирным смехом. Он восхищенно уставился на Корделию, излучая благорасположение. Стивен представил ее как свою приятельницу, миссис Блейк, которая подумывает о том, чтобы тоже заняться мюзик-холлами.

— Ну, нет, — засмеялась Корделия.

— Так это шутка? — Вэл Джонсон поднял выразительные брови. — Скажите же правду! Дружеская шутка, да?

— Это абсолютно серьезно, — стоял на своем Стивен.

— Ничего подобного!

— Если в этом есть хоть доля истины, — разглагольствовал Вэл, — позвольте вас предупредить, мисс, мадам или что-нибудь еще, что вы безумно рискуете. Есть вещи похуже смерти, но нет ничего хуже, чем иметь дело с артистами мюзик-холла. Вы ляжете в раннюю могилу, и даже там над вами станут смеяться черви. Да-да, позвольте мне отговорить вас, пока не поздно. Кажется, в "Бельвию" требуется укротитель обезьян — это тихая, спокойная работа по сравнению с мюзик-холлом. Или возьмите девушек, которые кувыркаются без лонжи под куполом цирка, — одно удовольствие! Нет-нет, позвольте мне удержать вас от столь опасного шага!

— Она будет моим боссом, — сказал Стивен, — а значит, и твоим. Если будешь хорошо себя вести, тебе зачтется.

— Зачтется — мне? — прорычал Вэл Джонсон. — Никто и ничто не может вознаградить меня по заслугам. Это же кровь и пот — несчастная работа комика! Да если бы мне платили за каждую единицу смеха: два пенса за улыбку, пенни за ухмылку, полпенни за хихиканье, — я бы давно уже сколотил состояние и жил в Сэлфорде.

— Сейчас он продемонстрирует вам весь свой репертуар, — пообещал Стивен, — и не нужно будет идти в зал.

— А вместо этого, — продолжал Джонсон, тщетно пытаясь застегнуть ремень на одну дырочку потуже, они держат меня здесь на голодном пайке. Надеюсь, что вы заведете другие порядки, мисс или мадам, и оцените по достоинству тружеников-артистов. Смягчите их грубые сердца... Правда, для этого вам потребуется изрядное количество соды. Но овчинка стоит выделки: когда они растают, вы выжмете из них несравнимо больше. Вы это сделаете, правда? Ну, вот и хорошая девочка.

Добродушного, упирающегося комика еле удалось выставить за дверь. Через десять минут они и сами вышли в зал, чтобы посмотреть начало представления.

Все было готово к отъезду. Завтра она, как обычно, уедет на фабрику и отпустит Томкинса у ворот, но тотчас возьмет кэб до "Барьете". Они сядут

на дневной поезд до Лондона.

— Не беспокойся и не думай о завтрашнем дне, — попросил Стивен. — Наслаждайся сегодняшним.

Вэл Джонсон открыл представление шуточной песней "Как я гулял по берегу моря". Потом выступили "Братья Раузы" с акробатическими номерами. Мисс Лотти Фримен спела "Гарри", и все подпевали ей. Корделия скользнула взглядом по залу и балкону. Зрители кричали от восторга и отбивали такт ладонями; она впитывала в себя эту веселую, праздничную, хотя и дымную, атмосферу. Бесспорно, на всем этом лежал налет вульгарности, но, в конце концов, почему бы этим людям, в чьей жизни так мало радости, и не повеселиться? Есть, пить, стучать по столам и во всю глотку распевать веселые песни. Наслаждайся сегодняшним днем, потому что завтра...

— Тебе не хочется петь, милая? — Стивен дотронулся до ее руки.

— Просто я засмотрелась.

— Хочешь, пойдем к ним? Сольемся с толпой.

— Что ты имеешь в виду?

— Идем на балкон. Там гораздо веселее. Почему бы и нет? Все равно завтра все узнают...

— Хорошо, — сказала Корделия.

Их будущее определилось.

Глава XX

Несколько шагов по узкому коридору — и они на балконе. Как раз в это время "Бостонские менестрели" затащили "Уберите подальше мои детские башмачки". Публика подпевала. Сентиментальная песенка, как раз в духе этой аудитории. Корделия подметила: некоторые мужчины вытирали глаза, а один щеголеватый молодой человек шумно высморкался, прежде чем потянуться за кружкой пива.

Стивен прокладывал ей путь, здороваясь со знакомыми. На Корделию устремлялись любопытные взгляды; она старалась не обращать внимания и радовалась тому, что шляпа с вуалью скрывала ее черты. Для них с трудом освободили места за одним из столиков в передней части балкона.

Снова звучала "Суэйни-ривер". Корделия посмотрела по сторонам. Кроме них, за столом сидели шестеро мужчин и одна девушка — хорошенькая, разряженная в пух и прах и накрашенная чуточку больше, чем нужно. В зале царил теплая, дружелюбная атмосфера — она проникала в кровь, как вино, ударяла в голову. За соседним столиком веселились офицеры из числа добровольцев, гордые своими усами и белыми лайковыми перчатками. Немного подальше разместились букмекеры — эти перешептывались о делах, нависая над своими кружками. Далее сидели две дамы... группа пожилых мужчин... из угла на нее смотрел Дэн Мэссингтон.

— Сейчас исполнят "Хозяин лежит в земле сырой", — шепнул Стивен. — По моей заявке.

— Да? — Корделия подняла свой бокал.

— Мне показалось, ты хотела услышать эту песню?

— Да, Стивен, спасибо. Ты очень внимателен.

— Леди и джентльмены, — возвестил Моррис, вынимая изо рта сигару, которую поместил туда, чтобы не мешала аплодировать. — Леди и джентльмены, я имею честь объявить, что сейчас по специальной заявке одного из почетных гостей нашего заведения будет исполнена популярная песня...

Мэссингтон злорадствовал. Корделия больше не смотрела в его сторону: перед ее мысленным взором и так стояла его кривоватая улыбка; в зловещем оскале обнажились зубы. Все происходящее казалось Корделии кошмарным сном. Ну, что ж. Терять больше нечего, а значит, и бояться тоже. Только бы Стивен не заметил.

— У тебя холодные руки. Они не имеют права быть холодными — в таком теплом помещении. Ты нервничаешь?

— Должно быть, шампанское нарушило мое кровообращение. Интересно, почему это происходит?

— Это бывает на промежуточной стадии. Скоро пройдет. Дай, я наполню твой бокал.

На сцену вышел Вэл Джонсон в обмундировании матроса, получившего увольнительную, — соломенная шляпа с черной шелковой лентой, рубашка в крапинку с черным развевающимся галстуком, вельветовая куртка с медными пуговицами поверх белого жилета и брюки-клевш; черные усы густо нафабрены; пенсне на ленточке и огромная сигара в зубах. Он запел:

*Когда по городу иду на склоне дня,
Взирают с завистью все парни на меня,
И дамы смотрят вслед,
Для них на свете нет
Морского волка желаннее меня!*

Стивен веселился от души.

— Пожалуй, старый проныра заслуживает прибавки жалованья. И он ее получит — в следующем месяце. Но ты что-то совсем притихла. Выше нос, дорогая, завтра суббота!

Смеясь, он повернулся к сцене, и вдруг выражение его лица изменилось.

— Ага, наш старый приятель мистер Дэн Мэссингтон собственной персоной. — Стивен усмехнулся и отвесил преувеличенно вежливый поклон. — Делия, здесь мистер Дэн Мэссингтон. Видишь, вон там, в углу? Поздоровайся с ним.

— И не думаю.

— В нашем деле, — поддразнивал он, — нельзя игнорировать посетителей.

— Я давно его заметила.

— Так вот почему у моей Делии были холодные ручки. Хотел бы я знать, какого черта ему здесь нужно? Что с тобой, любимая? Он уже не может причинить нам зла. Пускай себе скалится, как злобредная старая обезьяна.

— У меня скверное предчувствие. Этот человек связан со всем, что в

моей жизни было плохого. Может быть, мсье Густав смог бы это объяснить?

— Вышвырнуть его отсюда?

— Силы небесные, ни в коем случае! Может, вернемся в ложу?

— Чего ради? Но, кажется, он не собирается довольствоваться малым. Идет сюда. Держись, родная, сейчас будет потеха.

С бешено бьющимся сердцем она устремила невидящий взор на сцену. Кажется, там кто-то кривлялся; во всю мощь ухали медные трубы.

— Привет, Кроссли, — раздался сзади знакомый голос. — Ничего, если я присоединюсь к вам?

— Чем тебя не устраивает собственный столик?

— Там не так интересно. Я же не умею притягивать женщин так, как ты. Может, познакомишь меня со своей дамой?

— С удовольствием — если тебе отшибло память.

— Так это все-таки наша юная приятельница? Кошки нет — мышам раздолье? Боюсь, что этому котенку не миновать беды. Не то чтобы я осуждал...

Корделия подняла на него глаза. Он был пьян больше обычного.

— Не то чтобы я осуждал, — повторил Мэссингтон. — Помните, дорогая, я при первой же встрече предупреждал, что ваша жизнь с Бруком окажется невыносимой, если вы не пойдете на компромисс с собой. Вы явно пошли на такой компромисс. Единственное, о чем я могу сожалеть, это что вы избрали не самого лучшего учителя.

Подперев рукой подбородок, Корделия внимательно следила за тем, что происходило на сцене. Нельзя реагировать на его выпады — чтобы не осложнять ситуацию для Стивена.

Но тот уже закусил удила.

— Для джентльмена ты ведешь себя по меньшей мере странно. У меня стойкое ощущение, что язык — самая храбрая часть твоего тела.

Мэссингтон ослабился.

— Зато ты, дорогой Кроссли, ведешь себя в точности, как подобает выскочке.

— Ш-ш! Ш-ш! — слышалось со всех сторон.

Но Стивен уже не мог остановиться.

— Не сомневаюсь в том, что ты поставил своей целью быть выдворенным отсюда — и таким образом бросить пятно на репутацию этого заведения. Может быть, все-таки согласишься выйти сам, и мы уладим это дело в ближайшей аллее?

— В таком тумане? А твои головорезы будут следить за соблюдением

правил дуэли?

— Можешь позвать своих друзей — конечно, если таковые найдутся. А если ты опасаясь ранения, здесь наверняка найдутся боксерские перчатки.

— Не сомневаюсь, — съязвил Мэссингтон. — Уж ты сумеешь обучить меня новейшим запрещенным приемам.

— Конечно. Но главное — я научу тебя держать язык за зубами.

— Надеюсь, не навсегда? — Мэссингтон повернулся к Корделии — Вы расстроены? Или вам все равно? Неужели сей сладкоречивый Джек-Обманщик успел убедить вас, что на сей раз, в виде исключения, ведет честную игру? Во что только не поверит женщина! Мой отец говаривал: "Чем женщина красивее, тем глупее. Только дурнушкам удается сохранить ясную голову". По-моему, в этом что-то есть.

Стивен поднялся из-за стола и потянул Мэссингтона за рукав.

— Ты выйдешь отсюда без лишнего шума или предпочитаешь, чтобы тебя вынесли на руках? Могу тебя заверить, мы сумеем исполнить твоё желание!

— Стивен, — пролепетала Корделия.

Мэссингтон брезгливо посмотрел на руку Стивена. Он сохранил врожденные аристократические манеры — и ни на йоту выдержки.

— Убери свою грязную руку!

— Тс-с!

— Сейчас же убери! Я останусь здесь столько, сколько захочу! Я, как всякий другой, заплатил за вход!

Стивен сделал знак двоим служителям, и те ринулись к ним, проталкиваясь между столиками.

— Выведите его на улицу и пошлите за полицией. — Стивен заколебался. — Нет, просто вышвырните его, и все. Прошу всех оставаться на местах.

За ближайшим столиком встревожились. Стивен выпустил рукав своего противника и сделал им знак соблюдать спокойствие. Один из вышибал взял Мэссингтона за локоть.

— Пройдемте, сэр. Вам нужно подышать свежим воздухом.

Тот обернулся и уставился на человека в униформе. Потом резко вырвал руку и с размаху толкнул его в грудь, так что тот повалился прямо на сидящих за соседним столиком. Увещевания Стивена не возымели действия. Люди повскакивали с мест. Кто-то усмотрел в этом развлечение, кто-то — опасность.

Второй вышибала попробовал схватить хулигана, но тот вывернулся и

с удвоенной силой обрушился на него. Корделия ахнула. Вместе со служителем потерял равновесие и Стивен. Мэссингтон очутился под столом. Один служитель вцепился в него, а другой попытался отодвинуть стол. Приподнявшись, Мэссингтон опрокинул столик; тарелки, вилки, графины полетели на пол. Накрашенная девушка взвизгнула: ее прижали к бортику. Стивену удалось подняться на ноги и освободить ее. Со всех сторон неслись крики; оба служителя боролись с Мэссингтоном; в результате стол еще немного сдвинулся и мог вот-вот, протаранив балюстраду, рухнуть в зал. Стивен ухватился за него, но стол перевесил; у него в руках осталась только скатерть. Стол полетел вниз — слышались вопли и стоны; возможно, кого-то ранило или даже убило.

Служители надежно держали Мэссингтона; у него было в кровь разбито лицо; он яростно сопротивлялся. Стивен глянул в зал: представление было прервано, началась паника. Край белой скатерти угодил в висевшую на стене газовую лампу; вспыхнул огонь. Кто-то закричал: "Пожар!" Оркестр прекратил играть; все вскочили на ноги и, расталкивая друг друга, ринулись к выходу. Администратор Моррис крикнул оркестрантам, чтобы продолжали играть. Две танцовщицы застыли на сцене, Стивен размахивал руками, показывая назад. Кто-то задул остальные лампы на стенах и вдоль бортика балкона.

Сомнительный шаг. Теперь свет остался только в баре, на сцене, да еще пылала горящая скатерть; пламя перекинулось на розовые занавески. Всеми овладело одно стремление — бежать, неудержимое, как поток воды, либо крови, как пар из чайника или как химическая реакция. Этот безудержный поток нес Корделию к выходу. Напрасно Стивен кричал: "Соблюдайте спокойствие!" — его никто не слушал. Полутьма пугала людей даже больше, чем огонь. Они вскакивали на столы, переворачивались вместе с ними; оркестр неожиданно грянул "Когда я бродил..." Вэл Джонсон в одной рубашке выскочил на сцену.

— Корделия? Где ты? — Стивен разрывался на части. Наконец он махнул рукой на публику и бросился на поиски возлюбленной. "Стивен! Сюда!" — кричала она. Рядом, издав душераздирающий вопль, упала какая-то женщина. Пожар еще не разгорелся, но дикий зверь неудержимо рвался на волю.

Мэссингтон куда-то пропал. Стивен бросился догонять Корделию. Спотыкаясь и перепрыгивая через стулья, они почти добежали до лестницы; у нее сломался кринолин. Кто-то просил: "Не толкайтесь! У нас еще уйма времени!" Корделия переступила через кого-то, лежащего на полу: иначе не пройти. Ты либо перешагиваешь, либо падаешь сам.

Отовсюду слышался треск стульев; где-то вспыхнула драка.

На лестнице Стивен почти догнал ее. Скорее вниз — одна, другая, третья ступенька! "Не напирайте!"; "Смотрите под ноги!", "Осторожно — женщины!" Люди все равно напирали сверху, движимые одной мыслью — успеть спастись от пожара. Скорее на улицу, на свежий воздух! На лестничной площадке схлестнулись два людских потока.

Движение вниз прекратилось: люди мешали друг другу, возникла пробка.

Корделия оказалась зажатой между тремя мужчинами, не в силах шевельнуть рукой. Лопнул китовый ус; порвалась юбка. Ей сдавили плечи, спину, грудь, она едва дышала. "Прошу вас, — простонала она, — пожалуйста!" Давление чуточку уменьшилось; ей удалось несколько раз вдохнуть и выдохнуть. "Господи, если мне суждено умереть, прими мою грешную душу! Что это — стихи? Стивен!"

— Я здесь! — раздался благословенный голос Стивена. Но он был не в состоянии пошевелиться, не мог дотянуться до нее через чужие плечи. — Расступитесь! Подойдите немного назад! Назад! Прекратите наступать! Опасность невелика, если мы не поддадимся панике! Поднимитесь на несколько ступенек назад!

Что можно втолковать охваченному слепой яростью зверю, рвущемуся на волю? "О Боже! — выдохнул кто-то. — Я умираю! Выпустите меня отсюда!"

Упасть означало быть раздавленным; да и трудно было упасть зажатому со всех сторон. Но когда толпа снова ринулась вниз, Корделия почувствовала, что слабеет.

— Вы в порядке, мисс? — крикнули рядом. — Жарковато, не правда ли? Выше голову!

— Я в порядке, — ответила она и вдруг увидела, как у человека, который попытался ее ободрить, начал меняться цвет лица: от багрового до зеленоватого. У него закатились глаза, и голова безвольно свесилась на грудь, но он не упал — толпа понесла вниз его торчащее стоймя мертвое тело.

И так всю ночь, и так каждую ночь — огонь, и дождь со снегом, и свечи, и "Господи, прими мою душу!" Этот человек был приятелем ее отца — однажды в канун Рождества он...

Они уже были внизу. Жара — как будто сам воздух превратился в огонь; и этот страшный запах... люди низведены до уровня их химического состава... хруст костей... "Корделия!" У нее в глазах плясали огни. "В последнее мгновение моей жизни — хорошо бы в последний раз зайти в

крике. Боже, Боже, Боже! Отец Небесный, прости их, ибо не ведают..." Со стоном — дальше вниз. "Корделия, любимая!" — "Я здесь, Стивен!" Еще одна ступенька. Одна нога уже почти на земле, но где же земля? "Будь проклят ваш Бог и все святые! Дайте нам воздуху!" Что-то текло по крыльям носа — пот со лба! Она вся взмокла. Вокруг стоял стон. Стивен с кем-то боролся. Они завернули за угол.

Это было похоже на леденящее кровь побоище, когда мертвые и живые не находили места, чтобы упасть. Все же некоторые нашли место. Корделия чувствовала их у себя под ногами. Один из них чуть не увлек ее за собой, она с трудом отодрала от себя его мертвое тело.

Стало немного свободнее; Стивен достал до нее рукой; она судорожно втянула в себя пропитанный гарью воздух; что-то взорвалось в мозгу. "Корделия!"

Она упала на колени, но кто-то схватил ее за плечи, потащил чуть ли не на четвереньках — к выходу. Через разбитое стекло двери — на воздух! Рядом стонал Стивен. Корделия догадалась: ее спас один из служителей. Наполовину потерявшая сознание, она очутилась на свежем воздухе, ее окружал холодный, родной, тысячу раз благословенный туман! Стивен обнял ее за талию; Корделия в изнеможении прислонилась к стене.

Кругом были люди, еле различимые сквозь туман; они сидели на тротуаре, пошатываясь, стояли на дороге. Пожарные еще не прибыли. Рухнула одна из колонн; наверняка прибавилось раненых — если не хуже. Требовалась срочная медицинская помощь.

— С тобой все в порядке? Ответь: с тобой все...

— Ох, Стивен, — пролепетала Корделия. — Я... думаю, что да. А ты как?

Его лицо покрылось копотью; он где-то потерял сюртук; жилет и рубашка изорваны в клочья; он твердил, как безумный: "Я пытался остановить их... пытался остановить..." Он отпустил ее руку и спрятал лицо в ладонях.

Корделия только и могла, что стоять, прислонившись к стене, глубоко вдыхая туманный воздух.

— Где же огонь? — удивилась она. — Почему его не видно?

Стивен с трудом выпрямился и вздрогнул всем телом, словно пытаясь стряхнуть с себя наваждение.

— Я боялся, что с тобой что-то случилось. Клянусь всеми святыми! Ты уверена, что не ранена?

— Так, какие-то синяки. Скоро пройдет. Ох, Стивен, слава Богу! Это было ужасно!

Он обернулся и бросил взгляд на здание. Теперь, когда непосредственная опасность для обоих миновала, в нем взяли верх профессиональные интересы.

— Я должен взглянуть, что там такое. Давай, я посажу тебя в кэб. Поезжай домой.

— Не ходи туда! Ты ничего не спасешь. Я боюсь за тебя!

Из здания, пошатываясь, вышел человек — один из последних.

— Они лежат там! — истерично крикнул он. — Мертвые! Несколько дюжин! По всей лестнице! Я не могу этого вынести! Кто-нибудь видел моего брата? Он был как раз передо мной, но я не могу найти его.

— Прекратите истерику! — Стивен шагнул вперед и схватил его за плечо. — Иначе снова начнется паника.

Из тумана вынырнул кэб с двумя полисменами. Туда тотчас погрузили нескольких пострадавших.

— Я видел кэб за углом, — сказал Стивен. — Идем скорее.

И потащил Корделию в боковую улочку.

— Не знаю, на каком я свете, — пожаловался он. — Все наши чудесные планы! Корделия, если завтра я не смогу заехать за тобой, ты сможешь отправиться самостоятельно?

— Как скажешь. Только не возвращайся туда. Мне страшно. Или позволь мне остаться.

— Чтобы тебя начали допрашивать? Ни за что. Ради Бога, садись в кэб. Прошу вас отвезти эту даму в Гроув-Холл. Так быстро, как только сможете.

Стивен разрывался на части. Посадив Корделию в экипаж, он просунул голову в окно и спросил:

— У тебя есть адрес отеля, где я забронировал номер? Расписание поездов?

— Ты мне все записал.

— Ох, Делия, какой страшный вечер! Я-то надеялся...

— У меня такое чувство, будто я виновата...

— А, не в этом дело.

— Ты действительно хочешь, чтобы я завтра уехала?

— Да-да, больше ничего не остается. Ты была права насчет этого типа. Боже, какая неудача! Попадись он мне сейчас, я мог бы убить его!

— Будь осторожен, Стивен!

— Завтра я напишу тебе в Лондон, все новости. Держись отсюда подальше. Поезжай домой и ни о чем не волнуйся. До свидания, любимая. Мне нужно идти.

Он скользнул по ее губам быстрым поцелуем, и Корделия откинулась

на спинку сиденья дрожащая, измученная. Кэб тронулся с места, однако вскоре остановился. Кэбмен вышел с фонариком — посмотреть дорогу.

— Не знаю, в каком конце улицы мы находимся. — Он кашлянул. — Кажется, нужно повернуть направо. — Он взобрался на козлы, и они снова тронулись в путь.

Корделию тошнило от стоящего в носу, в легких запаха толпы; мутило от по-прежнему ощущаемых ею прикосновений множества рук. Во рту пересохло и горчило; на руках синяки; саднило колено; юбка изорвалась; волосы распустились. Никогда ей не забыть этих страшных минут; никогда она не будет чувствовать себя в безопасности в толпе; вечно будет жить в душе страх перед этим многоликим зверем. Она боялась за Стивена, но нервное истощение было так велико, что она позволила увезти себя подальше от этого места. И от Стивена.

Наконец по изменившемуся стуку колес она поняла, что карета подъезжает к Гроув-Холлу. Корделия инстинктивно выпрямилась и попыталась привести в порядок прическу, разгладить одежду. Что подумают слуги? Если бы можно было пробраться в дом незамеченной!

Она попросила кэбмена остановиться у ворот и заплатила ему. Пошатываясь, превозмогая боль, пошла по дорожке. Во всех окнах горел свет. Который теперь час? Она не имела понятия. Холлоуз еще не запер входную дверь.

Немного постоять на крыльце между двумя массивными колоннами, остудить голову о холодный мрамор. Достать платок, вытереть лицо — много ли на нем грязи? Заколоть волосы. Несчастный случай. Да, несчастный случай в тумане.

Корделия вошла в дом. Холл ярко освещен, но никого нет. Подобрать юбки, храбро устремиться вверх по лестнице. Завтра...

Показался дядя Прайди.

— Моя виолончель... Кто-то играл на ней и совсем спустил струны. Как вы думаете, это новая служанка — Флосси, Флорри, или как ее там?.. Что с вами, юная леди? Где вы были?

— Я попала в аварию, — запинаясь, произнесла она. — Мой кэб столкнулся с другим кэбом. Очень густой туман...

— Вы не ранены? Только не говорите мне, что вы ранены.

— Нет-нет. Просто мне нужно прилечь...

— Это чертовски раздражает, — пожаловался дядя Прайди, по-прежнему не сводя с нее глаз. — Другое дело, если бы в доме были дети... Дурные примеры заразительны. Вы не первая, кто явился в этот дом с единственной мыслью скорее прилечь. Вы, должно быть, знаете? Или

нет? — он нахмурился. — Боюсь, вы слишком увлеклись прогулками. Вы ведь ездили на прогулку? Не знаю и знать не хочу. Но теперь все будет по-другому. Брук вернулся.

Она тупо уставилась на дядю Прайди, как бы надеясь отыскать в его глазах признаки того, что он шутит. Но нет...

— Посмотрите на вашу юбку, — продолжал старик. — Все равно что зонтик, в который угодила молния. Но, знаете, никто не имеет права трогать чужие вещи. Придется держать виолончель у себя в спальне.

— Вы сказали — Брук?

— Наверху, лежит в постели. У него жар. Или озноб. Или что-то еще. Как всегда, чихает и кашляет — пришлось раньше времени вернуться домой. Он будет рад вас видеть, вы подержите его за руку...

Корделия поднялась по лестнице.

Глава XXI

Она вошла в их с Бруком общую спальню. Ее наполовину заполненный чемодан остался стоять в гардеробной — наверняка Брук уже видел его и, значит... Корделия чувствовала себя не в силах предстать перед мужем.

Он лежал в постели. Все тот же Брук. Тот же длинный, уязвимый нос, выющиеся за ушами волосы, устремленный вглубь себя взгляд, неестественный блеск в глазах — следствие высокой температуры или растущих подозрений?

— Корделия! — вскричал он. — Я думал, ты никогда не придешь. Где ты была?

— Ах, Брук, я не знаю... Я не ждала тебя сегодня, — она склонилась над ним.

— Не целуй меня. — У Корделии сжалось сердце, но Брук тотчас добавил: — У меня ужасная простуда. Поэтому папа отправил меня домой.

Она поцеловала его в лоб (поцелуй Иуды) — он весь горел. Заметил ли он что-либо?

— Что у тебя болит? Как обычно, горло?

— Нет, не то. — Он объяснил ей, что на прошлой неделе сильно простудился. Всю прошлую ночь прокашлял.

В поезде его бросало то в жар, то в холод.

— Необходимо срочно послать кого-нибудь в Полигон, — решила Корделия. — Роберт пропишет лекарство.

Обычное, почти материнское участие, выработавшаяся за два года привычка заботиться о Бруке.

— Я уже принял жаропонижающее, — пробормотал он, упорно отрицая возможность тяжелой болезни и в то же время всецело поглощенный своими ощущениями.

— Сейчас переоденусь, — сказала Корделия, — а потом пошлю кого-нибудь из прислуги. — Несколько секунд она выдерживала взгляд мужа. — Я попала в аварию, Брук. Мой кэб в тумане налетел на ограду.

— А? Это плохо. В восемь часов, когда я ехал с вокзала, был очень густой туман. У меня усилился кашель.

Ему было не до ее инцидента. Корделии стало нестерпимо стыдно.

Чемодан в гардеробной показался Корделии неммым свидетелем обвинения. Она даже не позаботилась закрыть крышку; кто угодно мог

догадаться о ее намерениях. Корделия повернулась к зеркалу. Ужас. Волосы заколоты кое-как; на лице бисеринки пота. Однако внутренне она успокоилась. Шок от приезда Брука уравновесил тяжкие испытания этого вечера. Она быстро умылась, переделалась, задвинула чемодан в угол. Ей было невдомек, каковы могут быть последствия возвращения мужа, да она и не думала об этом, а следовала привычной рутине; тело двигалось механически, без участия сознания. У Брука начался новый приступ кашля — густого, хриплого, лающего.

Корделия вернулась в спальню, но тотчас выскользнула из нее и сбежала вниз. В холле она столкнулась с тетей Тиш, та начала жаловаться на прислугу. Корделия быстро поздоровалась с ней и прошмыгнула мимо. На обратном пути тетя Тиш снова преградила ей дорогу. Пришлось терпеливо отвечать: "Да, тетя Тиш", "Нет, тетя Тиш", либо: "Хорошо, я с ними поговорю", — хотя она не вникала в суть жалоб. Скорей бы лечь в постель и забыть все случившееся в этот вечер.

Роберт Берч не замедлил приехать в Гроув-Холл. Не мог же он не откликнуться на призыв своих самых состоятельных пациентов. А возможно, не смел пренебрегать ими из-за истории с Маргарет. Высокий, сдержанный, ни красивый, ни безобразный, он вместе с Корделией поднялся наверх, поздоровался с Бруком, посетовал на туман. При виде врача Брук всегда превращался в комок нервов. Ему казалось, будто главное — убедить врача, что у него нет ничего серьезного, — тогда болезнь сама собой отступит. Роберт достал термометр и измерил Бруку температуру. 102° — хорошего мало, но опасно для жизни. У Брука, как у ребенка, по всякому поводу поднималась температура. Берч прослушал легкие и сказал:

— Нужно полежать несколько дней в постели. Не нравится мне твой кашель, Брук. Ничего серьезного, миссис Фергюсон. Требуется обильное питье. Как только рассеется туман, откройте окно и проветрите помещение. Если вы отпустите со мной слугу, я передам с ним микстуру. Утром я вас навещу. Спокойной ночи.

Корделия внимательно следила за выражением его лица. На лестничной площадке Берч повернулся к ней.

— Мне очень жаль, миссис Фергюсон. Боюсь, что у меня плохие новости. У Брука двусторонняя пневмония.

Она недоверчиво уставилась на него. Если часто кричать: "Волк!"... Но на Берча непохоже.

— Значит ли это...

— Это значит, что Брук тяжело болен — по меньшей мере. С его

сложением... А где мистер Фергюсон? Я имею в виду его отца.

— В Лондоне.

— Я пошлю ему телеграмму.

— Неужели так плохо?

Роберт Берч устремил взгляд глубоко посаженных глаз на стену.

— Хочу надеяться, что нет, но все может случиться. Как вы думаете, вам будет под силу заботиться о нем до утра?

— Конечно.

— Утром пришлю сиделку. Боюсь, что сегодня вам не сомкнуть глаз. Каждые два часа давайте ему глоток бренди. Если не будет ухудшения и вы не пришлете за мной раньше, утром заеду. В восемь часов.

* * *

"Вот и конец нашим мечтам о побеге, Стивен, — по крайней мере, сейчас. Только крысы бегут с тонущего корабля. Брук не сделал мне ничего плохого, если не считать того, что женился на девушке, прежде чем она поняла... Утром я напишу тебе, дорогой, ведь ты и сам не можешь покинуть Манчестер. Значит, отсрочка — на несколько дней, на неделю... или до тех пор, пока не объявится Дэн Мэссингтон. Может, он ранен? Я не брошу Брука в беде. Что, если эта болезнь станет решением проблемы? Чудовищная мысль! Я должна выдержать..."

"Хорошо, Брук... Это я, Корделия... Выпей эта..." Его постоянно лихорадило. Один раз он назвал ее Маргарет, однако в голосе не было любви. "Господи, как я устала, сейчас свалюсь. Нет, нельзя. Эта паника... крики... они до сих пор у меня в ушах... и в крови. Надеюсь, тот человек ошибся и никто не погиб. Неужели я действительно ступала по человеческим телам? Кажется, так и было. Ты либо сверху, либо внизу. Это никогда не сотрется из памяти." "Нет, Брук, тебе нельзя вставать, доктор Берч прописал постельный режим. К тому же еще ночь — видишь, темно?"

"Приедет ли Дэн Мэссингтон? А что с Вэлом Джонсоном? Завтра обо всем напишут в газетах. Расследование... Вызовут ли меня на допрос?" "Нет, Брук, это бренди, Роберт велел давать тебе понемногу... Его еще нет, он в Лондоне, разве ты не помнишь?" "Ах, если б чуточку вздремнуть!"

Наконец они с Бруком уснули — перед самым рассветом. Однако ненадолго — у него начался приступ кашля. Когда приехал Роберт Берч, на Брука было страшно смотреть.

Утро прошло в хлопотах. Берч настоял на том, чтобы они взяли дневную сиделку, а Корделия сможет дежурить по ночам. Нужно надеть на больного специальную шерстяную фуфайку. Брук с преувеличенным интересом, не без подозрительности, взирал на их приготовления. Теперь у него открылись глаза: он действительно тяжело болен — первый раз в жизни. Все прежние тревоги не стоили выеденного яйца: ангины, бронхиты, колики, несварение желудка... Он боялся спрашивать, чем болен: то был суеверный страх перед *словом*.

Сразу же после завтрака Корделия сошла вниз и попросила "Экзаминер", но оказалось, что дядя Прайди забрал утренние газеты к себе. Ей было некогда вторично выходить, и она подождала до обеда. Там выяснилось, что дядя Прайди забыл захватить их с собой. Корделия страшно устала, ей совсем не хотелось есть, а тетя Тиш чуть не уморила ее нескончаемыми советами насчет Брука.

Наконец Корделия позволила себе перебить ее:

— Дядя Прайди, в сегодняшних газетах есть что-либо из ряда вон выходящее?

— В газетах? О да. Разумеется. Какой-то невежда пишет о революционном характере творчества Верди. Сколько раз я собирался ответить этим проходимцам, да не хватало времени. Кстати, Тиш, ты не трогала мою виолончель?

— Я слышала, произошло нечто ужасное, — ответила старая дама на вопрос Корделии. — Об этом говорили на кухне. Вот что бывает с подобными заведениями.

— Какими заведениями?

— Мюзик-холлами, милочка. В каком-то театре случился пожар. Так рассказывали на кухне. Несколько дюжин человек сгорело до смерти. Пять пожарных машин... "скорая помощь"... и полиция...

— Никогда не следует писать о том, чего не знаешь, — проворчал дядя Прайди. — Естественно, в глазах черни любой гений кажется революционером.

— А вы, дядя Прайди, читали о пожаре?

— Что? Ах, да. Кажется, этот театр принадлежал приятелю Брука. Тому, с которым мы ездили на концерт.

— Мистеру Кроссли?

— Вот именно. Чепуха, Тиш, там никто не сгорел. Они погибли в давке, из-за возникшей паники.словно бегущий скот. Для толпы не существует доводов рассудка. Я только пробежал заголовки. Кажется, там написано — двадцать три человека.

— Двадцать три... раненых?

— Нет, погибших. Патти, эти тосты совсем как печенье. Вы их слишком тонко режете и поджариваете на чересчур медленном огне.

— Прошу прощения, сэр. Я скажу кухарке.

Корделия устала в свою тарелку.

— Двадцать три человека, — повторил дядя Прайди, пережевывая пищу. — Это почти вдвое больше, чем погибло во время резни при Петерлоо. Но никто не станет особенно сокрушаться. Коронер будет твердить о запасном выходе; присяжные внесут поправки... Никто палец о палец не ударит. Вот увидите, какой-нибудь месяц — и мюзик-холл снова засияет огнями.

— Там было... много раненых?

— Не знаю. Я это пропустил. Кажется, молодой Кроссли получил легкую травму. Приятный молодой человек, хотя и несколько самоуверенный.

Молчание.

— Я схожу за газетами, — Корделия встала, держась за стол и почти ничего не видя. — Где они?

— На моей тумбочке. Попросите Патти, если уж вам не терпится.

Корделия не слушала. Она должна увидеть собственными глазами. Дрожа всем телом, она опустилась на кровать дяди Прайди и сквозь слезы прочла следующее:

"В числе раненых..." Стивена там не оказалось. Слава Богу! *"Два года назад этот театр приобрел мистер Патрик Кроссли и подверг его значительным переделкам..."*

Корделии не удавалось держать газету так, чтобы не плясали буквы, поэтому она расстелила ее рядом на кровати.

"Мистер Кроссли в своем сегодняшнем интервью..." Значит, он жив и здоров? Но... который Кроссли?

Вот! *"Мистер Кроссли-младший ворвался в помещение театра вместе с пожарными. Он имел несчастье находиться на сцене в тот самый момент, когда часть ее провалилась. В настоящее время он содержится в "Королевском госпитале" с переломом ноги и множественным ссадин..."*

Снизу послышался шум. Кто-то приехал Мистер Фергюсон.

В том, что она прочитала, было мало хорошего — если не считать того, что теперь она знала: Стивен вне опасности. Корделия устала на крупные заголовки. *"Величайшая катастрофа из всех, какие когда-нибудь происходили в нашем городе"...* Показания очевидцев... Редакторский

комментарий... Списки погибших и раненых... Ее мутило, как будто смерть этих людей была на ее совести. По щекам бежали слезы, но то не были слезы раскаяния. Корделия плакала от огромного горя, усталости и сознания своей беспомощности. Она едва не потеряла сознание на виду у мышей и землероек, глазевших из клеток.

"Причина паники неизвестна, но предполагают, что ее виновником стал какой-то пьяный..."

"Нужно идти вниз. Ничего не случилось, мистер Фергюсон. Перед вами — преданная жена, почтительная невестка. Ваш сын опасно болен. Если вас пугает мой вид, так ведь я всю ночь ухаживала за ним. "Любовь изменила — отныне милей ей стал путевой обходчик..." Ах, эта песня не выходит у меня из головы. Должно быть, она и на смертном одре не оставит меня в покое."

Ложь и притворство. Но у нее нет выхода. Пока не объявится Дэн Мэссингтон — как собирался. Тогда все будет кончено. Она встретит опасность с открытым забралом — и, может быть, даже с облегчением. Честная, искренняя Корделия!.. Если бы все шло по плану, сейчас она была бы на пути в Лондон.

Она взяла газету, чтобы сложить ее; взгляд упал на колонку имен погибших. Не веря своим глазам, Корделия прочитала: *"Дэн Мэссингтон, Дауэр-Хауз, Олдерли-Эдж..."*

Глава XXII

Мистер Фергюсон приехал не в духе: его оторвали от важных дел. В каждом его жесте, каждом вдохе и выдохе сквозило раздражение. Но после встречи с Бруком и Робертом Берчем все изменилось. Ему стало стыдно и тревожно.

Он сразу же взял инициативу в свои руки. Послал Берча за доктором Плимли с Сент-Энн-сквер. Мистер Плимли, специалист по легочным болезням, внимательно осмотрел больного и поставил тот же диагноз: тяжелая форма двусторонней пневмонии.

— Я не сказал бы, мистер Фергюсон, что случай безнадежный, но также погрешил бы против совести, если бы пытался внушить вам сверхоптимизм. У вашего сына слабое сердце, а на него в ближайшие дни будут огромные нагрузки. Кстати, ни в коем случае не давайте ему патентованную микстуру от кашля. Потому что, как ни тяжело, но именно благодаря кашлю можно спастись от застойных явлений в легких. Доктор Берч был совершенно прав, прописав отхаркивающее. Пожалуй, я смогу дать вам более эффективное средство. Что касается всего остального, то успех лечения будет зависеть от самого больного. И от ухода. — Он улыбнулся Корделии — Огромное утешение — во время болезни иметь рядом любящее сердце.

После отъезда специалиста мистер Фергюсон вернулся в гостиную и застыл перед камином. Корделия осталась сидеть в своем кресле.

— Это я виноват в его болезни, — через силу произнес старик. — Брук уже несколько дней как простудился. Если бы я раньше отпустил его домой...

— В Лондоне о нем наверняка хорошо заботились.

— Все не так, как дома, вы же знаете. — Она хотела утешить, а получился мягкий упрек.

Корделия встала.

— Пойду, посмотрю, не нужно ли ему чего-нибудь.

— Сестра Чартерс здесь?

— Да, но она недавно приехала и, возможно, нуждается в подсказке.

— Сколько вы спали минувшей ночью?

— Не помню.

Не хватало, чтобы ее хвалили за преданность Бруку!

— Послушайтесь моего совета: пусть вам постелят в голубой комнате,

и сейчас же ложитесь. Ночью вам понадобятся силы.

— Хорошо.

"Но сначала напишу Стивену записку в госпиталь, всего несколько фраз. *"Стивен, дорогой, я все еще не уехала. Брук опасно болен, а Дэн Мэссингтон... он уже не придет... Меня очень беспокоит твоя травма, напиши, пожалуйста, как ты себя чувствуешь. Навещу сразу, как только смогу. Делия."*

— На фабрике все в порядке? — прервал ее мысли мистер Фергюсон.

— Вчера утром было в порядке. — Она пустилась в подробности.

— Прекрасно. Я рад, что вы нашли выход из положения. Жалко, что ваше первое самостоятельное дело так закончилось.

Уже в дверях что-то толкнуло ее сказать:

— Я прочла о смерти Дэна Мэссингтона.

Мистер Фергюсон вскинул бровь.

— Мэссингтона? Я даже не знал о его болезни.

— Он не был болен. Он... Его имя в списках... — Корделия сбивчиво объяснила, что случилось.

— В "Варьете"? Да, припоминаю: я видел заметку в лондонской газете. Это ведь мюзик-холл Кроссли, да?

— У меня не было времени прочесть статью целиком.

— Хорошо, что это случилось не в субботу, когда там бывает мистер Слейни-Смит. Думаю, Кроссли больше не жить в нашем городе.

Его невозмутимость подействовала ей на нервы.

— Мне очень жаль, что их постигло такое несчастье, — горячо произнесла она. — Уверена, они бы чувствовали то же самое, если бы это случилось с нами.

Но что толку? Он думал о своем.

— Что касается Мэссингтона, то не нам, добрым христианам, кого-либо осуждать. Естественно, я не желал ему плохого, но не хочу притворяться, будто его смерть для меня — огромная потеря. Он служил не очень-то большим утешением для своей сестры, когда она была жива, зато после ее смерти поднял такой шум, как будто мы заставили ее покончить с собой.

"А разве это не так?" — подумала Корделия, выходя из гостиной. — "Конечно, нет, — утверждали здравомыслящие люди по всей округе. Как можно было заподозрить в этом мистера Фергюсона — хозяина Гроув-Холла, советника, владельца фабрик и заводов, доброго христианина?"

* * *

Воскресенье не принесло каких-либо изменений в состоянии Брука, но к вечеру температура поднялась до 104°. Он всю ночь бредил. Корделия самоотверженно ухаживала за ним.

К утру Брук пришел в себя, но был очень слаб. Его тщедушное тело сотрясали сильнейшие приступы изматывающего кашля. Всего за два дня от него остались только кожа да кости. Теперь, когда он пришел в сознание, обыденные разговоры казались неуместными; все его существо было поглощено борьбой за выживание. Его глаза следовали за Корделией, но он редко открывал рот, чтобы что-то сказать.

После одного, особенно мучительного приступа он попросил:

— Дай мне то средство Уокера от кашля.

— Не могу. Роберт запретил.

— Его лекарство не помогает.

— Ты ошибаешься, дорогой. Врачи утверждают, что кашель, хоть и тяжело переносится, предупреждает застойные явления в легких.

Хрипы в его груди становились все громче.

— Сейчас начнется, — простонал Брук. — Дай мне — всего одну дозу! Никто не узнает.

Никто не узнает!

— Нет, Брук, не могу.

— Ты не хочешь, чтобы я выздоровел.

— Как раз для того, чтобы выздороветь, ты и должен придерживаться предписаний врача.

Наконец-то — сестра Чартерс. Корделия пару часов отдохнула и снова на ногах. Скоро приедет мистер Плимми. Тот дал понять, что Брук вряд ли переживет этот день.

После его отъезда к Корделии обратился мистер Фергюсон.

— Пожалуй, сегодня не поеду на фабрику. Отправлю им записку, — он бросил на, нее тяжелый взгляд из-под опущенных век. — Не отчаивайтесь, дитя мое. Где жизнь, там надежда. Мы делаем все, что в наших силах. Остальное в руках Господа. Я потерял... двоих сыновей. Мы возлагали на них большие надежды. Большие надежды... Это были прекрасные мальчики: умные, живые, никогда не болели... Я надеялся, что Бог избавит меня хотя бы от этой последней утраты. Пожалуй, следует созвать слуг и прочитать молитву. Когда люди вместе...

С вечерней почтой пришло кое-как нацарапанное письмо от Стивена.

"Любимая!

Благослови тебя Бог за твою весточку. Мне очень жаль, что так случилось с Бруком. Я думал, что ты уже в Лондоне, далеко от всего этого. Пожалуйста, уезжай как можно скорее. В театре было просто ужасно, настоящий ад. Меня не пускали, но я прорвался. Пожарные знай себе лили воду, как будто им отшибло мозги: ведь огонь уже давно погас — сам собой и очень скоро, голову даю на отсечение. Кругом была вода, но, что гораздо хуже, чувствовался запах газа — поэтому я пробрался на сцену. Но мощная струя воды сокрушила подпорки, и пока я шарил в темноте в поисках газовой лампы, часть сцены провалилась — вместе со мной. И вот я уже около недели нахожусь здесь.

Не открывай никому, что ты в тот вечер была в театре: это будет трудно объяснить. Я признался отцу, что мы должны были вместе покинуть Манчестер. Он был недоволен, но я убедил его, и в конце концов он пообещал доверить мне управление театром в Лондоне.

Конечно, сейчас ведется расследование; я еще и поэтому не хочу, чтобы ты была замешана. Я рассказал отцу все, как есть.

О, моя радость, как я жажду вновь увидеть тебя!

Стивен."

** * **

Брук пережил этот день. На него было страшно смотреть. Он не знал ни минуты покоя, если не считать одного-двух промежутков наркотического сна. Все остальное время он метался, срывал простыни, силился встать, жаловался на неудобные подушки. Его состояние было чем-то средним между беспмятством и полным сознанием. Можно было только диву даваться, какие ресурсы таил в себе этот слабый и, казалось, нежизнеспособный организм. Словно залежи спрятанной в недрах его существа энергии вырвались наружу; за день сгорали запасы, накопленные за многие годы.

К вечеру Корделию сменил мистер Фергюсон, но Бруку это не понравилось. Он полусидел, прислонившись к горе подушек, смотрел в темный угол и спрашивал о Маргарет. И только с приходом Корделии послушно лег на спину, как будто осознав границу между кошмаром и реальностью.

В полночь ему снова дали снотворное, и он немного поспал, а

пробудившись, внимательно следил за всеми движениями Корделии и позволил дать себе глоток бренди.

Потом он издал нервный смешок и произнес: "Когда я женюсь? Если я женюсь, ты хочешь сказать?" Пауза. Он вперил в Корделию мрачный взор. "Кто? Блейки? Ничего себе! Какой контраст — после Мэссингтонов из Олдерли-Эджа, не правда ли?"

Он говорил так отчетливо, словно находился в полном сознании, и это рвало Корделии сердце.

— Тихо, дорогой, не нужно столько разговаривать. Ляг, отдохни.

— Но я должен говорить, Корделия! Причем тут мистер Слейни-Смит? Нет, нам не нужна еще одна больная... До чего надоело валяться! Дай мне еще выпить.

Он только что хлебнул бренди, но Корделия дала ему еще — лишь бы перестал бредить. Брук беспокойно заворочался: ему было жарко в шерстяной фуфайке. И вдруг закашлялся. Корделия держала его, уверенная, что он скоро умрет. Когда приступ кончился, Брук взмолился:

— Поставь на тумбочку... микстуру от кашля... Понадобится... я возьму...

— Я уже сказала, Брук: тебе это вредно.

Чтобы отвлечь его от лекарства, она начала болтать всякую чепуху о доме и саде. Кроме того, это было нужно ей самой. Не так лезли в голову непрошенные мысли. Они налетали, точно стая стервятников, улетали и вновь возвращались. "Признавайся себе в этом или не признавайся, а Брук — помеха нашему счастью. С его смертью отпадут возражения отца Стивена, необходимость побега, опасность скандала и бесчестья. Брук никогда не любил меня, это был план его отца. Нет никаких сомнений, они досконально изучили подноготную нашей семьи, делая особый упор на здоровье. Чтобы не попалась вторая Маргарет. Хватит с нас болезненных женщин, теперь нам нужен кто-нибудь помоложе и покрепче здоровьем. Все равно, кто.

Я стала жертвой замысла, при котором не приняли в расчет мое собственное счастье. И если я стану искать свою дорогу к счастью, их мир сокрушит меня. Но это неважно. Все равно мое место — не здесь, а рядом со Стивеном, куда бы он ни направился. Наше хрупкое счастье... наша жизнь..."

— Господи! — выдохнула Корделия, очнувшись от грез. Она подошла к камину и поворошила поленья.

Не было никакого соблазна. Никакого импульса к действию. Одни лишь мысли, не дававшие ей покоя. Она представила себе — перед Бруком

лежит больная, беспомощная женщина, с черными волосами и тонким лицом, постоянно жалующаяся на свою жизнь, не пришедшаяся ко двору... а возле кровати стоит здоровый Брук, и эта женщина — помеха на пути к свободе...

Ее внимание привлек какой-то слабый звук. Корделия подняла голову и увидела, как Брук крадется к столу, на котором стоял пузырек с лекарством от кашля. Откуда только силы взялись? Он двигался, как призрак, приняв отчаянное решение.

Корделия вскочила на ноги, подбежала к нему и схватила за руку.

— Дорогой мой...

— Оставь меня в покое! — не крик, а дуновение ветерка; толкни — и нет его...

— Пожалуйста, Брук! — он рухнул, как подкошенный, ей на руки, но продолжал тянуться за бутылочкой. Чтобы он успокоился, Корделия вложила пузырек ему в руку и отвела его обратно. Для этого потребовались все силы. Брук повалился на кровать, дрожа всем телом и забыв о своей первоначальной цели. Корделия отнесла лекарство от греха подальше, вернулась к мужу, укрыла его костлявые ноги. Брук снова лежал на спине, обложенный подушками. Жизнь в нем еле теплилась. Он силился что-то сказать.

— Они... обещали... опубликовать мои стихи...

— Я очень рада, Брук. Уверена, они будут иметь успех.

— Нагнись, я... — она наклонилась к нему, он прошептал: — Мне очень жаль... столько хлопот, дорогая... туман вреден...

— Да. Очень вреден.

— Я не составил... завещания, Делия. Как-то... боялся... Но папа... позаботится... чтобы все было в порядке.

— Да, дорогой. Но ты поправишься.

— Слишком поздно. Я так устал. Вы с папой... поладили друг с другом, да?

— Да, — ответила Корделия.

— Я рад. Ты не такая, как... Маргарет. Она... не пыталась понять отца. Он очень добр... если попробовать понять...

— Конечно, дорогой. Но тебе вредно столько разговаривать.

— Я должен... Я люблю тебя, Делия... хочу, чтобы ты была счастлива. Когда я уйду... я уже не увижу солнца.

— До рассвета всего два часа, — возразила она.

— Не плачь, дорогая. Все будет... хорошо. Прошлой ночью... во сне... я пил чай в саду... с мамой. Она была совсем молодая... как будто... Она

сказала: "Наконец-то, Брук. Я ждала тебя".

Он некоторое время молчал, сжимая ее руку. Прощальное пожатие. Время от времени его рука дергалась. Потом он попросил:

— Поцелуй меня, Делия.

Она снова наклонилась и исполнила его просьбу.

— Ты славная девушка, — прошептал Брук. — Слишком хороша для меня. Возможно, ты снова... выйдешь замуж... у тебя будут дети... Я не возражаю.

— Хочешь, я позову отца?

— Нет. Так лучше... с тобой. Подержи меня за руку, Делия. Я... Отец Небесный, прими раба Твоего... Это совсем не страшно. Я умираю...

Его пожатие ослабело, и он провалился в сон. Холодный пот на его лице высох; рот остался открытым. Корделия сидела рядом и наблюдала за ним. Иногда до нее доносилось его слабое дыхание.

Когда утром приехал мистер Плимли, он сказал, что температура начала снижаться и появилась слабая надежда на выздоровление.

Глава XXIII

Еще пять дней положение оставалось критическим. Преодолев, с поразительной цепкостью, главное препятствие, Брук оказался неспособным двигаться дальше. Огонек его жизни едва мерцал и постоянно грозил угаснуть, но каким-то чудом продолжал гореть.

Все с той же самоотверженностью, в основе которой, помимо всего прочего, лежала и нечистая совесть, Корделия выхаживала Брука так, словно от этого зависела ее собственная жизнь. Она еще раз написала Стивену; он ответил, что здоров и только ждет, чтобы срослась кость. Тогда его станут вызывать на допросы.

К следующему понедельнику появились первые признаки выздоровления. Брук начал принимать пищу. Корделия решила, что может позволить себе попытку увидеться со Стивеном. В ней подспудно жило подозрение, что он преуменьшает свои страдания, чтобы не причинять ей беспокойства. Мистер Фергюсон уехал на фабрику; Корделия доехала до Пиккадилли и, отпустив карету, пешком дошла до госпиталя. Ей сообщили, что мистер Кроссли вчера выписался.

Корделия растерялась.

— Он оставил адрес?

— Да, мэм. Он уехал домой. Вот, пожалуйста.

— Спасибо, я знаю, где он живет.

Вновь очутившись на улице, Корделия заколебалась. Удобно ли навестить Стивена? Вдруг там окажется его отец? Но ведь он и так все знает. Может быть, ей удастся развеять его предубеждение? Все равно эта новость скоро станет достоянием гласности.

Ей долго не удавалось найти кэб, и она подъехала к дому Стивена около четырех часов. Нужно поторапливаться, чтобы успеть вернуться домой раньше мистера Фергюсона.

Девушка, открывшая дверь, с хорошо усвоенной невозмутимостью посмотрела на нее.

— Скажите, пожалуйста, мистер Кроссли дома?

— Да, мэм. Как прикажете доложить?

Корделия подождала несколько минут в гостиной, а затем вслед за горничной поднялась наверх. Сердце бешено колотилось в груди: наконец-то она его увидит!

Стивен лежал в постели. При виде Корделии на его лице вспыхнул

румянец; она еще не видела, чтобы он так краснел. Пока не ушла горничная, они держались официально; Стивен выказывал легкую тревогу. Потом они очутились друг у друга в объятиях.

— Любимый!

— Делия! Я не ожидал... Откуда ты узнала?..

— Я была в госпитале. — Что-то в его голосе побудило ее объяснять дольше, чем было нужно. Он был все так же красив и энергичен, не то что Брук. Не болен, только ранен, это большая разница.

— Я вчера выписался. Но, Делия, ты немного поспешила с приездом. Я тебе написал...

— Это имеет какое-то значение? Твой отец здесь?

— Нет, но он может нагреть. Расскажи мне в двух словах... Как Брук?

— Немного лучше. Ну, не дуйся.

— Не хочу лицемерить. Могу поклясться, это ты своими заботами вытащила его из могилы.

— Я лишь выполняла свой долг. Это была ужасная неделя.

Он взял ее руку в свою — теплую, с красивыми длинными пальцами.

— Могу себе представить. Бедняжка!

— Не будем больше об этом говорить. Я так боялась, что твоя рана опасна!

Он засмеялся.

— Я бы выписался на другой день, если бы не нога. И вот теперь беспомощен, как бабочка, пришпиленная к листу бумаги. Еще несколько недель постельного режима. Делия, мне никогда не забыть тот ад!

— Как вышло, что... Дэн Мэссингтон?..

— Рассказывают, его нашли на лестнице. Делия, сегодня вечером я жду полицейского инспектора, они ищут козла отпущения. Не хочу тебя впутывать. Потом я дам знать...

— Да, дорогой. Напиши мне.

— Просто ужасно, что ты снова должна уходить. Я постоянно думаю о тебе — и вот теперь, когда ты рядом... Как скоро ты сможешь оставить Брука?

— Пока еще не могу. Он тяжело болен и полностью зависит от меня. Если я брошу его в таком состоянии, с ним может случиться удар.

— А ты не думаешь, что я тоже нуждаюсь в уходе?

— О да, — Корделия улыбнулась. — Я бы с удовольствием. Через несколько недель...

— Они ничего не заподозрили?

— Им не до того. Брук был при смерти, и его отец совсем извелся. На какой день назначено судебное разбирательство?

— На пятницу. Уезжай от Фергюсонов, пока им ничего не известно. Номер в гостинице все еще за тобой. Уезжай как можно скорее!

Они ненадолго замолчали и вдруг, почувствовав, что у них мало времени, заговорили быстрее:

— Стивен, ты уверен, что все будет хорошо?

— Конечно.

— Ты все еще... хочешь действовать, как мы условились? Ничего не изменилось?

— Силы небесные, неужели ты думаешь, будто что-то может измениться? Иди ко мне, девочка моя, а то мне до тебя не дотянуться. Эта нога меня доконает. Корделия, ты мне веришь?

Ее лицо озарилось улыбкой.

— Конечно, верю. — Если он говорит, что все хорошо, значит, так оно и есть. — Ну, я пойду. Извини, что пришла не в самое удобное время. Впредь буду предупреждать за три дня.

Он отвел взгляд.

— Завтра вторник. Приезжай в четверг. Сможешь?

Она открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь спальни отворилась и вошла высокая смуглая женщина в шляпе и накидке.

— Ах, извините! — преувеличенно вежливо воскликнула она. — Я не знала, что у тебя гостя. Я была в городе. Э... Стивен, ничего, что я вошла?

После секундного замешательства он резко произнес:

— Это частный разговор. Зайди минут через пять.

Женщина была красива — волосы разделены прямым пробором; шляпа слегка сдвинута назад; в огромных черных глазах застыло враждебное выражение. Белокурая женщина также была очень хороша собой — светлые кудряшки; красивые серые глаза, опущенные золотистыми ресницами, сузились от удивления.

Поздно что-либо исправить — правда вышла наружу.

— Вы миссис Фергюсон? — спросила Вирджиния.

— Да.

— Я так и думала.

— Боюсь, я не знаю, кто вы.

— Стивен, ты нас не познакомишь?

Он с горечью смотрел в пространство перед собой.

— Корделия, я женат, — вернее, был женат, — и это моя жена. Я давно хотел сказать тебе. Это не имеет ни малейшего значения: мы уже несколько

лет не живем вместе — и я ее не приглашал. Она приехала затем...

— Я узнала о болезни Стивена, — перебила Вирджиния. — В конце концов, я его жена, вот и решила поухаживать. Вы же ухаживаете за своим мужем, правда? Стивен не слишком возражал. Полагаю, ему нравится иметь в доме женщину — люблю. Когда я приехала...

— Вирджиния! Уйдешь ты или нет? Мне нужно поговорить с Корделией. — Стивен был зол, возбужден, обеспокоен. — Вот как это вышло. Всякий раз, когда я собирался тебе сказать...

— Давно мечтала с вами познакомиться, миссис Фергюсон, — снова перебила Вирджиния. — Когда несколько месяцев назад Стивен впервые упомянул о вас, я подумала: неужели мы трое не можем побеседовать, как интеллигентные люди? Кстати, и ваш муж... Что он обо всем этом думает? Или он до сих пор не знает?

— Если ты не оставишь нас в покое, — прорычал Стивен, — я вызову слуг...

— Нет, пожалуйста, — пролепетала Корделия. — Мне нужно идти. — "Сейчас же бежать отсюда!"

— Нет, Делия! Еще не пора! Я торопил тебя, чтобы избежать этой встречи, но теперь уже все равно. Я должен объяснить все с самого начала, иначе ты не поймешь. Это долгая история. Вирджиния для меня никто...

— Если не считать, что я его жена.

— Стивен, я пойду, — тихо сказала Корделия. — Как-нибудь в другой раз...

— Выслушай меня! — он силился подняться, но со стоном повалился на подушки. "Повернуться к нему? Слушать, слушать, верить всему, что он скажет?.." — Я был неправ, скрывая от тебя, но... Корделия, ты слышишь? Я не мог помешать ей приехать!

— Послушайте, — вмешалась Вирджиния; на ее губах застыла кривая улыбка. — Вам незачем расстраиваться. Я оставлю вас одних. Если вы питаете к нему такие чувства, дайте ему возможность объясниться.

— Мне не нужны объяснения! — горячо воскликнула Корделия.

"Немедленно выбраться отсюда!" Она ринулась к двери.

— Корделия!

— О, пусть уходит! Она вернется — твои женщины всегда возвращаются!

Скорее — на лестничную площадку! Стивен что-то кричал вслед, то ли требуя, то ли умоляя. На этот раз его постигло разочарование: эта женщина не вернется. Только бы не упасть. Вниз по лестнице...

Она споткнулась о последнюю ступеньку. Горничная: "Могу я вам

помочь, мадам?" — "Нет, благодарю вас." Открыть парадную дверь. Спокойным шагом дойти до калитки — горничная смотрит вслед. Закрыть ее за собой. "Ну вот, я уже на улице. Боже, пошли мне кэб! Какой ужасный день! Уже смеркается..."

Корделия прошла несколько шагов и увидела подковообразную деревянную скамью под раскидистым деревом. Она присела, чтобы успокоить свои мысли, дыхание, сердце...

* * *

Никогда еще ей не было так плохо: ни во время душераздирающей борьбы с самой собой, своими чувствами, ни в период тяжелых испытаний, связанных с болезнью Брука. Тогда ее поддерживало сознание того, что она любит и любима. Теперь эта броня пробита, смята, точно тонкая фольга.

По возвращении домой ее ждало письмо, а немного погодя пришло еще одно — сплошные оправдания. Стивен объяснял ей причины своего молчания. Он утаил от нее свой брак, потому что сомневался в ее любви, боялся потерять ее. Хотел открыться — и всякий раз откладывал до более подходящего случая.

"Что до Вирджинии, — писал он, — то ее приезд был инициативой отца. Она ровным счетом ничего не значит для меня — вот уже несколько лет. Встретив и полюбив тебя, я просил ее о разводе, и потом еще много раз пытался убедить ее. Сначала она пообещала подумать и через три месяца дать ответ, потом вытребовала еще полгода. Когда, выписавшись из больницы, я застал ее в своем доме, то испугался, что, прогнав ее, ничего не добьюсь; быть может, несколько дней потерпев ее присутствие, я смогу уговорить ее. Как бы то ни было, это не может помешать нашей любви. Да, сейчас она является преградой — такой же, как Брук, — но мы любим друг друга, и ничто не может омрачить наше взаимное чувство, если только мы сами будем верны ему. Через какой-нибудь месяц мы уедем — и пусть весь мир катится в тартарары. Напиши, пожалуйста, чтобы я знал, что ты меня простила. До тех пор мне не знать ни минуты покоя.

С искренней любовью, Стивен."

"Ах, Стивен, — подумала она, — все это разумно и правильно, если не считать того, что в таких делах решает не разум. Пожалуй, я даже предпочла бы, чтобы в твоих объяснениях было меньше логики."

Ей страстно хотелось верить всему, что он написал, одна часть ее существа чувствовала себя униженной, сломленной, тогда как другая жаждала любой ценой избежать одиночества сердца.

Брук с каждым днем все увереннее цеплялся за жизнь, постоянно делая успехи. Невыносимо трудное время. Корделия сама неважно себя чувствовала, изнуренная самоотверженным трудом, волнениями и душевной болью. Возобновилось и закончилось следствие по делу о пожаре. Эта трагедия потрясла город, и власти готовились принять крутые меры. Ввиду огромных издержек на ремонт и чтобы предотвратить грядущее бесчестье, Кроссли-старший вел переговоры о продаже театра.

Скандал так и не разразился. Корделия была так подавлена, что ей было все равно, но случай и смерть Мэссингтона помогли ей остаться вне подозрений.

Спустя несколько дней Стивен снова написал, но она не ответила. Корделия понимала: с его точки зрения ее позиция уязвима. В конце концов, его брак — ничуть не большая помеха, чем ее собственное замужество. Он все объяснил — и считал, что этого достаточно, чтобы положить конец недоразумениям. Но она не могла простить ему неискренность. Это было нечто фундаментальное, жизненно важное. Их близость была такова, что не допускала существования тайн — по крайней мере, с ее стороны.

Опять же, раненая гордость. Последняя реплика Вирджинии оказалась солью на рану: "Она вернется, все твои женщины возвращаются!"

Корделия понимала: молчанием она лишь оттягивает развязку. Как только Стивен встанет на ноги, он явится сюда и потребует ответа. А до тех пор нужно сосредоточиться на уходе за Бруком. Только после его выздоровления она сможет сделать свободный выбор.

Временами она чувствовала себя обманутой — буквально всеми; ее собственная ложь не шла ни в какое сравнение с их ложью. Ей хотелось бежать — не со Стивеном, но от цинизма окружающего мира.

Роберт посоветовал, как только Брук поправится, увезти его отсюда. Еще одно письмо от Стивена.

"Если бы ты только знала, в каком чистилище я нахожусь, как ужасно одинок — не зная, что ты делаешь, что думаешь, не получая ни единой весточки. Разве я не сумел убедить тебя в том, что все, что мною делалось, делалось ради любви, из страха потерять тебя? Трудно выразить в письме все то, что я в пять минут сказал бы тебе при встрече. На будущей неделе я смогу ходить, так что, если до тех пор ты не появишься, я приеду в Гроув-Холл — и Фергюсоны всей земли меня не

остановят!"

В первый день, когда Брук смог сойти вниз, они пили чай в гостиной, а после этого Корделия, как обычно, читала ему вслух. В этой просторной комнате он казался особенно изможденным.

Брук сказал:

— Корделия, ты необыкновенная сиделка! Ты вытащила меня из могилы. Я никогда не смогу отблагодарить тебя за все, что ты для меня сделала.

— А, пустяки. — Корделии стало стыдно.

— Нет, не пустяки. Ты вела себя просто героически. — Он немного помолчал. — Надеюсь, овчинка стоила выделки.

Корделия отложила книгу.

— Через какой-нибудь месяц ты будешь совсем здоров.

— Я и прежде постоянно болел; так будет всегда. Жалко, что мне не удается нормально поспать.

— Сон вернется, когда ты еще немного окрепнешь.

— Мне не удалось пристроить книгу дяди Прайди. Никто не проявил интереса. Все-таки, прежде чем садиться за научный труд, нужно позаботиться о соответствующей подготовке.

— Он так надеялся!

— Мои стихи выйдут в свет в феврале. Я получил письмо.

— Поздравляю. Теперь тебе есть чего ждать, не правда ли?

Брук хмуро уставился в огонь.

— Странно. Одной из главных забот Маргарет была бессонница. Я же в ту нору спал, как убитый. Забавно, да?

— Говорят, она принимала какие-то таблетки?

— Да, снотворное, — он бросил на нее быстрый взгляд. — Значит, ты об этом слышала?

— Во всяком случае, в этом доме, — Корделия не смогла скрыть горечь, — мне никогда ничего не рассказывали.

— Да. Папа решил, что чем меньше об этом знают, тем лучше. Не хотел тебя волновать.

— Чем именно?

— Ну, знаешь, не очень-то приятно для молодой жены войти в дом с таким печальным прошлым. Может, у нас есть свои недостатки, но, согласишься, это было тактичным решением.

— Это было только *печально* прошлое, Брук?

— Ты имеешь в виду финал истории? Ну, не знаю. Нам не хотелось трубить о своих бедах на всех перекрестках.

— Правда, что дошло до судебного разбирательства?

Брук удивленно посмотрел на жену.

— Да, правда. Накануне ее смерти Роберт как раз дал ей новую коробочку со снотворным. Там было двадцать таблеток, а наутро оказалось всего четыре. Я понятия не имел, куда они делись, даже не знал об этой новой коробочке. Знал, что она иногда принимала дополнительную дозу — ночью, если первая не действовала. Папа тогда находился в Олдхэме, иначе он мигом положил бы конец слухам. Ты ведь знаешь, как это бывает. Стоит возникнуть сплетне, — и пошло-поехало! Всегда находится кто-то, кому выгодно распространять небылицы.

— Какие небылицы?

— Ну, что она покончила с собой.

— Откуда ты знаешь, что это не так?

— Делия, почему тебя это так волнует?

— Расскажи, как удалось остановить следствие.

Брук с минуту занимался заусеницей на пальце правой руки.

— Те таблетки нашлись. На следующий день я обнаружил их в бюро. Она заложила их в какую-то старую коробку. Я сам виноват. Мне следовало догадаться. В последнее время она стала очень мнительной и вечно все прятала. Мы до сих пор не нашли некоторых ее вещей — и, видимо, уже не найдем.

Корделия промолчала.

— Дневник, например, — продолжал Брук. — Ты как-то упоминала о нем. Еще какие-то хозяйственные счета... подаренные мной серьги... Господи, как хорошо, что все это уже позади!

Значит, таблетки отыскались. А мистера Фергюсона в те дни не было дома.

— Решив скрыть это от меня, — не без раздражения произнесла она, — вы не подумали о том, что я все равно узнаю — из других источников?

— Разве до тебя что-то дошло?

— Вы думали, я никогда не повстречаю Дэна Мэссингтона?

— Ах, Дэн, — презрительно молвил Брук. — Да, он просто исходил злобой. Это было видно невооруженным глазом.

— Должно быть, ты знал его лучше меня.

— Конечно. Но не хочешь же ты сказать, что поверила его рассказам?

— Я сама не знала, чему верить.

— Почему же ты не пришла и не спросила?

В самом деле — почему? Да, наверное, потому что не любила...

— Я пробовала закинуть удочку, но ты уклонился от ответа.

— Извини, — сказал Брук, — Я уже не помню. Кажется, отец решил тебя оградить. Мне и в голову не приходило, что тебя это тревожило. В сущности, это не имело значения.

Не имело значения. А другой решил, что брак не имеет значения. Неужели никому не хватило воображения, если не совести, чтобы представить ее чувства?

— Дэн Мэссингтон сказал, что Роберт Берч должен отцу крупную сумму денег и поэтому помог замять эту историю.

Брук усмехнулся.

— Делия, Роберт не такой человек. Тебе бы следовало знать. Ведь именно он не умолчал о своих сомнениях, когда увидел, что не хватает таблеток. Правда — когда освободилась эта практика, папа помог ему приобрести ее. Он уже выплатил половину долга. Но уж кому-кому было говорить такое, только не Дэну. Знаешь, сколько папа одолжил ему самому? За пять лет — около шестисот фунтов!

— Но почему?

— Дэн вечно был в долгу как в шелку, а у папы принцип: не оставлять родственников в беде. Он считает, что нужно дать человеку шанс начать жизнь сначала. Он дважды оплачивал долги Дэна, но вряд ли дождался благодарности.

* * *

Корделия сидела в спальне перед зеркалом, расчесывая волосы. Брук, как обычно, в восемь часов лег и теперь наблюдал за ней. Это были самые приятные минуты.

Вдруг она положила щетку для волос и расплакалась. Брук растерялся. За всю их совместную жизнь он еще не видел, чтобы она плакала — во всяком случае, так горько.

— Что с тобой? Ты нездорова?

Корделия не ответила, а продолжала сидеть, пряча лицо в ладонях.

— Что с тобой? — повторил Брук. — Ты больна?

Она уронила голову на руки и продолжала рыдать.

Удивление Брука сменилось тревогой. Он сел на кровати и откинул одеяло.

— В чем дело, Делия? Ты можешь что-нибудь сказать? Делия!

Она не ответила. Весь дрожа, Брук с трудом поднялся и направился к ней.

— Ради Бога, что случилось?

— Уходи, Брук, — приглушенным голосом пробормотала она. — Оставь меня в покое.

Но, хотя Брук частенько бывал раздражительным, он умел временами проявлять терпение. Он обнял ее за плечи.

— Скажи мне, родная.

Корделия встала и бросила на него сквозь слезы полувраждебный взгляд. Затем быстро отошла к окну, стараясь заглушить рыдания. Но они прорывались наружу, сотрясая ее тело. Брук, закусив губу, смотрел на жену, уверенный, что это он ее обидел и не зная чем.

Выждав немного, он налил в стакан чуточку бренди и разбавил водой. Корделия немного успокоилась и залпом опорожнила стакан. После чего вернулась на свое место перед зеркалом и снова спрятала лицо в ладонях; белокурые распущенные волосы полностью его скрыли. Брук надел халат и опустился рядом с ней на стул.

— Расскажи, в чем дело.

Молчание. Брук начал сердиться.

— Послушай. Если я тебя обидел, мне очень жаль, но я не могу здесь сидеть всю ночь. Если не хочешь поделиться со мной, почему бы тебе не лечь спать? Наверное, ты переутомилась.

— Нет, это не переутомление, — прошептала она.

— Тогда какого черта...

— Ты действительно хочешь знать?

— Ну конечно.

Она медленно подняла голову, отбросила волосы назад и впилась в лицо мужа странным, напряженным взглядом.

— У меня будет ребенок.

Никогда ей не забыть выражения его лица. Не в силах этого вынести, Корделия, комкая платочек, снова отошла к окну. Как сказать все остальное? А сказать необходимо — и как можно скорее.

— Корделия, — пробормотал Брук, — ты уверена? Абсолютно?

— Да, — ответила она. — Конечно же, я уверена, — на самом деле полное осознание этого факта пришло к ней всего десять минут назад. — Но я должна сказать тебе кое-что еще. Ты должен выслушать меня...

Брук дрожал от возбуждения.

— Господи, да это же самая лучшая новость, какую ты могла мне сообщить! — он схватил жену за плечи. — Ох, милая, ты не

представляешь, как я счастлив! Для меня нет большей радости на свете! Почему ты сразу не сказала? Давно ты это поняла?

Набраться мужества и выпалить все до конца! Но этот леденящий страх... нервное истощение... а Брук настаивает...

— И из-за этого ты плакала! Да, я понимаю. Иногда женщины плачут... А я-то думал, что обидел тебя! Значит, это случилось перед моим отъездом? Господи, как папа обрадуется!

Она подняла заплаканное лицо. У Брука был такой вид, словно он получил сказочное наследство. Нет, больше — к нему словно вернулась жизнь!

Корделия с трудом разлепила губы.

— Это случилось в твое отсутствие...

— Интересно, папа уже лег? Обычно он не гасит свет до одиннадцати. Сейчас же пойду его обрадую.

— Брук, я должна тебе еще кое-что сказать.

— Еще один Фергюсон, а? Папа всегда мечтал о внуке. Это просто... Ох, дорогая, я понимаю твое смущение, но... не могу удержаться. Ты ведь и не ожидала другой реакции?

Он отвернулся, чтобы идти, и вдруг, словно что-то вспомнив, резко повернулся к Корделии и неловко поцеловал ее. Потом стал всовывать ноги в комнатные туфли.

— Куда ты? — истерически крикнула она.

— Посмотрю, может, у папы еще горит свет.

— Брук, не теперь же!

— Именно теперь! — он улыбнулся и пошлепал к выходу.

— Брук! Ты не должен этого делать!

— Ничего подобного. Прости, если я оскорбляю твою стыдливость, милая, но я просто обязан ему сказать! Я мигом. — Он открыл дверь. — Бр-р! Как здесь холодно. Да, кажется, у него под дверью свет. Господи, как он удивится!

— Брук!

— Что?

Он уже стоял в коридоре. Бледное, доброе лицо осветилось торжеством, какого Корделия еще не видела. Он ждал.

— В чем дело, дорогая?

Она без сил опустилась в кресло, подыскивая нужные слова, но они никак не приходили. Брук немного подождал и исчез. К горлу Корделии подступила тошнота и одновременно — приступ истерического хохота. Она подавила и то, и другое. И снова, вся дрожа, схоронила лицо в ладонях.

Глава XXIV

"Наглый обман. Вот как это называется. Двурюшничество. Мерзкое притворство. Неужели они поверят? И что теперь делать?"

Ты пыталась открыть Бруку глаза? Да, пыталась. Начала фразу, но он постоянно перебивал. Тогда почему ты сама не перебила? Если люди чего-то по-настоящему хотят... Ты действительно хотела?

Я не могу развестись с Бруком. Иначе мое дитя станет незаконнорожденным. Клеймо на всю жизнь. Позорный пробел в свидетельстве о рождении. Немыслимое пятно. Общество беспощадно к согрешившим родителям, но при чем тут дети? Изгой, прокаженный — вот какая участь его ожидает. Помню историю Салли Фармер. Когда все узнали... А ведь гораздо хуже, если родится мальчик..."

Если бы не истерика, ни за что не открылась бы Бруку. Это было чистым безумием — не подумав, не взвесив... Ей вдруг захотелось сказать ему правду, схлестнуться лицом к лицу: ах, ты хочешь знать? Тогда приготовься к худшему! Но в последний момент его сияющее лицо опрокинуло ее планы. С тех пор она несколько раз была на грани признания. Пусть ее выгонят из дома! Она не пойдет к Стивену — и даже к своим родным. Укроется где-нибудь... Ей не раз приходилось читать о подобном в книгах. Преступная мать с ребенком бредет сквозь метель... Правда, сейчас нет никакой метели, только дождь, и ребенок еще не появился на свет.

Жизнь сыграла с ней злую шутку. Она до сих пор продолжает участвовать в пошлой мелодраме. Вместо позора и всеобщего презрения...

— Дитя мое, — сказал мистер Фергюсон. — То, о чем сообщил мне Брук вчера вечером... неужели это правда? Вы не можете себе представить, какое это счастье. В силу множества причин, о которых мне не хотелось бы распространяться, преимущество для меня — главное в жизни.

Это были те самые полчаса, в которые он обычно занимался домом, но сейчас все было забыто. В холодных, как сталь, глазах мистера Фергюсона светилась доброта, чуть ли не обожание. "Легко сказать — открой правду. Нет, это невозможно! Но долго ли я выдержу? Почему они не могут отнестись к этому спокойнее?"

Мистер Фергюсон встал.

— Мой отец основал красильню. Я рассказывал, как мы переселились в этот город?

— Нет.

— Мой дед был фермером в Карлайле. Он прослышал о необыкновенных возможностях, какие человеку представляет большой город, и решил переехать сюда. Я тогда еще был совсем маленьким. Это было грандиозное событие — почти как эмиграция в чужую страну. Мы плыли пароходом; путешествие заняло целых две недели. В конце концов судно село на мель; пришлось взять лодку и грести последние двадцать миль до Ливерпуля — в шторм, в открытом море. Мама рассказывала, что все до одного — даже гребцы — страдали морской болезнью. От Ливерпуля мы ехали сюда в неудобной повозке. У нас было мало денег, но дедушка открыл магазин и за короткое время скопил достаточно средств, чтобы приобрести земельный участок возле реки и заложить красильню. Фабрика в том виде, в каком она существует сейчас, была построена уже тогда, когда я женился. На словах все выходит легко, а на деле это были тяжкий труд и пот, борьба, планы, долги, строительство... Стоит ли удивляться, что моим самым сокровенным желанием всегда было знать, что эти усилия не затрачены впустую — что новый член семьи, плоть от плоти и кровь от крови нашей... "А Стивен? Как быть со Стивеном?"

— Для меня сейчас лучше всего было бы уехать, — слабым голосом проговорила она. — Должно быть, я переутомилась, ухаживая за Бруком. — (Месяца будет мало — год. Время на размышление...)

— Признаюсь вам, что, как это ни глупо с моей стороны, я уже на такое и не надеялся. Поэтому и стал приобщать вас к бизнесу. По крайней мере, еще какое-то время продержалось бы наше имя. У меня всегда было чувство, что Брук не доживет до старости. Может быть, я ошибся. Поневоле вспомнишь: скрипучее дерево...

Питал ли он подлинные чувства к Бруку или смотрел на него как на орудие для достижения своей цели?

— Ваши... другие сыновья, мистер Фергюсон... Сколько им было лет, когда вы их потеряли?

— Что вы сказали? — он неодобрительно надул губы. — Да. Их обоих унесла скарлатина. Одному было семь, а другому всего четыре. Страшный удар. — Корделия поняла, что он не хочет, чтобы ему напоминали об этом.

Одно дело — проявить слабость, когда на него обрушилась болезнь Брука, и другое...

— Простите...

— Мы возлагали особенно большие надежды на старшего, Вогена. Господь странным образом являет волю свою. — Мистер Фергюсон покачал головой. — Ну ладно. Это старые болячки. Нужно смотреть в

будущее. Оно светло и прекрасно.

Светло и прекрасно. Отныне ей предстоит стать маткой в улье: ее будут лелеять, оберегать, баловать...

Мистер Фергюсон — сама доброта. Надолго ли? Что, если до него дойдут какие-нибудь слухи? До сих пор ей было все равно... Возможно, Мэссингтон не единственный, кто мог видеть ее со Стивеном. Рано или поздно их ушей коснется сплетня...

Он сама доброта. Смерть Маргарет произошла от естественных причин. Не было никакой особой тайны, ничего такого, что нужно было бы скрывать — их молчание объяснялось естественным нежеланием вспоминать о неприятном, особенно в присутствии второй жены, молодой, впечатлительной женщины...

Вечером заехал Роберт, и они побеседовали. Корделия знала — ему приятно ее общество. Жаль, что врожденная сдержанность мешает ему сходиться с людьми.

Она круто переменяла тему разговора:

— Вчера Брук впервые посвятил меня в некоторые подробности смерти Маргарет. До меня доходили слухи, и весьма неприятные, но...

Он покраснел.

— Да, имели место нападки со стороны ее родных.

— Вы не могли бы точно сказать мне, что все-таки произошло?

Роберт устремил на нее пронизательные карие глаза. Корделия не отвела взгляда. Он сказал:

— Первая жена Брука страдала бессонницей. Я прописал ей простейшее наркотическое средство и как раз накануне смерти привез коробочку с двадцатью пилюлями. На следующий день нашли только четыре. В ее смерти не было ничего подозрительного, но я счел необходимым привлечь внимание к этому факту. К счастью, вскоре пилюли отыскались, но возникли слухи — из-за нескромности сиделки и благодаря усилиям Дэна Мэссингтона.

Корделия припомнила: когда она впервые увидела Дэна, он был трезв и не высказал никаких особых подозрений. Зато потом при каждой встрече сыпал намеками — в нетрезвом виде.

Она помрачнела.

— Роберт, вы не могли бы по-дружески ответить на один вопрос?

— Все, что в моих силах.

— Дэн Мэссингтон не раз обвинял Фергюсонов в том, что они сделали жизнь Маргарет невыносимой и она от этого умерла. Это правда?

Роберт Берч заложил руку в карман бриджей и поморщился.

— Мне трудно ответить со всей определенностью. Могу лишь высказать свое мнение.

— Прошу вас, выскажите его!

— В малокровии, которое и послужило причиной смерти, они не повинны — никоим образом. Но я был бы бездарнейшим медиком, если бы не сказал вам, что, действительно, состояние души способствовало обострению болезни. В более благоприятной обстановке она прожила бы немного дольше — на полгода, на год...

— Роберт, а почему она была несчастна? Было ли между ней и мистером Фергюсоном что-либо, кроме...

— Кроме взаимной неприязни? Нет, не думаю. Просто... — он запнулся, и Корделия догадалась, что именно ему так трудно выговорить: "Просто она не подарила ему внуков".

— Мне трудно, — продолжал Роберт, — быть предельно откровенным, миссис Фергюсон... Корделия, если вы позволите так себя называть. Я боюсь быть обвиненным в нелояльности. Мистер Фергюсон — человек с сильной волей и тяжелым характером. Чтобы с ним ужиться, нужно быть или совсем слабым и всегда уступать, или, наоборот, сильным, чтобы настоять на своем. Маргарет не принадлежала ни к одному, ни к другому типу.

Корделия поднялась.

— Большое спасибо за откровенность.

Интересно, к какому типу он относил ее самое?

* * *

В пятницу они уехали в Северный Уэльс. Брук не очень-то хорошо себя чувствовал, но был готов исполнить любое ее желание, а Корделией руководило одно паническое стремление — бежать! После первых шагов к отступлению последующие дались ей значительно проще.

По предложению Корделии, они сняли комнату на ферме близ Лландидно. Перед отъездом она написала Стивену не менее дюжины писем — и ни одного не отправила. И вдруг, за полчаса до отъезда, нацарапала коротенькую записку:

"Стивен!

Брук все еще очень слаб и нуждается в моей заботе. Я вышла за него свободно и без принуждения, поэтому мой долг — сдержать слово и

остаться с ним.

Это конец, Стивен. Правда, конец. Прошу тебя, не приезжай. Мы были очень счастливы, и я этого никогда не забуду. Но мы оба знаем, что другой путь грозит обернуться несчастьем для нас четверых и для многих других людей.

Прощай, Стивен.

Корделия."

Она измучилась, пока писала, а приехав в Уэльс, чуть не написала новое письмо, в котором отказывалась бы от предыдущего, открывала правду о своем состоянии и обещала последовать за ним куда угодно — по первому зову.

Первые две недели оказались самыми тяжкими. Корделия не раз была на грани истерики. Она постоянно прокручивала в голове сложившуюся ситуацию, глядя на нее то под одним, то под другим углом; внезапно просыпалась среди ночи в ужасе — ей чудилось, что нужно срочно бежать, спасаться, пока ее не разоблачили. Потом она в изнеможении опускалась на подушки, брала себя в руки, а проснувшись, вновь становилась самоотверженной труженицей.

Как ни странно, в это время ее очень поддержал Брук. Он был добр, внимателен и очень неприхотлив. Здоровье его поправлялось, так что вскоре он уже мог сопровождать жену на прогулках.

Иногда наезжал мистер Фергюсон — всякий раз его последующий отъезд приносил им обоим облегчение. Корделия пытливо всматривалась в лицо свекра: нет ли признаков того, что ему все известно?

Наступило Рождество. Оно прошло совсем не так, как в прошлые годы. Ни своего дома, ни хлопот по подготовке званого ужина.

Наконец Корделии удалось достичь хотя бы внешнего спокойствия. В душе она чувствовала себя ничуть не менее несчастной и не более уверенной, чем когда они покинули Гроув-Холл, но огромное напряжение последних месяцев немного отступило.

Вскоре после Нового Года они поехали в Рил. Прошлись по набережной, полюбовались прибоем и зашли в павильон выпить чаю. Только они сели, как Брук воскликнул:

— Боже праведный! Да ведь это Стивен Кроссли!

Вот оно...

— Привет, Кроссли. Вот это сюрприз! Не знал, что у вас есть дела в Уэльсе. Подсаживайтесь к нам.

— Спасибо. Здравствуйте, миссис Фергюсон. Мне показалось, что я видел вас на прогулке, но я не поверил своим глазам.

Встреча старых, но не слишком близких друзей... Все то же обаяние, та же раскованная мужская грация, которую она любила и которой боялась. Он сел напротив нее — сильный, мужественный, прекрасно сложенный.

— Нет, — ответил он на вопрос Брука, — не думаю, что "Варьете" снова откроет двери. Мы продали театр.

— Да? — удивился Брук. — А я и не знал. В последние два месяца я большей частью сидел дома.

— Его приобрел некто Пембертон. Думаю, что "Варьете" снесут и возведут административное здание. Их не интересует шоу-бизнес.

— Как жалко. Я был у вас пару раз и получил большое удовольствие. Хотел как-нибудь взять с собой Корделию.

— Я тоже мечтал об этом, — вежливо ответил Стивен.

— Каковы ваши планы? Останетесь в Манчестере?

— Нет. Я буду управлять одним из наших театров в Лондоне.

— Здесь вы тоже собираетесь открыть мюзик-холл?

Стивен улыбнулся шутке.

— Нет. Я приехал по делу, связанному с моим разводом.

Брук вздрогнул и, ощутив неловкость, взглянул на Корделию, а потом на Стивена.

— Вы это серьезно?

— Конечно. Какие могут быть шутки?

— Я даже не знал, что вы женаты.

— Об этом мало кто знал. Мне нечем было хвастаться. Мы с самого начала не сошлись характерами. Вам трудно это представить: ведь вы счастливы в браке и вряд ли за все время хоть раз поссорились с миссис Фергюсон. Моя жена была ревнивой и властолюбивой женщиной. Если я уходил, то потом обязательно давал подробный отчет, где был и что делал. Это мешало моей работе... Прошу прощения, миссис Фергюсон, вам, должно быть, скучно?

— Нет-нет, — она смотрела в сторону; где-то в потаенных глубинах ее существа шевельнулась страсть, но она ничем себя не выдала.

— Но вы со мной не согласны?

— Как женщина, я не могу не жалеть о том, что вашей жены сейчас нет с Вами и она не может защитить себя.

— Вы мне не верите?

— Конечно, верю. Но в споре две стороны.

— В каждом споре две стороны, миссис Фергюсон. Только очень предубежденные люди отказываются выслушать другую сторону.

— Именно это я и хотела сказать.

Наступила короткая пауза. Стивен взволнованно смотрел на Корделию.

— Я, конечно, не без греха. В мире столько прелестных существ, но все это такие пустяки — рябь на море; ей следовало знать об этом. Уверяю вас, я не корчу из себя святошу. Но женщина с сильным характером, с любовью в сердце, а не в плену у мелкого самолюбия, должна найти в себе силы отбросить мелкое, наносное и понять главное в человеке.

— Трудно понять правду, если ее от вас скрывают.

— Конечно, трудно, если только и думать о своем оскорбленном достоинстве.

— Может быть, то, что вы называете оскорбленным достоинством, не что иное, как самозащита?

Брук поставил свою чашку и безмятежно поинтересовался:

— Кажется, вы говорили, что у вас кто-то есть?

— Совершенно верно.

— И она тоже замужем?

— Да. Но я думаю, если люди по-настоящему любят друг друга, ничто, никакие придуманные людьми законы не могут помешать им соединить свои судьбы.

Молчание.

Наконец Корделия промолвила:

— Брук, нам пора идти. Тебе вредно после наступления сумерек оставаться на улице.

Они еще немного поговорили и дружески расстались. Дома Брук сказал:

— Странно, что вы с Кроссли вечно пикируетесь. Ты всегда его недолюбливала, да?

— Нет, что ты.

— Он неплохой парень. Хотя, мне кажется, ему не следовало при тебе вдаваться в подробности своего развода. Не очень-то это приятная тема. — Он немного подумал. — Это лишний раз подтверждает...

— Что?

— Что чужая душа — потемки. Мне много приходилось слышать о распущенности людей театра, но я считал Стивена не таким, как все.

Корделия не удержалась:

— Если люди совершили ошибку и поняли это, не лучше ли попытаться исправить ее, а не оставаться несчастными до конца жизни?

Он был удивлен ее горячностью.

— Развод? Не знаю. В нем есть что-то безобразное. Развод влечет за собой множество последствий, о которых вначале не думаешь.

— Понимаю.

— Я лично тысячу раз подумал бы, прежде чем решиться на такой шаг. И уж во всяком случае, не стал бы обсуждать это за чаем так, словно собираюсь поменять квартиру, а не жену.

Корделия промолчала, и он оставил эту тему. Женщин не поймешь. Постоянно меняют свое мнение, так что не стоит придавать значения.

Она старалась не выходить из дома и только на следующий день, ближе к вечеру, пошла в деревню, чтобы отправить письмо. Отойдя от почты, она увидела Стивена, спешившего к ней со стороны местной гостиницы.

Он приподнял шляпу.

— Какая приятная неожиданность! Ничего, если я провожу тебя до фермы?

— Стивен, — быстро произнесла Корделия, — я говорила серьезно.

— И все из-за Вирджинии? Тебе невыносима мысль о том, что я был женат?

— Сейчас это уже не важно. И неважно, по какой причине я... Во время болезни Брука я сделала свой выбор. Я поняла, что дорожу им больше, чем думала раньше.

— Не понимаю и не верю. Что на тебя нашло?

— Ничего, — внезапно в голосе Корделии зазвучала нежность. — Мне очень жаль... очень. Не думай, что мне легко.

Они дошли до околицы. День угасал. Отсюда брала начало тропинка — утоптанная, сухая.

Корделии очень хотелось сказать Стивену правду, объяснить свое положение. Но его дернуло сказать:

— Если ты не хочешь бежать со мной и ничто не может тебя переубедить — может, будем встречаться, как раньше?

Она яростно замотала головой.

— Что нам мешает? Мэссингтон больше не стоит у нас на пути.

— Нет-нет, никогда!

Стивен начал злиться.

— Можно подумать, я уговариваю тебя заделаться святой мученицей.

— Боже мой, как это далеко от того, что я чувствую!

— Отец предупреждал, что ты меня бросишь.

— Ну что ж, — в ее душе смешались обида, боль и гнев. — Считаю, что я тебя бросила. Что еще он говорил? Что твое поведение — верх совершенства и что позволительно лгать — пока это удобно? С кем еще ты говорил о нас? Делился, так сказать, маленьким секретом. Должно быть,

все твои друзья осуждают меня за то, что я от тебя отказываюсь. А теперь...

— Успокойся! — он схватил ее за руку. — Если ты...

Корделия попыталась вырваться, и наконец ей это удалось. Не обращая внимания на коровницу, глазевшую на них из-за изгороди, она бросилась бежать по тропе, а Стивен за ней. Потом они замедлили шаги и пошли через рощицу — до самой фермы. Под ногами шуршала прошлогодняя листва. Чтобы попасть на ферму, оставалось пройти по узеньким мосткам.

— Он предупреждал меня, — с горечью повторил Стивен, — говорил, что ты в последний момент струсишь.

Корделия глубоко вздохнула. Хорошо, что он сердится. Гнев легче печали. Может быть, в нем сгорит их общее прошлое.

— Для тебя большое утешение знать, что он оказался прав.

Она ступила на мостки, но Стивен снова схватил ее за руку и привлек к себе. До сих пор он никогда еще ничего не терял и не мог поверить, что теряет Корделию.

— Корделия, милая, в своем ли ты уме? Мы же договорились бежать вместе.

— Пусти меня!

Стивен рассвирепел.

— Ещё немного, и я подумаю, что ты меня ненавидишь.

Она попыталась вырвать руку, но он держал ее так крепко, что Корделии стало больно. С головы у нее слетела шляпа. Стивен стал целовать ее. Она больше не сопротивлялась, а только отворачивала лицо, так что он больше целовал ее щеку — свежую и прохладную.

— Ты меня ненавидишь? — тихо спросил он, надеясь на отрицательный ответ.

Корделия прошептала:

— Теперь — да.

Стивен так резко отпустил ее, что она чуть не упала. Он был бледен, как смерть.

— Я знаю, что не всегда вел себя идеально, — вымолвил он, задыхаясь. — Я не ангел и не претендую на это звание. Но я знаю одно: за весь этот год я ни разу не помыслил ни о ком, кроме тебя. Не думал ни о чем, кроме твоего счастья, твоего благополучия. Что ж... Если ты так решила, пусть будет по-твоему. Отступаю. Возвращайся к Бруку. Желаю вам счастья. Это конец.

Он повернулся и пошел через рощу, вне себя от гнева, ненавидя

Корделию со всей силой отвергнутой любви.

Она вытерла лицо перчаткой и, как слепая, как человек, который ищет, не зная, что потерял, начала шарить в траве, пока не наткнулась на свою шляпу с вуалью.

КНИГА III

Глава I

Пять месяцев спустя Корделия выгравировала свое имя на облицовке камина в спальне.

Однажды вечером гроза прогнала ее из сада.

Накануне Корделия открыла одну из тетрадей Брука и прочитала начало нового стихотворения: "Когда я думаю о том, что скоро уйду..." В последнее время ей и самой лезли в голову подобные мысли. Сегодня они мучили Корделию, как никогда раньше; у нее развилась мнительность. "Если месяц спустя я умру от родов, — думала она, — Брук снова женится — отец позаботится об этом. От меня останется только имя — как от Маргарет. Что она оставила? — спрятанный на чердаке дневник, бухгалтерскую книгу, несколько оческов, какую-нибудь одежду, которую они, несомненно, поторопились продать или раздать бедным... Но мне лучше не думать о Маргарет."

Тем летом она достала свои старые инструменты для резьбы, к которым не притрагивалась за все время замужества. Смотрела на них и думала: почему бы и нет? Это был странный импульс, вообще-то чуждый ее натуре. За обычными женскими колебаниями у Корделии обычно крылось душевное равновесие. Но в последние несколько недель она стала терять почву под ногами. Вот и явилась потребность увековечить свое имя. "Пусть от меня останется хоть какая-то метка в этой комнате."

Она приступила к работе и уже вывела буквы "КОР", когда ею овладело отвращение. Не то чтобы она боялась насмешек, особенно теперь, когда все были так добры к ней, но они наверняка будут недоумевать, может быть, даже встревожатся. Зачем делать из себя дурочку? Однако это "КОР" показалось ей более нелепым, чем все слово целиком. Поэтому, преодолевая внутреннее сопротивление, она продолжила работу.

После того, как было закончено "ДЕЛИ", в дверь постучали. Корделия не без труда поднялась и бросила взгляд на часы: вряд ли это горничная.

— Войдите.

В дверях возникла фигура дяди Прайди. Он посмотрел на Корделию и насупился.

— Рад, что вы на ногах, юная леди. То есть, мне все равно, но я рад, что вы открыты для посетителей. Это я вспомнил объявление в Блэмпле: "Такие-то сады, открыто для посетителей", "Такой-то солярий, открыто для посетителей". А это что у вас? Резьба по камину? Замечательно. Но вы

забыли про букву "Я".

Она покраснела до кончиков волос.

— Я еще не закончила.

— Так продолжайте. Заканчивайте, пожалуйста. Я не собираюсь вам мешать. Просто посижу и посмотрю. Вот, возьму эту табуретку, — он сложился пополам, как складной нож. — Вот так. Тихонько посижу. В такие минуты нужно вести себя очень тихо. Творчество требует тишины.

Корделия жалко улыбнулась.

— Сказать по правде, я сама не знаю, что на меня нашло. Какой-то порыв...

— Благодетельный порыв. Украсьте, украсьте дом! Ничего, если я возьму конфетку? И вы попробуйте. Вот эти, в бумажных обертках, самые вкусные. Я сам всю жизнь мечтал вырезать свои инициалы на фортепьяно в гостиной — пожалуй, однажды я так и поступлю. Продолжайте, пожалуйста. Когда делаешь глупости, главное — не думать об этом.

Корделия положила нож.

— Вот именно. Но вы ведь зачем-то пришли? У вас какое-нибудь дело?

— Просто хотел сообщить новость. Кроме вас, это вряд ли кого-либо заинтересует, — дядя Прайди поерзал на табуретке, очень похожий на старого гнома с острым, длинным подбородком. — Послушайте, если у вас нет желания, дайте мне. Ненавижу, когда что-то бросают на полдороге, будь то недоеденное пирожное или недоделанная работа.

Корделия немного отошла в сторону, и он подвинул свою табуретку к камину. Станным образом старику удалось придать смысл ее бессмысленному поступку. Должно быть, с чудаками всегда так: все из ряда вон выходящее для них в порядке вещей.

Корделия молча наблюдала за тем, как дядя Прайди выписывает "Я". Получилось немного криво и чуточку отдельно от остальных букв. В общем, похоже на дядю Прайди.

— Теперь дату, — предложил он.

— О, я не думаю, что это так уж нужно.

— Разумеется, нужно. Какое же произведение искусства без даты? Поставим только год: 1869. Месяц не имеет значения. Год милосердия. Цивилизация распространяет свое влияние, тянется, как резинка. Вопрос только в том, в каком месте она порвется. Или снова съезжится.

Он начал вырезать "1".

— Какая у вас новость? — спросила Корделия.

— Моя книга будет опубликована.

— Ох, как я рада! Это замечательно!

— А! Я так и думал, что вы обрадуетесь. Немного не то, что я ожидал: придется взять часть расходов на себя. Но все-таки это лучше, чем то, как Брук печатает свои стихи. Он на этом почти ничего не зарабатывает. Мне тоже мало что светит, но, по крайней мере, книга увидит свет. И мою теорию когда-нибудь признают. Может быть, вы доживете до этого дня. Я вам завидую. Вам всего третий десяток, вы еще столько увидите! Мне кажется, начиная со следующего года, развитие мира резко ускорится. Как это увлекательно!

Он закончил вырезать "1" и начал "8", слегка высунув от усердия язык. Потом сказал:

— К сожалению, в книге будут отсутствовать необходимые графики: это слишком дорого. К сожалению — потому что люди предпочитают книги с иллюстрациями. Дуракам так легче понять, о чем речь. Нож недостаточно острый.

— Неужели это так уж очень дорого? И неужели у вас нет денег?

— Нужен твердый корунд, — продолжал дядя Прайди.

— Что-что?

— Ничем так не заточишь добрый инструмент, как корундом. Ну, и где же мне взять деньги, юная леди? Фредерик и так выдает мне солидное содержание. А к тому времени, как книга окупится...

— Простите, я не хотела...

— Ничего. Все в порядке. Вы имеете право спрашивать. Но где мне взять недостающую сотню?

— А доход от фабрик?

— А, фабрики! — дядя Прайди с досадой махнул ножом. — Это не свободные деньги. Фредерик постоянно расширяет производство, покупает новую технику. Он делает огромные деньги, но мы их пока не видим.

Корделия промолчала. Ее ли это дело — давать старику первые уроки гражданского неповиновения?

— Ну вот, — он немного откинулся назад. — Готово. Гм. Что вы об этом думаете? Не так ровно, как у вас, но все-таки и не так уж плохо. Теперь нужно немного китайской туши.

— Туши?

— Вам не кажется? А я так всегда пользовался китайской тушью, когда учился в школе и рисовал на партах. Тогда рисунок и через годы остается свежим, будто сделан только что.

Куда только делась его агрессивность.

— Хорошо, — сказала Корделия. — Сейчас принесу. — Она принесла из гардеробной тушь и снова села наблюдать за его работой. — А вы,

оказывается, знаток.

— Был когда-то. Определенно был. Кажется, снова пойдет дождь.

Корделия посмотрела на низкие облака за окном. Листья пожухли и не шевелились, разве что какой-нибудь прогибался под упавшей на него каплей.

— Дядя Прайди, позвольте мне помочь вам с недостающей суммой.

Он резко повернулся к ней и нахмурился.

— Что? Что еще за чепуха? Тратьте свои деньги на более подходящие вещи. Через неделю-другую они вам пригодятся. Крестины... шелковые платья... вуали, бархат... Я знаю!

— За все это заплатит Брук. А эти деньги я отложила на другой... непредвиденное... из моего собственного содержания... теперь они мне вряд ли понадобятся... во всяком случае, мне уже не придется истратить их на то, что я думала...

Разоблачения не последовало: ни слухов, ни вынужденного бегства... вот зачем были приготовлены эти деньги...

— Разумеется, мне бы хотелось, чтобы книга вышла с графиками и таблицами, — дядя Прайди потрещал пальцами. — И генеалогическим деревом. Со всеми необходимыми чертежами. Их пришлось убрать. Я дал согласие.

— Ну, это еще не поздно исправить. Вы могли бы послать телеграмму? Он бросил на нее острый взгляд.

— Каприз. Прихоть, и больше ничего. Возможно, у вас и есть деньги, но это всего лишь минутная прихоть.

— Нет, дядя Прайди. Я хочу потратить их таким образом.

— Мне не по душе такая идея. Вы уверены, что поступаете правильно, юная леди? Это не из-за вашего состояния? У женщин бывают причуды. То-то вы где-то бродили в первые недели.

— Только одну неделю, дядя Прайди.

— Странности бывают не только у людей. Помню, одна из моих любимых мышей вдруг начала грызть свой хвост. Лучше бы вам сохранить эти деньги.

— Когда вы на меня так смотрите, — улыбнулась Корделия, — я чувствую себя мышью.

— Нет, — возразил он. — Вы не мышь, вы помесь. Я наблюдал за вами. Не думайте, что нет. Холодная голова и горячее сердце. Может быть, это звучит сентиментально, но я серьезно. Они постоянно сражаются между собой. С переменным успехом. Это небезопасно.

— Дядя Прайди. Я говорю вполне серьезно и в полном рассудке:

завтра я дам вам денег. Пошлите издателю телеграмму.

Дождь все усиливался. Похоже на топот множества маленьких ног.

Дядя Прайди энергично потер руки.

— Хорошо, я согласен взять у вас в долг. Это чертовски стыдно, но я так и сделаю.

Глава II

В четверг шестнадцатого августа тысяча восемьсот шестьдесят девятого года в два часа дня, с помощью опытной акушерки, врача и сиделки, под легким наркозом — с неодобрительной санкции мистера Фергюсона — Корделия родила сына.

Мистер Фергюсон заказал благодарственный молебен.

К вечеру ему разрешили взглянуть на мать и дитя.

Занавески в спальне были приспущены, чтобы укрыть их от палящих солнечных лучей. Комнату заливал мягкий розово-оранжевый свет, придавая всему оттенок благоговейного великолепия, так что вы поневоле начинали ходить на цыпочках и разговаривать шепотом. К неудовольствию мистера Фергюсона, миссис Блейк, как женщина, была еще раньше допущена в святая святых и теперь с самодовольной гордостью взирала на кружевной сверток в колыбели. Измученный полуторасуточным бдением Брук сидел в изголовье кровати, держа Корделию за руку и не зная, что сказать; сама же Корделия, исполнив свое предназначение, тихо лежала, венчая подушку своей неподвижной головкой, будто диковинным цветком, позволяя жизни струиться мимо. Она слишком устала, чтобы приготовиться к осложнениям, которые мог принести вечер.

Огромная туша мистера Фергюсона придвинулась к пологам; Корделия улыбнулась свекру.

— Вы молодчина, — сказал он. — Просто молодчина. Конечно, я и не сомневался, а ты, Брук? Вы, должно быть, очень счастливы, дорогая?

— Конечно.

— Заезжал мистер Слейни-Смит. Он ездил на лекцию и сделал крюк.

— Очень мило с его стороны.

— Я тоже так думаю. Он очень обрадовался и шлет вам наилучшие пожелания.

Глаза мистера Фергюсона метнулись в сторону.

— А теперь я хотел бы взглянуть на малыша. Покажи мне, Брук, сделай над собой усилие.

Брук подвел отца к колыбели, и они вместе уставились на сморщенное красное личико младенца.

— Ну, разве он не прелесть? — воскликнула миссис Блейк. — Уже совсем освоился. Сосет себе большой палец, как будто ему два месяца от роду. Вы только взгляните на эти ноготки — словно крошечные раковинки.

А эти складочки на шейке! Ах ты, бабушкина радость! Вы знаете, я никогда не устаю любоваться новорожденными, сколько бы у меня их ни было. Божии ангелочки — вот как я их называю. Спустились прямо с небес...

— Да, — тяжело выдохнул мистер Фергюсон. Хорошо бы эта женщина ушла. Его первая встреча с новорожденным должна была стать глубоко интимной и исполненной величия, а не опошленной бабьей трескотней. Кроме того, его собственное чувство страдало от сознания, что она снова в положении — для женщины далеко за сорок, дождавшейся внука, это не совсем прилично. Пора бы и честь знать. Жизнь гораздо на вульгарные фортели.

— У него глаза мистера Блейка, — авторитетно заявила миссис Блейк, — и нос Фергюсонов. Смотрите, зевает! Помнится, Корделия тоже зевала. Врач сказал, что это от анемии — мы вылечили ее соком печени трески. В четыре года она уже была самым пухленьким, самым румяньким, самым умньким ребенком.

— Мама, прошу тебя! — Корделия заметила, что мистера Фергюсона не слишком волнует ее раннее детство.

Когда эта женщина наконец отошла в сторонку, мистер Фергюсон сказал:

— Завтра эта новость будет во всех газетах. Я послал специального курьера.

— Спасибо, папа, — откликнулся Брук. — Какое спокойное крошечное существо! Как мы его назовем?

— Ян Фредерик Брук, — без малейшего колебания заявил мистер Фергюсон. — В честь отца, деда и прадеда.

— Хорошо, папа.

— Это уже пятое поколение Фергюсонов, с тех пор как Фергюсоны переселились в этот город. Но только второе, рожденное здесь. Как я рад, что он родился сейчас, когда я еще не слишком стар, чтобы руководить его воспитанием.

— Да, папа.

Мистер Фергюсон склонился над колыбелью и осторожно зашарил там. Наконец ему удалось надежно взять младенца и поднять над собой.

— Осторожно, сэр! — воскликнула няня Гримшо, делая шаг вперед.

Корделия обеспокоенно подняла голову.

— Я прекрасно умею обращаться с детишками, — заверил их мистер Фергюсон, не спуская глаз с крохотного личика, сжатых кулачков и облачка темных волосиков. — Он получит то же образование, что и ты, Брук. Средняя школа и колледж Оуэнса. Я против закрытых пансионов — там

ребенок уходит из-под родительского влияния. А в Оксфорде из них делают папистов. Главное в деле воспитания ребенка — влияние семьи. Личный пример и передача опыта. Я как-то говорил об этом с Корделией, но, полагаю, теперь мы достигнем большего взаимопонимания.

— Конечно, — ответил Брук. — Но сейчас еще рано об этом думать.

— Приступать к воспитанию ребенка никогда не рано. Заботиться о его окружении и нравственном руководстве.

— Когда привести отца? — спросила Корделию мать. — Дети, конечно, тоже ждут, не дождутся. Особенно Эсси — она сама в ожидании счастливого события. А тетя Дорис говорит...

Мистер Фергюсон положил конец ее излияниям.

— Крестины устроим двадцатого, в мой день рождения. Пойдите... Двадцать первого епископ проводит конфирмацию...

Корделия лежала и думала: "Та женщина на Пасху спросила, не встречались ли мы раньше; потом я отказалась зайти в гостиницу в Нортендене; потом пришлось уволить горничную Веру — мне показалось, будто она догадывается... Все это я сделала для моего сына. Он законный, он в безопасности. Только это и имеет значение. Они ни о чем не догадываются. Никому из них не знакома страшная боль одиночества. Через какое-то время она утихает — не проходит совсем, но становится относительно терпимой; три, четыре, шесть месяцев — и к ней потихоньку привыкаешь. И вдруг — письмо..."

Она помнила его наизусть:

"Я на несколько месяцев еду за границу, — писал Стивен. — Посмотрим, как мне там понравится. Но мне было бы невыносимо уехать, оставив все как есть..."

Я вышел из себя и наговорил тебе непростительные вещи. Понимаю твои чувства и надеюсь, что ты тоже попытаешься понять мои. Я едва не сошел с ума — хотел убить тебя!

...Иногда я начинаю сомневаться: действительно ли ты собиралась бежать со мной? Ну да ладно. Посмотрим. Через год я за тобой приеду. Думай обо мне хоть изредка и попытайся простить того, чья единственная вина состояла в слишком большой любви к тебе."

Она прилагала невероятные усилия, чтобы ожесточиться, забыть его, думать о том, что еще счастливо отделалась... Однако между ними существовала некая психофизическая связь, которую ничто не могло уничтожить. Временами Корделия разрывалась между двумя взаимоисключающими чувствами. Она любила Стивена, но сомневалась в нем; в Бруке она не сомневалась, но и не любила. Конечно, это упрощенная

схема, но она была близка к истине. Иногда ей приходило в голову, что не только Стивен обманул ее, но и она его. Их отношения для него слишком много значили, гораздо больше, чем простое физическое влечение. Такого у него не было ни с одной женщиной. Корделия не знала ни минуты покоя.

Сегодня вечером, думая обо всем этом, она впервые почувствовала себя свободной от застарелой боли и спрашивала себя: надолго ли?

Но она отрешилась и от всего остального, стала равнодушной. Безразлично взирала на людей, осторожно ступавших по комнате. Они перешептывались в сумерках, обсуждая будущее ее только что рожденного сына. Ей было все равно. В настоящее время она еще слишком слаба и ощущает лишь пассивное удовлетворение от того, что выполнила свой долг. И завтра, и через неделю будет то же самое. Но в один прекрасный день к ней вернуться былые силы, пройдет это ощущение пустоты, потерянности, летаргического покоя, и тогда эти симпатичные или полусимпатичные люди — дедушки, бабушки, спорившие о том, чей у младенца нос и какое он получит образование, — с удивлением обнаружат, что есть еще один человек, с чьим мнением им придется считаться: не одержимый духом противоречия, но движимый могучим инстинктом самозащиты.

С кровати ей была видна надпись, выгравированная на камине. Хорошо, что мама не заметила. Брук вначале подумал, что она шутит, а убедившись в том, что надпись действительно существует, смутился так же, как и она сама. Его главной заботой было — что подумают слуги? Она не посмела признаться ему, что дала дяде Прайди сто фунтов. Ее бы сочли сумасшедшей.

— Мама, — Корделия дотронулась до руки матери, — ты знала мистера Слейни-Смита до того, как я вышла замуж за Брука?

Миссис Блейк подколола два локона; из небрежной прически тотчас выбились еще три.

— Да, дорогая. Почему ты спрашиваешь?

— Так, просто пришло в голову. Он заезжал справиться, как дела. Кажется, он всю жизнь был... всеобщим другом.

Миссис Блейк бросила быстрый взгляд на обоих мужчин — удостовериться, что они не слышали.

— Да, милочка, — зашептала она. — Ладно, скажу тебе, ты ведь сама стала матерью... Мы с Тедом были дружны еще до того, как я познакомилась с твоим отцом. Подростками мы питали друг к другу нежные чувства. Когда ему исполнился двадцать один год, прямо на празднике в его честь, он сделал мне предложение. За портьерой в кухне

викария. Ты ведь знаешь — его отец был викарием церкви в Динсгейте.

— Нет, я не знала, что его отец...

— Тот самый человек, который снес шпиль церкви... ты тогда еще была девочкой... Я посчитала это кощунством; никто не знал причины столь странного поступка. У него было трое сыновей: Чарли (он утонул), Тед и Фрэнк — сейчас он работает на Бриджуотерском канале. Тед всегда питал ко мне слабость. Но давай поговорим в другой раз — я вижу, ты переутомилась. Полежи спокойно и ни о чем не думай.

Корделия выполнила первую часть материнской просьбы, но не могла не думать. Она вспомнила прошлый вторник, как дядя Прайди и мистер Слейни-Смит ссорились за столом в гостиной. Мистер Слейни-Смит показался ей сварливее обычного. Мистер Фергюсон еще не вернулся с фабрики. Первым начал мистер Слейни-Смит:

— Ну, Том, я слышал, ваш высоконаучный труд вот-вот осчастливит человечество?

Дядя Прайди оторвался от виолончели и сверху вниз посмотрел на приятеля.

— Да, он будет опубликован, если вы это имеете в виду. Не надеюсь, что он дойдет до глухих уголков земли. Я также не думаю, что обыватели придут в неопиcуемый восторг.

— Ну что вы, — возразил мистер Слейни-Смит, — он обязательно дойдет до глухих уголков. У читающей публики замечательное чувство юмора, — он подмигнул Корделии, но она сделала вид, будто не заметила.

— Сколько бы осел ни кричал "иа", — заметил Прайди, — он не может судить о качестве пшеницы.

Глаза мистера Слейни-Смита расширились.

— Но даже ослу под силу отличить зерна от плевел. Не обманывайте себя, дорогой друг. Народные массы становятся с каждым годом образованнее. Им все труднее морочить голову.

— Я тоже так считал — до тех пор, пока не явился мистер Гексли и не проделал свой блестящий трюк.

Слейни-Смит ожесточился.

— Естественно, не всякому дано понять сей величайший ум нашего столетия.

— Из вашего мистера Гексли мог бы выйти недурной адвокат, особенно в деле защиты виновной стороны — с его умением выдать черное за белое. Но как ученый... — Прайди в волнении потрещал пальцами. — А что касается мистера Дарвина...

— Дядя Прайди, — попробовала вмешаться Корделия, — я думаю...

— Что касается мистера Дарвина, то он, бесспорно, выдающийся ботаник, идущий проторенною тропой...

— Если бы вы имели хоть малейшее представление об общих принципах науки... Праздная болтовня старого невежды!

— Проторенною тропой, — повторил Прайди, — протоптанной Уоллесом, Бюффоном, Ламарком, Эразмом и другими. Пройдет еще несколько лет — и явится новое девятидневное чудо, тогда как истинно великие ученые...

— Без сомнения, такие, как вы?

— Вовсе нет. Мои познания ограничиваются одной узкой сферой, однако...

— Ваша скромность меня пугает. Впрочем, великие всегда были склонны недооценивать себя. Необходимо приложить все усилия, чтобы, как только вашей книге будет оказан подобающий прием, убедить вас выйти из безвестности.

Имена и эпитеты сыпались, как из ведра. Приехал Брук, и им с Корделией удалось совместными усилиями положить конец перебранке и выпроводить Прайди. Сарказм Слейни-Смита привел старика в неистовство.

"Силы небесные, — подумала Корделия. — Если бы мама... Мистер Слейни-Смит мог бы стать моим отцом. Я воспитывалась бы, как его дети, замирала бы в уголке, когда он дома. Научные методы! Господи, а что, если другие так же грешны, как я? Что, если я и в самом деле его дочь?" Она поглядела на мать и убедилась в нелепости подобного предположения.

— Над чем ты посмеиваешься, дорогая?

— Так, мама, ничего особенного. Просто я рада, что ты выбрала папу.

Миссис Блейк почти по-девичьи захихикала. Этот смех остался у нее с давних времен — когда Корделии еще не было на свете.

— Я тоже, милая. Дело в том, что я никогда не любила Теда, он казался мне слишком... рациональным... даже в то время. Только не говори об этом папе: он немного ревнив.

Корделия никогда не смотрела на отца в таком ракурсе. На нее вдруг снизошло озарение: должно быть, мать с отцом не считают себя стариками. Сегодняшние проблемы суть повторение вчерашних. Это послужило Корделии утешением, и она ощутила более близкое духовное родство с матерью. Может, шепнуть ей: "Мама, мне нужно кое-что тебе сказать"?..

Нет, она никогда не осмелится так далеко зайти. Это родство не должно выходить за рамки возможного. Она совершила непростительный грех, и мама никогда не поймет, как это могло случиться. Уйдет она к

Стивену через год или останется с Бруком, тайной она никогда не сможет поделиться — ни с одним живым существом.

Глава III

Прошла осень, зима, и наконец разлился Эруэлл. Открылся Суэцкий канал. Увидел свет научный труд сэра Томаса Прайда Фергюсона "Наследственные и благоприобретенные навыки поведения у мышей". Он произвел на публику почти такое же впечатление, как и стихи Брука, то есть равное нулю. Поздняя весна перешла в новое лето. Прусские войска наголову разбили французскую армию и, распевая гимн, продвигались вглубь Эльзаса. Дядя Прайди ворчал: "Это ужасно! Конец цивилизации!" Но мистер Фергюсон с ним не соглашался. Чего, мол, можно было ожидать от этих безнравственных французов?

Эсси родила дочь, а миссис Блейк — сына. Они дали объявление в газеты, называя младенца "братишкой для Тедди"; последнему исполнилось двадцать четыре года. Уильям Эдвард Форстер ввел так называемые педагогические советы, вызвавшие большие подозрения — они должны были финансироваться за счет местного бюджета, — а прогрессивная железнодорожная компания внедрила такое новшество, как стоп-кран. В случае крайней необходимости можно было дернуть за ручку и остановить поезд.

Стивен все еще был в Америке.

А Ян, его сын, смеялся, плакал и рос; научился ползать по ковру и вставать на ножки, держась за стул; у него уже было десять зубов и красивые, вьющиеся каштановые волосы; его вывозили на улицу в новой коляске.

Изобрели почтовые открытки; четыре пятых всех пароходов в мире были британскими; процветало сельское хозяйство. Фон Мольтке, столь успешно начавший кампанию, пленил Седан, Мец и Шатоден, а также парочку армий и Наполеона III. Говорили, будто французы питаются кукурузой и леопардами из зоопарка. Известная своим гуманизмом "Гардиан" подняла шум по этому поводу.

Однажды, совершая покупки в городе, Корделия встретила миссис Слейни-Смит, еще более озабоченную и тушующуюся, чем прежде. После обмена дежурными фразами она вдруг спросила Корделию, как часто ее муж навещается в Гроув-Холл, а потом неожиданно разразилась слезами и доверила Корделии то, чего у нее больше не было сил скрывать. Мистера Слейни-Смита практически каждый вечер нет дома, мистер Слейни-Смит ее обманывает, у мистера Слейни-Смита есть другая женщина. Это длится

уже два года. У нее нет доказательств, но она уверена. На кончиках ее редких, светлых ресниц блестели слезы; она перебирала факты: написанные женским почерком письма, растущие долги, его холодность и постоянную занятость.

Безмерно смущенная и обеспокоенная, Корделия старалась утешить и переубедить бедную женщину, но это не помогло. Потом Корделия весь день не могла выбросить из головы жалобный голос миссис Слейни-Смит, ее поношенное платье, загрубевшие от постоянной стирки руки...

— Ах, миссис Фергюсон, все эти годы — беспросветная жизнь! Он то и дело бывает "не в духе", часами ни с кем не разговаривает. Я подойду: "Позволь, я помогу тебе?" — но он держит меня на расстоянии, не пускает в душу. Он как будто постоянно ведет тайную борьбу с самим собой.

— Прошу прощения, миссис Слейни-Смит, мне бы не хотелось вмешиваться, но... Так уже бывало?

— Я сама постоянно задаю себе этот вопрос. Возможно, здесь все взаимосвязано. Мне известен один случай с горничной — тогда наш старшенький был еще совсем маленьким. Я застала их в холле и сразу все поняла — по выражению их лиц. Но это было семнадцать лет назад и не особенно серьезно. Может быть, это мюзик-холлы на него так подействовали? Ваш муж богобоязненный человек?

— Кажется, да.

— Ах, что ни говори, это совсем другое дело. Плохо, если человек живет без нравственного руководства. Бедные мои дети! У меня даже нет денег, чтобы они окончили среднюю школу.

— Позвольте мне рассказать Бруку, он наверняка поможет... я объясню как следует.

Ее собеседница бросила быстрый взгляд через плечо.

— Уверяю вас, миссис Фергюсон, это последнее, о чем я могла подумать. Мне стыдно за проявленную слабость. Но вы всегда были так добры. Прошу вас, не упоминайте больше об этом.

Тем не менее на следующей неделе миссис Слейни-Смит согласилась принять вспомоществование — при условии, что об этом не узнает мистер Фергюсон.

Корделия снова начала время от времени посещать фабрику и даже брала на себя руководство, если Бруку нездоровилось, а мистер Фергюсон был в отъезде.

К своему удивлению, она обнаружила, что пользуется авторитетом среди мастеров, она уже не была им чужой. Пусть она женщина, но в тот ноябрьский день они сообща спасали положение.

К этому же времени относится начало тактической борьбы между ней и мистером Фергюсоном по поводу воспитания Яна (коляска явилась маленькой победой Корделии, поскольку он считал ниже достоинства своего внука, чтобы его катали, выставляя на всеобщее обозрение).

Иногда побеждал он, иногда — она. Это еще нельзя было назвать кризисом. Открытая стычка произошла лишь однажды, когда Корделия поздно вернулась из поездки по магазинам и обнаружила, что свекор настоял, чтобы Яна посадили ужинать за общий стол со всеми, а когда ребенок опрокинул стакан с водой, ударил его по руке рукояткой столового ножа. Она как раз застала эту душераздирающую сцену. Последовал обмен колкостями в присутствии слуг.

— Ребенку всего полтора года! — бушевала Корделия.

— Дитя нужно приучать к дисциплине до двухлетнего возраста! Потом мне ни разу не приходилось наказывать моих. Когда ребенку два года, главной заботой родителей становится дисциплинировать самих себя.

— Неужели вы думаете, что таким образом можно добиться любви ребенка к отцу и матери?

— Мне никогда не приходилось жаловаться!

— Мой отец никогда не наказывал меня, — стояла на своем Корделия, — но мне ни разу не пришло в голову послушаться.

— Да уж, действительно, — сказал мистер Фергюсон с той особенной интонацией, которую усвоил, говоря о ее отце.

— Я его безгранично уважаю!

— Уважение к отцу, — наставительно произнес мистер Фергюсон, — не есть какая-то особая добродетель, а священная обязанность. Для меня само собой разумеется, что вы уважаете отца. Что касается воспитания вашего собственного сына, то я допускаю, что материнское чувство мешает вам объективно судить. Вот тут-то и может пригодиться мой совет. У меня огромный опыт семейной жизни, тогда как вы — новичок в этом деле.

Как же с ним трудно спорить!

— В дальнейшем, — обратилась Корделия к няне Гримшо, — Ян будет принимать пищу в детской.

— Да, миссис Фергюсон, — ее интонация не оставляла сомнений в том, на чьей она стороне.

Мистер Фергюсон пристально посмотрел на невестку, и она впервые выдержала этот долгий, напряженный взгляд.

— Я потолкую об этом с Бруком, — буркнул он.

Глава IV

Корделия сидела за фортепьяно и наигрывала кое-какие несложные пьески из собрания нот своего мужа.

Сквозь распахнутые окна виднелась лужайка, залитые солнцем кусты.

Дядя Прайди, сидя в гостиной на коврике, строил рожицы внучатому племяннику.

Сие занятие было ему в новинку и все чаще отвлекало от мышей. В нем неожиданно проснулись разнообразные таланты по части развлечения маленького мальчика, которому только что исполнилось два года. В настоящий момент дядя Прайди таким образом сложил свой костлявый кулак, что он казался лицом старой женщины, с пуговками вместо глаз и носовым платком вместо шали.

Кончик большого пальца высовывался наподобие маленького красного язычка. Корделия прекратила играть, слушая веселый смех сына.

В комнату вошла Бетти — та, что сменила Веру, которая, в свою очередь, пришла на смену Патти, вышедшей замуж за водителя омнибуса.

— Прошу прощения, мэм, двое джентльменов хотят видеть мистера Томаса Фергюсона.

Дядя Прайди взял свободной рукой визитную карточку и впился в нее взглядом.

— Саймон? Саймон? Никогда о таком не слышал. Должно быть, это ошибка. Ведите их сюда. Нет-нет, юная леди, оставайтесь у фортепьяно.

Он все еще сидел на корточках перед Яном, когда вошли двое мужчин в сюртуках и шелковых шляпах. Солидные люди. Тот, что постарше и повыше ростом, заморгал, оглядел гостиную и обратился к Корделии:

— Нам нужен мистер Томас Прайд Фергюсон. Кажется, мы не туда попали?

— Это я, — подал голос дядя Прайди с коврика. — Меня так назвали в честь дяди, у которого была ферма и чьи овцы погибли во время бурана. Он застрелился — правда, значительно позднее.

— Мистер Томас Прайд Фергюсон? Автор книги "Наследственные и приобретенные навыки поведения у мышей"? Дорогой сэр, позвольте представиться. Моя фамилия Саймон, профессор Саймон, директор Лондонской Школы Биологических Исследований. А это мистер Грабтри Пирсон, чьи статьи, как вам, должно быть, известно, частенько публикуются в научных журналах.

Поскольку правая рука Прайди, обернутая платком, все еще изображала старушку, он протянул гостям левую. Ее почтительно пожали.

— Исё, — потребовал малыш. — Сделай так исё.

— Рассаживайтесь, где понравится, — сказал дядя Прайди. — Я куда-то дел одну пуговицу. Это мой внучатый племянник. Тиш будет недовольна, если пуговица потеряется.

— Давайте я возьму его, дядя Прайди, — предложила Корделия.

— Нет-нет. Он первым попросил. Они могут подождать.

— Позвольте поздравить вас, мадам, — сияя, произнес профессор Саймон, — с таким замечательным дядей. Его книга произвела настоящий фурор. Осмелюсь назвать ее научной сенсацией.

— Сенсацией, — проворчал дядя Прайди, когда Ян вдоволь насмеялся. — Она вышла полтора года назад, и никто не обратил на нее внимания.

— Это, я бы сказал, досадное недоразумение. Теперь все изменится. Мистер Грабтри Пирсон посвятил вашей работе две хвалебные статьи.

— Одну статью, — уточнил дядя Прайди, прилаживая пенсне, — только такую длинную, что ее пришлось печатать в два приема.

— Мы надеемся уговорить вас прочитать лекцию на ежеквартальной конференции.

— Лекцию, — повторил дядя Прайди, выколупывая у старушки глаза. — Смотри, не бери этого в ротик. Бяка! Застрянет в горлышке!

— Дядя Прайди, давайте его мне.

Старик поднялся на ноги; хрустнули суставы.

— Это исключительно опасно, — продолжал он. — Во всяком случае, для большинства людей. Но у меня есть приятель по фамилии Корнелиус, который в молодости регулярно глотал булавки на спор. Помню, он страшно разозлился, когда кто-то предположил, что это одна и та же булавка. — Дядя Прайди исподлобья поглядел на посетителей. — Это не розыгрыш?

— Неужели мы похожи на шутников? По моему глубокому убеждению, главы из вашей книги, посвященные анатомии землероек, будут сочтены классическим вкладом в современную биологию.

— Гм.

— Должен заметить, ваш издатель не пользуется особой популярностью, поэтому книга разошлась далеко не так, как заслуживала; по счастливой случайности, один экземпляр...

— Стало быть, землеройки. А что вы скажете о наследственных признаках у мышей?

— Весьма интересный и полезный очерк, заслуживающий самого пристального внимания. Но главы о землеройках позволяют провести аналогию с человеком.

— Это неоценимый вклад в новейшую теорию эволюции, — перебил мистер Пирсон, доставая пенсне. — Я взял на себя смелость послать экземпляр вашей книги мистеру Гексли, с которым меня связывает нечто большее, нежели шапочное знакомство.

— Ах, мистер Гексли, — сказал дядя Прайди, то хмуря, то разглаживая брови. — Это в высшей степени странно. Нет, юная леди, не уходите, пожалуйста. Куда это запропастился мой кулек с конфетами? Ах, вот он. Должен ли я понимать это так, что вы говорите серьезно? Будьте добры, повторите еще раз. Угощайтесь. Что-то я вас не совсем понимаю.

Они повторили, а дядя Прайди меж тем пощипывал свою эспаньолку и шуршал кульком. Время от времени он бросал взгляды на Корделию: верит ли она?

— Если позволите, сэр, — сказал мистер Грабтри Пирсон, надевая пенсне, — мне хотелось бы записать кое-какие биографические сведения, чтобы я мог упомянуть о них в своих статьях. Я бы также почел за величайшую честь побывать в вашей лаборатории, чтобы описать ее...

— У меня нет никакой лаборатории, — заявил дядя Прайди.

— Ну, может быть, вы ее как-то иначе называете... В общем, то помещение, где вы работаете. Как вы начинаете процедуру вивисекции?

Прайди вытащил огромный складной нож.

— Я точу его при помощи обыкновенного корунда. Удобная вещь, знаете ли: напильник, штопор, буравчик, отвертка. Единственное, для чего он не годится, это для гравировки надписей на камине. У моей племянницы есть для этого специальные инструменты.

— Вы работаете дома, сэр?

— В спальне. Это очень удобно. Когда один из моих маленьких друзей умирает, я кладу его на умывальник и препарирую. Видели когда-нибудь чучело крысы? Я учился на дохлой серой крысе по имени Лорд Палмерстон. По окончании работы она выглядела как живая. Я поставил ее на комод, однако очень скоро она начала вонять. Пришлось выбросить. До сих пор не понимаю, что я сделал не так. Так вы приехали из Лондона?

— Да, сэр, сегодня утром. Мы узнали ваш адрес у издателя. Переночуем в вашем городе, а завтра вернемся в столицу. Мистер Фергюсон, нет ли у вас подходящего фотопортрета?

— Однажды в молодости — мне было двадцать с чем-то — я провел несколько дней в Лондоне. Ничего особенного. Все жители имели такой

важный вид, будто они сказочно богаты, — страшно подступиться.

— Фотография, дядя Прайди. У вас есть фотография?

— Нет, юная леди, иначе я бы так и сказал. Но зачем им мой фотопортрет? Дело ведь не во мне, а в мышах.

Корделия попросила принести чай, и все уселись за стол.

Профессор Саймон и мистер Пирсон вели себя все так же почтительно, а дядя Прайди отрешенно, но с огромной скоростью поглощал пирожные, время от времени бросая косые взгляды на Корделию.

Пришла тетя Тиш и была страшно недовольна, что ей не сказали о посетителях, иначе она бы передела блузу.

Корделии пришлось уговаривать гостей остаться поужинать: она не желала слушать никаких отказов. Ей очень хотелось, чтобы с ними познакомилась мистер Фергюсон и Брук. К тому же сегодня четверг — в этот день их обычно навещал мистер Слейни-Смит.

* * *

Вернувшись домой, мистер Фергюсон с Бруком обнаружили, что двери гостиной распахнуты настежь и у них гости. Мистер Фергюсон отдал шляпу поспешившему навстречу Холлоузу и размашистым шагом вошел в гостиную.

— Это мой брат, — представил его Прайди. — Профессор Саймон из Лондонского чего-то биологического. Мистер Пирсон Грабтри. Они...

— Профессор Саймон, — задумчиво произнес мистер Фергюсон. — Кажется, я слышал это имя... — они обменялись рукопожатием. — Мистер...

— Грабтри Пирсон.

— Да, разумеется. Слышал, слышал. Как это любезно с вашей стороны. Вас прислала мадам Вогэн? Кажется, вы мне не писали?

— Нет, это был душевный порыв.

— Корделия, надеюсь, вы оказали джентльменам подобающий прием? К сожалению, я сам задержался: дела, дела. Давно вы здесь?

— Около двух часов. Ваша невестка — не так ли? — пригласила нас к ужину, и...

— Замечательно. Надолго в наш город?

— Всего на одни сутки.

— Весьма польщен визитом. Мой сын, мистер Брук Фергюсон. Поэт. Я

счастлив, что вы решили провести вечер с нами... Это тем более удачно, что сегодня четверг и мы ждем в гости моего ближайшего друга, выдающегося биолога...

— Вы тоже биолог, мистер Фергюсон? Неизвестные таланты...

— Лишь в той мере, в какой таковым является всякий здравомыслящий современник, — мистер Фергюсон смахнул с сюртука пылинку. — Мы внимательно следим за всеми открытиями и выводами ученых. Сам же я, как вы могли слышать, занимаюсь крашением тканей. А также являюсь акционером текстильных фабрик Уоверли.

— Да? — вежливо произнес профессор Саймон и повернулся к дяде Прайди. — По-видимому, скромность — ваша фамильная черта. Мы получили огромное удовольствие...

— А вот и мистер Слейни-Смит, — сказал мистер Фергюсон. — Тот самый биолог, о котором я говорил.

— Не припоминаю. Он...

— Блестящий ученый, хотя и убежденный атеист.

— Боюсь, что сейчас многие из нас загнаны в угол, — сказал мистер Грабтри Пирсон, протирая пенсне. — Агностицизм — естественная реакция ученого. В своей статье от двадцатого июня я...

В это время в гостиную вошел мистер Слейни-Смит — подтянутый, готовый к бою, с квадратными плечами. Его познакомили с гостями, и скоро его немного гнусавый голос заглушил все остальные. Пробыв в доме два часа, ученые, очевидно, заключили, что вновь прибывшим известна цель их посещения, а мистер Слейни-Смит настолько привык встречать в Гроув-Холле незнакомцев, что принял ситуацию как должное. Дядя Прайди, в свою очередь, говорил больше, чем мог одобрить мистер Фергюсон, но последний воздержался от упрека.

Через несколько минут все двинулись в холл произнести вечернюю молитву, а потом вернулись к ужину. Дядя Прайди, как всегда, занял место между Корделией и тетей Тиш, а мистер Фергюсон усадил гостей по обе стороны от себя.

— Мой друг, мистер Слейни-Смит...

— Ах, да, вы же биолог, сэр. Вы выполняете задания местного университета или ведете самостоятельные исследования?

— Самостоятельные, — сказал в нос мистер Слейни-Смит. — Дважды в неделю я читаю лекции в Карпентер-Холле. Через месяц начну читать по вторникам курс лекций "Происхождение человека", а по четвергам — "Естественный отбор и свободная мысль". В последнем будет затронута главная тема моих новейших исследований.

— Вот как, — протянул профессор Саймон. — А что, мистер Фергюсон вам помогает или вы советуетесь с ним по практическим вопросам?

— Мистер Фергюсон? Ну, я бы не сказал...

— Я полагаю, — не без удовлетворения перебил его мистер Фергюсон, — что вы оказываете мне слишком большую честь. Конечно, частые дискуссии могут оказывать стимулирующее действие...

— Нет-нет, прошу прощения, я имел в виду другого мистера Фергюсона, мистера Томаса Прайда Фергюсона.

Воцарилось тягостное молчание. Мистер Фергюсон и мистер Слейни-Смит подозрительно уставились на дядю Прайди, всецело поглощенного жареным морским языком.

— Боюсь, что исследования мистера Томаса Фергюсона слишком глубоки, — молвил мистер Слейни-Смит, — чтобы я мог с ним сотрудничать, — и продолжал болтать, настолько довольный своей шуткой, что ему даже не пришло в голову, что гости приняли его слова за чистую монету. А мистер Фергюсон решил, что, должно быть, дядя Прайди расхвастался в их отсутствие и ему не помешает небольшой урок.

— Атеизм, — разглагольствовал мистер Слейни-Смит, — естественное состояние ума цивилизованного человека. Пока наш мозг не очищен от религиозного дурмана... На прошлой сессии один студент спросил меня: "Сэр, неужели вы не верите в существование души?" — а я ответил: "Сэр, я поверю в существование души, когда вы покажете мне ее на операционном столе". По-видимому, ему не приходило в голову посмотреть на вещи с этой точки зрения.

— Если говорить об операционном, точнее, прозекторском столе, — сказал дядя Прайди с набитым ртом, — припоминаю, как одна землеройка...

— Ваши доводы представляются мне небесспорными, — снисходительно произнес мистер Фергюсон, совершенно игнорируя брата. — Если руководствоваться только тем, что можно воспринять визуально, придется исключить половину атрибутов цивилизации: совесть, чувство юмора, память...

Они еще немного поспорили, а затем, заметив пассивное поведение гостей, мистер Фергюсон перевел разговор на более знакомый ему предмет. Однако ученые продолжали вести себя весьма сдержанно, и нить разговора вновь перехватил мистер Слейни-Смит. На него абсолютно не действовало безучастное отношение публики.

Наконец мистер Фергюсон обратился к одному из гостей:

— Но, возможно, вы с нами не согласны, профессор Саймон?

— Вы оба весьма подкованы в теории современной биологии, — ответил тот. — Но, конечно, теория — еще не все. Мне кажется, мистер Томас Фергюсон хотел что-то сказать?

— По-моему, — проговорил Прайди, — все довольно просто. Все мы агностики, не правда ли? Вы стыдитесь этого, стыдитесь смирения. Вы не можете верить, потому что тогда вам придется признать, что вы почти ничего не знаете. Но атеизм — даже не один из шагов на пути к познанию, он — шаг в сторону. Ибо атеизм есть интеллектуальная гордыня, несовместимая со смирением. Это диаметрально противоположные вещи. Вот принципиальное различие, все же остальное — производные. Передай мне, пожалуйста, хлеб, Тиш.

— Вы не станете возражать, — спросил Грабтри Пирсон, водружая на переносицу пенсне, — если я запишу ваши слова, пока они свежи в моей памяти? Я буду вам чрезвычайно признателен. Сейчас, только достану блокнот.

Мистер Фергюсон и мистер Слейни-Смит тупо уставились на конспектирующего гостя. Мистер Слейни-Смит достал из кармана белоснежный шелковый носовой платок и вытер усы.

— Мне бы очень хотелось, — обратился профессор Саймон к дяде Прайди, — познакомить вас с мистером Гексли. Если будете в Лондоне...

— Мистер Гексли? — изумился мистер Слейни-Смит. — Вы его знаете?

— Да, мы вместе учились в школе. Так если будете в столице, мистер Фергюсон, я мог бы организовать встречу.

— Не знаю, — ответил Прайди. — Может быть, да, а может быть, и нет. Нужно подумать.

— Вряд ли, — в своей обычной манере олимпийца сказал мистер Фергюсон, — мой брат когда-либо поедет в Лондон. Зато я осенью собираюсь туда и с удовольствием познакомлюсь с мистером Гексли.

Профессор Саймон не очень-то любезно посмотрел на него.

— Не думаю, что это возможно.

— Естественно, я не собирался навязываться. Вы сами предложили...

— Я предложил вашему брату, сэр. Простите, если я задену ваши чувства, но мистер Гексли не располагает временем, чтобы принимать простых смертных.

Убийственная пауза. Атмосфера в комнате сгустилась до взрывоопасной.

Мистер Фергюсон жаждал выяснить все до конца.

— Что же позволяет вам предположить, будто моего брата ожидает более любезный прием в столь избранном кругу?

— Мне кажется, это очень просто. Если бы вы написали ученый труд такого же масштаба...

Опять наступило молчание. Корделия сидела с опущенной головой, обвиняя себя в том, что не предвидела подобного развития событий.

— Труд? — недоверчиво переспросил Слейни-Смит. — Вы имеете в виду его книгу?

Мистер Фергюсон никак не мог уразуметь.

— Но мы обязаны вашим визитом моей приятельнице миссис Вогэн?

— Мы приехали встретиться с вашим братом. Я думал это ясно.

Брук в первый раз за весь вечер открыл рот.

— Ничего себе!

— Здесь, должно быть, какое-то недоразумение, — пришепetyвая от волнения, сказал мистер Фергюсон. — Почему вас заинтересовала книга моего брата?

— Мы считаем ее наиболее значительным вкладом в развитие биологии за последние годы. Скоро о вашем брате узнают повсюду.

Мистер Слейни-Смит обратился в камень.

— Если бы кто-нибудь, — начал мистер Фергюсон, — потрудился предупредить меня, просто нашел бы несколько минут времени, чтобы объяснить... Естественно, у себя дома ожидаешь, что тебя поставят в известность о том, что произошло до твоего прихода. Кажется, я не слишком многого требую.

Все молчали. Корделия поняла, что необходимо что-то сказать.

— Мне очень жаль. Мне следовало...

Мистер Грабтри Пирсон взглянул в лицо мистера Фергюсона и очень спокойно произнес:

— Должно быть, это недоразумение возникло отчасти по нашей вине. Иногда люди не понимают друг друга. Просим прощения. Возможно, нам удастся организовать для мистера Фергюсона встречу, о которой он мечтает. Как вы думаете, профессор Саймон? Возможно, мистер Гексли не откажется познакомиться с мистером Фергюсоном, если он приедет вместе со своим братом?

Эта уступка возымела обратный эффект.

— Я вовсе не собираюсь причинять вам лишнее беспокойство, — ледяным тоном заявил хозяин дома.

Дядя Прайди в это время доедал сочную баранью котлету. Через минуту он положил нож и вилку и сказал:

— Насчет мистера Гексли. Я высоко ценю ваше предложение. Несомненно, это великая честь. Но он на неверном пути. Как вы думаете, ему понравится, если я так и скажу? И еще кое-какие неприятные вещи?

Глава V

Так оно началось, а потом, подобно снежному кому, покатилося с горы, увеличиваясь с каждым оборотом. Моргая, как почтенная старая крыса, дядя Прайди возник из шестидесятидевятилетнего небытия, чтобы в одночасье стать знаменитым. О нем узнал весь город или, во всяком случае, та его часть, которая следила за развитием науки. После публикации первой статьи мистера Грабтри Пирсона, в которой шла речь об исследованиях и блестящих выводах этого выдающегося жителя Манчестера, который, трудясь в полном уединении и практически безо всякого технического оборудования, существенно расширил представления о биологических типах, слава обрушилась на него бурным потоком, грозящим обернуться наводнением. Дядю Прайди наперебой приглашали на званые обеды, лекции, в жюри, ему заказывали статьи, просили подписаться на благотворительные займы, выбирали руководителем того и вице-президентом этого, предлагали современную лабораторию, уговаривали написать еще одну книгу, посетить Лондон, посетить Ливерпуль, отправиться в составе экспедиции в Антарктику. Все это было чрезвычайно приятно для его друзей и обременительно для родственников.

Мистер Фергюсон и мистер Слейни-Смит испытывали сильное беспокойство. Само собой, они не могли не радоваться неожиданному триумфу Прайди, но мистер Фергюсон тревожился, как бы постоянное напряжение от встреч с новыми людьми не сказалось на здоровье брата и пагубно не отразилось на его нестабильной нервной системе.

Мистер Слейни-Смит утверждал, что подобные внезапные взлеты чрезвычайно опасны, ибо человек взлетает, как ракета, а падает, как камень. Когда престиж основан на одной-единственной книге, к тому же состоящей всего из трех глав, легко преувеличить собственную значимость. Публика переменчива. Стоит новизне притупиться, и новый кумир будет низвергнут с такой же легкостью, как и был вознесен.

Выражая свой восторг по поводу феноменального успеха Прайди, мистер Фергюсон в то же время находил бесчисленные предлоги для недовольства братом по другим поводам. На протяжении многих недель его ничто не радовало; он тяжело переживал свою ошибку, связанную с приездом ученых. Окружающие дорого платили за эту его ошибку — особенно доставалось Корделии.

В его отношении к ней теперь постоянно сквозило скрытое

недоброжелательство, и она, в свою очередь, тоже ожесточилась. Мистер Фергюсон донимал ее придирками относительно ведения домашнего хозяйства или воспитания Яна, причем все эти оскорбительные замечания выдавались за доброжелательные советы старшего. Корделия прекрасно понимала, какова будет его реакция, если она не выдержит и возмутится — с каким видом оскорбленной невинности, терпением и отеческим укором он встретит ее взрыв, детскую вспышку темперамента. Она хорошо изучила свекра и твердо решила не сражаться с ним на его собственной территории, особенно в присутствии Брука.

Она предвидела ревность со стороны мистера Фергюсона и мистера Слейни-Смита и даже находила в ней своеобразное удовольствие, граничащее со злорадством. А вот зависть Брука оказалась неожиданной и пугающе злой. Выход собственной книги явился жалкой, подмоченной петардой, с чем он в конце концов смирился. Но эта громкая, неожиданная слава его старого, всеми презираемого дяди больно ранила его самолюбие. Даже Корделия не сознавала всей глубины его терзаний. Это явилось последней каплей, переполнившей чашу.

Пришлось дать в честь дяди Прайди званый ужин. Мистер Фергюсон, как только мог, отлынивал от этого мероприятия, но, убедившись в том, что избежать его не удастся, переменил тактику и решил извлечь из него максимальную выгоду. Как раз приехал мистер Грабтри Пирсон; присутствовали все выдающиеся горожане, председатель и трое членов Философского Общества, по несколько человек из Атенеума и Дискуссионного Форума, представители Церковного Объединения воскресных школ Англии и даже Общества благотворительных обедов для сирот, а также два ведущих деятеля Унитаристской Церкви, с которой мистер Фергюсон вел борьбу, не говоря уже о представителях прессы, женах высокопоставленных чиновников и нескольких священнослужителях. Мистер Слейни-Смит не явился, сославшись на чрезмерную занятость.

Прайди не придавал сему мероприятию особого значения и охотно передал инициативу в руки брата, так что подчас создавалось впечатление, будто это мистер Фредерик Фергюсон написал нашумевшую книгу. Все же под конец дядю Прайди убедили встать и произнести речь, что он и проделал в своей обычной отрывистой манере. Для него всегда представляло невероятную трудность строго держаться темы. Его строптивый ум не мог опустить ни одного из побочных соображений и, точно марионетка на ниточке, перескакивал с одного на другое.

В этот вечер грань между гением и сумасбродством оказалась, как

никогда, неразличимой. Для родных дядя Прайди был стариком, несущим вздор, но для сведущей аудитории он предстал оригинальным мыслителем. В заключение он коснулся некоторых особенностей характера Лорда Палмерстона, своего неумения поддерживать огонь в камине, Шудхиллского рынка и его ужасного запаха, гражданской войны во Франции, музыкального гения Вагнера, скверного качества гобоя в городском оркестре, безобразных фасонов дамской одежды и объяснил, почему баранина из Уэльса тушится лучше всякой другой.

Во время этой речи Корделия заметила среди гостей элегантно одетого джентльмена лет сорока, не спускавшего с нее глаз. Потом, когда сели пить чай, он подошел к ней.

— Прошу прощения, миссис Фергюсон, но мне кажется, что я вас где-то видел. Моя фамилия Прайс.

— Боюсь, что я вас не припомню, — с улыбкой ответила она. С течением времени ее бдительность притупилась.

Брук отошел потолковать с одним из своих друзей, а опоздавший Роберт Берч как раз находился рядом и передавал соседке сахарницу.

— Прошу прощения, — не унимался Прайс, — я не мог встречать вас в бывшем театре "Варьете"? Там самом, где случился пожар?

Удар пришелся не в бровь, а в глаз. Все равно что нож в спину — прямо в респектабельной гостиной. Принимая от горничной чашку чаю, она ответила:

— Вы, должно быть, ошиблись. Я не посещаю мюзик-холлы.

— Еще раз простите. Мне бы следовало знать. Меня ввело в заблуждение поразительное сходство. Те же волосы, глаза, цвет лица... не совсем обычное сочетание...

К Корделии медленно возвращалось самообладание. Главное — сохранить ясную голову. Она взяла из рук Роберта сахарницу и поблагодарила его. Когда он отошел, Прайс продолжил:

— Та дама была приятельницей бывшего владельца, мистера Стивена Кроссли. Конечно, с моей стороны было вопиющей нелепостью предполагать, будто вы могли посещать этот театр... в определенном качестве... вы понимаете... — он окончательно смутился.

— Да, разумеется, мы были знакомы с мистером Кроссли, и Брук даже бывал в его театре раз-другой — без меня. Но вы приняли меня за кого-то другого.

Все еще сконфуженный, он присоединился к общему разговору. Корделия только теперь осознала, сколь велика была опасность. Она убеждала себя, что для тревоги нет причин. Просто это произошло

слишком неожиданно — и как раз тогда, когда она почувствовала себя в безопасности.

Гости начали разъезжаться, она провожала их, одного за другим, в том числе и мистера Прайса. Ей почему-то показалось, что он вернется к этой теме, но он извиняющимся жестом коснулся ее руки и, не говоря ни слова, вышел.

Когда отбыл последний из его почитателей, Прайди повернулся и, прислонившись спиной к двери, сказал Корделии:

— Все это очень хорошо, скажу я вам. Все являются с лучшими намерениями и говорят, говорят, говорят! Но вы, должно быть, помните, что я сказал вам в самом начале? Они хвалят книгу совсем не за то, за что нужно.

Корделия прилагала немалые усилия, чтобы понять, о чем он говорит. Хвалят его книгу...

— Но должно же быть что-то...

— Вы имеете в виду землероек? Ну да, неплохой материал, который я задним числом вставил в книгу. Это могло быть написано много лет назад. Сейчас я не нахожу в нем ничего особенного — во всяком случае ничего выходящего за рамки здравого смысла, — он схватил ее за руку и повел обратно в гостиную. — Что с вами? Простудились?

— Нет-нет, все в порядке. Продолжайте, пожалуйста.

— Да, но вы вся дрожите. Ладно, поверим. Никто не обращает внимания на самую важную часть, касающуюся мышей. Это годы и годы исследований. Вы что-нибудь знаете о человеке по имени Мендель?

— Нет.

— Нет. Пирсон Грабтри тоже не знает. Я ему сказал: "Послушайте, что вы носите со мной, как с писаной торбой, если есть тот австриец? Мелкие фавориты забудутся, а он останется в истории. Поезжайте, пригласите его в Лондон!" Они только улыбаются. Послушайте, — дядя Прайди отпустил ее руку и начал шарить в карманах. — Вот письмо от того парня — он то ли монах, то ли что-то в этом роде; все бы ничего, но приходится тратить слишком много времени на молитвы. И еще умерщвление плоти, сон в нетопленной келье, ношение власяницы... Впрочем, кажется, у монахов весьма недурная кухня... — Прайди уставился в пространство перед собой, явно заблудившись в мыслях о недурной кухне. Затем развернул письмо. — Вы читаете по-французски? Какая жалость. Так или иначе, взгляните на подпись. Он написал книгу, которая делает мою устаревшей по меньшей мере за два года до публикации. Я сам прочел ее только в прошлом месяце и сразу написал ему.

Вот его ответ. Я хочу вставить его в рамку. Да. Теперь вы понимаете? Много шума из ничего. У меня и в мыслях не было подтверждать их любимую теорию эволюции, — он злорадно хмыкнул и почесал затылок. — На самом деле я считаю ее ошибочной. Всегда считал. Они делают слишком далеко идущие выводы. Но разве им что-нибудь объяснишь? Когда-нибудь они поймут свою ошибку.

Корделия собралась было последовать за ним наверх и вдруг заметила еще не разобранный вечернюю почту. Прежде чем она подошла и прочитала адрес на конверте, она уже знала, что верхнее письмо адресовано ей. Последовавший сразу же за первым, этот новый удар оказался вдвое сильнее. Но взяв письмо, Корделия успокоилась: на конверте стоял штампель Нью-Йорка...

Глава VI

Мистер Слейни-Смит исчез двадцатого октября. Фергюсоны узнали об этом только в четверг, когда в гостиной, как раз перед вечерней молитвой, возникла обезумевшая от горя дама. Она нервно оглядывалась и все не могла стянуть перчатки.

Они не сразу поняли, что она такое говорит. Корделия, немного более других осведомленная о делах в доме Слейни-Смитов, первой уловила смысл ее речей.

— Вы хотите сказать, он вас бросил?

— Не знаю, миссис Фергюсон. Я действительно не знаю. Но я боюсь, я готова к худшему. В субботу он вернулся поздно ночью. Он выпил (об этом можно было догадаться по запаху). В воскресенье он был не в духе — больше, чем всегда. Целый день ни с кем не разговаривал, даже с Сюзи, которая относилась к нему — она немного хромает и, как вы знаете, является его любимицей. Мы затопили камин — несмотря на то, что было тепло, даже душно. Он целый день, не шевелясь, сидел на одном месте — мы не смели подходить к нему. Никогда еще я не видела его таким мрачным, таким неприступным. В понедельник он ушел, как обычно, да так и не вернулся до сих пор. Я понятия не имею, что делать, где искать... дети плачут...

Во время этого монолога мистер Фергюсон нервно мерил шагами комнату, заложив руки назад и сцепив их под фалдами сюртука. Было ясно: он ничего не знает и переживает оттого, что друг не пожелал ему довериться.

Миссис Слейни-Смит побывала на складе чая, где работал ее муж, но не решилась заявить в полицию. Она очень надеялась избежать скандала.

Однако у мистера Фергюсона оказались свои соображения относительно того, что следует предпринять. Сразу после ужина они вместе отправились в ближайший полицейский участок. Обе женщины каких-то несколько минут оставались наедине, и миссис Слейни-Смит прошептала Корделии:

— Ох, миссис Фергюсон, я так напутана! Не знаю, правильно ли я поступаю. Боюсь, что, даже если мистер Слейни-Смит вернется, я так ничего и не узнаю. Если бы он оставил мне хоть какую-нибудь записку! Я перенесла бы самое худшее, уверяю вас, — все лучше, чем оставаться в неизвестности.

— Вы думаете, с ним случилось несчастье?

— О нет, он ни за что не причинит себе вреда. Я подозреваю, что он сбежал с той женщиной. Вы не представляете мои муки!

— Вы ее видели?

— Нет. Они очень ловко это скрыли. Однажды я попыталась выследить его, но сразу бросила эту затею: у меня разорвалось бы сердце. Однако моя приятельница, миссис Эпплтон, однажды видела его на Элбертсквер оживленно беседующим с какой-то молодой женщиной. У меня нет сомнений, что он давно с ней встречается.

Миссис Эпплтон как-то раз увидела его оживленно беседующим... и тотчас сочинила историю. Для Корделии этот разговор таил в себе неизъяснимое очарование — она слушала, как завороченная.

— Это бесчестье для семьи. Ах, миссис Фергюсон, ведь ему сорок восемь лет — из них он восемнадцать лет женат. Я всегда старалась быть хорошей женой. Возможно, я утратила былую красоту, но я старалась сохранить хотя бы часть ее — очень старалась! — миссис Слейни-Смит повернула к свету увядшее лицо. — Ох уж эти гадкие женщины, разрушительницы семейного очага, для них нет ничего святого! А мистер Слейни-Смит темпераментный — вот в чем беда. Временами мне бывало нелегко, да...

Корделия вежливо перебила ее:

— А вы не спрашивали в мюзик-холлах?

— Нет, миссис Фергюсон. Я не могу заставить себя туда пойти. Ведь он наверняка встретил ту женщину в одном из этих мест. Я не могу так унизиться!

* * *

Полицейские не посчитали это за унижение, но когда, вопреки желанию миссис Слейни-Смит, им стали известны ее подозрения, их поиски стали менее рьяными. Беглый муж не вызывал у них такого интереса, как потенциальный самоубийца. Мистер Фергюсон был возмущен предположениями и поведением этой женщины и, хотя продолжал разговаривать с ней предельно вежливо, за глаза называл ничтожеством, чей скудный умишко выискивает самые низменные мотивы.

Так прошли выходные. У Яна началась простуда; одновременно разболелись зубы. Дядя Прайди съездил в город и купил ему игрушечную

заводную мышку, которая носилась по ковру в гостиной, наводя страх на тетю Тиш — та поджимала ноги. Во вторник, около одиннадцати часов утра, Бетти вызвала миссис Фергюсон из детской, сказав, что какой-то мальчик принес записку и не соглашается передать ее никому другому. В холле Корделия увидела худенького, белобрысого ребенка лет девяти с вытянутым анемичным лицом. Она распечатала конверт и увидела пляшущие буквы. Текст гласил:

"Умоляю вас, миссис Фергюсон, не могли бы вы немедленно приехать? Он вернулся. Я не могу вам всего рассказать. Пожалуйста, прихватите с собой кого-нибудь еще."

С минуту она молча взирала на мальчугана, не зная, можно ли задавать ему вопросы. Он выглядел таким испуганным, что она не решилась. Брук с мистером Фергюсоном были на фабрике, а дядя Прайди уехал за конфетами.

— Когда твой папа вернулся домой?

— Не знаю, мэм. Когда мы встали, он уже был дома.

Бетти принесла ее верхнюю одежду. Как раз в это время заехал доктор Берч — взглянуть на Яна. Он улыбнулся Корделии.

— Роберт, — поспешно сказала она, — вы на кабриолете?

— Да. Вам что-нибудь нужно?

Она понизила голос и быстро объяснила, в чем дело.

— С удовольствием поеду с вами. Только... — Роберт покраснел. — В кабриолете мало места...

— Ничего. Как-нибудь поместимся. Это сэкономит нам примерно десять минут.

Парадная дверь в доме Слейни-Смитов оказалась распахнутой. Миссис Слейни-Смит ввела их в гостиную — простоволосая, с заплаканным лицом. Ее всю трясло. Она без сил опустилась в кресло.

— Ох, миссис Фергюсон, как я рада, что вы приехали, и доктор тоже, вы очень добры. Я провела ужасную ночь. Думала, она никогда не кончится. Он вернулся. Я ошибалась, о, я ужасно ошибалась, никогда себе не прощу, и дети натерпелись страху. Как вы думаете, мы сможем его остановить?

Роберт рискнул ответить:

— Не так-то легко остановить мужчину, если он...

— Он сказал, что намерен сегодня же со всем этим покончить. Вот почему я и послала за вами. Не знаю, насколько это серьезно... Он попрощался с детьми, обнял и поцеловал каждого и спросил, где Алек, а когда никто не ответил, сказал: "Я знаю, ты послала его за полицией."

Напрасно, Флорри, они уже не успеют".

— Куда он направился? — Роберт вскочил с места и устремился к двери.

— Куда-то в город. Ох, бедный мой Тед, как все это ужасно!

Роберт повернулся к Корделии.

— Вы умеете править лошадьми?

— Да, разумеется.

— Поезжайте помедленнее. Я побегу рядом. Миссис Слейни-Смит втиснулась рядом с Корделией.

Та подобрала вожжи и тронулась с места, оставив насмерть перепуганного Алека с братишками и сестренками. Роберт бежал рядом, держась одной рукой за боковую стенку кабриолета. Они обогнали омнибус и пару карет. По набережной прогуливались люди, но среди них не было мистера Слейни-Смита.

Проехав примерно треть мили, они очутились возле железнодорожного моста, известного под названием "Фенийская Арка" — в память о былой резне. Здесь расположились железнодорожные склады. Корделия первая заметила с высоты толпу возле склада и схватила Роберта за руку.

— Смотрите!

Она придержала лошадей.

— Вы его видите? — вскричала миссис Слейни-Смит. — Он там? Я ничего не вижу!

— Нет-нет... Но мне показалось...

— О!.. Надеюсь, он не... Не может быть!..

Роберт хотел протиснуться сквозь толпу, но оттуда вынырнул полисмен.

— Осадите назад, мистер. Туда нельзя. Произошел несчастный случай. Сейчас его вытащат. Уведите ваших женщин.

— Но в чем дело? Что за несчастный случай?

— Попытка самоубийства. Какой-то человек прыгнул под колеса поезда. Его тотчас убило. Не загораживайте дорогу.

Мистер Слейни-Смит все-таки решился.

Глава VII

— Я была на ложном пути, — причитала миссис Слейни-Смит, ломая загрубевшие от постоянной работы руки. — У него не было никакой женщины, дело оказалось совсем в другом. Какой стыд! Как я могла заподозрить... Но что еще я могла предположить? Вчера вечером я задремала; передо мной возникла покойная мама... и вдруг хлопнула входная дверь. Я сразу поняла, что это он. На него было страшно смотреть, просто невыносимо. Но он не был пьян. Он зажег лампу. Я собрала все свое мужество. "Мистер Слейни-Смит, — сказала я, — где вы пропадали целую неделю? И ни записки, ни единой строчки! Это нечестно по отношению ко мне и детям. Мы волновались, просто с ума сходили." Он так ничего и не ответил. Просто сидел на кровати и молчал. Я снова заговорила с ним. Наконец он повернулся ко мне — как будто только что заметил мое присутствие — и произнес: "Я ездил в Лондон. Мне нужно было разобраться, что к чему. Зато теперь я знаю, что делать. Это единственный выход, Флорри, единственно возможный выход для человека с последовательными взглядами. Ах, каким же я был идиотом — еще в юношеские годы, когда увлекался чудесными историями, свечами, библейскими сюжетами. И к чему это привело? Ты знаешь, что случилось с отцом. Так вот, я не собираюсь в третий раз выставлять себя на посмешище. Я цивилизованный человек, — продолжал он, словно в белой горячке, словно у него жгло внутри, — и я уйду, как цивилизованный человек".

В воздухе слабо запахло одеколоном — это мистер Фергюсон вытащил платок. Полуденное солнце, пробиваясь сквозь гардины, заливало гостиную — дешевые безделушки, ученые книги, японские статуэтки...

— Нет, мистер Фергюсон, он не бредил. Он все обдумал. Ах, если бы я могла все толком объяснить! Или хотя бы припомнить по порядку... Как я и думала, это началось более двух лет назад. У вас проводился спиритический сеанс, на который был приглашен человек по имени Густав — не правда ли?

— Да, разумеется.

— Ну вот, по словам мистера Слейни-Смита, этому Густаву явился с того света некто, похожий на покойного брата мистера Слейни-Смита, Чарльза, насквозь промокший и с распятием в руках. Вы знаете, Чарльз перешел в римско-католическую веру и в двадцатитрехлетнем возрасте

утонул в Средиземном море. Перед его отъездом они чуть ли не до драки разругались.

— Да, я прекрасно помню, — сказал Фрэнк Слейни-Смит. — Когда Чарльз решил уехать в Рим, это явилось для Теда чем-то вроде красной тряпки для быка. Это случилось после смерти отца и после неприятностей со служанкой... Всем нам тогда пришлось туго.

— Мистер Слейни-Смит, — продолжала вдова, — решил, что медиум получил послание от Чарльза. Он никак не мог выбросить это из головы. По его словам, он пытался забыть, убеждал себя, что это всего лишь телепатия. Но до того случая он целый месяц не вспоминал о Чарльзе. Вы знаете, как он всегда старался найти всему научное объяснение. После сеанса он пытался разыскать мсье Густава, но не смог. Тогда он связался по объявлению в газете с другим медиумом и примкнул к его кружку — просто чтобы разобраться. Вот где он все время пропадал, и вот куда уходили деньги — целых два года.

— Ему следовало поделиться со мной, — с горечью заметил мистер Фергюсон. — И каковы же были результаты?

— Он проникся их взглядами, мистер Фергюсон. Полностью подпал под их влияние. И скрывал это даже от меня, хотя я с радостью разделила бы его убеждения, его веру. Я же была настолько слепа, что заподозрила совсем другое. Мне нет прощения.

— Но что все-таки случилось?

— Ах, мистер Фергюсон. В прошлую субботу он, как обычно, отправился в мюзик-холл "Виктория" и вдруг увидел на сцене того самого француза под другим именем — он показывал фокусы!

"Боже!" — подумала Корделия.

— После представления мистер Слейни-Смит подошел к нему...

Мистер Фергюсон перебил ее:

— Сегодня же напишу Кроссли...

— Что толку, — возразила миссис Слейни-Смит. — В том-то и дело, что это была его идея.

— Как? Значит, ваш муж поехал в Лондон...

— Чтобы увидеться с мистером Кроссли. Должно быть, он еще надеялся... Бог знает, на что.

"На то, что это недоразумение, — подумала Корделия. — А Стивен оказался далеко..."

— И он нашел его. Мистер Кроссли только что возвратился из-за границы. Он во всем признался. Он хотел подшутить, вывести спиритов на чистую воду... И это ему удалось.

Бедная женщина поникла головой, так что можно было разглядеть редкий пробор.

— Сейчас будем пить чай. Моя приятельница миссис Эпплтон позаботилась... Сама не понимаю, почему я так спокойна после всего, что случилось. Помнится, больше двух лет назад к нам в дом приходила какая-то женщина с незапоминающейся внешностью. Судя по тому, что она говорила и какие вопросы задавала, можно было подумать, что она знала Чарльза ребенком. Я и рассказала ей все, что знала, и непреднамеренно скрыла это от мистера Слейни-Смита, потому что он всегда гневался при упоминании о Чарльзе.

— Ну хорошо, — сказал Роберт, — пусть этот человек признался — разве это означало, что и другие...

— Именно это я ему и сказала, а он ответил: "Все они мошенники, и вся жизнь — сплошной обман. Мы впитываем в себя ложь с молоком матери", — прошу прощения, это его точные слова. "Вся жизнь — сказал он, — сплошное жульничество. Позор. Наглое надругательство." Я не могу вспомнить все, что он говорил, а некоторые слова просто не смею повторить. "Человечество — гнойник на теле Земли. Все эти микробы пожирают друг друга. Есть только одна возможность выразить протест, только один выход."

— Не сомневаюсь, вы сделали все, что было в ваших силах.

— Да, мистер Фергюсон. Но это было выше моих сил, за пределами моего ума. Могла ли я надеяться его переубедить? Если бы рядом были вы, может, все сложилось бы по-другому. Все, что я могла, это говорить о себе и о детях. Я взывала к его чувствам: мол, справедливо ли с его стороны покинуть нас всех, десять человек, практически без средств к существованию одних в этом жестоком мире? Что станет с Алексом, Бернардом, Сюзи и Джеймсом? Но он ответил: "Может быть, из них выйдут свободные люди — а мне так и не удалось. Есть только один способ выжить — за счет других. Иначе тебя раздавят. Таков закон джунглей, ничего иного не дано". Я возразила: "А твоя работа? Кто доведет ее до конца?" Он расхохотался мне в лицо: "Какой смысл сражаться против Бога, если Он не существует?" — миссис Слейни-Смит подняла глаза и окинула собравшихся напряженным взглядом, полным страдания. — Это был единственный раз, когда мне показалось, что он не в своем уме. Когда мне не удалось понять его...

Глава VIII

— Холлоуз, камин в моем кабинете давно погас.

— Прошу прощения, сэра.

— А новые слуги опоздали к вечерней молитве.

— Прошу прощения, сэра, я прослежу, чтобы это не повторилось.

— Все в доме распустились. Не хватает твердой руки...

"Так вот как суждено было закончиться нашей сказке, нашей красивой истории!.. Да полно, красивой ли? Теперь она приобрела уродливые черты, ее омрачили тревоги, страхи... Пожалуй, эта любовь с самого начала была обречена: из-за его легкомыслия и моей трусости. Три-четыре вечера вместе, да тот вальс, когда мы плыли на волнах грез и мне открылись мои истинные чувства; да прогулка по берегу реки туманным ноябрьским днем..."

— Нет, спасибо, — отрывисто молвил Брук. — Мне не хочется.

— Ты ничего не ешь, мой мальчик, в этом-то вся беда. Ты слишком разборчив.

— Ем, сколько могу.

Брук был мрачен. Он поругался с отцом — что случилось в последнее время довольно часто. Добрая воля, владевшая всеми во время рождения Яна, исчерпала себя.

Тете Тиш не удалось выспаться во время тихого часа, и она клевала носом за столом. Один только Прайди был доволен жизнью. С послеобеденной почтой пришло приглашение — первое такого рода — набросать аннотацию к программе ближайшего концерта. Среди номеров значилась симфоническая поэма Листа "Битва гуннов".

"Никто ни о чем не догадывается, — думала Корделия. — Мне не к кому обратиться за утешением и советом. Не с кем поделиться моими чувствами, обменяться мнениями по поводу утренних событий. Будь я католичкой, могла бы прибегнуть к исповеди. Что сказал бы священник о моем решении? Но не в этом дело, совсем не в этом..."

Мистер Фергюсон обратился к сыну.

— Корделия говорила тебе, что заезжал Стивен Кроссли?

Внезапно выведенный из транса, Брук вздрогнул.

— Нет. Это из-за несчастья с мистером Слейни-Смитом?

— Можно только гадать. Корделия отказалась принять его.

"А что я могла поделать, — думала она, — когда Ян цеплялся за мои

юбки? Что я могла поделаться?"

— Странно, что он попросил доложить о себе именно Корделии. Наверное, не предполагал, что кто-то из нас окажется дома, и рассчитывал на ее сочувствие.

— В таком случае, — сказал Брук, — его ждало разочарование. Корделия никогда не питала к нему симпатии. Откровенно говоря, мне было бы интересно послушать, что он скажет.

— Мне тоже, — буркнул его отец. — И сказать, что я думаю о его поступке, — он недовольно запыхтел. — Но Корделия меня опередила.

Брук бросил на жену удивленный взгляд.

— Он спросил меня, — она изо всех сил старалась говорить спокойно, — а мне не хотелось его видеть.

Мистер Фергюсон повернулся к невестке.

— Кажется, к вам здесь всегда было хорошее отношение. Я рассчитывал на взаимную симпатию. Вы же проявили такое своеволие в присутствии слуг. — Он поднялся из-за стола. — Брук, зайди после ужина ко мне в кабинет.

"...Я сказала Бетти: меня нет дома. Вот и все. Если бы у меня хватило смелости принять его сторону! Выйти ему навстречу..." Общественное мнение — страшная сила, а относительно истории с мистером Слейни-Смитом нет и не может быть двух мнений. Но она старалась судить беспристрастно, руководствуясь внутренним чутьем. В конце концов, это не касалось их отношений. Глупая шутка, обернувшаяся трагедией. Нужно забыть об этом. Но он приехал, когда дома был мистер Фергюсон...

В своем последнем письме он сообщал, что заедет повидаться с ней сразу по возвращении из Америки, и сдержал слово. А она прогнала его прочь, даже не захотела встретиться лицом к лицу, не выслушала его объяснения. Больше она его не увидит.

— Когда он заезжал? — поинтересовался Брук.

Корделия уставилась в тарелку.

— Около одиннадцати. Я была с Яном в детской. Твой отец заходил поговорить о новой швейной машине.

— Какой марки?

— "Уилер и Уилсон".

— Хотел бы я знать, что привело его сюда. Должно быть, до него дошли слухи. Это была скверная шутка. Но все равно. Я бы с удовольствием послушал, как им это удалось. И свечи... Чистая работа! Почему ты его отослала?

— Мне было нечего ему сказать.

— Все равно не стоило так обижать папу.

Дядя Прайди положил карандаш и взялся за вилку.

— Я думаю начать вот так: *"В последнем издании симфонической поэмы мистера Листа, которую я, откровенно говоря, не нахожу ни поэмой по духу, ни симфонией по форме, тонкий ценитель музыки услышит, начиная с девятого такта, отчетливую поступь князя Бисмарка по Вильгельмштрассе. Далее следует длинный, бурный пассаж — начало битвы гуннов, которой многие из нас ныне неумеренно гордятся..."* Как вы думаете, это напечатают?

— Тебя попросили написать аннотацию, а не критику, — заметил Брук. — Кроме того, это не имеет отношения к современной истории.

— Все имеет отношение к современной истории. Беда многих людей заключается в том, что они рассматривают предметы и явления изолированно — например, судят о человеке, не зная, кем был его отец, Возьмите мышей. Наука всеобъемлюща.

"Доверься я дяде Прайди — что бы он сказал? Но как он может понять, плохо зная Стивена, почему я все еще мечтаю уйти к нему и что именно мне мешает?"

После ужина Брук провел некоторое время с отцом. Потом он с сердитым выражением лица зашел в спальню.

— Делия, папа хочет тебя видеть. В своем кабинете.

Ну что же, она готова. Конфликт назревал уже несколько дней. Эта утренняя перебранка... Но сейчас вряд ли уместно ссориться. Ей все равно, что он скажет.

— Вы меня звали, мистер Фергюсон?

— Да. Садитесь, пожалуйста. Я сейчас освобожусь.

Молчание, нарушаемое лишь его сопением. Странная вещь — сила личности. В каком бы состоянии духа вы сюда ни вошли, очень скоро вы начинали чувствовать себя так, словно вас повысили в должности или высекли, как нерадивого ученика. За три дня, прошедшие после похорон, он ни разу не был на фабрике и вообще только раз выезжал из дома. Одно это уже говорило о том, как велико было его горе. Он потерял лучшего друга.

Через минуту мистер Фергюсон отложил свои бумаги.

— Помните, утром я сказал, что хотел бы кое о чем поговорить?

— Да.

— Это касается Брука и вас. В последнее время я не удовлетворен нашими отношениями. Им не хватает сплоченности. Я долго размышлял о причинах.

— Мне очень жаль, — произнесла Корделия.

"Может быть, Стивен приезжал просить прощения? Господи, хоть бы я умерла!"

— Вот именно, сплоченности. Позвольте мне сказать, Корделия, что в последние три месяца я ощущаю в наших отношениях некоторую холодность. Не будем искать виновного. Все не так просто. Первый шаг к устранению недостатков — их осознание. — Он смотрел мимо нее — беспристрастный судья, строгий, но справедливый, — и, как всегда, шумно дышал.

— Да, — повторила Корделия, думая: "Должно быть, он уже на пути в Лондон..."

— С одной стороны, я слишком занят, а с другой — вы, обладая живым, деятельным умом, страдаете от недостатка возможностей его приложения. Конечно, вы уделяете много времени вашему сыну... Вы, должно быть, знаете, что мистер Слейни-Смит умер, оставив одни долги?

— Да, Брук говорил мне.

— Осталась вдова и девятеро детей. Это огромное несчастье. Полагаю, я должен оказать им посильную помощь. И вот, в свете последних событий, я подверг ревизии свои дела.

Корделия терпеливо ждала, пока свекор задумчиво барабанил пальцами по папке с бумагами. Наконец он продолжил:

— Я хочу увеличить число основных держателей акций компании с трех до шести, включив в это число вас, Брука, а также коллективного члена — семейство Слейни-Смит, разделив основной капитал поровну между всеми шестерыми. Руководить будете главным образом вы с Бруком, а я оставлю за собой функции советника. Так я постепенно передам бразды правления в ваши руки. Это должно стать дополнительным стимулом, — он то сжимал, то разжимал кулаки. — Я говорю обо всем так подробно, чтобы вы могли подвергнуть сей проект всестороннему рассмотрению.

Она ожидала язвительной критики, может быть, даже грубых нападок, скандала — только не этого! Благороднейший жест! Корделия должна была бы ощущать удивление, признательность, но вместо этого думала: "Что, если бы я приняла его? Но это же было невозможно. У меня не было выбора".

— Смерть Слейни-Смита заставляет думать о том, как много места в нашей жизни занимают пустяки, как мы склонны делать из мухи слона. С годами я не становлюсь моложе. Я давно мечтаю посвятить больше времени общественной деятельности. Поэтому нахожу проект вполне удовлетворительным.

Корделия открыла было рот, но мистер Фергюсон продолжал:

— Прошу вас хорошенько обдумать мое предложение. Хорошо, что у вас уже есть кое-какой опыт и вы можете представить последствия такого шага. Признаюсь вам, — он вперил в нее взгляд жестких, как сталь, глаз, — мне не хотелось делать подобное предложение одному Бруку. Хотя он мой сын, я отдаю себе отчет в том, что его способности ограничены. Если быть предельно честным, я главным образом полагаюсь на вас.

Что это — лесть? Ему что-нибудь нужно?

Нет. Люди не лгут, когда речь идет о том, что является делом их жизни. Это уже не первый раз, когда после мелкой, пошлой перебранки он неожиданно меняет тактику, заставляет ее чувствовать себя злой и неблагодарной.

— Не сомневаюсь в том, — сказал мистер Фергюсон, — что найдутся деловые партнеры, которые будут отговаривать меня от того, чтобы возлагать такую ответственность на женщину. Это не должно вас тревожить.

— Спасибо, — Корделия постаралась, чтобы ее голос звучал тепло. — Вы более чем добры, мистер Фергюсон. Брук будет счастлив.

Он сказал:

— Живя обыденными заботами, перестаешь видеть перспективу. Но внезапно в нашу жизнь врывается подлинная трагедия, и у нас открываются глаза. Вы говорите, Брук? Вряд ли. Брука в последнее время ничто не радует. Но поговорите с ним. Может быть, ваше влияние поможет ему ощутить прилив энтузиазма.

— Его что-то не устраивает?

— Во-первых, его раздражает любое сделанное вам предложение.

— Да, я знаю.

— Во-вторых, эта нелепая шумиха вокруг моего брата. Брук стал очень раздражителен, любая мелочь выводит его из себя.

— Может быть, не стоит включать меня в число руководителей компании?

— Тогда вся затея теряет смысл.

— Но я не могу принять ваше предложение в случае его несогласия.

Мистер Фергюсон встал.

— Я думал об этом. Помните, как один король решил разделить свое королевство? Одну из дочерей звали Корделия. Но он был слепцом и не понял истинной цены ее поступков, в основе которых лежали гордость, подлинная добродетель и верность. Наш случай несколько иной.

Корделия метнула на него тревожный взгляд.

— Наш случай иной, — повторил мистер Фергюсон. — К счастью, я не слеп, а вы не гордячка. Хотя подчас мне кажется, что чрезмерная лояльность тоже может быть недостатком. А как вы думаете?

— Не знаю.

— Вы чрезмерно лояльны. В этом есть свои опасности.

— Вы ошибаетесь, — от всего сердца сказала она; на глаза навернулись слезы.

— Надеюсь, вы примете мое предложение.

— Благодарю вас.

Не дожидаясь ее ухода, мистер Фергюсон отвернулся к окну и застыл, глядя на слабо освещенные кусты.

* * *

По окончании приема к Берчу нагрянул неожиданный посетитель.

Половину дома, где жил Роберт, по-прежнему занимала вдова его предшественника, и он по-холостяцки держал только одну служанку, которая ушла вместе с последним пациентом.

Сначала он не узнал своего гостя. Стивен подошел к свету.

— О, да это Кроссли! Я вас не узнал. Заходите, пожалуйста.

В его голосе прозвучали самые разные чувства, и Стивен это отметил.

— Спасибо.

Он последовал за врачом наверх, в небольшую, заставленную книжными полками комнату, с двумя лампами под абажурами да старым спаниелем на коврик перед камином.

— Я помешал? Больные или еще что-нибудь?

— Нет, нисколько. Садитесь. Вы курите?

— Спасибо, я предпочитаю сигары, — Стивен опустил в кресло и пригладил волосы. Роберту показалось, что он чувствует себя немного не в своей тарелке. Он вдруг остро ощутил убожество своего костюма.

— Давно вы не бывали в этих краях! Несколько лет, не так ли?

— Около трех. Я большей частью жил в Америке. Но заехал на несколько дней сюда, вот и подумал, что стоило бы повидаться с друзьями.

Роберт был несколько удивлен тем, что его причислили к друзьям, но не показал виду.

— Очень рад. Вы уже были у Фергюсонов?

— Нет, — Стивен зажег сигару от свечи. — Благодарю вас. То есть, я

заезжал, но их не оказалось дома. Как-нибудь загляну еще раз. Как они поживают?

— Прекрасно. Вы слышали о феноменальном успехе старого Фергюсона?

— Нет, — Стивен внимательно выслушал рассказ Берча. — А я-то считал его выжившим из ума. Должно быть, это действительно вклад в современную науку. — Они еще немного потолковали о Прайди. Затем Стивен спросил: — А другой старикан — Слейни-Смит? Говорят, он покончил жизнь самоубийством?

— Да. После того злополучного сеанса в доме Фергюсонов он пристрастился к спиритизму.

— Я знаю. Судя по тому, что я слышал, все так и рвутся накинуть мне петлю на шею — как будто это я толкнул его под поезд?

Берч усмехнулся и почесал спаниеля за ухом.

— Ну, не до такой степени.

— Мне очень жаль, — сказал Стивен. — Действительно очень жаль. Но, говоря по совести, это же абсурд — уподобляться иудейскому пророку. Да если бы мы рассчитывали последствия наших слов и поступков до третьего колена, нам всем следовало бы уйти в монастырь и отказаться от всякой деятельности — и пусть мир катится в тартарары. Вы же умный человек, Берч.

— Я вас понимаю.

— Красиво — и очень глупо. Просто уму непостижимо. Прежде всего, я никогда не мог понять дружбы между Фергюсоном и Слейни-Смитом. Должно быть, старик убит горем?

— Не будем преувеличивать.

— Интересно, приходит ли ему в голову, что Слейни-Смит тоже причинил в жизни немало зла, читая лекции, направленные против религии, кощунствуя и пропагандируя свои однобокие доктрины? Скольким людям он привил атеистические взгляды, а может быть, и довел до самоубийства, если ему попался кто-то слабый, нуждавшийся в одном единственном толчке в пропасть.

— Полагаю, — возразил Берч, — трудно судить человека за то, что он открыто провозглашает свои верования или их отсутствие, — разумеется, если он искренен?

— Вы знаете, он приезжал ко мне. Я как раз только что возвратился из Штатов. Сначала я не заметил в нем ничего необычного. Когда он сообщил, что видел на эстраде Клодиуса, я понял, что игра окончена, и тотчас признался. Он же не верил в сверхъестественное — я ожидал, что он

посмеется вместе со мной. Это же всего-навсего фокус, шутка! А если говорить об искренности — как он мог все два года продолжать читать лекции по атеизму, если уверовал в спиритизм? По-вашему, это говорит об искренности?

— Это говорит о тяжелейшем внутреннем конфликте, — возразил Роберт. — Доказательством послужило его самоубийство.

— Оно послужило доказательством отсутствия чувства юмора, — парировал Стивен. — Господи! Да если все начнут сигать под поезд при первом же разочаровании в своих философских взглядах — что будет с миром?

— Я его не оправдываю, а просто говорю, что все не так просто.

— О да! Они в первый же вечер показались мне такими напыщенными... кажется, вас тогда не было. Так и хотелось преподать им небольшой урок!

— И вы решили проучить их.

— Да. Более или менее.

В комнате воцарилось молчание. Оба собеседника почувствовали раздражение. Наконец Стивен спросил, пытаясь сменить тон на более дружелюбный:

— Как поживает миссис Фергюсон?

— Спасибо, хорошо.

— Брук здоров? Излечился от пневмонии?

— Вполне.

— Чем она занимается?

— Миссис Фергюсон? Должно быть, обычными делами.

— Не очень-то подходящий дом для такой женщины — вам не кажется? И вечно больной муж.

— Фергюсоны — мои хорошие друзья.

Стивен нетерпеливо пыхнул сигарой.

— Я не собираюсь испытывать вашу лояльность. Просто я всегда питал слабость к миссис Фергюсон. Мне казалось, что она заслуживает более интересной жизни.

— Ну, они часто устраивают концерты. Старик весьма гостеприимен. И потом, она заботится о ребенке.

— Ребенке? — встрепенулся Стивен. — Клянусь всеми святыми, я не знал. Ничего об этом не слышал. — На его лице появилось горькое выражение. — Совсем ничего.

Они немного помолчали, потом в глазах Стивена что-то блеснуло.

— Сколько ему?

Роберт внимательно посмотрел на своего гостя и наклонился к спаниелю.

— Яну? Э... скоро два года.

Собака поднялась на все четыре лапы, встряхнулась и снова улеглась у ног хозяина.

— В таком случае, — медленно произнес Стивен, — конечно... Да, ей, разумеется, есть чем заняться. Я не представлял, что у Корделии ребенок. Она очень изменилась?

— Я бы не сказал.

— И, разумеется... Брук очень доволен собой? Как же — еще один Брук... еще одна тень старика Фергюсона!

— Не думаю, что такая особа, как миссис Фергюсон, позволит воспитать своего сына вопреки собственным принципам.

Стивен долгим взглядом посмотрел на врача.

— Думаете, она живет своим умом?

— Да.

— Может быть, вы и правы.

Они несколько минут поболтали на общие темы. Но интерес гостя явно иссяк. Он задавал вопросы, но вряд ли слушал ответы. Наконец он докурил сигару и раздраженно швырнул окурок в камин.

— Что ж, не буду больше отнимать у вас время. Должно быть, ваша жена недовольна...

— Я не женат.

Их взгляды встретились.

— Правда? Как странно.

— Почему?

— Сам не знаю. Просто подумалось, — Стивен встал.

— А вы? — спросил Роберт.

— Я — нет. Уже нет. Несколько месяцев назад я получил развод.

— Вам не повезло.

— Да... Странно все обернулось. Смешная штука жизнь, Берч!

— Вы надолго в Манчестер?

— Нет. Завтра или послезавтра уезжаю.

— И куда?

— Какое-то время поживу в Лондоне. А потом, может быть, вернусь в Штаты. Хорошая страна. Я еще не решил.

На прощанье Стивен спросил:

— Доктор, вы циник?

— Не знаю. Не думаю. Просто стараюсь видеть вещи такими, как они

есть.

— Я тоже когда-то. Но как смотреть на вещи, если их нет?

Роберт помедлил с ответом.

— Не знаю. Может быть, понемногу привыкнете. Я врач, а не философ.

— Мне почему-то казалось, что вы должны знать. Ни у кого нет ответа на этот вопрос. Интересно, Слейни-Смит получил ответ?

Они с минуту помолчали. Шуршали, опадая, листья.

— В любом случае, — произнес Стивен, натягивая перчатки, — я не собираюсь следовать его примеру. По крайней мере сейчас.

Стоя на верхней ступеньке крыльца, Роберт Берч провожал Стивена взглядом, пока тот не скрылся из виду. Потом вернулся в дом и закурил трубку.

Он сам не знал, почему изменил возраст сына Корделии. Это был импульс, рожденный чудовищным подозрением, внезапно возникшим в его мозгу. Подозрением, которое исчезло, прежде чем он успел его сформулировать. Однако он чувствовал, что, если не принять меры, оно может вернуться.

КНИГА IV

Глава I

*Когда наденешь юбочку
С голубенькой каймой?
Когда назначит встречу мне
Мой Джонни дорогой.*

Три маленькие девочки в передничках, с разноцветными ленточками в волосах, так старательно выводили слова непритязательной песенки, словно от этого зависела их жизнь. Своими тонкими голосками они тщательно выговаривали каждое слово, не всегда попадая в такт мелодии. Кругом стояли и сидели еще одиннадцать детишек, приглашенных к Фергюсонам на Рождество, — в накрахмаленных жабо и с довольными личиками после вкусного угощения. Чуть поодаль, смущенные и немного не в своей тарелке, толпились взрослые: Эсси, миссис Блейк, тетя Тиш, миссис Торп, миссис Трэнт, миссис Слейни-Смит (спустя пятнадцать месяцев так и не снявшая траура) и жена викария миссис Шрайк в юбке с желтой отделкой и с "Манчестер Гардиан" в руках.

Корделия носилась взад-вперед, оживляя ход вечера, больше похожая на старшую сестру Вирджинии, чем на мать Яна. Эсси, бывшую всего на два года старше нее, замужество и материнство превратило в солидную матрону. Корделия же, несмотря на все пережитое, почти не изменилась. Вот уже пять лет она твердой рукой управляла домом, во много раз большим, чем у Эсси; весь последний год успешно руководила — в отсутствие мистера Фергюсона — красильнями (это вызвало удивление у ее родных и толки в городе), однако, когда это не требовалось, из властной вновь становилась, к удовольствию своей матери, такой же ласковой, непосредственной девушкой, которую несколько лет назад каким-то образом угораздило войти в эту богатую, всеми уважаемую семью.

Недоставало только дяди Прайди. Его давно обещанный визит в Лондон состоялся в октябре, а через три недели после возвращения он, как о чем-то само собой разумеющемся, объявил, что снял там на несколько месяцев квартиру и вот-вот уедет.

Сама мысль о том, что какой-нибудь член семьи выйдет из сферы его влияния, вызвала у мистера Фергюсона резкое неприятие. Он убеждал, что это напрасная трата денег, неуважение к семье, что Прайди становится игрушкой в руках честолюбивых южан; предрекал брату горькое

разочарование, крах иллюзий, возможно, даже ущерб здоровью; однако, к его большой досаде, Прайди потрещал пальцами и пошел укладывать вещи.

Он отбыл рано утром в пятницу в двух экипажах: один был битком набит чемоданами, книгами и записями, а в другом разместились он сам, виолончель и восемь клеток с крысами, мышами, землеройками и препарированными органами. В дорогу он надел купленный тридцать восемь лет назад длиннополый сюртук, белый жилет и желтые клетчатые брюки. Он также приобрел в Лондоне желтый котелок, но тот оказался маловат и еле держался на его густой седой шевелюре.

— До свидания, дядя Прайди, — Корделия ласково поцеловала его в плохо выбритую щеку. — Надеюсь, вы нас как-нибудь навестите? Мы будем скучать, особенно Ян.

Дядю Прайди терзали сомнения.

— Эти клетки... Я изготовил их вручную, буквально собрал из кусочков. Где-то недостает гвоздей, где-то перегрызены прутья. Не хотелось бы помещать их на крышу. Как вы думаете, они выдержат?

Пока он говорил, несколько глаз-бусинок пялились на них из клеток.

— Дать вам веревку?

— Попытка не пытка, — дядя Прайди рассеянно сдвинул котелок под опасным углом. — Не думайте, что я собираюсь вечно жить в Лондоне. Не понимаю тамошний народ. Слишком учтивы. Вы сами обязательно приезжайте навестить меня — вместе с Яном. Надеюсь, моих землероек не укачает в поезде?

— Вы сами справитесь на вокзале или вас проводить?

— Моя квартирная хозяйка — весьма любезная женщина. Кое-что смыслит в приготовлении пищи. Это большая редкость. Жаль только, у нее голос типичного кокни — прямо как напильник. Трещит без умолку. Ну, до свидания, дорогая. Я напишу вам сразу же, как только приеду.

Однако "сразу" обернулось добрыми тремя неделями — только по истечении этого срока дяде Прайди удалось засесть за письмо. И теперь, помогая детям организовать игру "Скромная вдова", Корделия вновь и вновь возвращалась мыслями к этому письму; чему способствовали и бесконечные рассказы Эсси об их лондонском житье — какие театры они с Хью посетили (Хью — в своем профессиональном качестве) и как высоко его ценят в редакции.

Прайди не удосужился указать адрес, либо начать с "Дорогая Корделия", или соблюсти еще какие-либо условности.

"Вы, должно быть, — начал он, — уже и не надеялись получить от

меня письмо, потому что давно прошли все сроки. Я был страшно перегружен и только сейчас улучил минутку для литературных экзерсисов. Путешествие оказалось довольно-таки утомительным. К счастью, я был один в купе — правда, пара человек заглянули в Кру, но тотчас вышли. Однако не обошлось без происшествий.

Мистер Гладстон, от которого я уж никак не ожидал, что он причинит мне беспокойство, повел себя весьма неуважительно и попросту улизнул, пока я спал. Эта выходка дорого ему обошлась. Какой-то глупый, невоспитанный старик через купе от нашего — он представился генералом, только что вернувшимся из Индии, причем несомненно с большой печенью от тропического климата (если все наши военные за морем таковы, не удивительно, что туземцы затевают бунты, я всегда сочувствовал угнетенным), — так вот, он пытался заколоть бедняжку сикхским охотничьим ножом. К счастью, поезд как раз остановился, а то супруга вышеозначенного генерала, грубая женщина, которую можно было бы вы знаете за кого принять, если бы я встретил ее на Элберт-сквер после десяти часов вечера, — уже опускала стекло, чтобы нажать на стоп-кран. Мне удалось отыскать мистера Гладстона — он спрятался на багажной полке. Мы объяснились, и, должен сказать, они не проявили особого уважения, а стало быть, и я тоже.

На вокзале в Лондоне я нанял кэб, чтобы доехать до моих апартаментов — это почти в центре, в районе, называемом Сохо. Кэбмен попался воспитанный и не возражал против того, чтобы я разместил моих маленьких друзей внутри кареты, а то они могли замерзнуть, и потом при расчете я выразил ему свою благодарность. Он же сказал, что ему все равно — как раз передо мной он вез в больницу женщину в лихорадке. Странно, что в столице не нашлось специального транспорта для перевозки больных. Когда приедете, садитесь только в пролетку. Я целую неделю места себе не находил, опасаясь, что мои крысы и мыши заразились какой-нибудь болезнью. Тем не менее все они пребывают в добром здравии, если не считать того, что у мистера Гладстона снова случился катар. Чтобы не забыть — позавчера я встретил мистера Кроссли, того, который подшутил над нами — помните спиритический сеанс? — и сбил с панталыку мистера Слейни-Смита. Я как раз куда-то спешил, не помню, куда, и мне некогда было особенно разговаривать; он просил передать вам привет. Самонадеянный молодой человек, но с ним приятно побеседовать. Он приглашал меня в какой-то мюзик-холл, где он управляющий. Но мне было некогда, так что мы расстались. Моя хозяйка говорит, мир тесен, но я так не думаю. По-моему, мир велик, хотя и

несколько перенаселен, поэтому в результате всяких перемещений время от времени и происходят подобные встречи.

Не сомневаюсь, что в ближайшие полгода я буду очень занят. Только что я три вечера подряд спорил с друзьями профессора Саймона о теории пангенезиса Дарвина. Я неоднократно повторял, что являюсь полным профаном в этой конкретной области и критикую вышеупомянутую гипотезу лишь с позиций здравого смысла, но они постоянно возвращались к ней, точно собаки — к тому месту, где их вырвало."

И дальше в таком же духе. Если уж Прайди садился за письмо, то старался оправдать стоимость марки. "Странно, — подумала Корделия, — ведь и я могла бы случайно встретить Стивена на улице — после всех душераздирающих подробностей, после разлуки... Значит, он все-таки не уехал в Америку... А теперь вот и Прайди уехал, и я еще более одинока."

— Мамуля, — Ян уцепился за нее горячей ладошкой. — Можно, мы поиграем в жмурки?

— Конечно, милый.

— А ты будешь играть с нами? Будешь водить?

— Ну, раз тебе так хочется...

Он радостно закричал своим маленьким друзьям:

— Ура! Мы будем играть в жмурки, мамочка будет водить! — от полноты чувств он толкнул какую-то девочку. — Играем в жмурки!

Немного позднее, поймав одного из маленьких игроков, Корделия развязала платок и увидела, что за игрой наблюдают Брук и Роберт Берч, принявший участие в празднике. Она предложила им включиться в игру. Роберт немедленно согласился, а Брук с улыбкой отказался.

— Я рассказывала Делии, — сказала Эсси Бруку, — как нам с Хью нравится в Лондоне. Почему бы вам не приехать погостить? Конечно, у нас не так роскошно, как в Гроув-Холле, зато удобно и прямо в центре. Мы устраиваем литературные вечера — приходят друзья Хью и спорят о Кольридже или последнем романе мистера Диккенса. Сама-то я только сижу и слушаю, но все равно получаю огромное удовольствие. У Хью дела идут прекрасно; со временем он надеется на должность редактора. Брук, ты знаешь Флит-стрит? Поздно вечером она выглядит необыкновенно романтично. Иногда Хью дежурит в редакции в ночную смену. Они начинают печатать в семь часов вечера.

"Хоть бы она перестала молоть языком", — подумала Корделия. Хотя Брук усиленно делал вид, будто это его не касается — мол, в их городе, в его собственном кружке есть свои литературные и прочие таланты, не уступающие столичным, — Корделия знала: слова Эсси для него — соль на

рану.

К этому времени дети слишком разошлись, и Корделии пришлось их утихомиривать. Хлопнула парадная дверь, и Корделия поняла, что пора кончать игру. Вернулся член Городского Управления Фергюсон.

В душе Брук был более чем когда-либо уверен, что отец сыграл с ним злую шутку. Они с Корделией стали полноправными компаньонами мистера Фергюсона только затем, чтобы еще полнее попасть под его влияние. Правда, он часто отсутствовал, но тем большей становилась их ответственность перед ним по возвращении. В свое время Брук предупреждал Корделию, но она не разделила его опасений. "В конце концов, что нам терять?" — сказала она, и он не нашел, что ответить.

Брук до сих пор не смирился с положением Корделии. Он никогда не выставлял себя противником условностей. Кроме того, речь шла о его жене, а не о жене его отца.

Он был чрезвычайно чувствителен к общественному мнению; ему не доставляло никакого удовольствия слушать, как эти двое обсуждают свойства пурпурина и фуксина либо план благотворительной покупки старых построек вблизи фабрики, чтобы снести их и возвести на этом участке жилые дома для рабочих. Иногда по вечерам Корделия заглядывала в кабинет мистера Фергюсона, и они не менее часа толковали о делах. Это его обижало.

Беда Брука была в том, что все хорошее он принимал как должное и замечал только плохое, например, нехватку подлинной свободы. Отъезд Прайди в Лондон превратился в его душе в постоянно ноющую рану; Корделии все чаще приходилось рядиться в тогу миротворца, успокаивающего раздраженных близких.

Никто из видевших Брука сидящим за рождественским столом, с покатыми плечами и бледным лицом аскета, или внимающим рассказам Эсси об их лондонской жизни, или любезно беседующим с одним из новых друзей мистера Фергюсона, приехавшим из Швеции, даже представить себе не мог, до какой степени он недоволен своей судьбой. И уж тем более никто, включая самого Брука, не подозревал, что развязка уже не за горами.

Глава II

Все началось две недели спустя с письма Хью Скотта.

С тех пор, как Хью переехал в Лондон, старые друзья время от времени писали друг другу, но, так как их жены делали то же самое, переписка начала угасать за недостатком новостей.

Вот что писал Хью:

"Дорогой Брук!

Наверное, ты удивлен, что так скоро получил от меня письмо: ведь Эсси только что вернулась от вас. Но речь идет о чем-то, не касающемся наших жен.

Сразу приступаю к делу. Обсуждается проект выпуска нового еженедельника под названием "Вестминстерский бюллетень". Он будет придерживаться либерального направления в политике, хотя и не радикального, и следовать независимым курсом. Лорд Гирундель обещает финансировать новое издание и должен занять место директора компании, определяющего политическую линию. Тебе известен его громадный опыт. Главным редактором станет Бромптон Джонс, а мне предложили должность редактора, отвечающего за политическую рубрику. Теперь о главном. Остаются вакантными две должности младших редакторов, которые должны возглавить не главные, но весьма существенные направления: финансовое и литературное.

Вакансии заполнить несложно: уже упоминались две-три кандидатуры, но предпочтение будет отдано тому, кто вложит в это дело средства. Вот я и подумал, что, если бы ты захотел занять одну из должностей и внес, скажем, пять тысяч фунтов, я мог бы обещать тебе это место. Не пойми так, что любой, внесший деньги, может стать редактором: это было бы фатальным для новой газеты, но у тебя есть печатные работы и репутация, что должно компенсировать нехватку журналистского опыта.

Поверь, это прекрасная возможность — конечно, если у тебя действительно, как ты говорил, не лежит душа к твоему теперешнему занятию и ты хочешь посвятить себя литературе. Бромптон Джонс десять лет работал в "Ньюз", а перед тем сотрудничал с "Таймс" и, уж конечно, не стал бы менять место работы, если бы не был уверен в надежности данного предприятия. Сам я вложил полторы тысячи фунтов, главным образом, заняв у отца. Мне всегда хотелось поработать

в какой-нибудь газете с самого начала ее основания, чтобы влиять и наблюдать за ее ростом.

Если тебя заинтересовало мое предложение, как можно скорее дай мне знать, и я сообщу подробности. В нашем распоряжении две недели, так что постарайся не терять даром времени. Мы надеемся выпустить первый номер в марте.

А теперь позволь поблагодарить тебя за Эсси и Джейн; они в восторге от своего пребывания в Гроув-Холле. Хотя, сказать по правде, я несказанно рад их возвращению. Отвык я от прелестей холостой жизни. Эсси всецело разделяет мои чувства. Неподалеку от нас сдается симпатичный домик, и она заранее предвкушает удовольствие жить по соседству с Бруком, Яном и ее дорогой Корделией. Я возражаю ей, потому что не знаю: может быть, ты и доволен своей теперешней жизнью в доме старика.

Искренне твой, Хью."

* * *

Как правило, без четверти девять Корделия вместе с мужчинами уезжала в красильни и, если они не собирались ехать домой обедать, в полдень возвращалась домой одна — то был конец ее рабочего дня. Но в этот день оба Фергюсона вернулись в Гроув-Холл вместе с ней. Корделия видела, что Брук чем-то озабочен. На его щеках играл непривычный румянец, и он был молчалив за обедом.

Пока фаэтон запрягали, чтобы снова ехать на фабрику, Брук улучил десять минут и показал ей письмо. Корделия почувствовала: необходима осторожность!

— С его стороны очень любезно сделать тебе это предложение. Заманчивый проект! Что ты собираешься делать? — если бы она любила мужа, ей незачем было бы изображать энтузиазм.

— Видишь ли, я всегда мечтал... нет, не о журналистике... но чем дальше, тем больше меня привлекает эта идея. Хью прав: у меня есть печатные работы — и статьи, и все прочее, что поможет мне завязать знакомства с нужными людьми. Ты знаешь, меня никогда не интересовало крашение тканей. Это будет настоящая жизнь!

Он бросил на жену странный взгляд: выжидающий, властный, как у отца.

— Сколько тебе дали времени на размышление? Две недели? Ты сообщишь?..

— Да, нужно сегодня же поставить его в известность. Я заранее знаю все, что он скажет.

— Брук, ты не думаешь, что лучше было бы попросить Хью, чтобы он написал подробнее? Пока все это довольно туманно. Надо бы поговорить с Хью и познакомиться с остальными. Я не собираюсь тебя отговаривать, но не лучше ли подготовиться к разговору с отцом?

Он раздраженно и не особенно решительно пожал плечами.

— Право, не знаю. Мне и так предельно ясно. Но я все-таки напишу Хью сегодня вечером.

И он умолк, заслышав на лестнице шаги мистера Фергюсона.

Таким образом, прошло четыре дня, прежде чем мистер Фергюсон впервые услышал об этом проекте. Корделия терзалась: уж не оказала ли она Бруку медвежью услугу, посоветовав повременить? А с другой стороны — если бы он был тверд в своем решении...

Брук оказался тверд.

В субботу вечером, когда все собрались в гостиной, он показал отцу первое письмо.

Первой реакцией мистера Фергюсона было:

— Двенадцатое января! Долго же шло письмо!

— Нет, папа, я получил его во вторник.

Мистер Фергюсон поднял брови и начал читать. Несколько минут все молчали; слышалось только пыхтение главы семейства. Прочитав, он сложил письмо и постучал им по костяшкам другой руки.

— Молодой Скотт всегда был энтузиастом. Надеюсь, он не разорится на этой афере.

— Не понимаю, почему он должен разориться. Здесь замешаны солидные люди. Да и Хью — себе на уме. Котсы — семья банкиров, а стартовый капитал составляет сорок тысяч фунтов.

— Что-то я не заметил, где об этом написано.

— По моей просьбе Хью прислал еще одно письмо — вот оно.

Снова воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь сопением мистера Фергюсона. Был холодный вечер; в камине пылал огонь, отбрасывая отсветы пламени на ажурную решетку.

— Признаться, я в некоторой растерянности. Он пишет так, будто ты попросил просветить тебя относительно подробностей.

— Да. Так оно и есть.

Мистер Фергюсон перечитал письмо.

— С какой целью, скажи на милость?

— Мне хотелось... Меня заинтересовало предложение, и я пожелал знать детали.

— Тебе следовало сначала посоветоваться со мной.

Тут вмешалась Корделия:

— Это я предложила разузнать... Я подумала, что не стоит зря беспокоить вас, прежде чем мы узнаем подробности, которые могли бы повлиять на решение Брука.

— Для меня никакое не беспокойство — помогать советом собственной крови и плоти. Это приятная обязанность.

Брук нервно вертел в руках первое письмо.

— Значит, так. Мое решение осталось неизменным, — в его голосе прозвучал вызов. — Он хмуро посмотрел через всю комнату на пылающий в камине огонь и куснул заусеницу.

— Скажи мне вот что, — произнес мистер Фергюсон. — Ты собираешься вложить в это дело пять тысяч фунтов, не принимая непосредственного участия?

— Нет. Я именно хочу участвовать — так, как предлагает Хью.

— А красильни?

Брук замешкался и сказал:

— Как-нибудь обойдешься без меня.

— Ты предлагаешь нам с Корделией вдвоем управлять фабриками, а ты обоснуешься в Лондоне?

— Нет. Если я перееду, то, разумеется, возьму Корделию с собой.

Мистер Фергюсон убрал второе письмо обратно в конверт. Ни один мускул не дрогнул у него на лице.

— А красильни?

— Незаменимых нет. Ты найдешь управляющего.

— Брук, ты серьезно?

— Вполне, — рассердился тот. — Почему бы и нет?

Мистер Фергюсон встал и начал ходить по комнате. Тетя Тиш отложила вязанье. У Корделии внезапно возникло такое чувство, будто все рушится. Остановить, помешать, спасти!

— Где ты собираешься взять деньги?

— ...В деле есть моя доля, не говоря уже о Корделии. Вместе этого более чем достаточно.

— Позволь мне уточнить. Если я правильно понял, ты предполагаешь продать свой пай в процветающем, хотя и не слишком романтическом концерне? Этот концерн приносит высокие дивиденды — прекрасно

организованный семейный бизнес, где ты сам себе хозяин и где — в случае болезни или если тебе понадобится уехать на отдых — ты можешь быть уверен, что твои работники сделают за тебя всю работу. Вместо этого ты хочешь вложить деньги в какую-то спекуляцию... Новая еженедельная газета — при огромной конкуренции со стороны старых, солидных изданий! Тебя прельщает незначительная должность младшего редактора: целый день высиживать на работе, быть не хозяином, а на побегушках у других людей... Я правильно тебя понял?

— ...Да.

— Далее. Ты хочешь покинуть большой, удобный дом с дюжиной слуг и поселить Корделию с сыном в каких-то лондонских трущобах всего с одной служанкой для черной работы, парой деревьев да бетонной дорожкой вместо сада?

— ...Да.

Мистер Фергюсон бесстрастно заключил:

— Ты с ума сошел.

Брук побледнел.

— Папа, я смотрю на это иначе.

— Как же? Просвети, умоляю!

Брук облизнул сухие губы.

Ужасный миг! Отбросить все то, чему поклонялся с младенчества, смотреть, как рушатся железные двери!.. Он сражался не только с отцом, но и с частью себя самого, с чужими мнениями...

— Деньги не всегда приносят счастье, не правда ли? Ты прожил свою жизнь так, а я хочу иначе. Я всегда мечтал писать — стать поэтом, — но этим не заработаешь на жизнь. Во всяком случае, это получается у единиц. Тут ничего не поделаешь. Меня никогда не интересовали химикалии — и не будут. Да, здесь мне гарантирован достаток, я защищен от превратностей жизни. Но защищенность — еще не все. Я хочу жить своим умом. Ты говоришь, здесь я сам себе хозяин, — это не так. Даже имея свою долю в семейном бизнесе, мы полностью зависим от тебя. Просто смена хозяина...

— Вот, значит, как ты обо мне думаешь. погоди, мой мальчик, ты еще убедишься, что хозяева бывают разные.

— Но ведь это так естественно — стремиться к независимости. Я хочу самостоятельно создать дом для Корделии. Мы женаты более пяти лет. Молодым лучше жить отдельно. Разве ты после женитьбы жил с родителями?

— Да.

— Ну... как бы то ни было, я... мы чувствуем иначе.

— Корделия того же мнения?

— Мистер Фергюсон, я жена Брука, — произнесла она, терзаемая невыносимым чувством вины по отношению к Бруку: ведь ей приходится оказывать ему поддержку в заведомо проигранном деле.

Мистер Фергюсон вышагивал взад и вперед по гостиной. До сих пор они ни на дюйм не продвинулись.

— Я и не подозревал, что вы оба здесь так несчастливы.

— Это не так. Правда, Брук? Но попробуйте понять!..

— Я хочу жить своим умом! — упрямо твердил Брук. — Если подвернулась возможность... Я не искал ее...

— Да, не искал? — мистер Фергюсон резко остановился. — Тогда как понимать содержание первого письма Скотта? Сразу становится ясно, что ты жаловался первому встречному на свою жизнь. С каким презрением он говорит о твоих теперешних занятиях — словно ты мальчик на побегушках! Сменить работу? Так может рассуждать какой-нибудь наемный служащий. А меня он называет "стариком". Люди обычно подстраиваются под тех, к кому адресуются!

— Я знал, что из этого ничего не выйдет.

— В таком случае я удивляюсь, что ты вообще удостоил меня этим разговором.

— Все дело в том, что для меня приличия — не пустой звук, хотя ты и делаешь вид, будто убежден в обратном! — выкрикнул Брук.

Ссора разрасталась, как снежный ком, катящийся с горы, — где было Корделии остановить их?

— Я рад, что ты отдаешь себе отчет в безнравственности своего поведения! Сегодня ты становишься полноправным компаньоном, а завтра собираешься забрать деньги, которые не заработал, а получил в дар!

— Я не просил тебя об этом. Корделия меня уговорила! Раньше мы были свободнее.

— Зато без гроша. Если бы так и оставалось, ты не получил бы столь лестного предложения от своего приятеля. Ты им не нужен — неопытный молодой человек, у которого ничего нет за душой, кроме нескольких жалких стишков, напечатанных за свой счет...

— Оставь мои стихи в покое!

— Попрошу не перебивать! Повторяю: ты им не нужен! Зачем? Вся эта затея отдает жульничеством. Это — способ выманить твои деньги. Через несколько месяцев — как только ты сляжешь с одной из твоих многочисленных хвороб, — они скажут тебе, что ошиблись и хотят пригласить более опытного сотрудника. Но своих денег ты уже не увидишь.

— Это мое дело! — взвился Брук. — Если я неудачно помещу капитал, это моя ошибка. По крайней мере, я хоть ненадолго вырвусь из-под твоего ига! Вздохну полной грудью! А если потерплю неудачу, то не приползу на брюхе обратно!

— Прощу тебя, Брук! — Корделия очутилась между ними, боясь, что они подерутся. Она еще не видела такого гнева, такой неприкрытой вражды. Куда только делись кровные узы?

Тетя Тиш тихонько плакала в своем кресле; по щекам беззвучно текли слезы, словно кто-то оставил открытым кран.

На глазах у Корделии двое близких ей мужчин бросали друг другу страшные, непростительные обвинения, нанося друг другу раны, которые не залечишь годами. Неужели до сих пор они притворялись, и теперь вышли наружу их подлинные чувства? Или это какое-то помрачение ума?

Брук попытался оттолкнуть ее, но она по-прежнему цеплялась за него, чувствуя дрожь во всем теле.

— Брук! — шептала Корделия. — Ни слова больше! Дайте друг другу время подумать. Продолжите завтра, прошу тебя, Брук!

Наконец обессиленный Брук затих, а старик гневно смотрел на них обоих, отказываясь понимать. Еще одно слово — и между ними разверзнется бездна! Рушилась семья, но патриарх не хотел, не мог уступить.

Глава III

Брук упрямо гнул свою линию. Корделия ожидала, что позднее — в тот вечер или на другой день — он изменит свое решение, как часто случалось в прошлом. Главное — выпустить пар... Однако на сей раз все было по-другому. Он слишком далеко зашел в своем бунте. Предложение Хью давало ему возможность, которая может больше не представиться. Теперь или никогда.

Целых три дня оба Фергюсона не разговаривали друг с другом. Каждое утро они вместе с Корделией отправлялись на фабрику, а вечером вдвоем возвращались домой. Брук, которого прежде всякая мелкая стычка доводила до болезни, на этот раз с каждым днем как будто становился крепче. В четверг он уехал в Лондон, а в субботу после обеда вернулся довольный. Его глаза светились внутренним огнем — словно он узрел свою мечту, по-прежнему далекую, но уже не недостижимую. Он встречался с лордом Гиронделем, мистером Бромптоном Джонсом и двумя остальными. Хью с трудом уговорил их принять неопытного сотрудника. Деньги перетянули чашу весов, однако лишь отчасти. Они действительно намерены создать лучший еженедельник в стране. Уже заключены контракты на рекламу. Им удалось заинтересовать выдающихся деятелей либеральной партии, которые рассчитывали опереться на их газету в политической борьбе. Речь шла не о чем-то умозрительном. Они учли решительно все, вплоть до мелочей.

Вечером в пятницу мистер Фергюсон отбыл в Олдхэм и вернулся в субботу около шести. Он прошел мимо Брука так, будто тот пустое место, и больше не выходил до вечерней молитвы.

Они стояли в холле, в ледяном безмолвии: мистер Фергюсон — около небольшого столика, обычно служившего ему кафедрой; перед ним лежала раскрытая Библия. Слуги выстроились в шеренгу вдоль стены. Ян считался уже достаточно большим, чтобы участвовать в вечерней молитве. Он стоял, держась за руку матери; по другую сторону от него стоял Брук.

Мистер Фергюсон открыл крышку часов и подождал, пока стрелки не показали шесть тридцать. Тогда он начал молитву.

"Если грешник отворачивается от греха своего и возвращается на путь истины и добродетели, он спасает свою живую душу. Я признаю, что грешен; грех мой всегда стоит передо мной. Жертва Господня... падшие души, разбитые сердца... Господи, ты не подвергнешь их презрению.

Помолимся!"

Светила почти полная луна; голые ветви платана отбрасывали решетчатые тени на окно возле парадной двери. Газовую лампу в холле слегка прикрутили, и тень легла на все лица, из-за чего они казались такими же бледными, как луна. В камине пылал огонь, но всем было холодно.

"От мирского зла, от греха, от обмана и дьявольских козней, от гнева и вечного проклятия... спаси нас, Господи! От сердечной слепоты, от гордыни и суетности, лицемерия, зависти, ненависти и злобы — спаси нас, Господи!"

Неужели он собирается читать текст целиком? В руке Корделии шевельнулась ручонка Яна. Она бросила взгляд на Брука. Ему трудно долго стоять, слабое тело требует покоя. Но он стоял, прямой, напряженный, как тетива лука.

"Да пребудет с нами милость Господня!"

Наконец-то! Большой ли грех — радоваться окончанию молитвы? "Господи, — твердила Корделия свою собственную молитву, — помоги нам, защити от эгоизма и злобы!" Ян затопал ножкой о ковер; Корделия сжала его ручонку, давая понять, что этого делать нельзя.

"Наш вечный Господь, Отец наш Небесный, — продолжал мистер Фергюсон, — который один объединяет людские сердца и сберегает семьи от разлада, от эгоистичных, несправедливых помыслов... Благословляем священное имя Твое и молим Тебя усмирить голоса неблагодарных; смиренно молим Тебя даровать нам Твою милость, дабы мы приняли Твой совет и вели спокойную, мирную жизнь вместе, вознося Тебе хвалу и славу, через сына Твоего, Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь."

Сели ужинать. Тетя Тиш жаловалась на холодную, сырую погоду. Хотя бы снег скорей выпал... Ей отвечала одна Корделия.

Вставая из-за стола, Брук сказал:

— Папа, мне нужно с тобой поговорить.

Мистер Фергюсон устремил на него стеклянные глаза жителя Олимпа.

— Что ты хочешь сказать?

— Я предпочел бы наедине.

Не говоря ни слова, старик направился в свой кабинет. Брук придержал дверь для Корделии и вошел вслед за ней.

— Ну?

— Послушай, папа, — миролюбиво начал Брук. Это Корделия упростила его так начать — спокойно, апеллируя к разуму. — Я знаю, ты сейчас обо мне плохо думаешь. Может быть, правда на твоей стороне —

как знать. Но все равно не разговаривать друг с другом — не выход из положения. Необходимо обсудить возникшие разногласия. Не лучше ли будет, если мы сядем все вместе и поговорим — как можно спокойнее?

— Предпочитаю постоять, — ответил его отец.

— Ладно... Я ездил в Лондон. Встречался со всеми заинтересованными лицами и убедился, что этому проекту суждено осуществиться. Тебя вряд ли интересуют подробности. Главное — я согласился на должность младшего редактора "Вестминстерского бюллетеня" и обещал через две недели приступить к работе. Это уступка: они предпочли бы, чтобы я начал прямо сейчас, но я сказал, что не могу. Я также обещал... вложить в новую газету пять тысяч фунтов, — Брук нервно дернул плечами. — Вот и все.

Все это время Корделия наблюдала за мистером Фергюсоном и поняла, что в глубине души он надеялся, что у Брука не хватит пороуху. Теперь в его взгляде что-то изменилось. Что? Неужели она действительно видит там зависть, злость, ненависть? Она резко опустила глаза.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что я запретил тебе это делать, Брук? Ты знаешь, я смотрю на это как на забвение сыновнего долга. Пятнадцать месяцев назад я переписал на вас с Корделией половину всей относящейся к красильням собственности. А теперь ты швырнул мне мое великодушие в лицо, бессовестно злоупотребил... моим доверием. Отдаешь ты себе в этом отчет?

— Я смотрю на это с другой точки зрения, но я тебя понимаю. Мне... очень жаль, папа. Но мое решение непреклонно. Другого такого случая не представится.

— Ты хочешь бросить красильни, лишити их управления со стороны тех двоих, кои должны были стать моими преемниками? Тебе безразлично, если они придут в упадок?

— Ты всегда считал, что от меня мало толку, а если и сделал компаньоном, то лишь ради Корделии. Ты всегда высоко ставил ее — но не меня!

— А капитал, который ты собираешься изъять? Хочешь разорить фирму?

— ...Из-за такого пустяка она не разорится. Я знаю объем вложений. По моим представлениям, доля каждого составляет восемь или десять тысяч фунтов. Но если ты испытываешь нехватку текущего капитала, можешь привлечь других компаньонов.

— Не из нашей семьи?

— Да, если это необходимо. Но тебе не придется этого делать. У тебя

вложены деньги и в другие предприятия. Например, заводы в Уэверли.

Мистер Фергюсон стоял, заложив руки за отвороты сюртука.

— Значит, все, что я говорю, как об стенку горох? Ты не изменишь свое решение? Даже если это разобьет мне сердце? Отвечай честно!

Следы прежних сомнений навсегда запечатлелись на лице Брука, — никакой бунт, никакая независимость не изгладят их до конца. Брук встал.

— Что делать? Наверное, я поступаю не очень-то честно по отношению к тебе, но это не разорит тебя и не разобьет твоего сердца. Если ты уступишь, мы сможем остаться друзьями.

Их взгляды встретились — впервые за целую неделю взаимной вражды.

— Но я не собираюсь уступать, — прошепелявил мистер Фергюсон.

Брук тяжело вздохнул.

— Тогда нам больше не о чем говорить. Мне очень жаль, но я... через две недели уеду отсюда — вместе с Корделией. Может быть, ты возьмешь на себя труд уладить дела в банке — перечислить от моего имени пять тысяч...

— Я не сделаю ничего подобного!

Корделия давно заподозрила, что старик приберегает какое-то тайное оружие, какие-то козыри в рукаве, но Брук этого не почувствовал.

— Мне не нужна вся моя доля, — продолжал Брук. — Но пять тысяч скоро понадобятся.

Мистер Фергюсон повернулся к ним обоим спиной.

— Отлично. Но ты не получишь их от моей фирмы. Ты дал себе труд досконально изучить условия нашего партнерства?

— Какие условия?

— Те самые, которые мы все подписали при заключении договора?

— Ну и что? Партнер есть партнер, хозяин своей доли.

— С некоторыми ограничениями, Брук. Мне очень жаль, что в свое время ты невнимательно читал договор. Пункт девять гласит: ни один из пятерых компаньонов не имеет права изымать без согласия остальных более пятисот фунтов в год. А такое согласие явно отсутствует. Я не хотел к этому прибегать, но... Пока ты ездил в Лондон, я лишний раз удостоверился в прочности моих позиций.

Брук уставился в отцовскую спину так, словно перед ним была не спина, а нечто другое — вся его жизнь, все бессилие. Любой, кто прочитал бы его мысли, увидел бы крушение всех его надежд. Нет! Нужно хорошенько подумать. Неужели этот мятеж, эта первая попытка обрести независимость...

Белый, как мел, он повернулся к Корделии.

— Это правда — что он говорит? Тебе известно?

Она скорбно откликнулась:

— Не знаю, Брук.

Мистер Фергюсон поднял руку.

— Вот здесь, в ящике, копия договора.

Брук ринулся к письменному столу, словно желая разломать его, с силой рванул ящик и, внезапно обмякнув, отвернулся.

— Взгляни ты сама.

Он, весь дрожа, опустился в кресло. Корделия перебрала бумаги, нашла нужную, развернула.

— Все правильно, — еле слышно молвила она.

В комнате воцарилось молчание.

— Этот пункт был включен в договор как простая мера предосторожности, — сказал мистер Фергюсон. — Я не предвидел ничего подобного, не предполагал, что меня предаст собственный сын.

Брук молчал.

— Мистер Фергюсон...

Он обернулся и устремил на Корделию напряженный взгляд.

— Прощу вас, — заговорила она, — заново поразмыслить над всем этим — ради нас всех. — "Господи, дай мне силы высказать то, что у меня на душе!" — Вряд ли в ваших интересах — добивать Брука. Узники — не самая приятная компания. Вы всегда были так великодушны. Столько отдавали нам, старались... Он много лет работал вместе с вами в созданной вами фирме. Но он не был счастлив, потому что не годился для этого дела, ему было неинтересно... он не виноват. Вы разочарованы. Но он сделал все, что мог. Почему не дать ему шанс попробовать себя в чем-то другом? А вдруг он еще удивит вас? Если он потерпит неудачу, как вы предполагаете, он вернется и продолжит работать вместе с вами, правда, Брук? Со спокойной душой. Это будет справедливо. Но вдруг ему улыбнется удача? Тогда вы станете им гордиться. Он нашел себе дело по душе. Если бы не это, он так навсегда и остался бы печатником, старался бы изо всех сил. Но подвернулся вот такой случай. Теперь, что бы вы ни делали, он не сможет всего себя отдавать вашему делу, если только не дать ему шанс попытаться счастья в том, что он сам для себя избрал. Человека нельзя заставить быть хорошим сыном. Можно испортить ему жизнь, но от этого ни вы, ни я не станем счастливее. У вас все еще есть шанс — быть почитаемым, а не проклинаемым своим сыном.

Мистер Фергюсон отвернулся. Свиристый профиль, властная линия

носа. Но он все-таки слушает! Корделия продолжала:

— Если вы согласитесь отпустить Брука, обещаю работать на вас до конца этого года — или пока вы не подыщете толкового управляющего. К тому времени уже можно будет судить, повезло ли Бруку в Лондоне. Если нет, тогда вопрос о моем отъезде отпадает сам собой.

— А Ян?

Корделия замаялась. Словно вспышка молнии, ее осенила мысль: он задел больное место — ее, а не Брука!

— Что Ян?

— Предположим, вы не вернетесь. Неужели Ян лишится заслуженного наследства?

— Об этом еще рано говорить. Ян может заняться красильнями, если захочет. У него должна быть свобода выбора.

— Как у Брука?

— Которой у меня никогда не было! — огрызнулся Брук.

— Тебе повезло — иначе ты бы сдох от голода в канаве!

— Это ты так считаешь!

— Брук, прошу тебя! — она только-только ухватила за тонкую ниточку надежды. — Мистер Фергюсон, помогите нам! Мы страдаем не меньше вас. Это никакой не заговор, иначе мы бы позаботились о том, чтобы повнимательнее изучить условия договора. Помогите нам, помогите Бруку! В том, что он собирается сделать, нет ничего зазорного!

Мистер Фергюсон с усилием перевел дух. Если попытаться его понять, подумала Корделия, задеть за живое, пробудить великодушие, сочувствие, отделить от ржавчины самолюбия...

Он сказал:

— Значит, по-вашему, в дезертирстве нет ничего позорного? Бруку должно быть позволено шагать по трупам для удовлетворения сиюминутного каприза? А моя жизнь, мои планы, многолетний труд — пусть все летит вверх тормашками ради его прихоти? Я пятьдесят лет проработал на благо семьи. Создавал нечто ценное, конкретное, чтобы передать по наследству моему сыну и сыну моего сына. Вы думаете, у меня не было соблазнов? Думаете, Брук — единственный, кто принес себя в жертву? Если бы я согласился играть ведущую роль в общественной жизни города, когда меня об этом просили... еще в молодости... Или если бы я как следует занялся политикой — я мог бы рассчитывать на одну из высших должностей в либеральной партии. Но рядом не оказалось никого, кто взял бы на себя ответственность, и я пожертвовал своими амбициями ради блага семьи и ее будущего. Правильно или нет, но я поступил именно

так. А теперь вы предлагаете, чтобы я на старости лет выбросил все это на свалку, для того только, чтобы мой сын удовлетворил свою прихоть...

Корделия молчала. Возможно, им тоже нужно проявить великодушие и сострадание?

Но что толку? Как можно требовать от сына — с внезапной ясностью увидела она, — чтобы он оценил жертвы отца своего? В любом случае трудно ожидать ответной жертвы. Потому что отец жертвует добровольно, а сын — по обязанности.

— Я обещал, — вмешался Брук, — и не могу взять слово назад.

— Напиши, объясни, что передумал.

— Я не передумал, — в отчаянии воскликнул Брук. — Нет, папа!

— А еще лучше — поезжай к своим друзьям и скажи, что согласен занять должность младшего редактора, только без денег. Вот и проверишь, насколько они горят желанием взять тебя.

Брук вскочил.

— Боже милосердный! Я столько лет жил с тобой, как... — Корделия схватила мужа за руку, и он оборвал фразу.

— Нет, продолжай, — потребовал отец. — Скажи все. Поставим точки над "i".

Грудь у Брука ходила ходуном.

— Ты упомянул о предательстве. А сам? Притворился, будто сделал нас компаньонами, а на самом деле это была лишь ширма, витрина твоей так называемой щедрости. Я всю жизнь был марионеткой в твоих руках. Ты играл моими чувствами, как хотел. И не делай вид, будто все это — ради моего блага! Ты думал только о себе. Почему я должен нести ответственность за то, как сложилась твоя жизнь? Почему ты не занялся политикой, как хотел? Это был твой выбор, а не мой!

— Брук!

Но он уже закусил удила. Высказать все — а там хоть трава не расти!

— Да правда ли, что ты мог стать членом парламента? Да если бы у тебя действительно был шанс, ты бы уцепился за него, забыв обо мне и, главное, о красильнях! А теперь возводишь несущественную жертву в степень добродетели! Не выйдет!

Мистер Фергюсон повернулся к сыну; в его глазах полыхал зловещий огонь.

— Что же ты собираешься делать?

— Ты говоришь, эту работу мне предложили только ради моего капитала? Может быть, и так. Может быть, я последую твоему совету и поеду туда посмотреть, возьмут ли меня без денег. Здесь я все равно не

останусь, говорю тебе!

— Отлично. Убирайся — когда хочешь!

Брук задыхался от гнева. Он стряхнул с плеча руку Корделии. Разочарование, сознание своей беспомощности и ненависть вмиг состарили его лицо, лишили его жизни.

— И не тешь себя мыслью, что одни только мои друзья интересуются деньгами. А тебе за какие заслуги предлагали все эти высокие назначения? Почему сделали членом Городского Управления тебя, а не кого-нибудь другого, столь же, если не более достойного? Да только из-за твоих подачек!..

— Замолчи! — завопил мистер Фергюсон. — Выйди вон из этой комнаты — пока я не вышвырнул тебя отсюда!

— Я уйду, — трясаясь всем телом и еле держась на ногах, пробормотал Брук. — Я уйду...

Забыв о присутствии Корделии, он, спотыкаясь, прошел мимо нее, схватился за дверную ручку и вышел, оставив дверь открытой.

Корделия медленно последовала за ним.

Эта ссора, в ходе которой отец и сын обменивались жесточайшими, почти реальными ударами, лишила обоих сил. Корделия миновала письменный стол, величественную фигуру старика, вышла в холл и услышала, как хлопнула наружная дверь.

Глава IV

Он шел, не различая дороги — должно быть, по направлению к городу. Гнев и сознание своей беспомощности туманили взор. Сердце бешено колотилось в груди; Брука как будто несла вперед нечеловеческая сила. Если бы спор окончился его победой, он бы быстро успокоился; но он проиграл — и яд поражения отравой разлился в крови.

Он поскользнулся на обледенелой дороге, но тотчас поднялся. На пронизывающем ветру ему было жарко, он даже обливался потом. Луна спряталась за плотной грядой облаков, посеребрила их края.

"Поражение. Это значит... — Брук прекрасно понимал, что это значит. — Длинное, неубедительное письмо к Хью. Постепенный возврат к старому. Жалкие объяснения с теми двумя-тремя приятелями, перед которыми он успел похвастаться открывшейся перспективой. И новое, еще более унижительное рабство — без тени привязанности и элементарного уважения. Открытая война в худших формах — на работе, дома. Правда, отец не может воспрепятствовать его отъезду из Гроув-Холла. Чем дальше, тем лучше. Порвать все общественные и дружеские связи... Но отец заплатит! Нужно хорошенько обдумать план мести."

Он снова поскользнулся. Вставая, увидел на другой стороне улицы пивную. Обычно гордость не позволяла ему заходить в подобные заведения, но теперь Брук пересек дорогу и храбро толкнул дверь.

В баре было полно людей. Он заказал виски. "Значит, план мести... Старик никогда не увидит Яна. Ему только и останется, что рабский труд без всякого вознаграждения. И без надежды на примирение — никогда! Корделия будет до конца слушаться мужа."

От виски Брук еще больше вспотел, но попросил еще и расстегнул пальто. Он знал, что на него обращают внимание. Как же — сидит один, с тонким, мертвенно-бледным лицом. Это лицо да длинные волосы выдают в нем артиста. Джентльмена.

"Мечты и планы... Мечь мертва и не приносит плодов. Нет ли другого выхода? Возьмут ли его в "Вестминстерский бюллетень", если он внесет только пятьсот фунтов, да Корделия даст тысячу, да он пообещает ежегодно вносить столько же? Допустим, он согласится не получать жалованья. Как-нибудь проживут в Лондоне на свою долю прибыли — вряд ли отец в состоянии лишить их этого.

Нет, не получится. Им нужна вся сумма — и немедленно. Да и точно

ли тот пункт договора неуязвим? Надо бы завтра проконсультироваться с адвокатом."

— Привет! — послышалось рядом.

Возле его столика, опершись рукой о спинку стула, стояла женщина. Она улыбнулась Бруку. Черное платье с фальшивыми драгоценностями. Крашенные волосы. Он не сразу поверил, что она обращается к нему.

— Кто вы?

— Я в порядке, Мак, — быстро отозвалась она. — А ты как?

Они уставились друг на друга. Ее холодные карие глаза беззастенчиво оценивали Брука. Он покраснел.

— Что вам нужно?

— Идем со мной, весело проведем время.

— Нет, благодарю, — он встал, радуясь, что в баре шумно и их никто не слышит.

— Эй, угости-ка девушку.

Покраснев до корней волос, Брук положил на стол монету в два шиллинга и направился к двери. За спиной слышался смех — возможно, смеялись над ним.

Леденящий ветер мигом пронзил его, точно лезвие ножа. Брук окончательно преисполнился презрения к самому себе. Даже не смог, не заикаясь, отбрить женщину такого сорта, позволил смеяться над собой. Он снова побрел по направлению к городу. Рано возвращаться домой. Может быть, сегодня вообще не стоит возвращаться. Пусть отец понервничает. Правда, это жестоко по отношению к Корделии. Хоть она на его стороне.

Он увидел еще один бар и, остановившись, попробовал заглянуть в запотевшее окно. Всем существом Брука овладела смертельная усталость, сменившая искусственное возбуждение. Ноги заледенели — нельзя было выходить из дому в легкой обуви. Он вошел внутрь.

Здесь было тише, спокойнее. Он снова потребовал виски, как будто надеялся утопить в нем свое отчаяние. Какая разница? Он разбит, уничтожен морально. "Прекрасная мечта растаяла при ярком свете дня..." Кто это написал? Призрачная тюрьма приняла его в свои объятия. Да, он снова в клетке. Певчая птица и в клетке поет. В прошлом он не раз изливал душу в стихах. Нет, он не позволял себе, как и другие, откровенно писать о своих разочарованиях — это слишком больно. Помогал сам процесс. Несколько строк на бумаге действовали лучше любого успокоительного. Он бредил славой, внезапным признанием, блестящими отзывами в прессе, знакомством с великими мира...

Грезы всегда приходили на помощь. Почему же сейчас не случилось

ничего подобного? Брук выпил еще стакан виски, достал из кармана карандаш и использованный конверт. Что, если раз в жизни прямо написать о своем горе? Кто может ему помешать?

*Туча железной грудью затмила свет.
Снег под ногою скрипнет во тьме ночной.
Горечь моих поражений и горечь его побед.
Одинокого волка вой.*

*Прочь — от его чертогов! Чего ты ждешь?
Здесь только золото, и гнет, и власть.
Нежность отца — это точно такая ложь,
Как проститутки страсть.*

Брук продолжал писать; слова лились нескончаемым потоком. Он чувствовал: получается нечто стоящее. Сыро, но общее ощущение, интонация, сама душа стихотворения... Это прекрасно! Горечь, злость — надежнейшие стимулы к творчеству! Им овладело вдохновение; сами собой приходили мысли, образы и легко ложились на бумагу. Бумага кончилась; он разорвал конверт и начал писать на внутренней стороне. Ему было все равно, смотрят ли на него. Он заказал еще виски, но даже не притронулся.

Наконец вдохновение иссякло. На лбу Брука выступила испарина. Получилось двенадцать строк. Еще три смутно витали в уме, но никак не могли оформиться.

Да, это будет маленький шедевр. Обычно на создание стихотворения уходили многие недели... Брук замерз и решил вернуться домой.

Домой. Теперь можно. Мысль о возвращении в Гроув-Холл уже не казалась такой невыносимой. Он выплеснул на бумагу всю желчь; поэзия в очередной раз пришла на выручку.

Он встал, осушил свой стакан, подобрал драгоценные листки и застегнул пальто.

Брук не помнил, давно ли сидит здесь, но, должно быть, время уже позднее. Когда он вышел на улицу, валил снег и дул ветер. Омнибусы не ходили, и вблизи не было видно ни одного кэба. Он решил идти пешком. Ветер леденил все тело до мозга костей.

Прежние честолюбивые мечты утонули в алкоголе, зато родились новые. «"Бюллетень" обязательно напечатает это стихотворение, даже если он и не поступит к ним младшим редактором. Это прославит его имя.

Прекрасный способ отомстить отцу — единственный, от которого у старика нет противоядия. Если бы всегда удавалось достигать такой концентрации мысли, такой остроты чувства, такой искренности. Он переплавил свои страдания в художественное произведение, почти добился совершенства — как Поп, как Драйден...»

Ему никогда еще не доводилось столько пить, и примерно на полпути Брук почувствовал себя плохо. Боясь потерять сознание, он прислонился к стене и уронил голову на грудь. Потом, спотыкаясь, преодолел еще несколько сотен ярдов.

Он слишком хорошо знал дорогу, чтобы не отдавать себе отчета в том, сколько еще идти. Когда наконец показались очертания Гроув-Холла, это было как оазис в пустыне. Брук сел прямо на снег, чтобы отдохнуть и прийти в себя. Гордость тоже не сбросишь со счетов. Он должен войти в Гроув-Холл с высоко поднятой головой.

Слава Богу, наружная дверь оказалась открытой, и на пороге, поджидая его, стояла Корделия в меховом пальто.

* * *

Брук простудился — как и следовало ожидать.

Он отказался немедленно лечь в постель — это подтвердило бы мнение о нем как о больном, никчемном человеке. В понедельник он не поехал на фабрику, но после отъезда мистера Фергюсона бодрым шагом направился в его кабинет и взял копию договора, чтобы показать поверенному — но не их семейному, а какому-нибудь постороннему, в городе.

Его худшие подозрения подтвердились, и он вернулся домой еще более разочарованным и больным.

Он не стал спешить с письмом к Хью, все еще теща себя дерзкими, отчаянными проектами. Главной стала работа над стихотворением, которое Брук шлифовал и оттачивал до блеска; наконец осталась одна последняя строка — она никак не приходила в голову.

Как обычно, у него пропал аппетит, но он все-таки сошел к ужину — показать отцу, что несколько его не боится. Хватит пасовать и стелиться перед ним! Брук сидел за столом, бросая на мистера Фергюсона неприязненные взгляды исподлобья и повторяя про себя строки своего шедевра. Он заранее праздновал победу.

Корделия была в страшной тревоге. Выражение лица Брука не предвещало ничего хорошего. С минуты на минуту могла вспыхнуть новая ссора. Для этого было бы достаточно любой мелочи. Теперь она понимала, сколь тщетны были ее надежды достичь компромисса. Ссора вырвала с корнем их родственную привязанность; между ними разверзлась пропасть, и преодолеть ее не было никакой возможности.

Дальше идти было некуда. Гнетущая тишина последних десяти дней — и та казалась лучше, чем то, что сейчас. Корделия решила уговорить Брука пару дней не выходить из спальни. А она как-нибудь поговорит с мистером Фергюсоном. Могли же они находить общий язык в прошлом. Им с Бруком необходимо уехать, как можно скорее приискать новое жилье...

Ход ее мыслей был нарушен странной выходкой Брука: он повертел тарелку и вдруг сбросил ее на пол. Потом бессмысленно уставился в пространство перед собой и облизнул запекшиеся губы. Служанка ринулась подбирать осколки — он и не заметил. Корделия боялась единым словом нарушить тягостное безмолвие. Если это предвестие новой бури... Мистер Фергюсон тяжело сопел за едой.

— В чем дело, Брук? — не выдержала тетя Тиш. — Что случилось, милый?

Он уронил руку на стол и вдруг резким движением смахнул фаянсовый сервиз, опрокинул салатницу и разлил вино. Сначала у Корделии мелькнула мысль: "Ну, это уж слишком!" — но потом она поняла, что Брук не соображает, что творит. Он судорожно уцепился за скатерть, силясь подняться.

— Брук! — она оттолкнула свой стул и бросилась к нему. Но не успела подхватить — он рухнул на стол и потерял сознание.

Как ни странно, Корделия испытала облегчение. Значит, новая ссора не состоится; можно заняться чем-то конкретным, будничным — растереть ему руки, посылать слуг за бренди, отдавать нормальным тоном нормальные распоряжения. Неужели это цинизм? Зато лопнул назревший нарыв, за одно это можно было отдать многое.

Через несколько минут Брук начал приходить в себя. Мистер Фергюсон стоял поодаль, полузабоченно, полувраждебно кусая губы. Нужно уложить Брука в постель — он переутомился, нуждается в отдыхе. Послать кого-нибудь в Полигон — так, на всякий случай. Роберт тотчас откликнулся на зов, осмотрел своего пациента. Да, это простуда: несколько деньков в постели — и все будет в порядке.

В коридоре он спросил:

— Он что — провел ночь на улице?

— Нет. В субботу вечером вышел на прогулку и простудился. Это же не... Ничего серьезного?

— Мне бы не хотелось вас пугать, но я предполагаю... Вы можете связаться с сестрой Чартерс? Впрочем, я сам заеду к ней на обратном пути, а если не застану, привезу кого-нибудь другого.

— Разве в этом есть необходимость? Брук и так расстроен, это его встревожит. Я уверена, к вечеру все пройдет.

— Лучше всего пригласить сиделку. У вас усталый вид. Сделайте так хотя бы ради собственного блага.

Корделия вспыхнула.

— Благодарю вас, я прекрасно себя чувствую.

Роберт посмотрел на нее долгим, понимающим взглядом.

— Тем не менее я настоятельно рекомендую. Вы не должны забывать о себе.

У подножия лестницы ждал отец Брука.

— Ну, что? — из его голоса еще не совсем ушли агрессивные нотки. Берч повторил то, что сказал Корделии.

— Вот как? Вы считаете это необходимым? Мальчик вечно хворает. Я полагаю, что новая мода — чуть что приглашать сиделку — может плохо на него повлиять. Внушит преувеличенное чувство собственной значимости.

Берч сказал:

— Тем не менее сейчас это необходимая мера.

— Но почему? Что с ним такое?

— Затемнение в обоих легких.

Мистер Фергюсон и Корделия впились в него тревожными взглядами.

— Значит, снова пневмония?

— Да.

Спазм в желудке. У мистера Фергюсона был такой вид, словно он упрямо не желает признавать факты. Это все проделки Брука с целью досадить ему.

— Весьма странно. Должен признаться, я удивлен.

— Не более чем я, сэр. В последний раз, когда мы с ним виделись, Брук был вполне здоров.

— Без сомнения. Без сомнения. Что ж... Миссис Фергюсон вполне справится. Надеюсь, течение болезни будет приостановлено. Вряд ли его состояние можно считать опасным, как в прошлый раз.

— Боюсь, что все симптомы налицо. Через двенадцать часов смогу сказать с большей уверенностью. Откровенно говоря, прослушивание внушило мне большую тревогу.

"Итак, все должно повториться снова. Уход, горячечный бред, кризис, долгое выздоровление... — одна эта мысль повергла Корделию в отчаяние. — Необходимо взять себя в руки. Ее долг — еще раз помочь ему выкарабкаться."

Старик неподвижно стоял у основания лестницы.

— Нет ли необходимости в другом мнении?

— Не думаю, что это что-либо изменит. Но, разумеется...

— Вы знаете, Берч, что побуждает меня действовать подобным образом.

— Да-да, конечно. Это не принесет вреда. Я сейчас же пошлю записку мистеру Плимли.

Старик по-прежнему не трогался с места — им пришлось обойти его, хмуро смотрящего вверх, на лестничную площадку.

У двери Роберт взял свое пальто и тихо произнес:

— В прошлый вторник Брук сказал, будто ему предложили хорошую должность в Лондоне. Он что — поссорился с отцом?

— Да.

Корделия ждала, но молодой врач молча, с непроницаемым лицом застегивал пальто. Ее тревога усилилась.

— Он очень плох?

— Трудно сказать. Не думаю. У него нервное истощение. Рано утром я загляну — примерно в половине восьмого. Если понадобится раньше...

Корделия схватила его за руку.

— Я спокойно могу не поспать одну ночь. Может быть, ему нужно выговориться. А днем пусть приезжает сестра Чартерс, как тогда.

Роберт немного помедлил.

— Уверен, я оставляю его в надежных руках.

* * *

Однако на этот раз все пошло не так. С самого начала.

Брук оставался в полном сознании, так же, как и его сиделка, и они разговаривали до тех пор, пока она не уговорила его немного поспать. Он послушно закрыл глаза и забылся тревожным сном. Около трех часов Брук проснулся и хриплым голосом попросил:

— Дай мне карандаш. Кажется, я нашел последнюю строчку.

Корделия зажгла газовую лампу.

— Ты хочешь...

Он был слишком слаб, чтобы вдаваться в объяснения. Просто вручил ей несколько листков с готовыми строфами, а сам принялся трудиться дальше. Корделия прочла и ужаснулась тому, какой злобой дышала каждая строка.

— Когда ты это написал?

Вместо ответа Брук, запинаясь, прошептал:

— "Я жертвенным агнцем лежу на кровавом его алтаре..."

— Слушай, — обратился он к Корделии. — Если я... буду неважно себя чувствовать... отправь это Хью. Пусть опубликует в своей газете. Расскажи ему все. Если у меня не останется сил... написать и все объяснить... вот объяснение, — из его пальцев выпал карандаш, и он в изнеможении откинулся на подушки.

Корделию охватила паника. Ей необходимо, чтобы рядом кто-то был — все равно, кто! Иначе она не перенесет эту ночь. Она дернула шнур звонка в надежде, что проснется кто-нибудь из слуг. Потом резко толкнула дверь и, добежав до спальни мистера Фергюсона, ворвалась без стука.

Раньше ей почти не доводилось бывать здесь. В комнате смешались запахи материи, нафталина и одеколona. Мистер Фергюсон моментально открыл глаза. Может быть, он не засыпал.

— Брук. Ему хуже. Нужен врач.

Кровать чудовищно закрипела. Мистер Фергюсон, путаясь в рукавах, пытался надеть халат. Еще секунда — и он рядом с ней.

— Идемте.

Корделия первой вошла в спальню. Брук лежал с закрытыми глазами и часто, и прерывисто дышал. Он шестым чувством угадал присутствие отца и сделал над собой усилие, чтобы взглянуть на него.

— Убирайся! Прочь из моей комнаты!

Мистер Фергюсон оглянулся в поисках стула, а не найдя, попятился к двери и, прикрыв глаза рукой, вышел.

— Брук! — воскликнула Корделия — Умоляю тебя, успокойся! Тебе станет хуже. Прошу тебя! Ради меня, Брук!

Он откинулся на ее руку и бессмысленно уставился на нее, бормоча:

— Жертвенный агнец... Странно... Я весь день искал строчку — и не мог найти. И вдруг она явилась сама собой, мне осталось только записать, — он изо всех сил наморщил лоб. — Напомни мне, дорогая. Нужно еще поработать — прежде чем ты отошлешь стихотворение Хью... Обязательно... пошли ему...

В комнату вбежала горничная, и Корделия отправила ее за врачом.

Но к его приезду Брука уже не стало.

Глава V

"Теперь, как никогда, я должна следить за тем, чтобы не поддаваться гневу, ненависти, истерике. Горе — да, настоящее горе, хотя и не без примеси чего-то странного... Возможно, это действие шока. Мне показалось, он как будто ускользает от нас — уходит, как сквозь пальцы песок. Только что говорил — и вдруг глянули — а его уже нет! Он никогда не вернется. "

— Ян, милый, это всего на два-три дня. Бабушка даст тебе много-много игрушек. Я буду приезжать каждый день. Нет, няня сегодня побудет здесь, а завтра приедет к тебе. Нет, дорогой, железная дорога займет слишком много места. Ну ладно — только паровозик.

"Давно ли Брук был точно таким же мальчиком. Воротничок со шнурками, костюмчик из хлопка, белые гетры. Другая женщина, может быть, похожая на меня, радовалась тому, как он играет, не предвидя будущего."

Брук играет на лужайке в крокет в первое лето после свадьбы. Брук больной в постели — измученный, постоянно брюзжащий, но и благодарный за заботу, вызывающий к ее невостребованному материнскому чувству. Брук играет ноктюрны Шопена. Брук гордится рождением сына... пусть даже это не его сын. Читает стихи в Атенеуме; взволнованный голос становится все увереннее, а под конец в нем и вовсе появляются триумфальные нотки. Островки взаимного согласия — в Саутпорте и Уэльсе, после всех треволнений, связанных со Стивеном.

Она все же любила его — может быть, больше, чем сознавала. Корделия не была бесчувственной, не могла не откликнуться на проявления доброты и нежности. Теперь она раскаивалась в том, что делала это недостаточно горячо и искренно.

Конечно, всякое бывало. Она проявила бы несправедливость по отношению к самой себе, если бы забыла о его угрюмости, мелочной раздражительности и тому подобных вещах. Однако все они проистекали из его подчиненного положения, сознания своей неполноценности, крушения всех надежд. Где все это теперь — лихорадочный румянец на щеках, редкие вьющиеся волосы, устремленный как бы внутрь себя взгляд карих глаз, способность к пониманию и впечатлительность?

— Не могу передать вам, Корделия, как мне тяжело. По всей видимости, я недооценил, насколько далеко зашла болезнь;

воспалительный процесс перекинулся на грудные мышцы. В таких случаях трудно точно предсказать течение болезни. Очевидно, в последнее время Брук скрывал свое состояние. Простите. Понимаю, вам не нужны мои оправдания. Но я должен сказать... объяснить...

— Он надорвался. Откуда вам было знать?

— Поверьте, эти соболезнования — не дань условности... Если я могу быть вам чем-нибудь полезен, умоляю — располагайте мной.

— Спасибо, Роберт. — Но чем он может помочь — как бы ему ни хотелось? Только в эти последние месяцы Корделия оценила, как сильно было в нем это желание.

Наверное, причиной тому была истерика, но Корделия чувствовала, что главные испытания — впереди. Брук вне досягаемости отца, но теперь непосредственная опасность грозит ее собственному сыну. Нельзя позволить мистеру Фергюсону искалечить и его жизнь! Корделия с ужасом представила себе своего крепенького, здоровенького малыша (но уже привыкающего вести себя тише воды, ниже травы во время молитвы) — неужели из него выйдет второй Брук, растущий в атмосфере благоговейного страха перед дедом, приниженный и вечно пытающийся угадать, чего от него ждут — пока...

Она в мыслях вернулась к Маргарет и долго, много больше, чем за последние два года, думала о ней. Видимо, ее первоначальные подозрения были недалеко от истины. Первую жену Брука убила тлетворная атмосфера этого дома.

Сначала Маргарет. Потом Брук. Кто следующий?

Она не останется здесь — ни одного дня! Быстро уложить вещи и подхватить на руки спящее дитя. Возможно, яд рабства уже проник в его кровь — незаметно для окружающих?

Она еще не решила, как быть со стихотворением Брука. Бесспорно, мистера Фергюсона следовало ознакомить с хорошо обдуманной эпитафией, которыми его наградила собственный сын. Но что-то удерживало Корделию от подобного акта мести. На него и так обрушился страшный удар; прошлого не вернуть. Ах, если бы можно было сорвать с его стариковского лица маску страдания и убедиться, что это всего лишь маска!

Выражение скорбного достоинства...

"Невосполнимая утрата... Он был любящим, почтительным сыном... Богу было угодно на старости лет послать мне новое испытание..." Лицемерие — или правда? Главное, чего сейчас хотелось Корделии, это уклониться от всяких решений. Пусть другие выносят ему приговор, а она слишком разбита, слишком утомлена, чтобы предъявлять обвинения.

Даже если этот человек искренен, он все равно несет гибель всем, кто имел несчастье оказаться с ним рядом.

— Благодарю вас, миссис Торп, вы так добры, что навестили нас. Нет, мистер Фергюсон никого не принимает. Он большей частью сидит у себя в кабинете. Большое спасибо. Разумеется, я передам...

"Теперь я могу уехать, миссис Торп. Как колотится сердце в груди! Еще свежа боль утраты..."

Нужно все хорошенько обдумать. Сегодня суббота — целые сутки после похорон. Завтра Ян возвращается от мамы. В понедельник мистер Фергюсон уедет на фабрику. Не может не поехать — ведь он не был там с тех пор..."

— Спасибо, папа, что ты его привез. Я на днях заеду. Он, правда, не причинил хлопот? Ян, милый, какие у тебя прелестные часики!?! Неужели дедушка сделал их сам? И неужели они ходят?.. Да, это была кошмарная неделя, но я думаю, худшее уже позади. Все так добры... Ты знаешь, дядя Прайди заболел и не смог приехать на... в общем, поэтому его не было в пятницу. Мы послали ему телеграмму, в ответ он телеграфировал, что сражен приступом ишиаса... Да, я постараюсь устроить себе каникулы. Куда-нибудь съезжу... прямо завтра... но это еще не точно. В крайнем случае я вам напишу. Оставлю записку...

Отец оставался с Корделией до вечера, а когда он уехал, снова пошел снег.

Наступило время вечерней молитвы и ужина. Слуги собрались в холле и смущенно переминались с ноги на ногу. На этой неделе мистер Фергюсон трижды пропускал молитву, а так как его было не кем заменить, Корделия отпускала слуг. Так случилось и на этот раз. Они с тетей Тиш сели ужинать. Она послала Холлоуза за мистером Фергюсоном, но тот изъявил желание поужинать у себя в кабинете. Тем лучше. Хотя в огромной гостиной две женщины казались себе маленькими, незначительными, все же их молчание было исполнено взаимной симпатии и объединяющего горя.

После ужина тетя Тиш пожелала прилечь. С тех пор, как умер Брук, она только и делала, что плакала; даже сейчас ее глаза были на мокром месте, а на кончике носа болталась предательская капля.

Корделия поднялась посмотреть, как дела у Яна, немного поболтала с няней Гримшо и спустилась в холл за вчерашней, еще не разобранный почтой.

В камине почти погас огонь, и Корделии пришлось поворошить еще не до конца сгоревшие куски угля — опять вспыхнуло пламя. Тепло и свет помогают не только от холода. Согрейте руки, пока в душе теплится

чувство; извлекайте радость из каждого мига, ибо за стенами —
кладбищенский мрак...

Кто-то вошел в гостиную. Мистер Фергюсон.

Глава VI

Он сказал:

— Вы, верно, вините меня в смерти Брука? И во всем остальном?

Перед тем они десять минут сидели молча; Корделия делала вид, будто читает, и лихорадочно подыскивала предлог, чтобы уйти. Мистер Фергюсон уставился невидящим взглядом в огонь. В первый раз за всю неделю они остались вдвоем.

— Вам нужно отдохнуть, — ответила она. — Тетя Тиш легла спать, поэтому я не стала подбрасывать топливо.

— Вы во всем обвиняете меня? Ответьте!

— Я не знаю...

— У меня было три сына, — он тяжело вздохнул. — И только один дожил до зрелого возраста. Это несправедливо. Если бы все они были живы, все было бы по-другому. Вам не понять. Нет... не уходите.

— Что толку говорить...

— Каково ваше отношение к смерти? Что она означает для вас — конец или начало? — мистер Фергюсон уставился на свои руки, желтые и как будто восковые в пляшущих отсветах огня. — Когда мою брэнную плоть источат черви — моя душа узрит Господа? "Он восходит и, подкошенный, падает, точно цветок..." У меня было три сына. Три, а не один! Вас с детства приучили ценить семью — вы должны чувствовать...

— Какая теперь разница, что я чувствую?

— Ценность семьи. Ценность преемственности. Я рассказывал — мы родом из Камберленда. Жили в бедности: недоедали, ходили в лохмотьях... Такие вещи сплачивают семью, ибо рождают ощущение враждебности окружающего мира. Мы начали с трех соверенов в кошельке, а через три поколения — видите, чего достигли? Есть чем гордиться. Это не просто мое личное честолюбие — это кредо, это вера. Благополучие рода важнее благополучия одного поколения. Я принес немалые жертвы — истинная правда, хотя Брук... Я думал, он понимает... Это был страшный удар — гром среди ясного неба.

Корделия хранила молчание. За окнами по-прежнему шел снег — бесшумно, крадучись — лишь какая-нибудь предательская капля просачивалась на подоконник.

— Вы сами стали матерью. По меньшей мере, способны понять, что я испытал после смерти Вогена и Джозефа... — он немного поерзал в кресле

и вновь устремил взор в огонь. — Они умерли от скарлатины, ею переболели все мои дети и жена. Они были изолированы в спальнях, которые окнами на запад. В те дни здесь практиковал доктор Бэгшоу. Он прописал портвейн каждый час и размоченное в говяжьем соусе печенье. Когда Джозефу стало совсем плохо, я послал за специалистом в город. Узнав, в чем дело, тот воскликнул: "Мистер Фергюсон, по чьему распоряжению... Вы же убиваете своих детей!" Я часто спрашивал себя... — у него перехватило дыхание, и он сделал небольшую паузу.

Корделия бросила на него осторожный взгляд. Мистер Фергюсон воскресил в памяти давно прошедшее — требуя ее внимания, взывая к чувству справедливости.

— Они были очень способные мальчики, особенно Воген. Жадно впитывали знания и впечатления. В то время прогресс не стоял на месте. Уверен — они бы далеко пошли. А насчет Брука я давно понял, что на нем природа отдохнула. Ничего, подумал я, придется подождать. Когда у меня будет внук и он подрастет... Если я и собственник, обстоятельства сделали меня таким. Вот почему я ликовал при рождении Яна.

"Что, если сказать ему?.."

Он продолжал — с неожиданной горячностью:

— Брат Том оказался сплошным разочарованием. Отец мечтал вовлечь его в семейный бизнес, но от него не было проку. Какое-то время считалось, что он станет врачом, но его не хватило даже на это. Умирая, отец оставил нам троим равные доли наследства, оговорив, что контрольные функции остаются за мной. Тогда это могло показаться несправедливым, но он стремился обезопасить будущее. Он позаботился о том, чтобы ни одну часть капитала нельзя было безответственно изъять из дела. Я придерживался того же принципа. Но мне не повезло. Альтернативы Бруку не было — только вы. Когда он вознамерился забрать вас с собой — а также моего внука, — мог ли я не воспротивиться?

— У Брука тоже была мечта, — возразила Корделия.

Мистер Фергюсон покраснел до корней волос. Он замялся, словно решая, стоит ли продолжать, но потом все-таки заговорил, пришепетывая, как всегда в минуты волнения:

— "Люди попадают в ад не потому, что Господь гневается на них, а потому, что они блуждают во тьме и ненависти, потому что отвратили взор свой от света." Вы читали эти строки? Я сам много лет блуждал во тьме и ненависти. Вам этого не понять, Корделия. Никто не знает... Моему отцу было легче. Он был сильнее... гораздо сильнее...

— Не надо, не говорите! — взмолилась Корделия, порываясь встать.

Мистер Фергюсон протестующим жестом поднял руку и коснулся краешка ее кресла. В нем шла безжалостная внутренняя борьба с железной логикой жизни.

— Вы считаете меня набожным, не правда ли? Человеком, для которого религия — необходимая составная часть жизни?

— Но...

— Это не так. Одна видимость. О, меня воспитали в твердой вере. В молодости я свято веровал. Но после смерти детей... Я пытался истолковать ее как Божью волю. Но вы можете представить себе ребенка... двоих детей, которые только неделю назад резвились на лужайке возле дома, и вдруг лежат там?..

— Нет, — быстро произнесла Корделия. — Не говорите мне об этом, — его слова затронули главные, потаенные струны ее души, охваченной жалостью и страхом. Нельзя поддаваться!

— Я боролся, — продолжал мистер Фергюсон, — пытался выбросить подобные мысли из головы. Удвоил труды свои. Прилагал невероятные усилия, чтобы вернуть былую веру. Но мою душу разъедала некая эрозия. Разум все время брал верх. Дабы покончить с сомнениями, я с головой окунулся в религиозные догмы. Если меня не удовлетворяло одно религиозное течение, бросался к другому. Потом я познакомился с мистером Слейни-Смитом...

Он высморкался. От платка исходил слабый запах выдохшегося одеколona.

— Наша дружба была далеко не такой странной, как полагали многие. Мы оба искали истину — с разных позиций. Мы вели долгие споры. У нас было столько общего... Но ни один не желал это признавать. Для меня было потрясением узнать, что он уверовал в спиритизм. Мог ли я думать? Пожалуй, точно в таком же шоке был бы он, узнав о том, что я только что открыл вам. После его ухода я часто думал: должно быть, хотя ни один из нас ни на йоту не уступил, все же доводы другого не остались без последствий. Проповедуя атеизм, он втайне сомневался в нем; я же, во всеуслышание провозглашая веру моим жизненным девизом...

Мистер Фергюсон с трудом разлеплял губы, пыхтя так, что казалось — он сдувает пыль. Корделия поняла: ему необходимо выговориться, высказать наболевшее...

— Возможно, я и впрямь "отвратил взор". Что еще оставалось? "Жизнь после смерти" для меня неприемлема. Вам повезло — вы веруете, не испытывая сомнений, ничего не ставя под вопрос. Я и сам до сих пор приемлю Бога. Что же касается загробной жизни — нет. Абсолютно не

питаю надежды. Наша телесная оболочка подвержена тлению. Одни химические вещества разрушаются, и из их элементов возникают другие. Корделия, для меня загробная жизнь существует лишь в виде преемственности поколений, через потомков. Вот единственное бессмертие, на которое мы можем рассчитывать. Человек умирает, становясь удобрением для грядущих поколений. И больше ничего нет.

В топке камина вдруг ярко вспыхнул большой кусок угля — синим газовым пламенем.

— Теперь вам понятно, почему я придаю такое значение всему, что касается моей семьи и внука? Я ошибался — признаю. Мне следовало предоставить Бруку идти своим путем. Но я был не в силах так поступить. Если бы все повторилось, все равно это было бы выше моих сил. Постарайтесь понять!

Корделия затрепетала.

— Вы хотите сказать, что предпочли бы видеть Брука мертвым, а не на той работе в Лондоне?

— Нет. Ах, слова бессильны передать... Я любил всех своих сыновей. Если бы передо мной снова встал выбор, я сказал бы Бруку "Ты волен делать то, к чему испытываешь склонность". Но тогда мне пришлось бы пожертвовать своей жизнью — а не его.

Он встал. Корделия сказала:

— Брук не мог больше идти на уступки. Это убило бы его — так же верно, как то, что случилось. Он нуждался в самоутверждении. Тщился доказать, что он на что-то способен. Если бы вы только пошли на компромисс, чуточку уступили...

— Однажды у меня мелькнуло такое желание — принять ваш вариант годичного испытания. Но это показалось мне проявлением слабости.

Корделия промолчала. Действительно ли он был близок к тому, чтобы уступить? Или это более поздняя версия — ради самооправдания?

— Вы считаете меня виновником смерти Брука, — сказал он. — Я прочел это в ваших глазах. Что ж. Я заплатил за это — и буду продолжать платить до конца дней своих. Если существует Бог — мой личный Бог — и мне придется держать ответ за случившееся, я не стану молить о прощении — только о понимании.

В камине догорели угли; пламя перешло в синий дымок.

— То, что я изо всех сил пытался спасти, погибло — самым бесповоротным образом. Мне осталось только одна надежда: что вы и ваш сын — не теперь, со временем, — что мы втроем снова возведем что-то на руинах прошлого. Новый фундамент доверия. От всей души умоляю вас:

как бы вы ни были настроены против меня, попытайтесь понять, что я стремился сберечь, а не разрушить. Мне казалось, что это удалось. Но я слишком сильно надавил — и теперь у меня в руках одни осколки.

Глава VII

На следующий день он не поехал на фабрику. Это спутало Корделии карты, но она знала, что все равно уедет. Она провела бессонную ночь, постоянно повторяя себе: "Все уже решено. Поздно что-либо менять. Скоро все останется позади, и я успокоюсь".

Она по-прежнему была убеждена: первоначальное решение уехать было правильным. Ей не перенести еще одной такой душераздирающей сцены, какая произошла вчера вечером, когда мистер Фергюсон взывал к ее сочувствию и пониманию. Ей не забыть того, что он рассказал, никогда не выбросить из головы Фредерика Фергюсона с его фамильной гордостью и душевным разладом; и обращенного атеиста Слейни-Смита; и Брука; и красильни; и преемственность; и спиритизм; и собственническое чувство; и любовь...

После завтрака она уложила в сундучок кое-какую одежду для себя и Яна, подаренные Бруком драгоценности. Она не знала, чем занят мистер Фергюсон, но решила рискнуть и храбро снесла поклажу вниз по лестнице. При этом открылась дверь и показался Холлоуз. Он поспешил к ней навстречу.

— Разрешите, мадам.

— Спасибо. Оставьте на крыльце. Где мистер Фергюсон?

— Должно быть, в своем кабинете. Сейчас посмотрю.

— Не нужно. Я не хочу его беспокоить.

Обычно Ян гулял с няней с десяти до половины двенадцатого, но на этот раз Корделия попросила привести его к одиннадцати. Ночью выпало много снега, но он большей частью успел растаять.

К половине одиннадцатого все было готово, и Корделия села писать письмо.

"Дорогой мистер Фергюсон!

Несмотря на все сказанное вами вчера, я чувствую, что не могу больше оставаться в этом доме. Пожалуйста, поймите: я не могу и не хочу судить. Никакие слова или поступки не изменят случившегося. Необходимо начать новую жизнь — но не так, как предлагаете вы. Поэтому я уезжаю — вместе с Яном.

Прощайте. Корделия."

Она перечла письмо и осталась недовольна. Полуправда, одна только полуправда. Она не открыла ему ни одной из главных причин. Но все-таки

это лучше, чем уехать, ничего не сказав.

Она оставила письмо в конверте на туалетном столике. Когда няня привела Яна, Корделия уже ждала их в пальто, шляпе и перчатках.

— Вы куда-нибудь едете, миссис Фергюсон? Погода ужасная — ветер и слякоть.

— Ничего. Не нужно раздевать Яна — я беру его с собой в город. Только переобуйте: кажется, он промочил ноги. Бетти, пускай один из садовников сходит за кэбом.

— Да, мэм.

"Ждать. Это самое трудное. Она не успела написать родителям — нужно будет сделать это сразу же по приезде в Лондон. Все еще так неопределенно!"

Подбежал Ян, готовый отправиться в путешествие.

— Мамуля, а почему идет снег? Няня не хочет говорить. Наверное, она не знает...

— Да, но почему он белый?

— Мамуля, а куда мы едем? К дедушке? Чей там сундук на крыльце?..

"Ждать. Голова идет кругом от вчерашних и сегодняшних мыслей. Вдруг не удастся найти кэб? Сегодня ненастное утро — вполне можно застрять." Корделию охватила паника. Ждать можно только до одиннадцати двадцати. Если и к тому времени не будет кэба, придется закладывать экипаж Фергюсонов. Дурацкое малодушие не позволило ей этого сделать. Что с того, если бы и узнали о ее отъезде?

— Мамуля, я метнул снежок и попал в кошку, а она прыгнула и поскользнулась на льду. Вот потеха! А несколько больших мальчиков бросались снежками на площадке для крокета. Няня сказала, что они плохо воспитаны, потому что кричали нехорошие слова, но нужно их жалеть, потому что их не научили и у них нет башмаков и чулок...

Одиннадцать двадцать. Корделия резко поднялась. Ян изумленно посмотрел на мать.

— Идем, — сказала она.

— Куда, мамуля? В магазин за игрушками? Я видел одну чудесную пушку, она стреляет настоящими ядрами.

Она заглянула в его большие круглые глазенки — с огромной любовью, почти страстью. "Дай мне Бог мужества и ума, — подумала Корделия, — чтобы эта любовь никогда не превратилась в источник ненависти."

Они вышли из спальни.

— Не шуми, дорогой, хорошо? Не нужно беспокоить дедушку.

Приблизились к лестничной площадке. По лестнице медленно поднимался мистер Фергюсон. Корделия быстро втащила Яна обратно в спальню. Он начал протестовать, вырываться, но она успела захлопнуть дверь и теперь стояла, запыхавшись, и гадала: видел он их или нет? Скрип-скрип... Мистер Фергюсон прошел мимо.

— Мамуля, поиграем в прятки! Ну, пожалуйста! Закрой глаза, я скажу, когда будет готово.

— Не сейчас, родной. Посиди тихонько. Знаешь что? Давай играть в индейцев — как будто нам нужно выбраться из дома, чтобы не услышал дедушка.

— Да! Дедушка будет медведь — мы его боимся. Как мы играли с дядей Прайди. Мы индейцы, у нас луки со стрелами...

Она снова открыла дверь. Мистер Фергюсон закрылся у себя в спальне.

— Пора, — и они начали на цыпочках, точно заговорщики, спускаться вниз. Экипаж будет готов через десять минут. Что делать это время? Где укрыться? Пожалуй, безопаснее всего — на кухне...

Появилась Бетти.

— Подъехал кэб, мэм. Фарроу говорит, что долго не мог его найти.

— Спасибо. — Какое облегчение! Скорее, скорее в путь! — Идем, Ян. Мы едем вместе.

— Кэб за воротами, мэм. Кэбмен побоялся подъехать к дому: очень уж развезло дорожку.

— Ничего, так даже лучше. Бетти, подержите, пожалуйста, дверь.

— Дайте я помогу вам, мэм.

— Спасибо, он легкий.

— К обеду вернетесь, мэм?

Последняя ложь.

— Точно не знаю. Скажите миссис Мередит, чтобы на всякий случай нас не ждали.

Скорее прочь — по скользкой дорожке! Экипаж. Кэбмен в непромокаемом плаще. Лошадь цокает копытами; из ноздрей валит пар. Быстрый прощальный взгляд на крышу дома — в черных и белых пятнах слякоти; на тяжелые занавески и переплетения ветвей... а вдалеке — шум и лязг железной дороги.

Корделия глубоко вздохнула.

— На Лондонский вокзал.

* * *

Она сказала извозчику.

— Вот адрес. Это недалеко от Сохо-сквер.

— Сохо-сквер? Не сомневайтесь, леди. Знаю это место.

Корделия впервые в жизни очутилась в Лондоне. Еще не совсем стемнело; суета и уличное движение одновременно пугали и приятно волновали. Ян всю дорогу до Лондона проспал, и у нее было достаточно времени для размышлений. Постепенно волны ожидания и надежд на будущее поглотили мрачные воспоминания о прошедшем.

"Все, — думала она, — прошлое выброшено за борт, я начинаю новую жизнь. — Пролетка вклинилась в поток омнибусов, фургонов, повозок, колясок и ручных тележек. — Как когда-то... Нужно выбросить это из головы. Так же, как то, что когда-то я разбиралась в каменноугольном дегте и поставках леса из Пернамбуку. Забыть о старике, который контролировал каждый день моей жизни с тех пор, как я вышла замуж за его сына. А теперь он томится в своем доме... Ах, как искры летят из-под копыт; подморозило; а вон полисмен на углу; движение замерло, образовалась пробка — и снова можно ехать. Где-то в этом городе — Стивен; холодные, скучные люди твердили о его недостатках, и я утратила верную перспективу, ослепла, перестала воспринимать яркие краски жизни. Они запугали меня, заставили смириться с их унылым кодексом, их беспросветным образом жизни."

Надвигались ранние сумерки, когда пролетка свернула на тихую площадь; потом лошади зацокали переулком. Шарманщик на углу выводил незамысловатые мелодии; возле него собралась стайка ребятишек, привлеченных ужимками его обезьянки; на другом конце улицы продавали булочки. Внезапно в одной из мелодий Корделия узнала "Путевого обходчика".

Силы небесные! Сколько воспоминаний! Она даже не сразу сообразила, что пролетка остановилась возле неказистого домика и нужно выходить.

Напрасно стараюсь смотреть веселей —

Душа веселиться не хочет...

Горько-сладкие воспоминания о мюзик-холле, Стивене и теплом запахе сливочного масла в Нортендене; а потом — страшный пожар в

театре, запах горячей материи, давка... болезнь Брука. Изматывающий кашель, запретное лекарство, пар от овсяной каши, пляска теней на потолке... Лавина нахлынувших чувств ошеломила Корделию. Все это случилось не с ней, а с кем-то другим! Она смотрела на себя со стороны, но прошлое глубоко проникло в кровь, навсегда осталось в ее душе, как осложнение после тяжелой болезни. Только сейчас Корделия в полной мере осознала, как много ей пришлось выстрадать и как сильно она изменилась.

Дверь отворила женщина с цепким, однако дружелюбным взглядом и выговором кокни. Да, мистер Фергюсон здесь живет. Да, он у себя. Да, ему лучше. Его апартаменты на втором этаже. Она покажет дорогу.

Они поднялись на второй этаж. Корделия постучала. Прайди открыл дверь — одна рука скрючена. Он похудел, однако выглядел помолодевшим, хотя и опирался на трость.

— Дядя Прайди! — завопил Ян и повис у старика на шее.

— Боже милосердный, — сказал Прайди, хватая его в охапку. — А я-то как раз подумывал о горячих булочках.

* * *

Они поужинали и договорились, что Корделия с сыном переночуют у него — она так и надеялась, что он не откажет. Яна уже уложили, но он перебил себе сон в поезде и теперь никак не мог успокоиться. Дверь его спальни осталась открытой, и он то и дело изобретал новые предлоги, чтобы позвать кого-нибудь к себе. За ужином дядя Прайди пообещал сводить его завтра в зоопарк, а в среду в Тауэр. Они обменялись впечатлениями о поездах, мышах, воздушных шариках, солдатах, кораблях, булочках с глазурью и о том, как мастерить шляпы из бумаги.

Если бы Корделия была в состоянии это оценить, она не преминула бы отметить, что Лондон и успех его книги уже наложили на Прайди свой отпечаток. Он казался более уверенным в себе и менее агрессивным. Все такой же старый чудак, однако более добродушный. У него завелись хорошие костюмы и тонкое белье. Позднее цветение...

Когда Ян наконец утомился, Корделия во всех подробностях поведала о смерти Брука и о том, что случилось вчера вечером.

Какое-то время Прайди молча почесывал голову. Потом переменял позу.

— Проклятый ишиас! Ни с того, ни с сего — дикая боль в бедренной

кости. Просто зла не хватает. В такие минуты я извожу миссис Каудрей. Святая женщина! Великомученица! Если бы только не ее акцент! Интересно, этот сорванец уже спит? Мне пора кормить мышей.

Он с трудом поднялся и похромал в спальню, а через несколько минут появился снова — с неизменным бумажным кульком в руке.

— Возьмите конфетку.

— Спасибо.

— Жалко, что мой брат не мышь. От него могло бы получиться замечательное потомство. Великолепный экземпляр! Гомо наполеонус. Чертова латынь. Всегда и во всем первый. Даже в школе. А вот женился неудачно. Что его и погубило. Ему бы взять в жены ровню, чтобы умела постоять за себя. "Да, Фредерик... Нет, Фредерик..." Теперь я испытываю к нему жалость. В могилу не возьмешь больше шести футов фабрики.

— Мне тоже жаль его, — сказала Корделия.

— Я всегда говорил: нечего суетиться. Болезнь преклонного возраста. Вынь да положь им истину — раз и навсегда. Детский лепет. Только избавишься от одной догмы, тут же другая — прыг на ее место! Дайте нам доказательства! Элементарный эгоизм! Что человек ищет в религии? Свое бесценное "я". Докажите, что я буду жить после смерти! — Прайди прожевал пищу и многозначительно вздернул брови. — Всем нам хочется жить вечно — так или иначе. Мне тоже. Семьдесят лет — малость! Казалось бы, если Господь вдохнул в нас искру Божию, пусть самую наикрошечную, он не может дать ей угаснуть. Не могу сказать, что меня удовлетворяет такая версия, однако в ней есть что-то утешительное. Во всем есть промысел Божий. Эти вечные дебаты между Фредериком и Слейни-Смитом — куда они привели? Одного — под поезд, а другого — в нравственный тупик. Кто уверен в своей правоте — не спорит. Кто спорит — не уверен в своей правоте. Вы любили Брука?

Она взметнула удивленный взгляд и тотчас отвернулась.

— Не знаю. Не уверена.

— Брук был хороший парень. Когда он женился на Маргарет, я сказал себе: "Два сапога пара". Вы — совсем другое дело. Я сразу, как только увидел вас, сказал Фредерику: "Ты хочешь скрестить цветущий май с дождливым сентябрем". Ему это не понравилось.

— Брук всегда был добр ко мне. Великодушен и внимателен. Я была к нему очень привязана.

— У вас с собой то стихотворение, о котором вы говорили?

Корделия протянула ему смятые листки. Дядя Прайди прочел и некоторое время сидел молча, разглаживая их худыми, костлявыми руками.

— Не стоит его сейчас публиковать.

— Я рада, что вы того же мнения.

— Возможно, оно не лишено художественных достоинств, я не разбираюсь. Но очень зло, мстительно. Попробуйте через двадцать лет. Брук не постареет.

Снова молчание. Странная мысль. Брук не постареет... Прайди подвинул кулек.

— У меня полно ваших денег. Девяносто фунтов с лишним. Люди сошли с ума — разбирают мою книгу. Наверняка половина не читает.

— Прайди, мне не нужны деньги. Это ваша книга. Это был заем, а не помещение капитала.

— В следующем месяце я поеду домой в Манчестер. На некоторое время.

— В Гроув-Холл?

— Я задумал монографию о крысах. Там спокойнее, не так часто придется ездить по приемам. Да и климат лучше. В Лондоне слишком сухо. Немного сырости не повредит.

Он ненадолго задумался.

— Наверное, это к лучшему, — сказала Корделия. — Думаю, вам там будут рады.

По тому, как она построила фразу, можно было заключить, что сама она не собирается возвращаться, но Прайди никак не выразил своего отношения. Может быть, даже не заметил. Хотя с дядей Прайди никогда нельзя точно сказать, что он заметил, а что — нет. После этого разговора Корделии почему-то стало легче. Как будто что-то прояснилось, распутались какие-то узлы, которые она не могла одолеть в одиночку. Впервые после смерти Брука она почувствовала себя успокоенной.

Прайди сказал:

— Этот парень Гексли. Умнее, чем я думал. И Дарвин. По-прежнему не во всем с ним согласен. Полностью не согласен. Но у них есть свои сильные стороны. Здесь странный народ. Как раз вчера вечером... Впервые смог выйти на улицу после приступа... Это наш малыш?

— Нет, он спит.

— Странно... Я ходил в театр с человеком по имени Уилберфорс. Граф или кто. Прямо бред какой-то. Передо мной сидела дама с обнаженной спиной. Не оторваться. Во втором антракте, пока Уилберфорс протирает пенсне, я увидел у нее блоху. Естественно, раздавил.

— И что дальше?

— Вскрикнула. Как-то вяло. Ужасное оскорбление. Ее кавалер был

очень агрессивен. Я показал ему блоху. Объяснил. Обыкновенная "пулекс ирританс". Ноль внимания. Полное отсутствие чувства меры. Я попытался объяснить, что чуму в Лондоне главным образом переносили блохи и я действовал исключительно в интересах гигиены. По какой-то непонятной причине приняли за новое оскорбление. Чуть не полезли в драку, но тут, к счастью, поднялся занавес.

Корделия боролась с душившим ее смехом.

— Разве в Манчестере было бы не то же самое?

Он резонно возразил:

— В Манчестере она бы не явилась с голой спиной. Кстати, известно ли вам, что на этой самой улице чума унесла почти шесть тысяч жизней? Я сказал об этом миссис Каудрей. Она и не подумала огорчиться. Стойкая женщина.

Смех Корделии почти перешел в рыдание.

— Ох, Прайди!

— Возьмите еще конфетку.

— Я... не любила Брука. Никогда. Во всяком случае, так, как следует.

Вы знаете...

— Ну, это еще не трагедия.

— Я... любила другого... несколько лет. Вы догадывались?

— Терпеть не могу гадать — оставим это ученым. Уилберфорс никакой не ученый. Вам бы следовало с ним познакомиться. Он совсем пал духом.

— Прайди, я вот уже пять лет люблю Стивена Кроссли. Когда умер Брук, я не могла оставаться в Гроув-Холле с мистером Фергюсоном. Я приехала в Лондон, чтобы разыскать Стивена. Помогите мне, пожалуйста. Вы единственный, кто знает, где его искать.

Дядя Прайди потрещал пальцами.

— Если бы знал, то, конечно, помог бы вам, юная леди. Откуда мне знать? В Лондоне четыре миллиона жителей.

— Но вы же как-то встретились с ним на улице, и он пригласил вас в мюзик-холл. Вы писали, он там управляющий.

— Правда? О, это было много месяцев назад. Я так и не пошел. Это не для меня. Но он управляет еще двумя-тремя. Может, уже далеко отсюда.

— Понимаю. Да, я все понимаю. Что угодно могло случиться. Но это все-таки шанс. У меня такое чувство... Видите ли, Прайди, в последний раз, когда он заезжал в Гроув-Холл, я его не приняла, а перед тем порвала с ним. Всю неделю — после смерти Брука — я чувствовала, что мне нечем дышать, и поняла: нужно попытаться найти Стивена, увидеться,

объясниться и, может быть, что-то исправить. Эти годы... они для меня потеряны.

Прайди немного помолчал и спросил:

— Когда Брук был в Лондоне — перед тем, как в первый раз заболеть, — вы всю неделю встречались со Стивеном?

— Да.

Он покачал головой.

— Стоило посмотреть на вас по возвращении: нарцисс после бури. "Королевское варьете" здесь совсем недалеко. Наткнулся, когда искал памятник Нельсону. Хотите пойти?

Корделия вздрогнула.

— Прямо сейчас?

— Почему бы и нет? Еще нет девяти.

Оказавшись так близко от цели, Корделия вдруг испугалась; ей захотелось бежать. Слишком много для одного дня. Может быть, в среду. Но какой найти предлог? Нужно написать отцу с матерью... И потом...

— Хотите, я пойду с вами?

— О, если бы вы могли... Но...

— Я свободен и в четверг. Пользуйтесь. Завтра я иду к Уилберфорсу смотреть его кроликов. Он получил черного от двух белых. С кроликами не так интересно: меньше вариантов.

Почему бы и не сегодня?

— А Ян? — почти с надеждой спросила Корделия.

— Миссис Каудрей за ним присмотрит. Она привыкла ухаживать за моими мышами.

— Прайди, вы действительно собираетесь составить мне компанию?

— Если не помешаю.

— О, несколько! Если вы обещаете не брать с собой мышей.

В глазах дяди Прайди вспыхнули веселые огоньки.

— Пойду возьму галоши.

Глава VIII

Они доехали омнибусом до Чаринг-Кросс Роуд, сидя друг против друга на обитых синим плюшем сиденьях, в слабо освещенном газовой лампой салоне, трясясь и качаясь вместе с другими восемью пассажирами. Корделию подташнивало, но она убеждала себя, что это из-за тряски и духоты.

Наконец кондуктор открыл что-то вроде люка и объявил: "Чаринг-Кросс". Они вышли. Прайди сильно хромал.

— Идите с другой стороны, — попросил он, — а то я боюсь задеть вас тростью.

Они завернули за угол и пошли по Стрэнду. Над рекой клубился легкий туман; ярко горели уличные фонари. Магазины стояли с освещенными витринами, многие еще работали. Ларьки с апельсинами, табачные киоски, трактиры... На улицах было полно омнибусов, повозок и кэбов; привычно переругивались продавцы спичек и газет.

Они упорно протискивались сквозь толпу. Корделии было в диковинку видеть столько людей сразу. Босоногие мальчишки; иностранцы в длинных, свободного покроя пальто; размалеванные женщины; молодые девушки парочками, с крашеными желтыми волосами; элегантная театральная публика; завсегдатаи пивных; официанты; старики... Запахи, шум, суэта большого города... Все это угнетало Корделию, и она обрадовалась, когда они свернули в безлюдный переулок и вскоре вышли к ярко освещенному парадному. Театр был похож на старое "Варьете".

— Ну, вот мы и пришли, юная леди.

— Давайте зайдем как простые зрители, — предложила она. — Просто посмотрим представление. Оставим расспросы на потом.

"Неужели через каких-нибудь пять минут я увижу Стивена?"

Представление уже началось. Четыре девушки в черном трико и черных юбочках пели песенку о первой любви. Может быть, из-за того, что здесь не было балкона, помещение казалось меньше, уютнее; они сразу же окунулись в шум, духоту, потоки света. Вдоль одной стены тянулась стойка бара. Здесь было гораздо больше женщин, чем в подобных заведениях в Манчестере.

Им достался столик за колонной. Замечательно.

Дядя Прайди заметил:

— Мюзик-холл... Одно название. Кого может обмануть этот

металлический лязг? Музыкай здесь и не пахнет, — он прислонил к столику трость и попросил официанта: — Нет ли у вас лимонада? У меня ишиас. И немного шерри для леди. Я его что-то не вижу, Корделия, а вы?

Она растерянно озиралась по сторонам. Интерьер показался ей довольно убогим. Драпировка потрепана; некоторые столики в винных пятнах. В зале было сильно накурено. Ведущий оказался толстяком с зычным голосом и лицом в багровых пятнах. За его столиком оставалось несколько свободных мест.

— Он не всегда выходил в зал, — объяснила Корделия. — Подождем немного.

Прайди приподнял брови.

Девушки упорхнули, и начался балет — гвоздь сегодняшней программы. Гибкий танцовщик в тигровой шкуре носился по подмосткам среди девушек в пачках, время от времени наскакивая на колдунью со светящимся жезлом.

Официант принес ужин и шерри для Корделии.

— Лимонада нет, сэр. Могу предложить имбирное пиво. Надеюсь, это вас устроит?

— Этот бифштекс недожарен, — проворчал Прайди. — Скажите, мистер Кроссли, Стивен Кроссли, все еще здесь управляющий?

— Да, сэр. Но если вы хотите пожаловаться на качество пищи...

— Я говорю о мистере Кроссли. Он сегодня здесь?

— Полагаю, он вот-вот появится, сэр. Вчера его не было, потому что он был в "Золотом руне". Может быть, вы захотите поговорить с мистером Уорбертоном?

— Мне не нужен мистер Уорбертон. Если мистер Кроссли придет, он заглянет в зал?

— Думаю, да. Он всегда так поступает, — официант сгибался и разгибался над их столиком.

Прайди вооружился ножом и вилкой.

— Секрет приготовления бифштекса, — брюзжал он, — заключается в том, что с ним нужно обращаться, как с проштрафившимся супругом — хорошенько колотить скалкой. Пожалеешь скалку — испортишь блюдо.

Балет подошел к концу. Добродетель восторжествовала. Это была новая и весьма популярная постановка. Ведущий тщетно пытался утихомирить расходившуюся публику.

— Взгляните, — с туго набитым ртом произнес Прайди, — до чего же люди нерационально используют свои способности. Эти фрески на стенах. Подделка под древние, выкопанные из земли в Египте. Хотите в греческом

стиле — привезите из Греции. Зачем громоздить дешевые псевдохрустальные колонны, которые могут оттолкнуть любого здравомыслящего человека? Вы совсем не едите, юная леди? Не так давно у вас был отменный аппетит.

— Потому и не ем, — ответила она, но, конечно, дело было совсем не в этом.

— С тех пор, как мы вошли, вон тот тип в углу не спускает с вас глаз. Должно быть, он принял меня за старого сатира.

— Не обращайтесь внимания.

— Битый час крутит себе усы. Здесь их носят даже длиннее, чем у нас в Манчестере. У моего друга Уилберфорса самые длинные усы в Лондоне. Как солома, которой набивают матрасы, — Прайди помахал вилкой. — Позвольте вам сказать, у миссис Каудрей весьма жесткие матрасы. Оно, конечно, пустяки, просто мы избаловались у себя в Гроув-Холле. У Фредерика тяжелый характер, но надо отдать ему должное — он знает толк в хорошей мягкой постели.

Корделия положила ему на руку свою ладонь. В зал кое-кто вошел.

Она узнала Стивена сразу, как только увидела его макушку в сутолоке у входной двери. Он направлялся в зал. Что-то в посадке его головы, развороте плеч разбудило в ней прежние чувства и воспоминания; она, забыв про вуалетку, опустила голову, боясь быть узнанной прежде, чем будет готова без страха и смущения встретиться с ним.

Когда Корделия подняла глаза, он был уже в центре зала, рядом с высокой молодой женщиной в зеленом.

Прайди сказал:

— Не думайте обо мне, если решите подойти. Я доем ваш бифштекс.

Они сели рядом с ведущим. Тот радостно приветствовал босса и его спутницу. Официант отодвинул для них стулья. Ведущий наклонился и начал что-то говорить о танцовщиках, которые как раз исполняли шуточный танец. Принесли напитки. Официант дал Стивену закурить. Они с молодой женщиной принялись обсуждать меню — их головы почти соприкасались. Женщина в эффектном зеленом платье то и дело вскидывала голову, отбрасывая назад непокорные пряди. Должно быть, ей было лет двадцать восемь, тридцать.

— Он пополнил, — заметил Прайди. — Не может быть, чтобы от здешних бифштексов. Может, нам следовало заказать котлеты?

Иногда не обязательно слышать, чтобы понять, о чем говорят люди. Говорила в основном спутница Стивена — делала замечания о танцовщиках, декорациях, немного жестикулировала. Он слушал более чем

внимательно. Корделии было знакомо это выражение.

— Та самая девушка, — сказал Прайди.

— Что вы имеете в виду?

— Она была с ним, когда мы встретились на улице.

— Много месяцев назад? Вы не упоминали.

— Не пришло в голову. Откуда мне было знать, что вас это интересует? Возможно, они просто друзья.

— Леди и джентльмены! — хриплым жизнерадостным голосом возвестил ведущий. — Леди и джентльмены! Мне выпала честь объявить вам, что по специальной заявке...

Девушка чокнулась со Стивеном и выпила вино. Во внезапно наступившей тишине послышался ее легкий, хриловатый, слегка загадочный смех. Она повернулась, чтобы что-то сказать официанту, и Корделия смогла рассмотреть ее лицо. Молочно-белая кожа, высокие скулы, прямые черные брови; уголки чувственных губ слегка изогнуты книзу. Не красавица, но обворожительна. В ней есть что-то кошачье...

На сцену вышел человек в черном, с повязкой на одном глазу, и хриплым басом запел под аккомпанемент оркестра:

*Мое имя — Сэм Холл, трубочист, трубочист,
Да, Сом Холл, трубочист...*

Специальная заявка. Ееспециальная заявка? В Манчестере исполняли "Хозяин лежит в земле сырой..."

Певец потуже подтянул ремень, потер щетину на подбородке и злорадным взглядом обвел зал.

*Мой хозяин учил меня лгать, да, лгать.
Он учил меня лгать.
Мой хозяин учил меня лгать,
Хоть и знал, что мне несдобровать,
И повесят меня
Среди белого дня...
Мой хозяин учил меня лгать!*

Стивен смотрел не на сцену, а на молодую женщину рядом с собой. Все вокруг словно поддались гипнозу. Официанты перестали бегать между

столиками. Не звякали ножи и вилки. Что-то злое, порочное разлилось в воздухе.

*Значит, скоро предстану я пред палачом,
Все на свете ему нипочем.
Спорь не спорь, плачь не плачь,
А придет мой палач,
И закончится все палачом!*

"Скорее уйти отсюда, — подумала Корделия. — Пока он меня не заметил."

Внезапная овация взорвала тишину. Певец с тем же зловецким видом принял аплодисменты. Они никак не стихали. Ведущий вопросительно посмотрел на Стивена, а тот — на свою даму. Она сделала отрицательный жест головой. Ведущий дал знак опустить занавес.

— Леди и джентльмены! — начал он объявлять следующий номер.

— Прайди, пожалуй, нам пора, — шепнула Корделия. — Я зайду завтра утром, сегодня он занят.

— Странная песня. Род гипноза, — откликнулся старик. — Из этого человека вышел бы недурной проповедник. Не спешите с выводами, юная леди. Подойдите к нему, поздоровайтесь — посмотрите, что он скажет.

— Нет, ни за что. Прайди, я не делаю поспешных выводов. Просто не хочу ставить его в неловкое положение. Я приду завтра, обещаю вам.

— Вы обещаете! А вдруг он куда-нибудь уедет? — Прайди поискал свою трость. — Как вы думаете, что будет, если я ткну палкой в этого типа? Он все еще пялится.

— Ни в коем случае! Оплатите, пожалуйста, счет и попробуем улизнуть.

На сцену вышел великан никак не меньше девяти футов ростом и затянул шуточную песенку. Его то и дело перебивал карлик. Скоро у них дело дошло до потасовки. Девушка в зеленом, не обращая внимания на сцену, болтала со Стивеном. Он казался совершенно очарованным ее темпераментом.

Раздался хохот — это карлик выхватил карманный нож и отсек великану голову. Корделия встала и под шумок, не оборачиваясь, устремилась к выходу. Никто не обратил внимания. Все хохотали и хлопали в ладоши. Отрубленная голова продолжала как ни в чем не бывало петь свою песенку, а ее хозяин тузил карлика.

Давая официанту чаевые, Прайди поинтересовался:

— Кто эта дама, с мистером Кроссли? Вы ее знаете?

— Конечно, сэр. Это мисс Фреда Джеральд, актриса, — официант бросил взгляд на серебро у себя на ладони и счел возможным добавить: — Из театра Гаррика, сэр. Во всяком случае, еще недавно там работала.

— Она часто здесь бывает?

— С мистером Кроссли? Да, сэр. Довольно часто.

Они вышли на улицу. С реки тянулись клубы тумана, в котором тонули уличные огни. Какой-то моряк бранился с проституткой; пахло супом. Скулили нищие.

— Я вот думаю: что такое ложь? — разглагольствовал Прайди. — "Мой хозяин учил меня лгать..." Должно быть, имеется в виду обман. Лицемерие, надувательство. Обыкновенное жульничество. Что-нибудь в этом роде. Как вам хочется — пройтись пешком или взять кэб?

— Лучше кэб, — ответила Корделия.

Глава IX

«А теперь — полная беспристрастность. Нужно смотреть правде в глаза. Чего ты ожидала: что он будет вечно сторониться женщин — ради хрупкой надежды вернуть тебя? Или что он закахнет? Сопьется?»

Будь честной: в этой ли конкретной женщине дело? Ее кошачья прелесть возникла из ниоткуда, грозно заслонила будущее. Фреда Джеральд. Так ли это важно? Абстрактный звук. Безликое имя. Кошачья грация, загадочность, эффектное платье, гордая посадка головы. И Стивен. "Дорогая, неужели ты думала, что я буду все эти годы хранить верность?"

Корделия всю ночь металась, моля о наступлении нового дня и страшая его. Струсить, убежать и потом всю жизнь презирать себя — или встретиться с ним и все выяснить, сдержать данное Прайди слово?

В тяжелом полусне она видела Стивена в мюзик-холле с девушкой в зеленом. Кто-то прошептал: "Знаете, кто это? Это Маргарет!" То ей снилось, будто дядя Прайди читает лекцию Гексли, то из забытья выплывал декламирующий стихи Брук, то уверовавший Слейни-Смит, то разуверившийся мистер Фергюсон. Сон и явь переплелись; стало трудно различать, где кончается вымысел и начинаются парадоксы самой жизни.

Утром Корделия особенно тщательно выбирала наряд. Вчера одной из причин ее бегства явилось то, что она не сняла после дороги траур. Вся в черном, она потерялась бы перед броской зеленью платья мисс Джеральд. Что бы ни было, она должна быть во всеоружии своей красоты.

По случайному совпадению, одно из привезенных ею с собой платьев также оказалось зеленым, цвета незрелого яблока, с нижней юбкой в клетку, тесным лифом и кружевами на вороте и на запястьях. Она надела к нему другую шляпку, небольшой серый ток из перьев с зеленой лентой. Дядя Прайди при виде Корделии дернул себя за бороду.

За завтраком договорились, что он отвезет Яна в зоопарк.

— Встретимся за обедом, — сказала Корделия. — К тому времени я вернусь. Так или иначе, постараюсь вернуться к часу.

Туман рассеялся. В утреннем свете Лондон показался ей совсем другим. На улицах по-прежнему было сильное движение; на тротуарах толкались прохожие; из них, по меньшей мере, четвертую часть составляли иностранцы. Не то чтобы она не привыкла к незнакомым запахам, незнакомому выговору, непривычной одежде — просто Корделия и сама чувствовала себя иностранкой.

Она немного прошлась пешком, чтобы успокоиться и взять себя в руки, а затем наняла пролетку. Лошади резко понеслись вперед, обгоняя не только пешеходов, но и омнибусы.

На широком крыльце "Королевского варьете" в этот ранний час было безлюдно. Улица выглядела довольно-таки невзрачной. В доме напротив женщина вывешивала на балконе белье для просушки. Может, театр закрыт, а Стивен находится совсем в другом месте? Она расплатилась с извозчиком. Осторожно потянула стеклянную дверь. Та мигом подалась.

Внутри было темно и тихо. Пахло сигаретным дымом, пылью и выдохшимся пивом. Вдалеке скребли пол. Корделия направилась на этот звук и подошла к неширокой лестнице.

— Прошу прощения...

Звук прекратился.

— Чего?

— Я прошу прощения. Внизу никого не было...

— Что вам угодно?

Перед ней на коленях стояла уборщица.

— Я ищу мистера Стивена Кроссли. Вы не знаете, он сейчас здесь?

— Ошиблись лестницей, сударыня. Это сразу за входной дверью — лестница слева. Вам назначено?

— Э... нет. Но я думаю, он меня примет.

— Идемте, я вас проведу, — старуха тяжело поднялась с колен, вытерла о фартук руки и одернула юбку. На Корделию пахнуло джином и карболовым мылом.

Стивен здесь! Несколько ступенек вниз. Пересечь фойе. Теперь несколько ступенек вверх. Здесь уже светлее. Стеклянная дверь. Тук-тук.

— Да?

— Леди к мистеру Кроссли.

Вышел немолодой клерк с блестящими, зачесанными набок волосами.

— Вам назначено, мисс?

— Нет. Доложите о миссис Фергюсон.

— Хорошо, мадам.

Ну вот. О Господи! Мужские голоса. Клерк пропустил вперед своего босса. Стивен!

— Корделия!

Он стоял в дверях. Чужие, незнакомые глаза потеплели, зажглись изнутри.

— Корделия, вот не ожидал!

Она вдруг совершенно успокоилась — слава Богу! — и улыбнулась.

— Вот, решила заглянуть на несколько минут.

— Я чуть не принял тебя за привидение. Правда. Входи. Ну входи же! Что ты делаешь в Лондоне? Прошло столько лет!

Он взял ее руки в свои, заглянул в глаза. Напрасно она искала в его словах и взгляде фальшь — ее не было. Да, он немного пополнел. Но все то же обаяние, а в ясных карих глазах все так же играет жизнь.

— Приехала ненадолго. Вот и решила повидаться.

— Ну разумеется. Я не простил бы тебе, если бы ты не сделала этого. Идем со мной.

Он ввел ее в свой кабинет, затворил дверь и прислонился к ней спиной.

— Ради всего святого, наконец-то ты приехала! Как хорошо! Сколько мы не виделись — пять, шесть лет? Ты не отвечала на мои письма и не вышла ко мне, когда я заехал. Я был бесконечно несчастлив!

В прошедшем времени — "был".

— Я почему-то думала, что ты вернешься в Америку.

— Я и собирался. Но потом передумал. Вот так устроен мир... — он подошел к столу. — Хочешь выпить?

— Нет, спасибо.

— Прошу тебя! Это предохраняет от простуды.

Предохраняет от простуды.

— Хорошо.

Минутное молчание. Звук сифона. Нужно что-то сказать... Стивен вернулся к столу.

— За тебя, милая, — он не забыл, что она предпочитает шерри.

Они выпили.

— Да! — произнес Стивен и вздохнул.

— Что "да"?

— Ты по-прежнему прекрасна. Гораздо красивее, чем сохранила моя память. Я думал, ты изменилась.

Корделия улыбнулась.

— Прошло всего пять лет.

— Да, но... Ладно, к чему все это? Ты не изменилась, вот что главное.

Они поговорили еще несколько минут, осторожно подбирая слова. Он спросил, как она нашла его.

— Брук с тобой?

— ...Нет.

Стивен закурил сигару.

— Не могу сказать, чтобы я жалел об этом. Простая условность...

Он посмотрел на нее сквозь табачный дымок. Глаза сверкнули.

— Ты еще долго пробудешь в Лондоне?

— Завтра уезжаю.

— Мимолетный визит?

— Да.

— Может быть, удержишься?

— Нет, мне нужно ехать.

Его голос стал немного мягче.

— После того последнего визита в ваш дом я был совсем убит. Прошел все круги ада. Ревность, гнев... Я говорил себе: пусть уходит, я ее ненавижу! Уеду опять в Америку. Но это оказалось нелегко. Нельзя полюбить или разлюбить по приказу. Я долго не мог забыть тебя.

— Но потом все-таки забыл?

— Неужели на это похоже? Мне так и не удалось выбросить тебя из головы. Ты знаешь, ты единственная женщина в моей жизни, которая имеет значение.

Она поспешила увести разговор в сторону.

— Дядя Прайди теперь знаменит. Они здесь подняли такой шум, даже поговаривают о присуждении ему почетной степени какого-то университета. Стивен, хочу надеяться, что я тебе не помешала. У тебя работа. Просто мне захотелось зайти — в память о прошлом, — она сама чувствовала, что фальшивит.

Он улыбнулся — совсем как прежде.

— А почему не ради будущего?

Корделия отвернулась, но он взял ее за локоть и заставил повернуться к нему.

— Неужели ты действительно проделала такой длинный путь, чтобы завтра уехать?

— Ты хотел бы, чтобы это было не так?

— Конечно.

Они посмотрели друг другу в глаза. Как легко утонуть, раствориться в его глазах! Неожиданно Стивен наклонился, чтобы поцеловать ее.

Хорошо. Корделия подставила ему теплые, податливые губы — как тогда. Он привлек ее к себе; в нем загорелась страсть.

Она положила руки ему на плечи, и он ослабил объятие, немного отстранился от нее.

— О моя жизнь, душа моя — ты прекрасна. Я никогда не встречал никого прекраснее.

Странное чувство — словно они опять на поле боя. Холодная голова и горячее сердце. Триумф и поражение.

— Раз уж ты здесь, — сказал Стивен, — ты должна задержаться хотя бы на несколько дней.

— Мне нужно ехать.

— Это невозможно!

— Однако нужно.

Стивен впился в Корделию страстным взглядом.

— Чем ты занимался все эти годы? — спросила она. — Развелся?

— Конечно. Я же тебе говорил.

— А с тех пор?..

— О... Я много работал. И думал о тебе.

— А твоя жена?

— Вирджиния? — он слегка насупился. — С ней все в порядке. Все так же живет на Мейда-Вейл. Слушай, Корделия, ты же знаешь: она для меня ничего не значит.

— Я знаю.

Во взгляде Стивена мелькнуло удивление.

— Ну вот и хорошо. Одним препятствием меньше. Еще шерри?

Она отказалась, понимая, что ей понадобится вся выдержка, вся ясность ума.

Он плеснул себе еще. О чем он думает? Что у него на сердце?

На столе стояло зеркало, и Корделия вдруг заметила, что он наблюдает за ее отражением. Она опустила глаза. Он тоже пытался угадать, что творится у нее на душе и почему она зашла. Несмотря на физическое влечение, ожившее в Стивене и никогда не умиравшее в ней самой, они оставались чужаками, разделенными пятью годами разлуки.

— Дорогая, — проникновенно сказал Стивен, — это нужно отметить. Мне бы очень хотелось провести с тобой весь день. Но меня ждет работа. Если бы я мог бросить...

Работу?

— Нет-нет, прошу тебя, не надо. Я обещала дяде Прайди приехать к обеду. Правда, Стивен, спасибо.

Но его энтузиазм превозмог колебания.

— Ты раньше бывала в Лондоне? Отлично. Просто замечательно. Подожди, пожалуйста, я отдам кое-какие распоряжения. Это займет пять-десять минут.

Она запротестовала, хотя и не слишком энергично. То, что привело ее сюда, слишком важно, чтобы откладывать. Можно послать записку. Стивен вышел. Корделия осталась смотреть в узкое окно.

Он вернулся. Все уже улажено. Велел заложить коляску. Сегодня

отличный денек — для этого времени года. До обеда они немного покатаются. Потом он повезет ее в один из лучших ресторанов. А потом... Решат, когда придет время. К сожалению, вечером он будет занят. Но до тех пор... Он не отпустит ее в Манчестер, прежде чем они не развлекутся по-королевски. Он заставил ее выпить второй бокал шерри, надел клетчатое пальто и шелковый шарф с монограммой; слуга доложил, что карета подана. Это была такая же "виктория", на какой он разъезжал в Манчестере. Вид коляски разбудил в Корделии массу горько-сладких воспоминаний.

Они поехали вдоль набережной в Челси, и он все говорил, все уговаривал. Неужели не понимал, что воспоминания таили в себе не только радость?

Его рука забралась к ней в муфту — теплая, сильная, с длинными пальцами.

Один раз, удивленный ее односложными ответами, он повернулся и в упор посмотрел на нее.

— Ты совсем притихла, дорогая. О чем ты думаешь?

— Слушаю тебя.

— Не правда ли, это было прекрасно? Каждая минута — даже боль и страх перед разоблачением. Даже вмешательство Мэссингтона. И пожар, и болезнь Брука, и недоразумение с Вирджинией. Мы заплатили за это непомерно высокую цену. Может быть, пришло время обрести утерянное счастье?

— Возможно ли это? Я хочу сказать, если счастье возвращается, разве оно может быть прежним?

Он замолчал, бросил взгляд на проезжавший мимо экипаж — роскошнее его собственного — и неохотно вернулся к ее вопросу.

— Может быть, и нет, если прошло слишком много времени. Но если всего пять лет... ты сама сказала... Когда я видел тебя в Уэльсе — кажется, это было в январе шестьдесят восьмого года? Нет, шестьдесят девятого. Значит, прошло не более четырех лет. Ты нисколько не изменилась, только стала чуточку взрослее и еще больше похорошела. Я тоже не изменился, правда?

— ...Да, кажется, мало.

— Значит, все в порядке. Вот я сижу рядом с тобой, и мне кажется, что мы вчера вот так же катались в Манчестере. А ты — все помнишь?

— Да, — ответила Корделия. — Все.

Они сделали круг и вернулись через Гайд-парк, проехали мимо церкви Сент-Джеймса и Пиккадилли, но на полпути Стивен резко постучал кучеру

"Нет-нет, не сюда, я же говорил!"

Наконец они остановились возле маленького, но роскошного ресторанчика — с мягким, как свежескошенная трава, ковром, дорогими пурпурными порттьерами и интимным освещением в нишах, где стояли столики. Оказалось, что Стивен знаком с метрдотелем — тому не потребовалось подсказка, он тотчас прикатил столик на колесиках с устрицами, шампанским и прочими лакомствами.

Под действием шампанского Стивен стал еще разговорчивее — он рассказал ей о себе, о театре, которым управлял в Нью-Йорке, и о репертуаре театра в Бостоне. Это был дальновидный шаг со стороны отца — предложить ему такую работу. Он многому научился, а кое отчего отказался. Одно время он намеревался вернуться в Америку, но потом... Он резко остановился и, чтобы скрыть смущение, подозвал официанта и попросил принести портвейн.

Корделия вспомнила:

— Ты хотел повысить художественный уровень мюзик-холла?

— Отец немного этим занимается. А сам я, честно говоря, утратил интерес — с тех пор, как уехал из Манчестера. Может быть, это была иллюзия. Может быть, и невозможно изменить — и в то же время сохранить лицо мюзик-холла.

— Наверное, ты прав.

— Ты серьезно? — удивился Стивен.

Какой-то человек в кричащем костюме и с галстуком-бабочкой, завидев Стивена, направился было к нему, но, когда в поле его зрения оказалась Корделия, резко свернул в сторону.

— Извини, — Стивен встал и сам пошел к нему. У того оказался очень громкий голос, и до Корделии долетали обрывки разговора: "Управляющий говорит... С ней невозможно спорить... Это же его племянник, которому они задолжали кругленькую сумму..." На пальце этого человека ярко блестел золотой перстень с сапфиром.

Стивен вернулся к Корделии, откашлялся и с минуту провожал взглядом своего недавнего собеседника; затем снова переключил внимание на Корделию. Гладкий переход.

— У тебя много друзей в Лондоне? — поинтересовалась она.

— Да. Но я скучаю по старым друзьям. И по тебе, — он отпил немного вина и посерьезнел. — Друзей много, но на свете только одна Делия. Если бы ты могла понять, что я пережил за все эти годы. Но — вряд ли. Видно, Брук значил для тебя больше, чем ты думала. Разве не в этом дело?

— Да, я тоже не думала, что он для меня столько значит.

— Ну что ж, вы остались вместе. А я вот один. Некоторые способны пережить новую любовь, а я — нет. Даже в Америке. Я был страшно несчастен, безмерно одинок и не находил покоя. Но ты вернулась. Не могу поверить, что только из любопытства... или из жалости.

— Нет, — подтвердила она. — Это не так, — и вдруг подняла на него глаза.

Стивен улыбнулся, как будто затем, чтобы скрыть свои чувства. "Я все помню", — сказал его взгляд.

— Почему ты должна завтра ехать?

Вместо ответа Корделия попросила:

— Расскажи мне о своих друзьях. Мне все интересно.

Он уклонился.

— Прайди постоянно здесь живет?

— В настоящее время — да. Ты часто бываешь в этом ресторане?

— Ты не могла бы придумать какой-нибудь предлог, чтобы задержаться? Здесь очень весело. Я покажу тебе все, что ты захочешь увидеть: рестораны, театры, оперу... В Лондоне не соскучишься, если знать места. Я буду твоим гидом.

Она скользила рассеянным взглядом по всему залу.

— Ты такая загадочная. Раньше я всегда мог сказать, о чем ты думаешь. Все читал по глазам.

Она улыбнулась.

— Я повзрослела, Стивен. Оба мы стали старше.

— Когда ты отказалась принять меня после несчастья со Слейни-Смитом, — медленно, с трудом заговорил он, — я не знал, что предпринять, и поехал к Роберту Берчу.

— Да?

— От него я узнал о твоём ребенке. Мне и в голову не приходило. На какой-то безумный миг я вообразил, будто он мой. А когда понял, что это не так, страшно расстроился. И уехал с твердым намерением забыть тебя.

Если бы он не смотрел в сторону, то заметил бы странный мягкий блеск в глазах Корделии. Она чуть не открыла ему тайну, которую так долго скрывала.

— И тогда ты решил возненавидеть меня?

— Да. Но у меня не получилось.

Она опустила голову.

— Послушай, — произнес Стивен. — Не думай, что у меня кто-то есть. Ты же меня знаешь. Я все еще люблю тебя и стану твердить тебе об этом каждый день, который ты согласишься провести в Лондоне. Большого

я не могу сказать.

— Да, Стивен, — тихо ответила она. — Большого ты сказать не можешь.

Официант принес портвейн. Плеснул немного Корделии, немного — Стивену.

— Выдержки шестьдесят восьмого года, сэр. Как в прошлый раз.

— Хорошо, — он подождал, пока официант отойдет. — За нас, любимая.

Они чокнулись и выпили. Стивен налил еще.

— Выпьем кофе и поедем. Покажу тебе, где я живу. Там сейчас никого нет. Человек, который мне прислуживает, живет в цокольном этаже и не поднимается без вызова. Разожжем камин. Тихо выпьем чаю. Заваришь его, хорошо? Я докажу, что не только люблю тебя до сих пор, но что мы еще можем быть счастливы, что в нас живет страсть. Ты забудешь эти четыре года, своего сынишку, дядю Прайди, Брука... Обещаю! Любимая, ты так хороша, так дорога мне! Поедем?

Она спросила:

— А потом? Если я уйду от Брука?

Он несколько секунд изучал ее лицо. Все сомнения отступили, у него разыгралось воображение.

— Тем лучше. Мы поедем в Америку. Я все устрою. Дай мне всего один месяц.

— А у тебя... нет обязательств перед другими женщинами?

— Я же сказал. Почему ты сомневаешься?

— Но ты занят сегодня вечером...

— Это деловая встреча. Очень важная. Но если хочешь, я отменю ее. Как скажешь.

Их взгляды встретились.

— Я действительно так много для тебя значу? — спросила она.

Глава X

Прайди и Ян посетили зоопарк. Посмотрели на леопардов, обезьян и аллигаторов, покормили морских львов и покатались на верблюде. Дома их ждала записка от Корделии. Прайди прочел и сказал мальчику:

— Мама немного задерживается. Куда бы нам еще сходить?

— В зоопарк! Пожалуйста, дядя!

Они вернулись и на этот раз посмотрели серпентарий, яму с белым медведем, домик для млекопитающих и вольеру с попугаями. Здесь Прайди попал в передрагу из-за какаду и зрителя, но главным образом из-за какаду, потому что он попытался вытащить перо, которое посчитал выпавшим.

Когда они снова приехали домой, Корделия еще не возвращалась. Ян устал от ходьбы и от впечатлений и после чая позволил Прайди с миссис Каудрей общими усилиями уложить его в постель. Потом старик похромал к своему другу Уилберфорсу — предупредить, что не сможет прийти вечером, чтобы полюбоваться кроликами. Однако не удержался и бросил на них взгляд, а потом уже никак не мог оторваться, так что домой он вернулся только в половине десятого. Миссис Каудрей принесла ему на ужин ветчину и вернулась к себе, вязать носки для своего сына-матроса. Нет, она не кормила мышей, с чего он взял? Нет, миссис Фергюсон не приходила. Поразительно, как люди забывают о своих обязанностях. Нет, ребенок не просыпался, иначе она сразу прибежала бы. Да, он может заварить чай, раз уж приспичило.

Прайди заварил чай и собрался подняться с чайником наверх, но хозяйка отложила вязанье и буркнула: "Давайте, я сама", а Прайди с тросточкой двинулся за ней.

Прежде всего нужно было покормить его маленьких друзей и рассказать им о кроликах. Потом Прайди понаблюдал за спящим Яном и наконец налил себе чаю, снял неудобную обувь и сел к камину.

Вошла Корделия.

Она несколько секунд постояла в дверях. На лбу у Прайди образовались складки; горячий чай окутал паром лицо.

— Голод не тетка, — сказал он. — Вы как раз к ужину. Увы, как раз ужин у миссис Каудрей получается хуже всего.

Корделия села напротив него — как-то бочком, очень робко — и принялась стягивать перчатки. Расшпилила шляпку.

— Ох, Прайди...

Он знай себе потягивал чай.

— Мы весь день не вылезали из зоопарка. Посмотрели все, что только можно.

Глаза Корделии наполнились слезами. Она пыталась удержать их, но тщетно — слишком давно они копились. Она закрыла лицо руками.

— Ну-ну, успокойтесь, — сказал дядя Прайди. — Съешьте немного ветчины.

Корделия безуспешно боролась с собой. Прайди поставил свою чашку.

— Ну, это уж совсем ни к чему, вышла на денек повидаться с милым, а пришла — и устроила тут потоп. Что случилось?

Казалось, Корделия не слышала. Прайди встревожился: она вся тряслась от рыданий. Он встал, поскреб в затылке и попробовал прикрикнуть на нее. Потом для разнообразия почесал затылок у нее. Направился было звать на помощь миссис Каудрей, да передумал. Вернулся, налил Корделии чаю и протянул ей чашку. Она как раз решила воспользоваться его занятостью, чтобы улизнуть в свою комнату, неловко повернулась и выбила чашку у него из рук.

Этот маленький инцидент моментально привел ее в чувство. Маятник качнулся в сторону душевного равновесия. Бормоча извинения, Корделия встала на колени и помогла Прайди навести порядок.

Он стал утешать ее: чашка разбилась, зато ему удалось удержать блюдце. Он где-то слышал, будто чай — замечательное средство для чистки ковров. Однажды в Гроув-Холле он пролил чай на размытое пятно — эффект был поразителен: пятно стало напоминать по форме хризантему.

— Мне очень жаль, — произнесла Корделия. — Я никак не могла взять себя в руки. Я в таком отчаянии, сроду не было так плохо. Мне хочется умереть.

— Чепуха, — проворчал Прайди. — В вашем возрасте не призывают смерть. Идите умойтесь, это поможет вам успокоиться.

— Я ужасно себя чувствую, должно быть, и выгляжу так же. Я чувствую себя, как тетя Тиш.

— Где-то тут у меня была запасная чашка. А, вспомнил. Я насыпал в нее чечевицу.

Прайди вышел. Корделия с трудом поднялась и пошла в ванную умыться и привести себя в порядок. Когда она вернулась, Прайди уже освободил чашку и сидел себе, попивая чай. Корделия опустила в кресло и в последний раз шмыгнула носом.

— У Уилберфорса совершенно замечательные кролики, — сообщил

Прайди. — Толстенные и такие плодовые! Одна самка приносит в год сорок два малыша. Это ужасно!

— Да, Прайди, это было ужасно, — сказала Корделия.

— Еще бы. Если они все выживут, через четыре года получится миллион кроликов от одной особи. Давайте, я познакомлю вас с Уилберфорсом.

— Я сразу нашла Стивена в театре. Мы... поехали кататься по городу.

— Угу, — крикнул Прайди и подвинул ей тарелку. — Возьмите салата.

— Не могу есть, — с надломом в голосе пожаловалась она.

— Может, вам лучше прилечь? Потом расскажете.

— Хотите послушать?

Он в замешательстве помахал ножом.

— Расскажите мне. Выговоритесь. Только потом не жалейте: мол, зря я старому хрычу все рассказала!

— Нет, я не стану жалеть. Единственное, о чем я жалею, что не рассказала вам раньше, много лет назад. Мне всегда было не с кем поделиться. Рядом не было человека, которого бы это не шокировало.

— Ну, меня не так легко шокировать. Я скрещиваю мышей.

Корделия чуть не засмеялась, но ее удержал страх, что смех перейдет в истерику. Сейчас ее мысли прояснились. Пусть так будет и впредь.

— В какой-то степени я поступила нечестно, скрыв от него то, что я случайно узнала. Но он должен был первым упомянуть о ней, потому что это важно, это было так заметно... Пускай бы он сказал: "Корделия, я полюбил другую" или даже: "Я помолвлен или женат" — если бы он только честно сказал... — она начала заламывать руки. — Но он не сделал ничего подобного.

Прайди уминал ветчину.

— Не знаю, может быть, я была самонадеянна или слепа... Меня с самого начала насторожили некоторые вещи. В то же время было и что-то другое — теплое, великодушное, порывистое... то, что я в нем любила. Мне показалось, что я все еще нужна ему... я не говорю о любви, страсти... по-человечески необходима. Но, если даже это когда-то и было правдой... все изменилось. Что бы ни было пять лет назад... теперь уже поздно.

— Продолжайте.

Она посмотрела невидящим взглядом на бархатную скатерть с вышитыми по центру цветами.

— Я поняла — к концу обеда, — что могу вернуть его. Наверное, мне следовало чувствовать себя польщенной — ведь та женщина

обворожительна. Но я растерялась. Что-то мешало радоваться. У меня не было уверенности в том, что я ему действительно необходима. Из наших отношений ушло что-то очень важное.

— Если оно там когда-нибудь было.

— Если оно когда-нибудь было... Сама не знаю.

— Как он отреагировал на смерть Брука?

— Я не сказала. Не смогла. Если бы он узнал, сразу догадался бы, зачем я приехала в Лондон, почему захотела встретиться. Я решила, что вправе утаить — раз он скрывает от меня ту девушку. Но постепенно мне становилось все труднее держать это при себе...

Прайди перестал жевать; его лицо расплылось в ободряющей улыбке.

— Он... хотел, чтобы мы поехали к нему домой. И вот, перед тем, как выйти из ресторана, после того, как он наобещал мне золотые горы, я вдруг почувствовала, что больше не могу, и спросила: "А как же Фреда Джеральд?" Он был ошарашен. И очень обиделся. Когда я рассказала, откуда я знаю о ней, обвинил меня в том, что я вела нечестную игру. Начал оправдываться, куда только делась вся нежность, вся наша близость... Временами мы как будто говорили на разных языках. Он делал ложные умозаключения, извинялся совсем не за то, что нужно. Конечно, вчера вечером я испытала ревность. Но как я могла его осуждать? Ведь я даже не обещала, что мы когда-нибудь увидимся. Он не мог всю жизнь избегать женщин. Все, что мне было нужно — искренность и доверие. Когда я это сказала, он вконец разозлился и заявил: как он мог быть откровенен, когда у нас уже был печальный опыт с Вирджинией? Мол, в первый же раз, когда я увидела его с другой, я порвала наши отношения — на целых пять лет! Я ответила: будь он честен, я бы никогда не оставила его — никогда!

Ее голос сник. Трудно объяснить постороннему человеку. В пересказе все выглядит так мелко, так банально. По прошествии стольких лет все свелось к заурядной перебранке из-за ревности. Имя другой женщины все опошло, заслонило истинные мотивы. Может быть, по его вине. Может, ничего другого и быть не могло. Настоящие причины лежали гораздо глубже и были так же фундаментальны, как те, что разделяли Брука и его отца.

— Вскоре после этого мы расстались.

— Вы его все еще любите?

— Не знаю. В настоящий момент я чувствую себя излечившейся. Мне даже противно. Я как будто проснулась после кошмарного сна, полная свежих сил. Но, возможно, через два-три дня — или сегодня вечером — все начнется сначала. Пять лет я жила одной-единственной мечтой... И вдруг

все ушло.

— Где же вы были так долго?

— Бродила по городу. Заблудилась. Мне было все равно.

— Глупышка. Совсем как Брук, — Прайди положил нож и вилку и глубоко вздохнул. Обвел взглядом стол. — Миссис Каудрей вечно жадничает, когда речь идет об ужине. Мне не хватает сытных ужинов у нас дома.

Корделия спрятала лицо в ладонях.

— Прайди, что мне делать?

— Что вам делать? Но это же очевидно!

— Как? — после короткой паузы спросила она. — И что же?

— О нет, не мое дело давать советы. Вы все равно им не последуете.

Так всегда бывает — пустое сотрясение воздуха.

— Но что можно сделать?

Он поплелся, хромая, в свою спальню и вернулся со знакомым бумажным кульком.

— Угощайтесь.

Корделия машинально пошарила в кулке.

— Спасибо.

Это было мудро придумано. Вряд ли у человека разобьется сердце, пока он сосет леденец. Прайди сказал:

— Мистер Гладстон пристрастился к чаю. Иногда по утрам выдувает целое блюдо. Хорошо бы вы остались до субботы: вечером придет Уилберфорс.

— Я не могу здесь вечно оставаться.

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— Идеальный возраст.

— Для чего?

— Послушайте, — сказал он. — Вам нужен мой совет или нет?

— Ну конечно же, Прайди. Я как будто заблудилась и уже не надеюсь когда-либо отыскать дорогу.

— Прекрасно. Вам двадцать шесть лет, и вы приехали в Лондон соединиться с любовником, так?

— Правильно.

— Вы пришли ко мне. Я всего лишь невежественный старикан и сужу о подобных вещах как невежда — с точки зрения здравого смысла. Но я не сказал вам: Корделия, вы совершаете глупость, бросаясь на этого человека. Не правда ли?

Она покачала головой.

— Я не сказал: смотрите, что вы делаете! Стоило избавиться от одного неудачного брака, чтобы тотчас очертя голову кинуться в другой! Почему я этого не сказал? Потому что знал: вы не примете мой совет. Кроме того — не мне устраивать вашу жизнь. Люди должны сами за себя решать. Вот в чем вина Фредерика: он пытался вмешиваться в чужую жизнь. Когда меня подмывает вмешаться, я говорю себе: Бог не вмешивается. А я что — умнее Бога? Возьмите еще конфетку.

— Нет, спасибо.

— Но вы просите моего совета, и я даю вам его. Возвращайтесь в Гроув-Холл.

Она изумленно уставилась на него.

— Нет, это невозможно.

— Пока еще нет ничего невозможного. Заберите с собой сына. Ваше место — там. Не такое уж плохое место. Вам не следовало покидать его.

— Нет, — через силу выдавила Корделия. — Я не смогу. Я туда не вернусь.

Прайди, хромая, подошел к огню. Он опять возбужденно что-то жевал.

— Вам двадцать шесть. Но вы гораздо старше — в душе. Вы знаете цену деньгам. Не правда ли?

— О да. Я отдаю себе отчет, от чего отказываюсь.

— От ста тысяч фунтов. Если округлить, то примерно так и получится. Дом, фабрики и Бог знает что еще. Опять же, мои деньги и деньги Тиш — хотя мы не можем ими пользоваться. И деньги Фредерика. Все это перейдет к вам. Вы — богатая наследница, даже несмотря на то, что жизнь дорожает.

Корделия сказала:

— Я все это знаю, но не вернусь, чтобы жить под каблуком у мистера Фергюсона. Брук всю жизнь прожил узником.

— Чушь-чепуха! Вы никогда не были под каблуком у Фредерика. Брук — может быть, и мы с Тиш, и слуга. Только не вы.

— Уверяю вас...

— Вы ошибаетесь. Разве вам неизвестно, что он на вас не надышится? Особенно после того, как вы подарили ему внука? Вы умеете находить общий язык. У вас одинаковый склад ума — хотя вы по-разному им пользуетесь. Вы когда-нибудь думали об этом?

— Не представляю, о чем вы говорите.

— А почему, как вы думаете, он уступал вам во всем, что касалось воспитания Яна?

— Он не уступал.

— Уступал — в самых важных вопросах. Вспомните коляску. Холодные ванны. Позволение не есть за общим столом, за исключением воскресенья.

— Но я тоже во многом уступала!

— Почему он разрешал вам сколько угодно навещать родных? Почему возвел новую теплицу там, где захотелось вам? А прошлогодний отдых? А почему он сделал вас с Бруком компаньонами? Потому что ему легко с вами работается. Он знает: вы умница и способны возразить ему, когда уверены в своей правоте. А! — Прайди сел. — Опять треклятый ишиас напоминает о себе!

Какое-то время оба молчали. Потом Прайди продолжал:

— Вы сказали, что иногда у вас было такое чувство, словно вы со Стивеном разговаривали на разных языках. Ну, так я вам скажу! Вы говорите на одном языке с Фредериком! Это не означает, что у вас одинаковая натура. Но когда вы считаете нужным возразить ему, вы это делаете, и он понимает свою ошибку. Мы, люди, иногда сходим с ума, воображаем невесть что. "Под каблуком у Фредерика!" Что за нонсенс? Это он через год-другой оказался бы у вас под каблуком — если бы вы поставили перед собой такую цель.

Корделия отняла руки от лица.

— Нет, Прайди. Все совсем не так. И, между прочим, я вовсе не расположена вести постоянную борьбу. На это ушли бы все мои силы. А мне пришлось бы бороться — из-за Яна! Я в первую очередь думаю о нем. Видеть, как из него вырастает второй Брук — трусливый, приниженный, слабый... Вот почему я не вернусь в Гроув-Холл!

— Новая глупость! Полный абсурд! А даже если и так — можно потерпеть годик, другой. Он того стоит. Деньги кое-что значат в нашей жизни. Сколько, вы думаете, Фредерику лет? Мне самому через несколько недель семьдесят два — ужас! Ему только семьдесят. Конечно, он может еще жить и жить. Но с каждым годом он будет становиться слабее, а вы — сильнее. Через пять лет вы завладеете всем имуществом Фергюсонов. Яну к тому времени будет девять лет. Фредерик не успеет причинить ему слишком много зла.

Корделия усмехнулась.

— Вы заставляете меня чувствовать себя крестьянкой, рассчитывающей, кто, когда умрет да кому, что достанется.

Он подергал себя за бородку.

— Мне следовало быть умнее. Ведь я уже давным-давно зарекся спорить с женщинами. Думал, вы не такая, как другие. Ни логики. Ни

постоянства. Отлично! Идите, утопитесь в Темзе. Вот это по-женски! Это понятно!

— Простите, — сказала Корделия, вставая. — Я понимаю, что вы хотите мне добра, но...

— Ладно, — произнес Прайди. — Такие аргументы на вас не действуют. Корысть, думаете вы. Грубый расчет. Тогда послушайте другие. Вам двадцать шесть лет. Самый подходящий возраст. Вы хороши собой и будете хороши собой еще лет пятнадцать. А в ближайшие пять-десять лет вы даже станете еще красивее. Я знаю этот тип. Пусть я старый чудак, но я не всегда занимался одними мышами. Вы только что потеряли мужа и поругались с возлюбленным. Ваше сердце разбито. Так вам кажется. Мне вас жаль. Но неужели вам ни разу не приходило в голову, что в Англии и Уэльсе живут двадцать два миллиона холостяков и, может быть, среди них найдется такой, в которого вы сможете влюбиться? И что, обладая значительным жизненным опытом и став взыскательнее, вы сможете выбрать такого, который не был бы ни слабаком, ни прощельгой. Люди не рождаются мудрецами — они приобретают опыт, и если повезет — вовремя. Вы не бедняжка с разбитым сердцем — нет, вам повезло, потому что вы многое пережили и — надеюсь — поняли. И все еще молоды. Хватит жалеть себя, работайте головой!

— Я не жалею себя! — возмутилась Корделия.

— У Фредерика тяжелый характер. Кому, как не мне, это знать. Но его нельзя мазать одной черной краской. В случае с Бруком все не так просто. Разве Фредерик виноват, что у Брука было слабое здоровье? И я не уверен, что их последняя ссора произошла исключительно по вине Фредерика. Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что в мире нет черного и белого, а есть множество оттенков серого. Фредерик деспотичен, сентиментален, самодоволен, немного ханжа — помните Пекснифа из "Мартина Чезлвита" Диккенса? В то же время он образован, исповедует прогрессивные взгляды, является филантропом, не лишен мужества и своеобразной цельности. Так или иначе, слезами горю не поможешь. Брука не вернешь. Вы должны думать о себе. Вы спросили моего совета. Так вот, я говорю: возвращайтесь в Гроув-Холл. Сочините для Фредерика какую угодно историю: скажем, Стивен женился...

— Он ничего не знает о Стивене.

— Тем более. Он не станет особенно разбираться — будет на седьмом небе оттого, что вы вернулись. Возвращайтесь и постарайтесь забыть прошлое: и Брука, и Стивена за компанию. А заодно и все обиды на Фредерика. Я сам накопил их немало, да чуть ли не все и подрастерял. Если

вы посмотрите на него непредубежденными глазами, то увидите, что не так уж он непробиваем, а, наоборот, трогателен. Думайте о будущем. Вам ведь нравилось заправлять фабрикой, не отрицайте...

— Я и не отрицаю.

— Не бросайтесь очертя голову в первый же подвернувшийся брак. У вас должно хватить ума не посвятить всю себя фабрике, как Фредерик. Наслаждайтесь жизнью. Ездите в Лондон, когда заблагорассудится. Захотите — поезжайте за границу. Дайте сыну хорошее образование. Запомните три главных принципа: первое — привейте ему широту взглядов; второе — пусть он знает цену деньгам; и третье — воспитайте его в скромности, — Прайди сделал небольшую паузу и пошуршал в кульке. — Если Яну и угрожает опасность, то она исходит от вас.

— От меня?

— Да. Держите его на некотором расстоянии. Чтобы он мог свободно дышать. Думаю, у вас получится. Вы же умница. Но все равно следите за собой.

— Прайди, я просто ошарашена. Возможно, вы и правы — что касается Яна...

— Дело не в том, что кто-то прав, а в том, что все это — требования здравого смысла. Человек должен работать головой! Вот... Ну как, ничего не годится?

Корделия не ответила.

— Что вы предпочитаете? Биться бараном о каменную стену: "Не буду учиться! Не буду, не буду учиться! Бах!" — или думать своей головой?

Корделия робко тронула его за рукав.

— Простите, Прайди. Я, должно быть, кажусь вам упрямой. Но, боюсь, это мне не под силу. Не думаю, что я решусь вернуться.

Глава XI

Утренний поезд из Лондона опаздывал на десять минут. Наконец он на всех парах прибыл на Лондонский вокзал, и из вагона первого класса вышли белокурая молодая женщина в трауре и маленький мальчик. У женщины был больной, измученный вид.

Носильщик подхватил единственный сундучок, и Корделия позволила Яну подтащить себя поближе к паровозу — полюбоваться чудовищными колесами. Потом они направились к выходу.

День стоял теплый, но пасмурный. Вечерело. Ломовые лошади с громадными, выбивающими искры подковами, тащили груженные подводы. Женщины в деревянных башмаках торопились домой, держа в руках плетеные корзинки: какой-то мальчик спал в телеге на соломе; на гору карабкался омнибус. Совсем как дома.

Они сели в кэб; Корделия расплатилась с носильщиком. Мимо, торопясь на поезд, пробежали две женщины. Кэбмен щелкнул кнутом, и лошади неторопливой рысью двинулись вниз с холма.

Корделия думала: "Вот я и вернулась. Не потому, что Прайди велел, совсем не потому".

И все-таки в его словах было много правды.

За два полных отчаяния дня она воскресила в памяти и обдумала каждое сказанное Стивеном слово, каждый жест. Фреда Джеральд не причем. Она — симптом, а не причина. Окончательный разрыв в любом случае был неизбежен, это ясно.

Всего пять дней назад, торопясь в Лондон, она считала, что косность и узкие горизонты Гроув-Холла помешали ей оценить по достоинству великолепие жизни со Стивеном. Теперь она поняла, что, если эти узкие горизонты, эти скучные каноны и можно в чем-то упрекнуть, так в том, что они давали ей повод заблуждаться.

А потом подступали воспоминания и вновь, и вновь нашептывали: ведь это тот самый человек, который...

Как быть?

Противоречивые мысли и чувства раздирали ее на части.

Все могло быть хорошо — тогда, пять лет назад, если бы они уехали вдвоем, если бы Стивен остался прежним...

А теперь уже поздно... слишком поздно.

Или она не приняла в расчет что-то новое в собственных взглядах,

свою новую зрелость, новые критерии, новый опыт, которые, обладай она ими в ту пору, задушили бы эту страсть в зародыше?

Этого она не знала и уже никогда не узнает.

Цок-цок, цок-цок, все ближе к дому.

Корделия думала: "Я возвращаюсь не ради себя самой. Но все, что Прайди говорил о Яне, — правда". Она возвращается, чтобы принять вызов. Принять бразды правления, когда они выпадут из слабеющих рук Фредерика Фергюсона. Заняться домом, фабриками, новыми домами для рабочих, заботиться о своем благополучии и благополучии сына.

Возможно, в настроении Фредерика Фергюсона уже произошли перемены. Он, разумеется, оправится от своего поражения, выкарабкается из бездны, снова усвоит диктаторские замашки, старые претензии. Будущее, как и прошлое, чревато конфликтами.

Но временами — было бы нечестно это отрицать — они смогут слаженно работать вместе, как не раз случалось в прошлом.

Сегодня перед рассветом Корделии вдруг пришло в голову, что, если бы не Фредерик Фергюсон с его проектами, она так и осталась бы ученицей, а затем помощницей модистки, вышла замуж за ремесленника и унесла бы с собой в могилу все задатки, все нераскрытые способности.

И еще ей пришло в голову, что, если бы какой-нибудь циник наблюдал за этим этапом ее жизни со стороны, с присущей циникам беспристрастностью, он мог бы предположить, что на самом деле решающими для нее были не отношения со Стивеном или Бруком, как бы ни были они ей дороги и чего бы она ни выстрадала из-за них, а ее отношения с Фредериком Фергюсоном, развивающиеся подспудно, на заднем плане, незаметно для окружающих и для нее самой.

"Знакомые улицы, знакомые пейзажи, знакомые запахи. Вот и деревья, и раскисшие тропинки... и Гроув-Холл.

Что подумали бы обо мне люди, если бы знали? Сочли расчетливой, корыстолюбивой? Или ханжой? Или распутницей?

Может быть, и то, и другое, и третье. Я была верной и неверной...

Не стремилась владеть собственностью, однако возвращаюсь, чтобы завладеть ею...

Никто, даже Прайди, не знает всей правды, только я сама, а мне не кажется, что я была такой.

Но, с другой стороны, разве я могу беспристрастно судить — ведь я сама находилась в центре всех этих событий.

Значит, нужно просто жить, как все живут, до конца моих дней. Отдаваться всем ветрам, которые прошумят сквозь мою жизнь. А подмогой

мне станет только собственный разум, собственная терпимость.

Я одинока. Значит, нужно молить Бога, чтобы он даровал мне здравый смысл и способность к пониманию. А еще — трезвость суждений, терпение и веру."

Корделия посмотрела на прикорнувшего у нее на плече сына. Из-под шапочки выбились светлые кудри. Да, она одинока, если не считать Яна, которого она поведет по жизни, не слишком натягивая поводки, влияя без гнета, любя, ничего не требуя взамен. Прайди назвал ее наследницей, однако в действительности Ян — настоящий наследник. Ян Фергюсон. Кажется, она уже смирилась с этим парадоксом.

* * *

Кэб свернул и остановился у ворот Гроув-Холла. Здесь все было по-прежнему. Смеркалось. Пахло древесным углем. Где-то вдалеке кричали занятые игрой дети — словно птицы.

Корделия спустилась на землю и помогла сойти ошалевшему от сна Яну. Позвонила.

Холлоуз открыл дверь.

Словно ничего не произошло, просто она ездила на прогулку.

— Добрый вечер, мадам, — он взял у кэбмена сундучок.

Пока Корделия расплачивалась, Ян сонно побрел в дом. Она медленно последовала за ним. Хотя она совсем недолго отсутствовала, ее ошеломил родной запах дома; нахлынули воспоминания. У нее закружилась голова.

В холле никого не было.

Она сняла муфту.

Холлоуз запер дверь и понес сундучок наверх. Она прокашлялась.

— Мистер Фергюсон... у себя в кабинете?

Холлоуз остановился.

— Нет, мадам. Он в спальне. Ему уже несколько дней нездоровится.

— Нездоровится?

— Да, мадам.

У Корделии даже не было сил притворяться.

— Господи. Я не знала. Что с ним?

— Должно быть, его свалило горе, мадам. Такая тяжелая утрата.

С минуту она не находила слов. Холлоуз ждал.

— Где мисс Фергюсон?

— У себя, мадам. Еще рано спускаться к чаю.

— Да, конечно. Я и забыла.

Поняв, что она больше не собирается говорить, Холлоуз продолжил свой путь наверх.

Корделия проводила его взглядом и вслед за Яном вошла в гостиную.

Пусто.

В камине пылает огонь. Фортепьяно Брука.

Облегчение. И одновременно страшное одиночество. Корделия начала медленно расстегивать пальто. Ян побежал в угол — взять какую-то свою любимую книжку. Бетти не стерла пыль с часов.

Знакомые вещи, старые друзья, приветствовали ее возвращение. Где-нибудь здесь должно быть незаконченное рукоделие, недочитанная книга. "О Стивен! Вот и кончилась наша сказка — теперь уже навсегда." К глазам подступили слезы, и Корделия смахнула их рукой. Да, это настоящий конец. Не осталось ни малейшей надежды. Сердце грозило разорваться от боли. Легко сказать — вернуться, но где-то в глубине души она все еще любила его. Не так, как прежде. Жалко, что рядом нет Прайди, с его логикой и неотразимыми аргументами. Если бы ей хватило мужества, она бы сейчас снова убежала вместе с Яном — куда угодно, лишь бы подальше от этого огромного, угрюмого дома, с лавиной воспоминаний, тайными взлетами и падениями ее духа, ее жизни.

Корделия в отчаянии, почти в панике, оглянулась кругом. Если бы можно было чем-нибудь занять руки, ум — какой-нибудь простой, будничной работой! Что делать?

Холлоуз начал спускаться по лестнице. Нужно сейчас же идти наверх, вместе с Яном, пока у нее хватает духу. Она обернулась.

— Ян, ты мне нужен. Пойдем, поздороваемся с дедушкой.

На лестничной площадке она на мгновение замерла. Может, сначала зайти к себе? Нет. Мужайся, Корделия. Сейчас или никогда. Она подошла к двери и постучала. Оттуда послышалось:

— Войдите.

Он сидел у огня и даже не обернулся. В просторном черном халате он казался бесформенной глыбой, над которой возвышалась величественная голова с седой шевелюрой.

— Что там такое?

Корделия прокашлялась и вдруг поняла, что в комнате еще кто-то есть. У окна стоял Роберт Берч. Поэтому она отвлеклась и пропустила первый взгляд мистера Фергюсона. Когда же она снова повернулась к нему, он медленно вставал, держась за кресло. Их взгляды встретились. В комнате

было полутемно, но она видела, как у него ходят желваки.

— Мы вас не ждали, — почти без всякого выражения.

— Да. Я не предупредила...

Не глядя, она чувствовала на себе дружелюбный взгляд Роберта, выразивший радость... нечто большее, чем радость...

— Вы больны?

— А, пустяки, пройдет, — старик бросил на нее пронизательный взгляд. — Вы поэтому вернулись?

— Нет. Я не знала...

Ей показалось, что он удовлетворенно кивнул. Роберт сказал:

— Это нервный шок. Ничего серьезного. Просто ему нужно отдохнуть и успокоиться.

— Дедушка, — Ян отпустил юбку матери. — Дядя Прайди водил меня в зоопарк. Я видел паровоз с десятью колесами!

Мистер Фергюсон неуверенно посмотрел на малыша.

— С десятью колесами?

Ян еще что-то сонно лепетал. Корделия взглянула на Роберта. В его глазах также мелькнула неуверенность. Он понизил голос.

— Я здесь уже давно. Это самое меньшее, что я мог сделать. Вы вернулись... насовсем?

— Не знаю, — несчастным голосом ответила Корделия. — Может быть... на какое-то время...

— Корделия...

— Да?

— Позвольте мне первому сказать вам: добро пожаловать!

— Спасибо, Роберт.

Она вспыхнула, охваченная нежданым теплом, во власти смешанных чувств, слабости, готовая разрыдаться. Потом бросила взгляд на мистера Фергюсона и увидела, что он не слушает Яна. Знакомый стальной блеск в глазах, но без прежней агрессивности...

— Что вы сказали?

— Вы прочли мою записку?

— Да.

— Я подумала, — сказала Корделия. — Кажется, я была права. Если можно, я хотела бы остаться... хотя бы на время...

С минуту он вглядывался в нее, словно пытаясь разобраться в противоречивых мотивах, импульсах, которые овладели ею и в которых она никогда не признается. Он опустил руку на голову внука и погладил ее.

Потом вдруг резко протянул руку — одним из своих старых

царственных жестов:

— Тогда и мне позвольте сказать: добро пожаловать домой!

Table of Contents

[Уинстон Грэхем Корделия](#)

[ПРОЛОГ](#)

[КНИГА I](#)

[Глава I](#)

[Глава II](#)

[Глава III](#)

[Глава IV](#)

[Глава V](#)

[Глава VI](#)

[Глава VII](#)

[Глава VIII](#)

[КНИГА II](#)

[Глава I](#)

[Глава II](#)

[Глава III](#)

[Глава IV](#)

[Глава V](#)

[Глава VI](#)

[Глава VII](#)

[Глава VIII](#)

[Глава IX](#)

[Глава X](#)

[Глава XI](#)

[Глава XII](#)

[Глава XIII](#)

[Глава XIV](#)

[Глава XV](#)

[Глава XVI](#)

[Глава XVII](#)

[Глава XVIII](#)

[Глава XIX](#)

[Глава XX](#)

[Глава XXI](#)

[Глава XXII](#)

[Глава XXIII](#)

[Глава XXIV](#)

[КНИГА III](#)

[Глава I](#)

[Глава II](#)

[Глава III](#)

[Глава IV](#)

[Глава V](#)

[Глава VI](#)

[Глава VII](#)

[Глава VIII](#)

[КНИГА IV](#)

[Глава I](#)

[Глава II](#)

[Глава III](#)

[Глава IV](#)

[Глава V](#)

[Глава VI](#)

[Глава VII](#)

[Глава VIII](#)

[Глава IX](#)

[Глава X](#)

[Глава XI](#)